A-2 2/13
Bd. 1

A 2 9/13

Д2 9/13

ВЕЛИКАЯ РОССІЯ

Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ

КНИГА ПЕРВАЯ

329

А 2 9/13

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

МОСКВА, КУДРИНСКАЯ САДОВАЯ, ДОМЪ № 6, КВ. № 6.

A 2 9/13

ТИПОГРАФІЯ П. П. РЯБУШИНСКАГО.
МОСКВА.

Цѣна 1 р. 50 к.

ВЕЛИКАЯ РОССІЯ

Сборникъ статей
по военнымъ и общественнымъ
вопросамъ

КНИГА ПЕРВАЯ

7329

МОСКВА
Редакторъ-издатель В. П. Рябушинскій

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКІЙ
№ 1638
5/IV 1931 г.
БИБЛІОТЕКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
ОТЪ РЕДАКЦІИ.		V
ПРЕДИСЛОВІЕ.		VII
* * *	Міросозерцаніе народа и духъ арміи.	1
Кн. Г. Н. ТРУБЕЦКОЙ.	Россія какъ великая держава	21
БРУТЪ.	Казенное возсозданіе флота.	139
Я.	На новый путь.	177
Л. М. БОЛХОВИТИНОВЪ.	Россія на Дальнемъ Востокѣ	195
Л. М. БОЛХОВИТИНОВЪ.	Колонизаторы Дальняго Востока	217
Н. Л. КРЖИЖАНОВСКІЙ.	Развитіе и роль подводнаго флота при современныхъ условіяхъ войны.	237

26-го октября скончался Александръ Алексѣевичъ Тимофеевъ.

Покойнымъ была совершена большая часть работы по редактированію первой книги настоящаго сборника. Редакція не исполнила бы своего долга передъ Александромъ Алексѣевичемъ, если бы не пожелала ему тихаго и безмятежнаго сна въ родной землѣ, которую онъ такъ горячо любилъ.

Редакція.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская жизнь наполнена всякими предразсудками. Особенно ихъ много въ области идей, регулирующихъ отношеніе общества къ арміи и обратно. Обыкновенно на тѣхъ одиночныхъ людей изъ общества, которые интересовались военнымъ дѣломъ, смотрѣли, мягко выражаясь, какъ на чудаковъ. Лишь въ послѣдніе годы стало нарождаться стремленіе поближе познакомиться съ арміей, ея жизнью, а также съ тѣмъ дѣломъ, которому она служитъ. Съ другой стороны, то предубѣжденіе и тѣ насмѣшки, съ которыми раньше въ военной средѣ встрѣчалось всякое проявленіе интереса къ арміи со стороны штатскихъ, начинаютъ изчезать. Очевидно, въ русской идейной жизни возникаетъ новая потребность. Обслуживать ее является цѣлью настоящаго сборника. Военные вопросы будутъ въ немъ обсуждаться въ той связи, которую они имѣютъ съ другими сторонами жизни нашего отечества. Мы думаемъ, что только такое разсмотрѣніе можетъ привести къ правильному рѣшенію военныхъ проблемъ нашей родины. Намѣтивъ эту общую цѣль, редакція въ преслѣдованіи ея не будетъ держаться въ рамкахъ узкихъ тенденцій. Главная задача—постановка вопросовъ и ихъ разработка. Сама сложность и неопредѣленность того положенія, въ которомъ Россія сейчасъ находится, того переходнаго времени, которое она переживаетъ, часто исключаетъ возможность единодушія даже по важнымъ вопросамъ. Поэтому во многихъ случаяхъ между отдѣльными статьями могутъ быть противорѣчія, въ нихъ могутъ быть высказаны несогласныя точки зрѣнія. Но есть нѣчто, что красной чертой проходитъ черезъ весь сборникъ. Это—любовь къ родинѣ, арміи и культурѣ. Въ основаніи всякаго патріотизма лежитъ привязанность къ родной культурѣ. Подъ ней, особо для каждаго народа, нужно подразумѣвать всю совокупность его идей, религіозныхъ, философскихъ и другихъ, а также свойственныхъ ему навыковъ воли;—однимъ словомъ, народную душу и ея внѣшнія проявленія. Послѣд-

ними являются обычаи, памятники искусства, произведенія промышленности и т. д. Отрицательныя стороны русской жизни убили у значительной части русской интеллигенціи само чувство патріотизма или, по крайней мѣрѣ, сильно ослабили его. Это несправедливо; если Россія не хороша, то намъ нужно ее любить не меньше, а больше, потому что упадокъ родины—вина наша и отцовъ нашихъ. Другая часть русскаго общества, группа немногочисленная, но вліятельная, упорно называетъ плохое хорошимъ и считаетъ себя патріотами. Главный ихъ недостатокъ въ томъ, что заявляя о своей любви къ родной культурѣ, они не любятъ культуры вообще; образецъ своего патріотизма эти люди думаютъ найти въ Москвѣ 17 столѣтія. Они забываютъ, что фигура русскаго 20 столѣтія, гражданина Россійской Имперіи, слишкомъ крупна, чтобы на нее можно было напялить идейный кафтанъ москвича 17 столѣтія. Теперешній патріотизмъ долженъ быть и шире и сложнѣе; къ московскому патріотизму 17 столѣтія онъ долженъ относиться такъ, какъ послѣдній относится къ удѣльнымъ патріотизмамъ тверскимъ, рязанскимъ и другимъ 13, 14 и 15 столѣтій. Любовь къ родинѣ влечетъ за собой и любовь къ арміи. Причина не только та, что въ войскѣ видятъ щитъ своей независимости. Есть цѣлыя стороны и области культуры, особенно волевой, а также моральной и физической, — развитію которыхъ служитъ атмосфера арміи. Воля, рѣшительность, самоотверженіе, физическое здоровье — особенно же гармонія ума и воли—вотъ что дѣлаетъ хорошаго воина. Когда какой-нибудь народъ начинаетъ разлагаться, то матеріальная и умственная культура его еще можетъ держаться столѣтіями,—первыми начинаютъ шататься волевые и моральные устои. Это сейчасъ же отражается на арміи—и она быстро начинаетъ портиться; — у помирающихъ народовъ всегда дрянное войско. Въ свою очередь, упадокъ военнаго дѣла въ странѣ—грозный признакъ: часто это начало конца. Но развитіе одной моральной культуры храбрости, самоотверженія, честности, безъ матеріальной и умственной, военнаго могущества не создаетъ; для этого требуется гармоничное развитіе культуры вообще во всей ея цѣлости и совокупности. Поэтому подъемъ военной мощи Россіи неразрывно связанъ съ ея общимъ культурнымъ процвѣтаніемъ.

Декабрь 1910. В. П. Рябушинскій.

Міросозерцаніе народа и духъ арміи.

Арміи нашего времени, комплектуемыя на началахъ обще-обязательной воинской повинности, съ короткими сроками дѣйствительной службы и относительно слабыми кадрами, давно уже утратили прежній характеръ замкнутой военной касты и обратились въ ополченія гражданъ, лишь временно оторванныхъ отъ обычныхъ, мирныхъ занятій. Вслѣдствіе этого духъ арміи не является чѣмъ-то самостоятельнымъ, какъ это бывало прежде, а зависитъ главнымъ образомъ отъ міросозерцанія того народа, изъ состава котораго она вышла.

Проведемъ въ этомъ отношеніи параллель между Японіей и Россіей.

I.

Феодальный періодъ исторіи, наполненный междоусобными войнами, просуществовалъ въ Японіи до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда теперешній микадо Мутсу-Хито, воспользовавшись національнымъ негодованіемъ противъ начавшагося вмѣшательства европейцевъ, положилъ ему конецъ, создавъ цѣльное, твердо сплоченное государство. Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности, японское военное дворянство — «самураи» почти поголовно вступило въ ряды новой арміи, занявъ въ ней должности не только офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ и принеся съ собою свой кодексъ рыцарскихъ правилъ, такъ называемое «Бу-ши-до», сущность коего заключается въ трехъ словахъ—патріотизмъ, храбрость и честь. По словамъ знатоковъ Японіи, вся она «стала страною самураевъ».

Въ 1889 году Японская имперія получила конституцію и съ того времени быстро обратилась въ государство съ всеобщей грамотностью, свободной печатью, прекрасными путями сообщенія, оживленной торговлей, развитою промышленностью и т. п.

Однако, усвоивъ положительныя стороны европейской культуры, японцы не поддались ея разслабляющему вліянію, а сохранили въ неприкосновенности суровое, воинственное міровоззрѣніе недавнихъ феодальныхъ временъ. Благодаря этому въ японской арміи получилось столь рѣдко встрѣчающееся въ исторіи сочетаніе усовершенствованной техники и высокаго воинскаго духа.

Уже въ семьѣ молодому японцу прививаютъ безграничную, самоотверженную любовь къ отечеству и уваженіе къ военнымъ доблестямъ, которыя ставятся выше всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей. Этотъ принципъ лежитъ въ основѣ всего дальнѣйшаго воспитанія, начиная съ народной школы и кончая университетомъ. «Нѣтъ цвѣтка краше вишни, нѣтъ человѣка лучше воина»—говоритъ Японская пословица. Патріотизмъ есть истинная религія японцевъ. Интересы личности и семьи всецѣло приносятся въ жертву интересамъ государства. «Японцы для Японіи»—вотъ общій лозунгъ. Въ какой мѣрѣ японцы отождествляютъ свои частные интересы съ интересами отечества показываетъ слѣдующій фактъ: когда въ 1895 году вмѣшательство европейскихъ державъ заставило Японію отказаться отъ главныхъ плодовъ ея побѣды надъ Китаемъ, сорокъ три японскихъ офицера лишили себя жизни, заявивъ, что они не въ силахъ вынести униженія своего отечества.

Армія, какъ самое яркое олицетвореніе государственной идеи, пользуется въ Японіи чрезвычайной популярностью. По этому поводу наша недавно вышедшая офиціальная исторія Русско-Японской войны говоритъ: «Въ войсковые ряды рвалась вся японская молодежь. Призывъ молодого японца въ солдаты справлялся въ его семьѣ какъ праздникъ. Были случаи, когда матери убивали себя только изъ за того, что ихъ сыновья оказывались по слабости здоровья непринятыми въ армію».

Параллельно съ патріотическимъ воспитаніемъ японецъ начинаетъ съ дѣтства обучаться военному дѣлу.

Народная школа, куда дѣти поступаютъ шести лѣтъ отъ роду, имѣетъ два курса — младшій четырехлѣтній и старшій двухлѣтній; на первомъ занимаются только гимнастикой, а на второмъ сверхъ того — 3 раза въ недѣлю первоначальными военными упражненіями безъ оружія. Продолжительность курса средней школы—пять лѣтъ, при чемъ въ ней кромѣ гимнастики происходятъ 3 раза въ недѣлю фронтовыя занятія, состоящія изъ одиночнаго, взводнаго и ротнаго ученій, а также практики въ командованіи. Наконецъ, въ высшей школѣ, курсъ коей четырехлѣтній, помимо гимнастическихъ упражне-

ній, посвящаютъ 6 часовъ въ недѣлю фехтованію на ружьяхъ, полевой службѣ и сообщенію важнѣйшихъ теоретическихъ свѣдѣній по военному искусству.

Для веденія всѣхъ указанныхъ занятій командируются офицеры и унтеръ-офицеры. Учащаяся молодежь занимается военнымъ дѣломъ съ особою любовью и по выходѣ изъ школъ не забрасываетъ его, а соединяется въ союзы для повторенія пройденнаго и дальнѣйшаго усовершенствованія.

Вообще японцы обнаруживаютъ удивительный интересъ къ военному дѣлу и притомъ не къ одной лишь внѣшней, парадной его сторонѣ. Командированный въ 1903 году въ Японію на большіе маневры генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Таубе въ своемъ отчетѣ пишетъ: «Повсюду обычныя занятія были прекращены, народъ жилъ какъ бы одною жизнью съ войсками и принималъ самое дѣятельное участіе въ маневрахъ. Внимательно слѣдя за дѣйствіями сторонъ, цѣлыя деревни сопровождали наступающихъ и вмѣстѣ съ ними шли въ атаку. Это былъ какой-то національный праздникъ, а не обыкновенные маневры».

При такихъ условіяхъ японская армія получаетъ новобранцевъ уже въ значительной мѣрѣ обученныхъ, но, конечно, не въ этомъ заключается сущность дѣла, а въ томъ патріотическомъ, воинственномъ духѣ, который они приносятъ съ собой и который въ войскахъ развивается въ настоящій фанатизмъ.

Для того, чтобы выяснить это настроеніе, я приведу нѣсколько выдержекъ изъ мемуаровъ поручика Сакураи Тадаіоси объ осадѣ Портъ-Артура, недавно переведенныхъ на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Сталью и кровью». Эта книга, эпиграфы къ которой написали маршалъ Ояма и генералъ Ноги, уже выдержала въ Японіи 48 изданій—очевидное доказательство того, что автору удалось затронуть самый нервъ народной души.

Сакураи пишетъ, что получивъ приказъ о мобилизаціи, весь ихъ полкъ «точно обезумѣлъ отъ радости».

Офицеры и солдаты испытывали это чувство не только вслѣдствіе пониманія цѣли начинавшейся борьбы, но и просто по той причинѣ, что въ нихъ силенъ былъ воинскій духъ. «Какое намъ дѣло»,—говоритъ авторъ—«для чего начата эта война, зачѣмъ призваны войска и двинемся ли мы на сѣверъ или на югъ. Мы только необузданно радовались тому, что съ каждой минутой приближается время, когда можно будетъ проявить свою храбрость».

Солдаты, оставляемые на родинѣ, приходили въ отчаяніе; нѣкоторые даже лишали себя жизни; напримѣръ, одинъ такой несчастливецъ отправился въ храмъ и тамъ, «прошептавъ банзай въ честь императора, однимъ взмахомъ широко вскрылъ себѣ животъ».

Заботы о семьѣ и имуществѣ какъ бы перестали существовать. Многіе покидали престарѣлыхъ родителей, больныхъ женъ и маленькихъ дѣтей, о коихъ некому было позаботиться. «Глубоко-любимая жена одного несчастнаго офицера въ ночь наканунѣ выступленія въ походъ, оставивъ грудного младенца, ушла въ тотъ міръ, откуда нѣтъ возврата. Не имѣя даже времени похоронить свою жену, этотъ офицеръ, утеревъ слезы, мужественно отправился въ походъ».

Автора всѣ родные поздравляли съ выступленіемъ на войну, а отецъ напутствовалъ слѣдующими словами: «О домашнихъ ты ни капельки не безпокойся и служи, какъ только можешь. Я, твой отецъ, примирился съ мыслью, что ты долженъ пасть въ бою. Пусть твои великолѣпные подвиги, какъ цвѣты, украсятъ двери нашего дома».

«Такія трогательныя напутствія слышались не только въ моей семьѣ»,—говоритъ Сакураи,—«но повторялись и во всякой другой»... «Наступило время и я, взявъ съ божницы саблю, пристегнулъ ее къ поясу, осушилъ поднесенную мнѣ матерью обычную прощальную чашу воды и, принеся въ душѣ клятву не возвращаться живымъ, легкимъ шагомъ ушелъ, оставляя позади себя родной кровъ».

Что въ приведенныхъ фразахъ нѣтъ никакого преувеличенія, видно изъ брошюры Эрвина Бяльца «О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніи къ смерти». Бяльцъ, живущій въ Японіи болѣе четверти вѣка и бывшій долгое время профессоромъ Токійскаго университета, пишетъ: «Когда японецъ отправляется на войну, то онъ прерываетъ всѣ нити, связывающія его съ семьей, или съ какой либо личностью. Онъ для семьи и семья для него будто умерли».

Въ толпахъ народа, провожавшаго уходившія на войну войска, господствовало чрезвычайно приподнятое, радостное настроеніе. Объ этомъ Сакураи говоритъ:

«Вытянувшись длинной змѣей, двигался нашъ полкъ, провожаемый искренно-восторженными криками «банзай». Топотъ ногъ удалявшагося полка и лязгъ оружія звучали какъ-то внушительно для слуха провожающаго народа, а доносившіеся звуки трубы, то близкіе, то далекіе, были какъ бы прощальнымъ привѣтомъ дорогимъ собратьямъ.

«Въ то время, какъ старики и дѣти, размахивая флагами высоко надъ головами, потрясали небо и землю криками «банзай», мы, созна-

вая, что должны отплатить за это сердечное къ намъ отношеніе, чувствовали, какъ волна мужества захватила насъ всецѣло. Намъ казалось, что при наступленіи на непріятельскія позиціи, когда съ оглушительнымъ крикомъ мы будемъ бросаться въ рукопашную, намъ все еще будутъ слышаться позади насъ эти крики. Нашъ боевой кличъ будетъ лишь эхомъ этого народнаго «банзай». Эти напутственные возгласы не забывались нами ни днемъ, ни ночью, ни подъ непріятельскими снарядами, ни въ лагерѣ на холодномъ, рѣзкомъ вѣтрѣ.

«Я, простой смертный, отправлялся на войну, исполняя важную должность полкового знаменщика, то-есть моей обязанностью было ношеніе славнаго полкового знамени. Поэтому когда мы выступали въ походъ, почтительные поклоны толпившихся по краямъ дороги людей и крики «банзай» при приближеніи знамени еще болѣе воодушевляли меня, заставляя думать о томъ, чтобы возможно лучше исполнить свой долгъ.

«По дорогѣ учитель гимназіи г. Кодзима, бывшій въ продолженіе пяти лѣтъ моимъ сердечнымъ и любезнѣйшимъ наставникомъ, замѣтивъ меня, чуть не подпрыгнулъ отъ радости. Приблизившись ко мнѣ на два—три шага, онъ тихо, душевно проговорилъ: «Сакураи, будь молодцомъ». На полѣ сраженія я часто повторялъ про себя эти слова и старался оправдать пожеланія моего наставника. А какъ трогали насъ, военныхъ людей, военныя пѣсни, распѣваемыя милыми малышами изъ дѣтскаго сада. Какое сильное впечатлѣніе производили напутствія согбенныхъ старушекъ, съ четками въ рукахъ, собиравшихся на краю дороги и привѣтствовавшихъ насъ словами: «Да сохранитъ васъ Дайси сама, солдатики, постарайтесь».

Далѣе, Сакураи описываетъ исключительные по ожесточенности и кровопролитію штурмы Портъ-Артурскихъ укрѣпленій. Здѣсь на каждой страницѣ изложены такіе факты, что дѣлать изъ нихъ выборъ становится затруднительнымъ.

Мы видимъ посылаемыя для продѣлыванія проходовъ въ проволочныхъ сѣтяхъ партіи саперъ, которыя неизбѣжно должны погибнуть почти до послѣдняго человѣка. Мы видимъ передовыя штурмующія части—«отряды, обреченные на смерть», все назначеніе коихъ состоитъ въ томъ, чтобы заваливать рвы русскихъ укрѣпленій своими трупами и такимъ способомъ устраивать мосты для слѣдующихъ за ними. Какъ говоритъ авторъ: «Сыны Ямато (Японіи) вмѣсто бомбъ бросали свои тѣла во рвы непріятельскихъ укрѣпленій», или «Ямато Дамасіи (духъ Японіи) швырялъ ихъ тѣлами».

А подвиги отдѣльныхъ лицъ?

Смертельно раненый офицеръ, повисшій на проволочныхъ сѣтяхъ и кончающій жизнь въ страшныхъ мученіяхъ, прежде всего думаетъ о томъ, чтобы уничтожить имѣвшуюся у него секретную карту. Другой офицеръ съ прострѣленной грудью продолжаетъ командовать и бѣжать до тѣхъ поръ, пока не падаетъ мертвымъ съ послѣднимъ крикомъ «банзай». Единственный солдатъ, уцѣлѣвшій изъ атаковавшей части, тидя неудачу штурма, въ отчаяніи вскакиваетъ на брустверъ непріятельскаго укрѣпленія и тамъ находитъ, можетъ быть, и безполезную для дѣла, но славную смерть.

Вотъ изувѣченные люди, просящіе о томъ, чтобы на нихъ не обращали вниманія, а продолжали наступать и взяли Портъ-Артуръ! Сакураи говоритъ: «Желаніе получить медицинскую помощь свойственно лишь случайно раненымъ, заботящимся о сохраненіи своего тѣла и неимѣющимъ беззавѣтнаго желанія лечь костьми на полѣ сраженія».

Вотъ многочисленные умирающіе, послѣднимъ вздохомъ коихъ является не мысль объ осиротѣвшей семьѣ, а одно лишь страстное желаніе побѣды!

Авторъ принимаетъ славное участіе въ этихъ эпическихъ бояхъ, но, «не обладая военнымъ счастьемъ, остается совершенно нетронутымъ». Это обстоятельство повергаетъ какъ его, такъ и остальныхъ уцѣлѣвшихъ въ «полное отчаяніе». Они стыдятся того, что имъ не удалось исполнить свои неоднократныя клятвы—принести жизнь въ жертву родинѣ.

Наканунѣ перваго общаго штурма Сакураи оставилъ должность знаменщика и былъ зачисленъ въ роту, которая вошла въ составъ «отряда, обреченнаго на смерть».

Ротный командиръ обратился къ подчиненнымъ съ такими словами: «Прощайте, ничего кромѣ этого не могу вамъ сказать. Завтра утромъ мы должны умереть на полѣ сраженія. Давайте же выпьемъ прощальный глотокъ воды».

Во время штурма у Сакураи осколкомъ снаряда оторвало правую руку до локтя. Быстро перевязавъ ее и взявъ саблю въ лѣвую руку, онъ пошелъ дальше и даже вступилъ съ непріятелемъ въ рукопашный бой, но вскорѣ пуля прострѣлила ему и эту руку, а другая—раздробила кости правой ноги. Упавъ въ изнеможеніи на землю, онъ «скрежеща зубами отъ безсильнаго отчаянія» продолжалъ наблюдать за происходившимъ боемъ. Послѣдній окончился для японцевъ полной неудачей—штурмовавшія части обратились въ груды убитыхъ и искалѣченныхъ.

Къ Сакураи подползъ тяжело раненый рядовой его роты. «Несмотря на потерю праваго глаза и рану въ бокъ, у него хватило еще энергіи»—разсказываетъ авторъ—«кричать о своемъ желаніи умереть вмѣстѣ со мной. Едва шевеля руками, онъ медленно досталъ бинтъ и осторожно перевязалъ мою лѣвую руку».

Лежа всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятельскаго укрѣпленія, въ пространствѣ, гдѣ рвались японскіе снаряды, мелкіе осколки которыхъ нѣсколько разъ попадали въ него, Сакураи опасался лишь одного, что его возьмутъ въ плѣнъ. Дабы избѣжать такого позора, онъ хотѣлъ лишить себя жизни, но правой руки у него не было, а прострѣленная лѣвая—не повиновалась. Русскіе санитары уже поднимали его, но онъ притворился мертвымъ,—и они его оставили.

Наконецъ, одинъ японскій солдатъ, съ забинтованной головой, прокравшись къ нему, оттащилъ его назадъ и затѣмъ, съ помощью другихъ, доставилъ на перевязочный пунктъ. Приговоренный врачами къ смерти, Сакураи десять мѣсяцевъ пролежалъ въ постели, но здоровая натура одержала верхъ и онъ все-таки оправился.

Казалось бы, офицеръ, совершившій такіе подвиги, имѣетъ полное право гордиться ими, но авторъ и тутъ чувствуетъ себя виноватымъ передъ подчиненными. «Какъ могу я смотрѣть въ лицо ихъ, живымъ родственникамъ»—пишетъ онъ—«я одинъ, возвратившійся на родину и покинувшій на полѣ сраженія своихъ собратьевъ».

Книга Сакураи—это не простые мемуары боевого офицера, а восторженная пѣснь фанатическаго, доходящаго до изувѣрства патріотизма.

Такимъ настроеніемъ была проникнута вся японская армія отъ самыхъ высшихъ чиновъ до простыхъ солдатъ.

Когда у главнаго начальника войскъ, осаждавшихъ Портъ-Артуръ, генерала Ноги были убиты оба любимыхъ сына, то онъ даже не написалъ объ этомъ своей женѣ, а ограничился тѣмъ, что послалъ ей ихъ сабли съ лаконическимъ сообщеніемъ, что ея сыновья исполнили свой долгъ!

Въ воспоминаніяхъ Бартлеттъ объ осадѣ Портъ-Артура сказано, что послѣ взятія крѣпости, на выраженное генераломъ Стесселемъ сочувствіе его горю, Ноги отвѣтилъ: «Одинъ изъ моихъ сыновей убитъ на Цзинчжоу, другой—на Высокой горѣ; для моей арміи было весьма важно взять обѣ эти позиціи, поэтому я считаю, что жизнь ихъ погибла не напрасно».

Тотъ же Ноги всякій разъ «самыми презрительными словами оста-

навливалъ тѣхъ, кто выражалъ ему соболѣзнованіе, не считая жертвой эти двѣ дорогія жизни, погибшія на службѣ отечеству».

Другой герой Русско-Японской войны адмиралъ Того, отправляясь съ эскадрой къ Портъ-Артуру, по словамъ Бяльца, написалъ домой, «что съ этой поры онъ не даетъ о себѣ никакихъ вѣстей и не желаетъ также получать отъ семьи никакихъ свѣдѣній, чтобы не быть отвлекаемымъ отъ дѣла».

Для японскихъ солдатъ однимъ изъ самыхъ позорныхъ наказаній было отправленіе на время сраженія въ тылъ. Масса охотниковъ вызывалась на каждое предпріятіе, даже самое рискованное. Напримѣръ, когда для закрытія Портъ-Артурской гавани, посредствомъ потопленія судовъ, потребовалось семьдесятъ семь человѣкъ, то желающихъ явилось двѣ тысячи.

Весьма характерна та рѣчь, съ которой обратился къ охотникамъ руководитель этого отчаяннаго дѣла капитанъ Яширо:

«Вручая вамъ отъ имени отечества опасную и славную задачу заградить русскимъ судамъ выходъ изъ Портъ-Артура, я долженъ сказать, что на тысячу шансовъ гибели у васъ нѣтъ и одного, который далъ бы вамъ надежду вернуться живыми. Говоря это, я испытываю такое же глубокое волненіе, какъ если бы прощался съ родными дѣтьми. Но если бы я имѣлъ сто сыновей, я послалъ бы ихъ всѣхъ на эту славную смерть и если-бы у меня былъ одинъ, единственный, я бы и ему велѣлъ занять мѣсто среди васъ».

Японцы относятся къ павшимъ на полѣ брани съ особымъ уваженіемъ. Въ память ихъ воздвигаютъ храмы и два раза въ годъ вся нація облекается въ трауръ. Семьямъ убитыхъ, даже много лѣтъ спустя послѣ печальнаго событія, оказываются особыя почести. Германскій военный агентъ при японской арміи, подполковникъ Гетчъ, говоритъ, что японецъ смотритъ на смерть въ бою какъ на счастье. Его мечта—попасть въ число тѣхъ героевъ, имена которыхъ записаны въ храмѣ «Шохонша». Вообще, по словамъ Бяльца, разница между европейцемъ и японцемъ заключается въ томъ, что первый, отправляясь на войну, мечтаетъ вернуться съ отличіемъ и почестями, а второй желаетъ умереть, оставивъ по себѣ славную память.

Вотъ какъ описываетъ Бартлеттъ церемонію въ честь павшихъ при осадѣ Портъ-Артура воиновъ.

Отряды отъ всѣхъ побѣдоносныхъ полковъ въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ были построены квадратомъ вокругъ алтаря, уставленнаго пищей, питьемъ и цвѣтами. Послѣ того, какъ буддійскіе священники

пропѣли нѣсколько молитвъ, генералъ Ноги выступилъ впередъ и прочелъ по пергаментному свертку слѣдующее обращеніе къ душамъ убитыхъ:

«Я, Ноги Марески, командующій третьей императорской арміей подъ Портъ-Артуромъ праздную съ разными приношеніями торжество въ честь васъ, офицеры и нижніе чины, которые погибли.

«Я дѣлаю это 14 января 38 года Мейджи. Болѣе 200 дней и ночей вы сражались и трудились, глядя въ лицо смерти отъ огня, меча и болѣзни. Я хочу сказать вамъ, что ваше доблестное самопожертвованіе было не напрасно, такъ какъ флотъ непріятеля разрушенъ и Портъ-Артуръ, наконецъ, сдался.

«Я, Ноги Марески вмѣстѣ съ вами клялся побѣдить, или искать забвенія въ смерти. Я остался жить, чтобы получить благодарность императора, но я не желаю присвоить себѣ самому всю славу. Съ вами, души умершихъ, способствовавшихъ такому блестящему концу, я желаю подѣлиться своимъ торжествомъ.

«Я выбралъ это мѣсто для церемоніи, такъ какъ съ него видны высоты, долины и форты, арена вашихъ подвиговъ, пропитанная вашей кровью. Я соорудилъ алтарь. Теперь я подношу свои приношенія и призываю васъ, души мертвыхъ, принять ихъ и возрадоваться вашему участію въ славѣ нашей побѣды».

Когда генералъ Ноги окончилъ свое обращеніе, войска отдали честь. Затѣмъ, всѣ высшія начальствующія лица, начиная съ командующаго арміей, стали поочередно подходить къ алтарю и сжигать ладонъ въ небольшой чашѣ съ горящими угольями.

Весною 1906 года въ Токіо состоялось еще болѣе грандіозное торжество—поминовеніе душъ всѣхъ павшихъ въ Манджуріи воиновъ. Оно также началось краткой религіозной церемоніей, а затѣмъ, въ продолженіе четырехъ дней, съѣхавшіеся со всей Японіи родственники убитыхъ шумно пировали, выражая свою радость по поводу того, что членамъ ихъ семействъ удалось пожертвовать своею жизнью за отечество. По этому же случаю былъ обнародованъ императорскій указъ, которымъ 566 офицеровъ, убитыхъ въ сраженіяхъ на Шахэ и подъ Мукденомъ, были произведены въ слѣдующіе чины и награждены орденами.

Преклоняясь передъ павшими на полѣ брани, японцы чрезвычайно строги къ тѣмъ, кто, по ихъ мнѣнію, не выполнилъ своего воинскаго долга. По этому поводу генералъ Бильдерлингъ разсказываетъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» слѣдующее: «Послѣ Китайской войны одинъ

японскій солдатъ, чудомъ уцѣлѣвшій отъ избіенія цѣлой роты, вернулся раненый въ деревню. Но тутъ всѣ отъ него сторонились. Когда же онъ выразилъ удивленіе относительно столь обиднаго для него карантина, ему отвѣтили, что онъ долженъ былъ раздѣлить участь товарищей и съ ними вмѣстѣ умереть».

Всѣ безъ исключенія европейцы, состоявшіе въ послѣднюю войну при японской арміи, единогласно указываютъ на ея безпримѣрную доблесть и передаютъ цѣлый рядъ фактовъ, передъ которыми блѣднѣютъ мифическіе подвиги античныхъ героевъ.

Напримѣръ, вотъ что разсказано въ книгѣ Луиджи Барцини «Японцы подъ Мукденомъ».

Во время стратегическаго обхода праваго фланга русской арміи бригадѣ генерала Намбу было приказано задержать непріятельскую контръ-атаку, угрожавшую прорывомъ всему обходящему крылу японцевъ. Несмотря на огромное превосходство силъ на сторонѣ русскихъ и на ихъ безспорное мужество, бригада выполнила эту задачу, хотя отъ нея осталось всего лишь 400 человѣкъ.

При этомъ произошелъ такой эпизодъ.

Полковникъ Такеучи, занимавшій со своимъ полкомъ южную часть д. Ликампу (Юхуантунь) и почти окруженный непріятелемъ, приказалъ маіору Окоши спасти знамя и доложить бригадному командиру о положеніи дѣла. Окоши съ шестью солдатами выходитъ изъ деревни. Знамя, завернутое въ полотнище палатки, они волокутъ за собою, дабы не привлечь вниманія непріятеля. Когда эта кучка показалась въ открытомъ полѣ, то вокругъ засвистѣли пули и солдаты начали падать одинъ за другимъ. Наконецъ, послѣдній солдатъ былъ раненъ въ животъ, а маіоръ Окоши—въ правую руку и въ грудь. Ползкомъ добрались они до небольшой покинутой деревушки. Здѣсь маіоръ, не имѣя уже силъ двигаться дальше, написалъ лѣвою рукою слѣдующую записку командиру бригады:

«Если я покинулъ поле сраженія въ такой моментъ, то это произошло по категорическому приказанію моего командира, поручившаго мнѣ доложить о ходѣ дѣла. Я зналъ, съ какими опасностями связано достиженіе штаба, но я не смѣлъ забыть опаснаго положенія командира полка, солдатъ и товарищей и рѣшился, выполнивъ порученіе и обсудивъ средства для выручки, вернуться къ нимъ, чтобы раздѣлить ихъ участь. Я глубоко сожалѣю, что не оказался въ состояніи выполнить порученіе, будучи раненъ. Поэтому я рѣшился лишить себя жизни, чтобы присоединиться къ командиру полка и моимъ товари-

щамъ на томъ свѣтѣ. Но я раненъ въ правую руку и не могу держать сабли, а потому лишаю себя жизни при помощи револьвера и прошу извинить меня за это. Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за вашу дружбу въ теченіе столькихъ лѣтъ и подумать о васъ въ это мгновеніе. Я чувствую большую слабость и лишь съ трудомъ держу карандашъ, поэтому я ограничиваюсь указаніемъ на отчаянное положеніе нашего полка».

Поручивъ солдату доставить знамя и письмо, маіоръ Окоши прострѣлилъ себѣ голову. Часъ спустя въ штабъ бригады приползъ раненый въ животъ, почти умирающій солдатъ, къ спинѣ котораго было привязано знамя, а въ шапкѣ находилось письмо!

Таковъ духъ японской арміи, являющійся лишь отблескомъ того героическаго міросозерцанія, которое существуетъ въ японскомъ народѣ.

Благодаря ему, Японія на нашихъ глазахъ обратилась въ первоклассную военную державу, увеличила болѣе чѣмъ вдвое свою территорію, распространила свое вліяніе на всю восточную Азію, открыла передъ собою дальнѣйшія широкія перспективы. Это же національное одушевленіе является первопричиною происходящаго въ настоящее время быстраго промышленнаго и торговаго подъема Японіи.

Въ странѣ восходящаго солнца совершается тотъ же процессъ всесторонняго расцвѣта, который можно было наблюдать въ Германіи послѣ великихъ войнъ за ея объединеніе, но въ японскомъ народѣ патріотическій импульсъ гораздо сильнѣе. *Несомнѣнно, что пока японцы будутъ совмѣщать высокую культуру съ героическимъ міросозерцаніемъ, успѣхъ будетъ постояннымъ спутникомъ ихъ.*

II.

Теперь перейдемъ къ Россіи.

Современное состояніе русскаго государства весьма печально. Огромная страна, съ плодороднѣйшей въ мірѣ почвой, доведена до того, что не въ силахъ прокормить своего населенія, которое періодически голодаетъ и мѣстами вырождается; національныя богатства быстро переходятъ въ руки иностранцевъ; во всѣхъ сферахъ управленія процвѣтаетъ казнокрадство, сводящее на нѣтъ даже полезныя реформы; около четырехъ пятыхъ населенія остается безграмотнымъ; среднія и высшія учебныя заведенія дошли до полнаго развала; армія, главный предметъ заботъ правительства, оказалась неудовлетворитель-

ной; флота почти не существуетъ; во внѣшней политикѣ бездарная дипломатія ведетъ государство отъ одного позорища къ другому.

Однако, есть область, въ которой наша столь отсталая страна стоитъ впереди всѣхъ прочихъ,—это модныя въ настоящее время идеи о братствѣ народовъ, о всеобщемъ разоруженіи, о вѣчномъ мирѣ и т. п.

Конечно, эти утопіи проповѣдуются и въ другихъ странахъ, но тамъ онѣ составляютъ спеціальность особыхъ «обществъ мира», встрѣчающихъ отпоръ въ многочисленныхъ военныхъ союзахъ и въ томъ патріотическомъ воспитаніи, которое получаетъ молодежь. Въ Россіи же пропаганда идей пасифизма производится безъ всякаго противодѣйствія вездѣ: въ наукѣ, въ литературѣ, въ прессѣ, въ искусствѣ и особенно въ школахъ, начиная съ низшихъ и кончая самыми высшими. Можно безъ преувеличенія сказать, что этими идеями насквозь пропитано почти все русское образованное общество.

Попробуйте задать нашимъ интеллигентамъ вопросы: что такое война, патріотизмъ, армія, военная спеціальность, воинская доблесть? Девяносто изъ ста отвѣтятъ вамъ: война—преступленіе, патріотизмъ—пережитокъ старины, армія—главный тормазъ прогресса, военная спеціальность—позорное ремесло, воинская доблесть—проявленіе глупости и звѣрства.

Вамъ будутъ давать эти отвѣты безъ малѣйшаго колебанія, нисколько не задумываясь, какъ будто рѣчь идетъ не о величайшей проблемѣ войны и мира, о которой спорили крупнѣйшіе умы человѣчества, а о какихъ-то всѣмъ извѣстныхъ азбучныхъ истинахъ. Это своего рода либеральный катехизисъ, который нужно принимать цѣликомъ подъ опасеніемъ быть обвиненнымъ въ ретроградствѣ.

Столь широкое распространеніе въ Россіи идей пасифизма является прямымъ послѣдствіемъ правительственнаго режима. Долгое время наше общество было устранено отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, даже и теперь при обновленномъ строѣ вопросы внѣшней политики продолжаютъ быть изъятыми изъ вѣдѣнія народныхъ представителей. При такихъ условіяхъ общественная мысль, давно уже созрѣвшая для самостоятельности, а между тѣмъ искусственно удаляемая отъ практической, реальной политики, стала постепенно увлекаться разными несбыточными теоріями и въ концѣ концовъ дошла въ области международныхъ отношеній до чистѣйшей «маниловщины».

На рубежѣ двадцатаго столѣтія идеи пасифизма получили поддержку съ такой стороны, откуда этого никто не ожидалъ. Двѣнадцатаго авгу-

ста 1898 года была обнародована извѣстная декларація о гаагской конференціи, заключавшая въ себѣ не только указаніе на тягости вооруженнаго мира, но и прямое осужденіе самого принципа войны. Этотъ дипломатическій документъ произвелъ на русское общество весьма сильное впечатлѣніе.

Подъ покровительствомъ его, какъ бы съ благословенія свыше, въ печати былъ открытъ систематическій походъ противъ послѣднихъ остатковъ героическаго міросозерцанія. Каждая такая статья начиналась съ похвалъ «мудрому», «великодушному», «дальновидному» правительству, а затѣмъ уже производилась переоцѣнка всѣхъ военныхъ цѣнностей. Дабы не быть заподозрѣннымъ въ тенденціозномъ подборѣ матеріала, я приведу нѣсколько выдержекъ не изъ либеральныхъ газетъ, въ чрезвычайно рѣзкой формѣ отвергавшихъ военную спеціальность, а изъ оффиціальнаго изданія, изъ апрѣльской книжки журнала министерства юстиціи за 1899 годъ.

Вотъ что сказано въ напечатанной тамъ статьѣ В. М. Гессена:

«Война есть зло, это—аксіома, это—одна изъ первоначальныхъ, врожденныхъ идей современнаго человѣка»...

«Современное искусство развѣнчало войну, стерло съ ея безобразнаго лица румяна напускного воодушевленія и восторга, сорвало съ ея скелета классическую тогу величія, разбросало по вѣтру мишурныя блестки ея красоты»...

«Пѣть гимны войнѣ столь же невозможно, какъ восхищаться какой-нибудь эпидеміей—холерой или чумой»...

Основной законъ международнаго права — «необходимо во что бы то ни стало стремиться къ миру»...

Не трудно видѣть, что въ этихъ столь корректныхъ по внѣшности выраженіяхъ заключается полное отрицаніе всѣхъ основъ военной этики. Гражданинъ, который усвоитъ себѣ подобные взгляды, очевидно, не въ состояніи будетъ воодушевиться какой бы то ни было войной и ужъ, конечно, не станетъ жертвовать своею жизнью на полѣ брани.

Тѣмъ не менѣе подобныя идеи пользовались въ эпоху гаагской конференціи особымъ покровительствомъ правительства. Наша цензура, примѣняя и здѣсь свои обычные полицейскіе пріемы, не разрѣшала даже возражать противъ нихъ. Мало того, когда я захотѣлъ издать переводъ брошюры германскаго профессора Штейнгеля, доказывавшей невозможность разоруженія, то и это мнѣ было запрещено. Въ то же время самъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ,

въ разговорѣ съ извѣстной баронессой Сутнеръ, опубликованномъ во многихъ иностранныхъ газетахъ, призналъ желательнымъ расширеніе дѣятельности обществъ мира и направленіе ея на печать и особенно на воспитаніе юношества.

Только теперь, послѣ полученнаго въ Манджуріи урока, въ нашихъ правящихъ кругахъ наконецъ-то поняли (насколько можно судить по оффиціальной исторіи) вредъ «такой подготовки, занявшей собою нѣсколько лѣтъ передъ самой войной».

Чтожъ удивительнаго, что при подобномъ настроеніи русскіе интеллигенты, призванные на службу во время кампаніи, не обнаруживали ни малѣйшаго желанія рисковать собственной жизнью! Часть ихъ сумѣла еще въ Россіи, разными темными способами, уклониться отъ исполненія своего гражданскаго долга, другіе уже по прибытіи на театръ войны предусмотрительно устроились въ тылу и лишь немногіе попали въ строй, гдѣ они, за единичными исключеніями, оказывали на простыхъ солдатъ чрезвычайно вредное, въ военномъ отношеніи, вліяніе.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» епископъ Переяславскій Иннокентій пишетъ, что даже ему отъ офицеровъ дѣйствующей арміи (очевидно, прапорщиковъ запаса) приходилось иногда слышать толстовскія воззрѣнія на войну.

Если интеллигенты, попавшіе въ ряды войскъ, еще стѣснялись своимъ положеніемъ, то находившіеся въ тылу проповѣдывали свои взгляды совершенно открыто. Не говоря уже о той широкой пропагандѣ, которую вели крайнія партіи, но во врачебныхъ заведеніяхъ разные прогрессивные доктора, уполномоченные и сестры милосердія усердно просвѣщали раненыхъ солдатъ, уговаривая ихъ по выздоровленіи не возвращаться въ свои части, а эвакуироваться на родину.

Вмѣстѣ съ тѣмъ либеральныя газеты были полны нападками на армію и разсужденіями о вредѣ и преступности войны. Дѣло дошло до того, что въ газетѣ «Наша Жизнь» нѣкій общественный дѣятель г. Новиковъ высказалъ, что студенты, провожавшіе уходившіе на войну полки, этимъ поступкомъ замарали свой мундиръ.

Въ той же газетѣ мы прочли, что въ Самарѣ какой-то передовой священникъ отказался пріобщить привезеннаго изъ Манджуріи, умиравшаго отъ ранъ солдата по той причинѣ, что на войнѣ онъ убивалъ людей!!

Даже грозныя военныя неудачи не ослабили идей пасифизма въ русской интеллигенціи. Въ тревожные дни, предшествовавшіе мукден-

скому сраженію, состоялось въ Москвѣ собраніе Педагогическаго Общества, которое пришло къ заключенію, «что современное военное положеніе не соотвѣтствуетъ проповѣдямъ христіанской любви и мира. Педагогъ обязанъ говорить о войнѣ съ дѣтьми, открыто указывать ея настоящую цѣну и значеніе и противодѣйствовать развращающему вліянію кровавыхъ картинъ и развитію въ дѣтяхъ грубыхъ инстинктовъ милитаризма». Около того же времени «Женскій Вѣстникъ», выясняя программу перваго съѣзда русскихъ женщинъ, самымъ широкимъ вопросомъ въ ней призналъ роль женщины въ проведеніи принциповъ мира, для чего при воспитаніи дѣтей слѣдуетъ внушать имъ отвращеніе къ войнѣ.

Въ долгіе антракты между сраженіями офицеры и солдаты манджурской арміи жадно читали газеты и письма, приходившія съ родины. Настроеніе сливокъ русскаго народа—его интеллигенціи, создающей общественное мнѣніе, глубоко оскорбляло войска и подрывало въ нихъ воинскій духъ. Дѣйствительно, если соотечественники считаютъ войну ненужной, если они не цѣнятъ боевыхъ подвиговъ, то тогда за что же жертвовать своею жизнью, зачѣмъ дѣлать свои семьи несчастными?!

Эта мысль прекрасно выражена въ письмѣ одного фейерверкера, командированнаго отъ артиллеріи 3 Сибирскаго корпуса въ Москву. Вотъ что писалъ изъ бывшаго «сердца Россіи» этотъ развитой и честный солдатъ:

«Я жалѣю, что поѣхалъ сюда, я теперь также злостно настроенъ ко всему окружающему, да оно и понятно: я хотя не пострадалъ физически, но уже второй годъ страдаю матеріально, терпитъ и моя семья, и я вправѣ расчитывать на сочувствіе и уваженіе, но, къ нашему горю, В. Ф., этого мы здѣсь не найдемъ.... Бѣдные тѣ наши братья-товарищи, которые свою жизнь положили за честь родины, ихъ она не помянетъ, даже не признаетъ, только гдѣ-либо въ глуши деревенской, да въ закоулкѣ города молится и плачетъ мать, потерявшая сына, жена и дѣти—хозяина, отца и кормильца, а родина кричитъ: къ чорту войну, война глупая, война безцѣльная, война безпричинная, къ чорту армію, армія глупая, дурацкая, никуда негодная. Это значитъ, глупцы и дураки тѣ, крестики которыхъ одиноко разсѣяны по сопкамъ и долинамъ Манджуріи! Въ отвѣтъ имъ хочется кричать: къ чорту такая родина, къ чорту вы съ вашей гадостью, безволіемъ, тлѣнью и вонью; хочется бѣжать подальше отъ этой родины»...

Мнѣ скажутъ, что всѣ эти уродливыя явленія составляли лишь

логическое послѣдствіе непопулярности дальне-восточной авантюры; но изъ приведенныхъ фактовъ видно, что русская интеллигенція ставила вопросъ гораздо шире: рѣчь шла не объ одной какой-нибудь кампаніи, а объ отвращеніи ко всякой войнѣ вообще.

Изъ среды образованнаго общества идеи пасифизма, конечно, въ самой упрощенной формѣ—въ видѣ равнодушія къ угрожавшей государству опасности, успѣли уже просочиться въ самую толщу народной массы. Защита собственныхъ очаговъ отъ непріятельскаго нашествія еще могла воодушевить народъ, но борьба за далекіе и непонятные ему интересы возбуждала въ немъ лишь неудовольствіе. Солдаты ѣхали въ Манджурію весьма неохотно. Въ мѣстностяхъ, гдѣ производилась мобилизація, стоялъ сплошной вой бабъ, а при посадкѣ запасныхъ въ вагоны слышались даже ругательства и проклятія по адресу виновниковъ войны.

Вообще вся Россія, за исключеніемъ людей непосредственно заинтересованныхъ, относилась къ борьбѣ на Дальнемъ Востокѣ съ удивительнымъ безразличіемъ. Между арміей и страной не было необходимой духовной связи. Въ тяжелые дни войны наши войска не находили на родинѣ столь важной для нихъ нравственной поддержки.

Однако, капиталъ, унаслѣдованный Русской арміей отъ ея славнаго прошлаго, былъ такъ великъ, что несмотря на растлѣвающую пропаганду, на равнодушное отношеніе своего народа и на другія неблагопріятныя условія, нашъ солдатъ и въ Манджуріи сумѣлъ проявить свою традиціонную мужественную стойкость, но у него естественно не оказалось боевого воодушевленія, жажды подвига. Тѣмъ же недостаткомъ страдалъ нашъ офицерскій и особенно командный составъ.

Сакураи говоритъ: «Русская армія была сильна, но въ бояхъ ей не хватало самаго главнаго—воинскаго духа».

«Развѣ не отличаются какъ небо отъ земли»—пишетъ онъ дальше—«понятія японцевъ и русскихъ о храбрости и славной смерти и о позорѣ для оставшихся въ живыхъ».

Таковы результаты того пасифическаго міросозерцанія, которое въ послѣднее время водворилось въ Россіи.

Можетъ быть, всѣ эти идеи о братствѣ народовъ, о всеобщемъ разоруженіи, о вѣчномъ мірѣ и т. п. и будутъ когда-нибудь проведены въ жизнь, но для нашей эгоистической эпохи онѣ совершенно непригодны. Народъ, который ихъ усвоитъ, неминуемо погибнетъ. Еще Петръ Великій говорилъ: «Отъ презрѣнія къ войнѣ общая погибель слѣдовать будетъ», а современный популярнѣйшій государствен-

ный дѣятель самаго передового въ мірѣ государства Рузевельтъ сказалъ: «Нація, боящаяся войны, разлагается на мѣстѣ, она осуждена на паденіе и рабство».

Опытъ Гаагской конференціи, казалось бы, долженъ убѣдить всѣхъ, что въ области международныхъ отношеній попрежнему господствуетъ одна лишь сила. Собранный съ такимъ шумомъ международный трибуналъ оказался безсильнымъ предотвратить избіеніе буровъ, варварскую рѣзню на Филиппинахъ и грабежъ беззащитнаго Китая, а нѣсколько лѣтъ спустя разразилась грандіозная русско-японская война, одна изъ самыхъ кровопролитныхъ войнъ всемірной исторіи. Наконецъ, на нашихъ глазахъ, безъ всякой войны, Австрія завладѣла двумя славянскими областями, а Японія съ самымъ откровеннымъ цинизмомъ присоединила къ себѣ цѣлую имперію!!

Гуманности тоже не прибавилось. Наоборотъ, война обнаруживаетъ стремленіе сдѣлаться болѣе жестокой, такъ какъ прежде для полной побѣды было достаточно сломить одну лишь армію, а теперь нужно ослабить и самый народъ. Вспомнимъ поведеніе англичанъ во время Бурской войны, когда они занимались систематическимъ изморомъ женъ и дѣтей непріятеля въ концентраціонныхъ лагеряхъ; жестокость американцевъ на Филиппинахъ, гдѣ генералъ Смитъ отдалъ приказъ объ избіеніи на островѣ Самаръ всѣхъ туземцевъ старше десятилѣтняго возраста; утопленіе русскими въ Амурѣ близъ Благовѣщенска нѣсколькихъ тысячъ китайцевъ, въ числѣ коихъ были старики, женщины и дѣти!!

Никогда еще развитіе вооруженій не шло такимъ ускореннымъ темпомъ, какъ именно послѣ Гаагской конференціи, и теперь мы находимся наканунѣ введенія всеобщей воинской повинности въ Англіи, Китаѣ и, кажется, въ Соединенныхъ Штатахъ, единственныхъ великихъ государствахъ, которыя пока отъ этого воздерживались.

Будущее не сулитъ человѣчеству мира. Все болѣе и болѣе обостряющаяся промышленная конкуренція вызываетъ борьбу за рынки. Происходитъ окончательный раздѣлъ послѣднихъ свободныхъ на земномъ шарѣ земель. На сцену исторіи выдвигаются не только новые народы, но и цѣлыя свѣжія расы.

Въ частности стратегическое положеніе Россіи чрезвычайно тяжелое.

На Дальнемъ Востокѣ побережье Великаго океана связано съ внутренними областями имперіи единственной желѣзной дорогой, идущей отъ Владивостока черезъ Харбинъ на Читу по Китайской территоріи. Несомнѣнно, что въ случаѣ войны эта линія, обращенная флангомъ

къ непріятелю, будетъ тотчасъ же прервана, и японцы, господствуя на морѣ, наводнятъ Приморскую область своими войсками, раздавивъ тѣ пять русскихъ дивизій, которыя тамъ находятся. Для того, чтобы возвратить потерянную окраину, намъ пришлось бы сначала собрать свои силы въ Забайкальѣ, а затѣмъ съ многочисленной арміей предпринять наступленіе на протяженіи около двухъ тысячъ верстъ по странѣ малонаселенной, лишенной дорогъ и немогущей дать достаточныхъ средствъ для содержанія войскъ. Задача—врядъ ли разрѣшимая! Особенно, если къ Японіи примкнетъ столь глубоко ненавидящій насъ Китай, армія котораго развивается съ чрезвычайной быстротой.

На крайнемъ западѣ нѣмцы, пользуясь сравнительной медленностью нашей мобилизаціи и слабостью нашего флота на Балтійскомъ морѣ, насколько извѣстно, составили смѣлый планъ, съ объявленіемъ войны, развернуть свои главныя силы въ восточной Пруссіи между устьями Вислы и Нѣмана и наступленіемъ на югъ отрѣзать неготовыя еще войска Варшавскаго округа отъ внутреннихъ областей имперіи. Одновременно предполагается занять Остзейскія провинціи и высадить сильный дессантъ въ Финляндіи. Вмѣстѣ съ Германіей откроютъ военныя дѣйствія Австрія и Румынія, а можетъ быть и Турція.

Наши военныя неудачи несомнѣнно послужатъ сигналомъ къ возстанію враждебныхъ намъ окраинъ и къ безпорядкамъ внутри страны, ибо революція совсѣмъ не уничтожена, а лишь загнана во внутрь.

Если при такой стратегической обстановкѣ Россія до сихъ поръ еще не подверглась нападенію, то этимъ она обязана: во-первыхъ, своей уступчивости, доходившей въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ въ Боснійскомъ вопросѣ, до постыдныхъ предѣловъ и, во-вторыхъ, соперничеству державъ. Японія опасается за свой тылъ со стороны Америки, а Германія, пока ея судостроительная программа еще не выполнена, боится Англіи, которая, вмѣшавшись въ борьбу, можетъ прервать ея огромную морскую торговлю и захватить ея колоніи.

Кромѣ того, японцы не видятъ надобности спѣшить съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ для укрѣпленія своего положенія на Дальнемъ Востокѣ Россія пока еще ничего существеннаго не предпринимаетъ: Амурская желѣзная дорога строится съ черепашьей быстротой; о широкихъ фортификаціонныхъ работахъ еще ничего не слышно; колонизація происходитъ въ такомъ размѣрѣ, что на каждаго русскаго переселяется десять желтокожихъ. Между тѣмъ Японіи нужно передъ началомъ новой войны поправить свои финансы, усилить армію

и флотъ, закрѣпить за собою сдѣланныя земельныя пріобрѣтенія и создать благопріятную политическую обстановку.

Новое «русско-японское соглашеніе», на которое русская дипломатія возлагаетъ столь большія надежды, въ дѣйствительности, лишь ослабляетъ наше стратегическое положеніе на Дальнемъ Востокѣ, ибо еще болѣе возбуждаетъ противъ насъ Китай и портитъ наши отношенія къ Соединеннымъ Штатамъ. Что же касается Японіи, то она все равно останется нашимъ врагомъ, потому что вражда ея основывается не на дипломатическихъ документахъ, а на реальныхъ данныхъ.

Японія нуждается въ новыхъ земляхъ, гдѣ избытокъ ея населенія могъ бы найти приложеніе своему труду. Покрытая горами Корея не обладаетъ достаточной колонизаціонной емкостью. Южная же Маньчжурія по густотѣ и свойствамъ своего населенія для колонизаціи совершенно непригодна. Говорятъ, что послѣ союза съ Россіей Японія направитъ свою завоевательную политику въ другую сторону — на острова Великаго океана, въ Калифорнію, Австралію и Индо-Китай; но для осуществленія столь широкихъ плановъ нужно прежде всего пріобрѣсти неограниченное господство на морѣ, что по отношенію къ такимъ державамъ, какъ Англія и Соединенные Штаты, если и достижимо, то лишь въ отдаленномъ будущемъ. Не гораздо ли проще обратить вниманіе на тѣ колоссальныя и слабоохраненныя богатства, которыя лежатъ рядомъ съ Японіей по другую сторону Японскаго и Охотскаго морей. Если половина нашего каторжнаго Сахалина служитъ въ настоящее время источникомъ крупныхъ доходовъ для японцевъ, то во что обратится въ ихъ предпріимчивыхъ рукахъ русское побережье Великаго океана!!

Заключенное на дняхъ соглашеніе съ Германіей тоже не можетъ служить прочнымъ обезпеченіемъ мира. Не нужно упускать изъ виду, что умилостивляя нѣмцевъ, только недавно проявившихъ къ намъ такую враждебность, мы въ соотвѣтственной степени ослабляемъ узы, связывающія насъ съ нашими естественными союзниками — Франціей и Англіей. Кромѣ того, сомнительное благоволеніе Германіи пріобрѣтено, конечно, не даромъ, а цѣною какихъ-то крупныхъ жертвъ, о коихъ мы узнаемъ лишь впослѣдствіи.

Какъ бы то ни было, но *основывать безопасность мірового государства на одиѣхъ политическихъ комбинаціяхъ и безпредѣльной уступчивости, очевидно, невозможно, и потому для Россіи возстановленіе ея военнаго могущества является главнѣйшей и самой неотложной задачей.*

Для этого прежде всего необходимо воскресить утраченное русскимъ народомъ героическое міросозерцаніе.

Благоразумное правительство должно вести миролюбивую политику, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми мѣрами развивать воинскій духъ въ средѣ своихъ подданныхъ, ибо только онъ одинъ служитъ гарантіей независимаго существованія государства и надежною охраною его международныхъ интересовъ.

Въ томъ же направленіи слѣдуетъ работать и всему русскому обществу. Нужно образовать всероссійскій патріотическій союзъ, цѣлью котораго должна быть подготовка народа къ войнѣ, а средствами явятся: соотвѣтственное воспитаніе молодежи въ семьѣ и школѣ, организація всевозможныхъ военныхъ обществъ — стрѣлковыхъ, гимнастическихъ, фехтовальныхъ, научныхъ и т. д., а также борьба съ вредными идеями пасифизма путемъ изданія газетъ, книгъ и брошюръ и чтенія лекцій.

Основанію такого союза всего болѣе препятствуетъ то, что у насъ самое слово «патріотизмъ» давно уже узурпировано черносотенцами, сдѣлавшими изъ него синонимъ реакціи. Между тѣмъ *высокая идея любви къ отечеству совсѣмъ не составляетъ монополіи одною крайняго абсолютизма, а должна быть присуща всякому, безъ исключенія, государственному строю.*

Обновленная Россія нуждается въ созданіи героическаго міросозерцанія, но не на почвѣ реакціи, а тѣсно связаннаго съ насажденіемъ культуры и развитіемъ народнаго представительства.

* * *

Россія, какъ великая держава.

Тѣсная связь между условіями и задачами внѣшней политики и средствами государственной обороны есть одна изъ тѣхъ самоочевидныхъ истинъ, которыя, на первый взглядъ, не требуютъ особыхъ доказательствъ. Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе серьезнымъ представленіямъ дипломатовъ никто не придавалъ бы значенія, если бы за ними не стояло соотвѣтствующей реальной силы; съ другой стороны, даже при наличности первоклассной арміи и флота, было бы крайне рисковано рѣшаться на какую бы то ни было войну, если не обезпечены содѣйствіе или хотя бы нейтралитетъ другихъ державъ. Но, если отъ этого теоретически безспорнаго положенія мы перейдемъ къ практикѣ, то мы легко убѣдимся, что исторія прежнихъ лѣтъ и недавняго времени испещрена примѣрами постояннаго забвенія этой истины, неизмѣнно сопровождавшагося самыми гибельными для государства послѣдствіями. Всѣ наши послѣднія войны мы вели, не будучи къ нимъ достаточно подготовлены ни въ военномъ, ни въ политическомъ отношеніи. Побѣдоносная русско-турецкая война, стоившая намъ чрезмѣрныхъ жертвъ вслѣдствіе недостатковъ военной организаціи, въ концѣ-концовъ поставила Россію передъ враждебной коалиціей державъ, которая помѣшала намъ использовать купленные столь дорогой цѣною результаты благодаря тому, что наша дипломатія не сумѣла своевременно обезпечить себѣ болѣе выгодную политическую конъюнктуру. Послѣднюю войну Японія рѣшилась объявить намъ лишь послѣ того, какъ ея дипломатіи удалось предварительно изолировать Россію, заключивъ союзъ съ Англіей, обязавшейся помочь Японіи въ случаѣ, если ей придется воевать съ двумя противниками. Этотъ союзъ, приведшій къ неизбѣжному разрыву, былъ заключенъ Японіей лишь послѣ неоднократныхъ безуспѣшныхъ стараній вступить въ соглашеніе съ Россіей; но мы ничего не сдѣлали для того, чтобы помѣшать его осу-

ществленію и обезпечить себя отъ враждебнаго отношенія къ намъ Англіи. Мы не шли ни на какія уступки въ нашемъ стремленіи утвердиться одновременно и въ Маньчжуріи, и въ Кореѣ. Естественно, что мы вооружили противъ себя всѣ державы, кромѣ тѣхъ, которыя съ удовольствіемъ учитывали неизбѣжное ослабленіе нашего европейскаго фланга. Такая политика могла бы найти оправданіе, если бы съ нею согласовано было соотвѣтствующее развитіе средствъ нашей обороны на Дальнемъ Востокѣ. На самомъ дѣлѣ, наше правительство само еще до начала военныхъ дѣйствій настолько ясно сознавало несоразмѣрность своихъ притязаній съ наличными силами, что заранѣе рѣшило не противиться вооруженному занятію Кореи Японіей, предпочитая этотъ актъ захвата полюбовному соглашенію съ послѣдней, которое обезпечило бы за нами фактическое обладаніе Маньчжуріей.

Если намъ скажутъ, что приведенные примѣры суть дѣло прошлаго и что новый періодъ нашей государственной исторіи надо начинать съ Портсмутскаго договора, то мы отвѣтимъ на это указаніемъ на событія 1908—1909 года, которыя возвращаютъ насъ къ повторенію тѣхъ же ошибокъ, тому же недостатку согласованія между задачами внѣшней политики и состояніемъ государственной обороны.

Наша дипломатія подверглась тяжелому осужденію за отступленіе, вынужденное твердостью Берлинскаго кабинета въ Боснійскомъ вопросѣ весною 1908 года. Съ своей стороны мы полагаемъ, что это отступленіе было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того, что наша дипломатія зашла слишкомъ далеко, не имѣя, возможности разсчитывать на поддержку реальной силы. Но, если бы въ отвѣтъ на присоединеніе Австріей Босніи и Герцоговины Россія промолчала, проглотивъ горькую пилюлю, то развѣ это не было бы также униженіемъ, которое намъ не удалось бы скрыть ни притворнымъ равнодушіемъ, ни другими ухищреніями официальнаго оптимизма? Можно ли вообще требовать отъ дипломатіи, чтобы она однимъ искусствомъ и изворотливостью замѣняла пробѣлы обороны, чтобы, уже не говоря объ успѣхахъ, она могла бы избѣгнуть хотя бы неудачъ, когда въ ея распоряженіи имѣются картонные мечи, къ которымъ успѣли приглядѣться соперники?

Изъ всего этого можно заключить, что пока задачи нашей внѣшней политики и государственной обороны будутъ разсматриваться внѣ необходимой и естественной связи между собою, въ томъ вѣдомственномъ обособленіи, въ которомъ онѣ освѣщались не только въ бюрократическихъ сферахъ, но нерѣдко и въ общественномъ сознаніи,—

до тѣхъ поръ мы не освободимся отъ одного изъ тяжелыхъ наслѣдій стараго порядка.

Между тѣмъ, едва ли найдется второе государство, у котораго были бы столь же сложныя и трудныя проблемы внѣшней политики и обороны. Мы перенесли тяжелую войну, лишившую насъ флота, нанесшую чувствительный ударъ обаянію русской мощи, а между тѣмъ одно это обаяніе оберегало насъ отъ многихъ неожиданныхъ случайностей.

Нашъ государственный долгъ возросъ послѣ войны почти на $2^1/_2$ милліарда *) и мы вступили въ поворотный пунктъ нашей исторіи, когда разомъ открылось безбрежное море назрѣвшихъ внутреннихъ потребностей и культурныхъ нуждъ. Надо ли говорить, что сила всякаго организма въ борьбѣ съ внѣшними препятствіями и врагами зависитъ отъ внутренней его крѣпости и здоровья и что потому несомнѣнно правы съ своей точки зрѣнія тѣ, кто указываютъ на необходимость въ первую очередь заняться неотложными задачами внутренняго строительства, посвящая на нихъ главныя силы и вниманіе.

Но вѣдь мы живемъ не внѣ времени и пространства, съ такимъ же основаніемъ возражаютъ другіе. Наши соперники считаются съ нашими внутренними запросами, лишь поскольку видятъ въ нихъ благопріятныя условія для осуществленія своихъ замысловъ. Не въ нашей власти установить чередъ между задачами внутренней и внѣшней политики. Одно миролюбіе не можетъ избавить насъ отъ опасности внѣшнихъ осложненій. Не спасаетъ и уступчивость, скорѣе возбуждая, чѣмъ удовлетворяя аппетиты. Примѣръ Китая—у насъ налицо. Si vis pacem, para bellum—если хочешь мира, готовься къ войнѣ—справедливость этой формулы до сихъ поръ не могли поколебать почтенныя старанія пасифистовъ.

Оба эти тезиса всѣмъ намъ хорошо извѣстны; они не перестаютъ повторяться и въ печати, и въ устныхъ сужденіяхъ на эту тему. Оба

*) Ростъ нашей задолженности выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

1 января.	Рубли.
1902 года	6.430.651,061
1905 года	7.081.746,618
1906 года	7.841.164,509
1907 года	8.625.560,215
1908 года	8.725.523,210
1909 года	8.835.884,191

они справедливы по своему, и аргументами логики нельзя опровергнуть ни того, ни другого. Они вскрываютъ передъ нами сложность русской государственной проблемы и предъявляютъ требованіе величайшей осмотрительности, когда приходится дѣлать рѣшающіе выводы.

Конечно, съ точки зрѣнія теоретическаго обсужденія задачъ внѣшней политики, всего проще было бы сказать: дайте мнѣ армію и флотъ, превосходящіе силы любого противника, и тогда требуйте отъ меня отчета. Вѣдь Англія и Германія стремятся именно къ такого рода постановкѣ вопроса обороны, и ее не можетъ не имѣть въ виду каждая великая держава; бываютъ, однако, переходныя эпохи, подобныя той, которую мы переживаемъ послѣ русско-японской войны, когда масштабъ требованій въ этой области долженъ неизбѣжно соразмѣряться съ условіями общаго экономическаго и культурнаго состоянія страны. А съ этими условіями въ свою очередь приходится сообразоваться внѣшней политикѣ. Не слѣдуетъ забывать, что трудное искусство дипломатіи во многомъ напоминаетъ искусство кормчаго на парусномъ суднѣ; послѣднему приходится считаться съ перемѣной вѣтра и погоды, съ подводными камнями и теченіями, но успѣхъ борьбы зависитъ и отъ умѣнія не упускать изъ виду конечныя цѣли. Не въ нашей власти научиться искусству, если имъ не обладаемъ. Но мы можемъ поставить себѣ болѣе скромную задачу: искать уроковъ въ прошломъ, чтобы избавиться отъ старыхъ ошибокъ и подойти къ уразумѣнію той цѣли, на которую направляетъ насъ уже пройденный путь.

Съ дѣйствительностью нельзя распоряжаться, какъ съ бѣлымъ листомъ бумаги, на которомъ можно написать, что угодно. Въ изученіи условій и задачъ внѣшней политики приходится считаться съ ихъ сложной преемственностью. Не имѣя возможности въ настоящемъ краткомъ очеркѣ поставить себѣ задачей подробную исторію, мы постараемся бросить хотя бы бѣглый взглядъ на недавнее прошлое русской внѣшней политики раньше, чѣмъ перейти къ постановкѣ ея современныхъ проблемъ.

Нынѣшнее международное положеніе Россіи сложилось въ связи съ общими условіями европейской политики и въ зависимости отъ тѣхъ задачъ, которыя она преслѣдовала на двухъ главныхъ аренахъ своего дѣйствія—на Ближнемъ и на Дальнемъ Востокѣ. Съ этимъ порядкомъ будетъ сообразоваться наше изложеніе, пока мы не придемъ къ событіямъ новѣйшаго времени и общей ихъ оцѣнкѣ.

I.

Чтобы понять общее современное политическое положеніе, какъ оно сложилось въ Европѣ, нужно прочесть мемуары Бисмарка. Печать его генія и желѣзной воли до сихъ поръ лежитъ на характерѣ и направленіи общей политической системы въ Европѣ.

Съ самаго начала своей карьеры великій государственный человѣкъ поставилъ своей главной задачей—объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предусматривалъ не только ходъ событій въ самой Германіи, который долженъ былъ привести его политику къ желанной цѣли, но и ту международную конъюнктуру, съ которой придется впослѣдствіи считаться.

Соперничество Австріи въ германскихъ дѣлахъ приходилось устранить силою оружія. Но Бисмаркъ полагалъ, что далеко не безразлично какими средствами достигнуть этой цѣли; тяжба между Пруссіей и Австріей была домашнимъ споромъ, въ который онъ не хотѣлъ вводить постороннихъ, чтобы не сдѣлать побѣдителя ненавистнымъ для покорившихся. Вотъ почему онъ въ свое время отклонилъ авансы петербургскаго кабинета, не желая служить удовлетворенію самолюбія кн. Горчакова, искавшаго реваншъ за поведеніе Австріи во время Крымской войны. Но вотъ между обоими германскими соперниками наступаетъ неизбѣжная война. Послѣ первыхъ блестящихъ побѣдъ военная партія требовала завершить кампанію походомъ на Вѣну «Что касается меня—пишетъ Бисмаркъ,—то въ виду послѣдующихъ нашихъ отношеній съ Австріей, я настаивалъ на томъ, чтобы, насколько возможно, избѣжать оскорбительныхъ воспоминаній, если это можно было сдѣлать безъ вреда для нашей германской политики. Побѣдоносное вступленіе прусской арміи въ непріятельскую столицу. было бы конечно пріятнымъ воспоминаніемъ для военныхъ; но это не было безусловно необходимо для нашей политики. Какъ всякая уступка старыхъ владѣній, какая была бы намъ сдѣлана, такъ и вступленіе въ Вѣну нанесло бы австрійскому самолюбію ударъ, не вызываемый никакой необходимостью, и который значительно затруднилъ бы отношенія между обоими государствами. Уже въ то время я не сомнѣвался, что намъ придется другими войнами защищать плоды этой кампаніи, подобно тому, какъ Фридриху Великому пришлось защищать результаты первыхъ двухъ Силезскихъ войнъ гораздо болѣе серьезными усиліями во время семилѣтней войны. Война съ Франціей должна была слѣдовать за войной съ Австріей — это было

исторически необходимо; война вспыхнула бы, даже если-бъ мы пошли на маленькія компенсаціи Наполеону, которыхъ онъ ожидалъ отъ насъ въ награду за свой нейтралитетъ. Нужно было спросить себя также, къ какому выводу придетъ Россія, когда она отдастъ себѣ отчетъ въ увеличеніи силы, которая будетъ послѣдствіемъ національнаго развитія Германіи. Невозможно было предвидѣть оборотъ послѣдующихъ войнъ, которыя могли предстоять намъ для защиты достигнутаго результата; во всякомъ случаѣ представлялось крайне важнымъ знать, возбудимъ ли мы въ нашихъ противникахъ чувства непримиримой ненависти и будутъ ли раны, которыя мы нанесемъ имъ и ихъ самолюбію, неизлѣчимы». Чувствуя себя совершенно одинокимъ въ военномъ совѣтѣ, всѣ члены коего, начиная съ самого короля, настаивали на томъ, чтобы использовать плоды кампаніи для территоріальныхъ пріобрѣтеній, Бисмаркъ былъ близокъ къ полному отчаянію. Послѣ одного изъ совѣщаній, когда онъ удалился въ свою комнату, ему пришла въ голову мысль, не лучше ли выброситься на улицу изъ окна третьяго этажа. Въ эту трудную минуту на помощь ему пришелъ кронпринцъ, которому удалось уломать своего отца. На прошеніи Бисмарка объ отставкѣ король начерталъ: «Такъ какъ предсѣдатель совѣта министровъ покидаетъ меня въ присутствіи врага, когда я не въ состояніи здѣсь теперь замѣстить его, я обсудилъ вопросъ съ моимъ сыномъ. Онъ присоединился къ мнѣнію предсѣдателя совѣта министровъ, и я вижу себя вынужденнымъ, къ великой скорби послѣ столь блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ войсками, проглотить эту горькую пилюлю и согласиться на постыдный миръ».

Мы привели эти подробности, хотя на первый взглядъ онѣ имѣютъ лишь біографическій интересъ. На самомъ дѣлѣ въ нихъ содержится ключъ къ пониманію всего послѣдующаго международнаго положенія, которое сложилось такъ, а не иначе благодаря геніальному умѣнію Бисмарка обосновывать свою политику не на временныхъ случайныхъ комбинаціяхъ, а на чуткомъ отношеніи къ національнымъ факторамъ и на прозрѣніи будущаго.

Вскорѣ послѣ франко-прусской войны Бисмаркъ понялъ, что въ Петербургѣ рано или поздно отдадутъ себѣ отчетъ въ томъ, что существуетъ предѣлъ, дальше котораго Россія не можетъ допустить умаленія Франціи и что этотъ предѣлъ достигнутъ Франкфуртскимъ договоромъ 1871 года. Въ 1875 году императоръ Александръ II личнымъ вмѣшательствомъ предотвратилъ вновь угрожавшій конфликтъ между Германіей и Франціей. Бисмаркъ никогда не могъ простить

Горчакову его циркулярной телеграммы, посланной изъ Берлина русскимъ представителямъ за границей и начинавшейся словами: «Миръ обезпеченъ». На слѣдующій же годъ, основывался на услугахъ, оказанныхъ Пруссіи во время ея войнъ съ Австріей и Франціей, когда Россія предотвратила иностранное вмѣшательство, петербургскій кабинетъ запросилъ Бисмарка о томъ, какое положеніе займетъ Германія въ случаѣ войны Россіи съ Австріей. Послѣ многихъ попытокъ уклониться отъ прямого отвѣта, канцлеръ принужденъ былъ однако высказаться въ томъ смыслѣ, что если-бъ Германія оказалась не въ силахъ предотвратить эту войну, то она конечно могла бы относиться нейтрально къ побѣдамъ или пораженіямъ своихъ друзей, но что она не могла бы допустить чрезмѣрнаго умаленія ни одной изъ сторонъ. Такъ какъ въ то время военное превосходство Россіи надъ Австріей не внушало никому сомнѣній, то явно было, что Бисмаркъ предупреждалъ о возможности выступить въ защиту послѣдней. Долгое время канцлеръ старался, однако, совмѣстить поддержку Австріи съ возможностью опираться на простодушіе Россіи. Такъ было и во время Берлинскаго конгресса, когда онъ сумѣлъ сохранить личину благорасположенія къ Россіи и въ то же время явно потворствовалъ Австріи, въ которой онъ видѣлъ элементъ полезнаго противовѣса Россіи на Востокѣ, въ то же время отвлекая вниманіе Вѣнскаго кабинета отъ соперничества съ Германіей въ Европѣ. Этотъ путь къ компенсаціямъ онъ указалъ Вѣнскому кабинету тотчасъ же послѣ австро-прусской войны.

Въ сложной игрѣ, которую велъ Бисмаркъ, элементъ династическій, тѣсно связывавшій русскій и германскій дворы, игралъ значительную роль. Правда ему приходилось иногда бороться съ щепетильностью своего монарха, желавшаго оставаться вѣрнымъ другомъ русскаго императора. Но канцлеръ умѣлъ выходить изъ такихъ затрудненій, чего бы они ему ни стоили. Не увѣренный однако въ прочности такого положенія, и вѣчно преслѣдуемый «кошмаромъ коалицій», по замѣчанію Шувалова, вѣрность коего онъ самъ признавалъ, Бисмаркъ рѣшилъ, что Германія должна ради безопасности, заключить союзъ, обезпечивающій ее отъ возможности остаться изолированной въ Европѣ.

Какъ видно изъ предыдущаго, выборъ его былъ въ сущности предрѣшенъ уже во время войны съ Австріей. Онъ ясно отдавалъ себѣ однако отчетъ во всѣхъ *за* и *противъ* австро-германскаго союза. Его разсужденія по этому поводу не утратили своего интереса и въ настоящее время, освѣщая основные мотивы германской поли-

тики по отношенію къ Россіи. «Между Германіей и Россіей,—писалъ творецъ тройственнаго союза,—не существуетъ противорѣчія интересовъ, которое само въ себѣ носило бы зародыши конфликтовъ и разрыва; наоборотъ, аналогія интересовъ въ польскомъ вопросѣ и традиція династической солидарности въ борьбѣ противъ революціонныхъ движеній, служатъ твердыми основаніями политикѣ обоихъ кабинетовъ. Эти основанія были подточены русской печатью, которая въ продолженіи 10 лѣтъ сбивала на ложный путь общественное мнѣніе, создавая и поддерживая искусственную ненависть противъ всего нѣмецкаго; династія принуждена считаться съ этой ненавистью, хотя бы даже императоръ хотѣлъ жить въ доброй дружбѣ съ Германіей. Однако эти враждебныя чувства къ нѣмцамъ среди русскихъ народныхъ массъ не сильнѣе такихъ же чувствъ у Чеховъ въ Богеміи и Моравіи, у словеновъ—въ территоріи прежней германской конфедераціи и у поляковъ—въ Галиціи. Если между союзомъ съ Россіей, или Австріей, я выбралъ послѣдній, то я далеко не былъ слѣпъ, и я считался со всѣми сомнѣніями, которыя затрудняли выборъ. Несмотря на нашъ оборонительный союзъ съ Австріей, я какъ до, такъ и послѣ его заключенія, полагалъ крайне необходимымъ поддерживать отношенія добраго сосѣдства съ Россіей, потому что у Германіи не существуетъ безусловно вѣрной гарантіи противъ возможности крушенія избранной ею комбинаціи. У насъ останется однако всегда возможность парализовать анти-германскія тенденціи въ Австріи, пока политика Германіи не разрушитъ за собою моста, соединяющаго ее съ Петербургомъ, пока она не создастъ между Россіей и нами пропасти, черезъ которую уже нельзя будетъ перекинуть мостъ». У Австріи есть свои интересы за предѣлами ея восточной границы, и Германія можетъ только сочувствовать ея успѣхамъ въ этомъ направленіи, «но Германская имперія не можетъ считать своей миссіей одолжать своихъ подданныхъ чужой державѣ, жертвовать ихъ достояніемъ и кровью для исполненій желаній своихъ сосѣдей. Поддержаніе австро-венгерской монархіи на высотѣ сильной и независимой великой державы—это для Германіи вопросъ европейскаго равновѣсія,— вопросъ, ради котораго, въ случаѣ необходимости, можно съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти рискнуть миромъ своей страны; пусть однако въ Вѣнѣ, остерегаются выводить изъ этого союза иныя гарантіи, кромѣ тѣхъ ради коихъ онъ былъ заключенъ».

Такимъ образомъ, оборонительный австро-германскій союзъ, къ которому впослѣдствіи присоединилась Италія, былъ по мысли его

творца—союзомъ взаимнаго страхованія. Предвидя, что сила обстоятельствъ приведетъ Россію и Францію къ заключенію подобнаго же союза, Бисмаркъ предпочиталъ заранѣе создать ему противовѣсъ. Въ тѣхъ же мемуарахъ мы читаемъ, что когда въ концѣ августа 1879 г. германскій канцлеръ съѣхался съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Андраши въ Гастейнѣ, они поняли другъ друга съ полуслова. Кн. Бисмаркъ изложилъ свой взглядъ на общее политическое положеніе, а его собесѣдникъ вывелъ заключеніе: противъ франко-русскаго союза, нужно заранѣе обезпечить себя ходомъ, заключивъ австро-германскій союзъ. Оба дипломата безъ труда пришли къ соглашенію относительно главныхъ основаній союза; только предложеніе Бисмарка распространить его дѣйствіе на случай нападенія не только Россіи, но и другихъ державъ, не встрѣтило сочувствія со стороны гр. Андраши.

Не взирая на убѣжденія своего канцлера, Вильгельмъ I, долго колебавшійся дать согласіе на заключеніе союза, счелъ долгомъ предупредить императора Александра II, что нападеніе на Австрію будетъ сочтено имъ за casus belli. Опасенія Бисмарка, какъ бы благодаря этому не ускорилось заключеніе франко-русскаго союза, сбылись однако лишь черезъ 12 лѣтъ.

Франко-русскій союзъ былъ, какъ извѣстно, заключенъ въ 1891 году, и только тогда осуществилась та система международнаго равновѣсія, которую такъ давно предусматривалъ Бисмаркъ.

Система союзовъ въ своемъ происхожденіи была продиктована идеей страхованія противъ возможныхъ случайностей. Но, помимо этого, сближеніе между Россіей и Франціей открывало возможность для дипломатіи обѣихъ странъ согласовывать свои выступленія съ цѣлью взаимной поддержки во всѣхъ вопросахъ, гдѣ такъ или иначе затронуты были интересы одной изъ державъ, или обѣихъ вмѣстѣ. Для Франціи союзъ съ Россіей былъ желаннымъ избавленіемъ отъ постоянной угрозы—остаться одной въ случаѣ войны съ Германіей. Эта неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ тяготѣла надъ всѣми начинаніями частной и общественной жизни. Опираясь на союзъ съ Россіей, Франція могла спокойно отдаться культурнымъ и экономическимъ задачамъ, связаннымъ съ ростомъ ея колоніальной политики и накопленіемъ богатствъ. Милліарды французскихъ денегъ нашли себѣ выгодное и вѣрное помѣщеніе въ русскихъ государственныхъ бумагахъ. Что касается Россіи, то въ этомъ союзѣ она также пріобрѣтала бо́льшую свободу дѣйствій, освобождаясь одновременно отъ политиче-

скаго вліянія берлинскаго кабинета и экономической зависимости отъ берлинской биржи.

Въ 1891 году, когда заключенъ былъ франко-русскій союзъ, Россія не помышляла еще о томъ, куда заведетъ ее постройка сибирскаго пути, хотя въ томъ же году нынѣ царствующій Государь, тогда еще наслѣдникъ, заложилъ первые рельсы этого пути. Центръ тяжести нашей политики сосредоточивался въ Европѣ и его не могли перемѣстить наши недавнія пріобрѣтенія въ Средней Азіи, хотя и создававшія натянутыя порою отношенія съ Англіей.

Что касается послѣдней, то она оставалась въ сторонѣ отъ континентальныхъ комбинацій. Британская дипломатія полагала, что этими комбинаціями упрочено равновѣсіе въ Европѣ и устраняется опасность гегемоніи одной державы надъ другими, чего Англія никогда не допускала въ теченіе своей исторіи, считая осуществленіе европейской коалиціи прямой угрозой своей собственной независимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ лондонскій кабинетъ фактически постоянно держалъ сторону державъ тройственнаго союза. Причиной этому было то обстоятельство, что въ своихъ колоніальныхъ интересахъ Англія сталкивалась съ Франціей и Россіей, а не съ ихъ европейскими соперниками. Въ недавно вышедшей книгѣ г. Лемонона *) собраны во едино интересные факты соперничества Англіи и Франціи, которое въ 1898 году изъ-за Фашоды привело оба государства на край разрыва. Еще болѣе натянутыми издавна были отношенія Англіи съ Россіей. Не восходя къ Крымской кампаніи и къ поведенію Англіи во время послѣдней нашей войны съ Турціей, когда она грозила намъ разрывомъ въ случаѣ занятія Константинополя, достаточно припомнить болѣе недавнія событія. Послѣ Берлинскаго конгресса англійская дипломатія помѣнялась ролями съ русскою, защищая все то, противъ чего ратовала до тѣхъ поръ. Такъ она открыто поддержала присоединеніе Восточной Румеліи къ Болгаріи только потому, что въ Петербургѣ, хотя и ошибочно, протестовали противъ этого. Далѣе, англичане всячески поощряли болѣе активное выступленіе Германіи на Ближнемъ Востокѣ, желая опять-таки создать тамъ противовѣсъ Россіи. Наиболѣе уязвимымъ мѣстомъ въ англо-русскихъ отношеніяхъ были вопросы, связанные съ опасеніями англичанъ за безопасность Индіи. Опасенія эти возрастали вмѣстѣ съ ростомъ нашихъ завоеваній въ Средней Азіи. Оберегая всѣ подходы къ индійской границѣ, Англія ревниво слѣдила за дѣйствіями нашей дипломатіи въ Персіи.

*) Lemonon: „L'Europe et la politique britannique“ (1882—1909). Paris, Alcan, 1910.

Къ прежнимъ поводамъ обостренія прибавились новые, когда въ 90-хъ годахъ минувшаго столѣтія Россія выступила съ активной политикой на Дальнемъ Востокѣ. Эта политика, по мнѣнію англичанъ, угрожала полнымъ вытѣсненіемъ ихъ торговли и предпріятій. Упроченіе русскаго владычества на Тихоокеанскомъ побережьѣ представлялось имъ такимъ нарушеніемъ равновѣсія силъ и вліянія, которое неминуемо превратилось бы вслѣдъ за тѣмъ въ грозную опасность для ихъ владѣній въ другихъ частяхъ Азіи. Неосторожная политика, безъ надобности ссорившая насъ съ англичанами въ Тибетѣ и создавшая какіе-то фиктивные интересы на Персидскомъ заливѣ, не мало способствовала этому убѣжденію. Тотъ же мотивъ, который неизмѣнно побуждалъ Англію бороться противъ чьей-либо гегемоніи въ Европѣ, руководилъ ею и относительно Азіи. Въ концѣ-концовъ онъ заставилъ Англію выйти изъ своего одиночества и вступить въ союзъ съ Японіей въ 1902 году.

Таковы были главные послѣдовательные моменты, изъ которыхъ слагалась общая политическая обстановка до конца войны нашей съ Японіей. Въ условіяхъ этой обстановки складывалась и политика Россіи, съ которой намъ придется теперь ознакомиться.

II.

Если мы припомнимъ главныя событія нашей внѣшней политики, начиная съ царствованія Екатерины II и до нашихъ дней, то мы невольно поражены будемъ тѣмъ мѣстомъ, которое среди нихъ занимаетъ Ближній Востокъ. Можно сказать, что положеніе Россіи въ Европѣ въ значительной мѣрѣ опредѣляется ея интересами въ бассейнѣ Чернаго моря и на Балканахъ. Иначе сказать, географія и исторія издавна создали здѣсь для Россіи жизненные интересы.

Вникая въ сущность нашихъ вѣковыхъ отношеній съ Турціей, мы безъ труда замѣтимъ, что черезъ нихъ красной нитью неизмѣнно проходятъ два основныхъ мотива: забота о судьбахъ христіанскаго населенія и вопросъ о проливахъ. При разрѣшеніи этихъ задачъ мы столь же неизмѣнно встрѣчались съ сопротивленіемъ большинства европейскихъ державъ. Въ Константинополѣ мы наталкивались на одинъ изъ узловъ міровой исторіи, который намъ не подъ силу было ни разрубить, ни развязать, какъ намъ того хотѣлось.

Въ отношеніи къ народностямъ Востока краеугольнымъ камнемъ нашей политики вплоть до Крымской войны была связь единовѣрія.

Наша политика обвѣяна была ореоломъ романтическихъ воспоминаній о древней Византіи, откуда мы восприняли православіе и вмѣстѣ съ нимъ первые начатки христіанской культуры. Къ этому присоединилась мистическая преемственность византійскаго двухглаваго орла, установленная бракомъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ. Миссія покровительства православію тѣсно сплелась съ вѣнцомъ русскихъ самодержцевъ. Византія была вторымъ Римомъ, Москва—третьимъ, а четвертому не бывать—это представленіе находило сочувственный отзвукъ въ религіозныхъ понятіяхъ широкихъ массъ. Вслѣдствіе этого войны, веденныя съ Турціей, носили тотъ идейный характеръ и вызывали тотъ подъемъ общественнаго сочувствія, которымъ характеризуются лучшія страницы въ исторіи общенія верховной власти съ народомъ въ Россіи.

Русскому политическому пониманію отвѣчало отношеніе къ Россіи восточнаго православнаго міра. Послѣ завоеванія Византійской имперіи турками, народная жизнь на много вѣковъ замерла на Балканахъ. Она вся сосредоточилась вокругъ Церкви и церковной организаціи; турки не только не пытались разрушить послѣднюю, но, наоборотъ, передали ей многіе существенные аттрибуты свѣтской власти. Султанъ Магометъ II, по взятіи Константинополя, призналъ вселенскаго патріарха главою румъ-милета, т.-е. христіанскаго народа, предоставивъ ему право печалиться за нужды своей паствы, участвовать наравнѣ съ высшими сановниками въ совѣщаніяхъ Дивана. За Церковью была признана обширная гражданская юрисдикція и право школьнаго просвѣщенія. Различнымъ народностямъ было не до борьбы между собою; у нихъ преобладалъ инстинктъ самосохраненія. Объединенныя подъ общимъ игомъ, онѣ видѣли лишь два средоточія, изъ которыхъ имъ брезжилъ свѣтъ и непокидавшая ихъ надежда избавленія. То были Церковь, гдѣ свято хранилась отеческая преемственность вѣры, и образъ Россіи, далекой, но могущественной покровительницы этой вѣры, которая рано или поздно свергнетъ ненавистное иго. Но патріархальныя понятія не могли быть вѣчными. Они уступали постепенному проникновенію на Востокъ новыхъ вѣяній.

Пробужденіе идеи національности, обошедшее всю Европу послѣ французской революціи, коснулось и Востока. Первыми его восприняли греки, отъ нихъ оно перешло и къ славянамъ. Крымская война, положившая предѣлъ грандіозному замыслу религіознаго протектората, коимъ вдохновлялся императоръ Николай I, послужила вмѣстѣ съ тѣмъ окончательнымъ толчкомъ къ развитію идеи національнаго воз-

рожденія среди турецкихъ славянъ, оставшихся въ двойномъ подчиненіи Портѣ и греческой іерархіи. Но вожаки движенія могли поднять народныя массы только подъ тѣмъ же церковнымъ флагомъ. И вотъ болгары повели ожесточенную борьбу съ вселенской патріархіей за право молиться на своемъ языкѣ, имѣть свою народную іерархію и школу.

Русская дипломатія, захваченная врасплохъ новымъ движеніемъ, далеко не сразу сумѣла опредѣлить свое отношеніе къ нему. Не понимая всей его силы и значенія, она по-прежнему хотѣла сохранить во всей чистотѣ принципъ покровительства православію. Но вскорѣ ей пришлось убѣдиться, что, оставаясь на канонической почвѣ, нельзя было удержать прежняго безраздѣльнаго вліянія—предстояло выбирать между греческой іерархіей и славянами. Оставаться безучастной въ церковномъ спорѣ Россія также фактически не могла, потому что не только ея активныя выступленія, но и самое воздержаніе получали тотъ или другой политическій смыслъ, эксплоатировавшійся заинтересованными сторонами и нашими соперниками, старавшимися занять наше мѣсто. Между тѣмъ, стремленія болгаръ къ обособленію были столь велики, что вожди открыто заявляли о готовности перейти въ унію съ цѣлью скорѣе достигнуть такимъ путемъ церковно-народной автономіи.

Можно усомниться, чтобы болгарскіе вожаки серьезно помышляли о возможности склонить народныя массы къ отреченію отъ вѣры отцовъ, которую они сохранили въ самыя безпросвѣтныя времена мусульманскаго владычества, однако подобныя заявленія были хорошо расчитаны на то, чтобы всполошить русскую дипломатію. Въ это время въ Россіи славянофильское теченіе начинало оказывать серьезное вліяніе на общее направленіе нашей политики на Ближнемъ Востокѣ. Увлекаемый силою обстоятельствъ въ сторону покровительства болгаръ, нашъ посолъ въ Константинополѣ ген. Игнатьевъ постепенно сталъ яркимъ представителемъ этого направленія.

Въ 1870 году султанскимъ фирманомъ была признана самостоятельная Болгарская экзархія. Это была первая хартія, офиціально признававшая существованіе болгарской народности и открывавшая послѣдней широкіе горизонты въ будущемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ особо перечислявшихся болгарскихъ епархій, X статьею этого фирмана давалось право, въ каждой мѣстности, гдѣ того пожелали бы $^2/_3$ населенія, учреждать болгарскія церкви. Тѣмъ самымъ широко раскрывались двери для болгарской пропаганды въ европейской Турціи.

Фирманъ 1870 года является важной датой въ исторіи не только одной Болгаріи, но и русской политики на Ближнемъ Востокѣ. Принципъ единокровія окончательно возобладалъ надъ принципомъ единовѣрія, и преданіе болгарской схизмы соборомъ греческихъ іерарховъ анаѳемѣ въ 1872 году только сильнѣе вырыло пропасть между прошлымъ и новымъ періодами русской политики. И однако же нельзя сказать, чтобы наша дипломатія руководила событіями, или имѣла ясно сознанное представленіе о своихъ задачахъ. Она то сдерживала славянъ, то уступала напору ихъ требованій и заходила все дальше и дальше, чѣмъ сама бы того хотѣла. Въ Константинополѣ ген. Игнатьевъ рьяно поддерживалъ интересы славянъ; въ то же время въ Вѣнѣ Новиковъ велъ сепаратные переговоры, о которыхъ графу Андраши было обѣщано подъ честнымъ словомъ ничего не сообщать русскому послу въ Константинополѣ *). Неясная и непослѣдовательная политика, противъ нашего предвѣдѣнія и желанія, вовлекла насъ въ концѣ-концовъ въ войну съ Турціей. Мы заранѣе связали себя стѣснительными обѣщаніями Австріи, не заручившись поддержкой съ ея стороны и нейтралитетомъ со стороны другихъ державъ.

Мы не будемъ воспроизводить здѣсь исторію Берлинскаго конгресса. Достаточно кратко охарактеризировать созданное имъ положеніе. Коалиція державъ не только воспрепятствовала намъ получить серьезное возмѣщеніе за понесенныя жертвы, но и урѣзала ту схему компенсацій для славянскихъ народовъ на Балканахъ, на которую соглашалась дипломатическая конференція въ Константинополѣ въ 1876 г., т.-е. до войны **).

Санъ-Стефанская Болгарія отъ моря и до моря была разсѣчена на три куска. Одна часть была всецѣло возвращена Турціи, другая—составила автономную область, которая подъ названіемъ восточной Румеліи, оставалась подъ верховной властью султана, и только третья часть была признана княжествомъ Болгарскимъ, хотя также вассальнымъ султану.

Между двумя частями одного сербскаго племени, Сербіей и Черногоріей, клиномъ вдвинулся Новобазарскій санджакъ, въ которомъ Австрія получила право содержать гарнизоны; и та же Австрія «для возстановленія равновѣсія» получила порученіе занять двѣ провинціи—Боснію и Герцеговину. Мало того, община Спицы также отошла къ

*) См. Ю. С. Кардевъ: «За кулисами дипломатіи», С.-Пб. 1908, стр. 16.

**) См. Adolphe d'Avril: „Négociations relatives au traité de Berlin, Paris, 1886, p. 370—371.

Австріи; полицейскій надзоръ, морской и санитарный, въ Антивари и вдоль всего Черногорскаго побережья, предоставленъ Австро-Венгріи. Независимая Черногорія обязывалась ввести у себя морскіе законы, дѣйствующіе въ Далмаціи, черногорская торговля была поставлена подъ покровительство австро-венгерскихъ консуловъ. Такое безцеремонное отношеніе къ судьбамъ и стремленіямъ народностей возымѣло то дѣйствіе, которое отъ него ожидали: Сербія оказалась желѣзнымъ кольцомъ съ сѣвера окруженной австрійскими владѣніями, которыя отрѣзывали ее отъ моря. Въ ея политическомъ сознаніи наростало горькое чувство одиночества и покинутости со стороны Россіи. Не чувствуя себя способной бороться противъ Австріи, она всецѣло подпадала временами подъ ея экономическое и политическое вліяніе. Не имѣя возможности исправить свое невыгодное географическое положеніе за счетъ территорій, захваченныхъ Австріей, она неизбѣжно потянулась на югъ, заглядывая черезъ старую Сербію въ долину Вардара и дальше къ Салоникамъ. Здѣсь она естественно сталкивалась съ болгарской пропагандой. Борьба обоихъ славянскихъ народовъ была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ положенія, котораго не сумѣла предотвратить наша дипломатія въ Берлинѣ. Не меньшей ошибкой со стороны послѣдней было чрезмѣрное стремленіе получить удовлетвореніе самолюбія, отобравъ у Румыніи принадлежавшую намъ до Парижскаго мира часть Бессарабіи взамѣнъ Добруджи. Этимъ актомъ мы отталкивали отъ себя страну, съ которой насъ раньше связывало столько оказанныхъ Россіею благодѣяній и войска которой только что храбро сражались наряду съ нашими. Для тройственнаго союза создавался въ будущемъ новый союзникъ, а мы закрывали впредь доступъ въ европейскую Турцію нашимъ войскамъ.

Послѣ Берлинскаго конгресса та же печать бездарности не покидала дѣйствія русской дипломатіи. «Самовольное» присоединеніе Болгаріей восточной Румеліи, хотя оно было частичнымъ осуществленіемъ Санъ-Стефанскаго договора, вызвало нашъ протестъ и удаленіе изъ Софіи Александра Баттенбергскаго. Русскіе генералы, опекавшіе «юное княжество», добились того, что только-что освобожденные нами болгары стали помышлять, какъ бы освободиться отъ своихъ благодѣтелей. Наконецъ, произошелъ многолѣтній разрывъ отношеній между Россіей и княжествомъ.

Какъ мы уже говорили, Англія помѣнялась ролями съ Россіей и покровительствовала славянамъ. Къ этому времени относится любопытное письмо великобританскаго посла въ Петербургѣ сэра Моріэра

къ своему коллегѣ въ Константинополѣ сэру Уайту отъ 27 декабря 1885 года.

«Игнорировать фактъ, какъ это дѣлается въ Англіи каждымъ офиціальнымъ и неофиціальнымъ лицомъ, каждой газетой и каждымъ кружкомъ,—писалъ сэръ Моріэръ,—что болгары и другія балканскія народности обязаны своей теперешней независимостью отъ Турціи крови и казнѣ Россіи—это верхъ несправедливости и съ моей точки зрѣнія въ то же время невѣжественно глупо. Что хорошаго можетъ произойти отъ нежеланія смотрѣть фактамъ въ лицо? Впадать въ истерику, подобно нѣкоторымъ людямъ, отъ одного слова панславизмъ представляется высшимъ безуміемъ. Панславизмъ есть сила и подобно всякой другой силѣ можетъ оказать пользу и вредъ. Устоитъ ли онъ въ великой борьбѣ за существованіе? Или будетъ подавленъ германизмомъ? Въ нашемъ ли интересѣ, чтобы онъ развилъ свою силу въ Европѣ, или чтобы онъ развилъ свою силу въ Азіи? Вотъ тѣ вопросы, которые меня интересуютъ и которые я стараюсь понять, или, по крайней мѣрѣ, убѣдиться, насколько ихъ можно понять; и относительно этихъ вопросовъ я жажду имѣть исчерпывающую бесѣду съ вами, такъ какъ вы одни можете мнѣ дать настоящее руководство.

Но все это—не политика. Что касается теперешней минуты, то я вполнѣ съ вами согласенъ, что большая польза въ томъ, что идіотическіе русскіе бюрократы, проливъ на Балканахъ кровь сотенъ тысячъ несчастныхъ мужиковъ, такъ сумѣли повести дѣла, что добились горькой ненависти того народа, который освободили этою кровью. Если намъ возможно способствовать сооруженію изъ этихъ народовъ барьера изъ независимыхъ государствъ и такимъ образомъ оградить константинопольскаго больного человѣка отъ ярости бурь съ сѣвера, сдѣлайте это ради Бога при условіи, что вы будете это дѣлать въ естественномъ ходѣ дѣлъ и, будучи призваны къ этому въ качествѣ представителя одной изъ подписавшихся подъ договоромъ великихъ европейскихъ державъ, а не какъ представитель спеціально британскихъ интересовъ. Это послѣднее, кажется, вамъ съ лордомъ Салисбюри и удалось сдѣлать, и вотъ почему я такъ убѣдительно на своемъ настаиваю. Только не дѣлайте изъ этого единственной цѣли вашей политики. Не двигайтесь опрометчиво. Не забывайте, что въ концѣ-концовъ для насъ главное—Индія и что намъ никогда не слѣдуетъ погрязнуть въ европейскихъ дѣлахъ, теряя тѣмъ свободу дѣйствій въ Азіи. Другими словами, мы окончательно можемъ свести счеты съ Россіей либо войной самыхъ чудовищныхъ размѣровъ, либо такимъ

соглашеніемъ, въ которомъ каждый получитъ свою долю по справедливости» *).

Не умѣя хорошенько разбираться въ томъ, кто виноватъ въ крушеніи славянскихъ иллюзій, въ томъ, что въ Сербіи установился фактическій протекторатъ Австріи, а Болгарія игнорировала Россію,—наше общество мало-по-малу совершенно охладѣло къ судьбѣ «неблагодарныхъ» славянъ. Равнодушіе къ внѣшней политикѣ соотвѣтствовало общей реакціи и апатіи, охватившей Россію въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Только въ народныхъ низахъ на Балканахъ, куда не доходили вѣсти о дипломатической стряпнѣ,—всѣ невзгоды продолжали относиться на счетъ турокъ, или швабовъ, а образъ Россіи оставался неизмѣнно свѣтлымъ. Поддерживали это обаяніе самоотверженные и благородные труженики—русскіе консулы, у которыхъ по прежнему притѣсненные и обиженные находили поддержку и покровительство. А нашъ сложный дипломатическій аппаратъ на Ближнемъ Востокѣ, разсчитанный на другой размахъ и на другую работу, дѣйствовалъ по инерціи, плодя много бумаги и гораздо менѣе настоящаго дѣла.

Вотъ почему, когда въ царствованіе императора Александра III возникла мысль о грандіозномъ сооруженіи желѣзной дороги черезъ Сибирь съ цѣлью оживленія громаднаго края, воспоминаніе о нашихъ традиціяхъ и интересахъ на Ближнемъ Востокѣ не оказало никакого вліянія на эти планы, осуществленіе коихъ требовало, однако, на долгіе годы отвлеченія нашихъ силъ изъ Европы въ Азію.

Рѣшеніе русскаго правительства довести до конца предпринятую имъ задачу соединенія Европейской Россіи съ Тихоокеанскимъ побережьемъ и въ особенности дѣятельное наше выступленіе въ роли третейскаго судьи между Японіей и Китаемъ въ 1895 году ставили передъ тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ задачу обезпечить себя на послѣдующіе годы отъ всякихъ случайностей на европейскомъ нашемъ фронтѣ, т.-е. прежде всего на Ближнемъ Востокѣ. Изъ своего пребыванія на посольскомъ посту въ Вѣнѣ кн. Лобановъ вынесъ впечатлѣніе, что внутреннее положеніе Габсбургской монархіи склоняло ее къ тому же выводу—о желательности до поры до времени «подморозить» ближневосточный вопросъ, обезпечить себя отъ всякихъ сюрпризовъ на Балканахъ. Такъ возникло австро-русское соглашеніе 1897 года, на которое и въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ смотрѣли, какъ на извѣстное страхованіе отъ взаим-

*) H. Sutherland Edwards: „Sir William White“, London, 1902, p. 236.

ныхъ происковъ, protocole de désintéressenent, какъ его опредѣлялъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ. Задача осложнялась, однако, возбужденіемъ христіанъ противъ злоупотребленій турецкой власти и активной пропагандой балканскихъ государствъ, которыя поддерживали это возбужденіе. Видя въ Оттоманской имперіи признаки разложенія и распада, они наперерерывъ старались утвердить свои права на наслѣдство больного человѣка, не брезгуя никакими средствами, пользуясь одинаково крестомъ, книгой и кинжаломъ въ неустанной борьбѣ другъ противъ друга.

Въ цѣляхъ умиротворенія и въ то же время сохраненія принципа территоріальной неприкосновенности Турціи и верховныхъ правъ султана, Россія и Австрія предприняли большую схему реформъ въ Македоніи, къ которой отчасти присоединились и другія державы. Непосредственная задача, которую онѣ себѣ поставили—улучшеніе быта христіанскаго населенія Македоніи и умиротвореніе края—встрѣчала въ своемъ осуществленіи трудно одолимыя препятствія, какъ вслѣдствіе фактической зависимости мѣстной администраціи и суда отъ Порты и султана, такъ и благодаря непрекращавшейся борьбѣ бандъ, на которую турки смотрѣли съ равнодушіемъ, а порою даже съ потворствомъ, находя извѣстную выгоду въ этомъ взаимномъ истребленіи борющихся народностей.

Еще труднѣе, чѣмъ въ Македоніи, можно было осуществить соглашеніе въ балканскихъ государствахъ, гдѣ рѣзче сказывалось традиціонное различіе во взглядахъ и цѣляхъ русской и австрійской политики. Съ особой силой это различіе выступило въ Сербіи послѣ воцаренія новой династіи Карагеоргіевичей въ 1903 году. Общественное мнѣніе было охвачено реакціей противъ всего, что дѣлалось при Обреновичахъ и въ особенности противъ австрійскаго вліянія, энергичнымъ проводникомъ коего былъ въ свое время король Миланъ, заключившій въ 1882 году тайную конвенцію съ Вѣной*). Когда вспыхнула наша война на Дальнемъ Востокѣ и стали доходить вѣсти о русскихъ пораженіяхъ, въ Бѣлградѣ и Софіи испугались того отраженія, которое эти событія могли получить на Балканахъ. Австро-русское соглашеніе никогда не пользовалось популярностью среди славянъ, но они все же видѣли въ немъ хотя бы нѣкоторое обезпеченіе отъ односторонникъ происковъ Австріи. Съ ослабленіемъ Россіи возникло опасеніе, что это соглашеніе утратитъ свою силу. Вотъ почему въ Бѣл-

*) См. René Henry: „Des monts de Bohême au golfe Persique“, Paris, 1908; p. 344—345; 401—403.

градѣ и Софіи промелькнуло наконецъ сознаніе о необходимости прекратить братоубійственную борьбу и сблизиться, чтобы въ единеніи почерпнуть силу. Результатомъ этой идеи явились переговоры о сербо-болгарскомъ таможенномъ союзѣ. Къ сожалѣнію, въ послѣднюю минуту политиканство одержало верхъ надъ здравой политикой и результатъ переговоровъ, преждевременно оглашенный, помѣшалъ ихъ благополучному завершенію. Австрія энергично запротестовала противъ комбинаціи, шедшей въ разрѣзъ съ ея традиціонной политикой сѣянія раздоровъ между славянами. Въ результатѣ между Вѣной и Бѣлградомъ обострились отношенія, перешедшія вскорѣ въ таможенную войну. Для сербовъ, несмотря на временные значительные убытки, которые пришлось потерпѣть, это обстоятельство послужило первымъ стимуломъ возбужденія національнаго чувства и производительной энергіи.

Взоры руководителей бѣлградской политики естественно обращались за сочувствіемъ и поддержкою къ Петербургу, но не оттуда послѣдовалъ ударъ, создавшій первую, но роковую трещину въ австро-русскомъ соглашеніи. Утвержденіе кн. Бисмарка, что международные союзы и обязательства заключаются съ подразумѣваемой оговоркой: rebus sic stantibus,—получило на примѣрѣ этого соглашенія блестящее подтвержденіе. Тѣ условія, при которыхъ оно было заключено въ 1897 г., успѣли значительно измѣниться къ 1908 году. Австрія только-что возобновила на 10 лѣтъ договорное соглашеніе съ Венгріей. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ бар. Эренталь, видимо, хотѣлъ еще больше закрѣпить согласіе между обѣими половинами монархіи возвращеніемъ къ активной внѣшней политикѣ, которая представлялась лучшимъ стимуломъ австро-венгерскаго патріотизма. Если прибавить къ этому еще чисто личное побужденіе—«получить свой маленькій парламентскій успѣхъ», то для насъ понятнымъ станетъ его нашумѣвшее въ свое время выступленіе въ делегаціяхъ съ проектомъ желѣзной дороги отъ границы Босніи до Митровицы черезъ Новобазарскій санджакъ.

Въ сущности проектъ этотъ имѣлъ гораздо болѣе символическое, чѣмъ реальное значеніе. Онъ напоминалъ австро-венгерцамъ о традиціонномъ движеніи къ побережью Эгейскаго моря въ Салоники, но сама по себѣ проектировавшаяся узкоколейная дорога, которая должна была пересѣчь значительныя горныя высоты, едва ли могла имѣть серьезное практическое значеніе какъ въ экономическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, старый путь на Бѣлградъ и Нишъ оставался кратчайшимъ соединеніемъ между Вѣной, Будапештомъ и центрами Македоніи. Можно было заставить товары измѣнить

направленіе лишь искусственной комбинаціей тарифовъ, но при этомъ нельзя было упускать изъ виду опасной конкуренціи южныхъ направленій. Съ другой стороны, въ случаѣ войны едва ли Австрія могла бы продвинуть свои войска въ предѣлы Турціи, не обезпечивъ сообщенія съ своей базой черезъ Сербію. Слѣдовательно и въ мирное и въ военное время главный путь на Салоники для Австріи оставался черезъ Бѣлградъ, а не черезъ Митровицу.

Шумъ, надѣланный выступленіемъ бар. Эренталя, имѣлъ одинъ результатъ, котораго врядъ ли ожидалъ его виновникъ. Онъ всполошилъ давно дремавшіе мотивы общеславянскаго единенія.

Въ своемъ протестѣ противъ нарушенія Австріей, если не буквы, то смысла соглашенія 1897 года, русское правительство нашло дружную поддержку въ печати и въ обществѣ, среди котораго народилось такъ называемое «неославянское» движеніе. Для цѣлей практической политики это движеніе представляло свои выгоды и свои опасности; направленіе ея, разумѣется, не могло опредѣляться преходящими настроеніями, но крупныя перемѣны, происшедшія въ общей политической обстановкѣ со времени войны на Дальнемъ Востокѣ, придавали серьезное значеніе этому возвращенію русскаго общества къ слишкомъ легко забытымъ традиціямъ.

Но раньше, чѣмъ перейти къ событіямъ новѣйшаго времени, намъ нужно бросить ретроспективный взглядъ на главные моменты нашей дальневосточной политики съ начала ея активнаго періода.

III.

Въ задачу нашего изложенія не входитъ подробный разсказъ всѣхъ перипетій, черезъ которыя проходила наша политика до и послѣ войны. Довольно будетъ, если намъ удастся съ возможно большимъ безпристрастіемъ дать нѣкоторое понятіе о главныхъ ея этапахъ и теченіяхъ, коими она опредѣлялась. Мы получимъ тогда возможность составить себѣ извѣстное представленіе о томъ, изъ какихъ условій и фактовъ слагалось наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ.

Постройка сибирскаго пути далеко не сразу выдвинула элементъ антагонизма нашихъ интересовъ съ интересами Японіи на Дальнемъ Востокѣ. Общественное мнѣніе послѣдней, исходя изъ сознанія громаднаго экономическаго значенія будущей дороги, казалось, все болѣе и болѣе проникалось убѣжденіемъ въ желательности установленія наилучшихъ отношеній съ Россіей. «Для Японіи крайне важно дости-

гнуть еще большаго сближенія съ Россіей,—писала японская газета «Коккаи» 18/30 марта 1893 г.,—а слѣдовательно, политика наша должна всецѣло быть направлена къ тому, чтобы какъ-нибудь не потерять расположенія Россіи и не нанести, такимъ образомъ, тяжкаго удара нашимъ торговымъ интересамъ. Вотъ на этотъ-то вопросъ первостепенной важности мы и призываемъ теперь все вниманіе нашихъ государственныхъ людей». Въ данномъ случаѣ газета выражала не одно личное мнѣніе. «Теперь уже начинаютъ раздаваться громкіе голоса не только въ нѣкоторой части здѣшней печати, но и въ публикѣ и даже въ народныхъ массахъ, прямо заявляющіе о необходимости для Японіи пристать къ франко-русскому соглашенію»,—доносилъ нашъ посланникъ въ Токіо г. Хитрово, въ февралѣ 1894 г. «Быть-можетъ, недалека та минута, когда какія-либо самыя ничтожныя политическія случайности окажутся способными окончательно и безповоротно направить Японію въ сферу нашего всесторонняго политическаго вліянія», «но, разумѣется, это можетъ осуществиться лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мы сами, ничего не ища и не предпринимая, тѣмъ не менѣе отнюдь не упускали тѣхъ случаевъ, которые будутъ намъ представляться для достиженія этой цѣли».

Такимъ образомъ вплоть до 1894 г. ничто, казалось, не предвѣщало какого-либо антагонизма между Японіей и Россіей. Наоборотъ, съ обѣихъ сторонъ выражалось искреннее желаніе болѣе тѣснаго сближенія. Между тѣмъ въ это самое время подготовлялись событія, которыя должны были имѣть своимъ послѣдствіемъ полную перемѣну картины.

Подъ вліяніемъ тяжелаго гнета поборовъ и злоупотребленій, въ Кореѣ вспыхнуло возстаніе, направленное противъ чиновничества. Трусливый король, чувствовавшій себя главнымъ виновникомъ введенной имъ системы управленія, разорявшей страну, обратился къ Китаю за военнымъ содѣйствіемъ противъ мятежниковъ. Въ Пекинѣ съ радостью поспѣшили удовлетворить эту просьбу, подтверждавшую старинныя притязанія Китая на протекторатъ въ Кореѣ. Въ свою очередь Японцы, ссылаясь на японо-китайскую конвенцію 1885 г., предусматривавшую необходимость для каждаго государства предварительно снестись съ другимъ въ случаѣ посылки войскъ въ Корею, немедленно отправили отрядъ, значительно превосходившій китайскій. Въ результатѣ отношенія между обѣими державами, постепенно обостряясь, перешли въ открытый разрывъ. Послѣдовавшая война была торжественнымъ парднымъ шествіемъ японскихъ войскъ, которыя занимали

города и крѣпости одни за другими, щеголяя передъ иностранцами образцовымъ порядкомъ и дисциплиною, тогда какъ Китай обнаружилъ полную неспособность оказать имъ сколько-нибудь серьезное сопротивленіе. О впечатлѣніи, которое производила на иностранныхъ наблюдателей японская армія, можно судить изъ слѣдующаго отрывка письма нашего военнаго агента въ Пекинѣ полк. Вогака, послѣ штурма Вейхавея: «Съ самой первой минуты, когда около 3 ч. ночи предо мной проходили при свѣтѣ костровъ колонны, шедшія въ бой, я не могъ не почувствовать, что это шли солдаты, на которыхъ можно положиться. Безусловная тишина въ строю, прерываемая лишь рѣзкими командами, увѣренный и широкій шагъ, полное отсутствіе суеты, спокойствіе на лицахъ солдатъ,—все это невольно будило во мнѣ сказанное чувство. Стройно, толково примѣняясь къ мѣстности, развертывались эти колонны въ боевой порядокъ, входя въ сферу огня, который китайцы открывали, по обыкновенію, съ огромныхъ разстояній. Сами японцы не стрѣляли до тѣхъ поръ, пока не подходили на хорошій ружейный выстрѣлъ, а были роты, которыя достигали позиціи противника, не истративъ ни одного патрона. Останавливались японцы при наступленіи мало; неудержимо шли они впередъ, невзирая на огонь береговыхъ орудій, огромные снаряды которыхъ производятъ особенно сильное впечатлѣніе (такъ я сужу по своему личному чувству). И когда 11-я бригада, за дѣйствіями которой я слѣдилъ, остановилась, упершись въ берегъ моря, то мнѣ невольно казалось, что будь море покрыто льдомъ, эта бригада пошла бы и дальше для атаки всего, что будетъ на ея пути. И не одному мнѣ казалось это».

«Вотъ съ какимъ мнѣніемъ объ японскихъ войскахъ оставлялъ я поле сраженія 18/30 января. Положимъ, противъ нихъ были китайцы и притомъ въ значительно слабѣйшихъ силахъ. Но тѣ основныя качества японцевъ, которыя рѣзко бросились мнѣ въ глаза, мало зависятъ отъ противника. Эти качества должны быть привиты войскамъ въ мирное время соотвѣтствующимъ воспитаніемъ и обученіемъ».

«Я думаю, что въ лицѣ Японіи,—писалъ онъ еще раньше, наблюдая японскую мобилизацію,—«мы имѣемъ крайне опаснаго сосѣда, съ которымъ намъ въ будущемъ придется много и много считаться и который при извѣстныхъ условіяхъ можетъ надѣлать намъ много хлопотъ и затрудненій. До сихъ поръ всегда думалось, что намъ необходимо усилить свое положеніе на Дальнемъ Востокѣ, главнымъ образомъ противъ Китая и Англіи. Теперь же, для меня по крайней мѣрѣ дѣло представляется иначе. Японія является главной и весьма серьезной

данной здѣсь. Въ лицѣ Японіи народилась новая сила, которая будетъ имѣть огромное вліяніе на дальнѣйшія судьбы Дальняго Востока. Я сознаюсь, что мысль объ этомъ какъ-то не укладывается въ головѣ, но рано или поздно съ этимъ придется помириться».

Мы привели эти немногія выдержки, чтобы показать, что японская мощь дала себя почувствовать иностранцамъ и русскимъ уже въ 1894 г. Сознаніе собственнаго превосходства надъ китайцами живо чувствовалось японцами. Весь народъ былъ охваченъ подъемомъ патріотическаго чувства и готовности ко всевозможнымъ жертвамъ ради величія своей родины. Этому настроенію предстояло перенести тяжелое испытаніе. Война съ Китаемъ закончилась Симоносекскимъ договоромъ, 5/17 апрѣля 1895 г., въ силу коего Японія утверждалась на материкѣ, получая въ свое обладаніе Ляодунскій полуостровъ. Подобное положеніе создавало для Японіи сильнѣйшую базу для вліянія на Китай и воздвигало въ ея лицѣ новаго серьезнаго соперника русской политикѣ, пролагавшей рельсы къ побережью Тихаго океана. Эти соображенія побудили тогдашняго русскаго министра иностранныхъ дѣлъ кн. Лобанова воспротивиться осуществленію этого пункта Симоносекскаго договора. Ему удалось сплотить Францію и Германію и предъявить Японіи отъ имени трехъ державъ требованіе, хотя и въ дружественной формѣ, но подкрѣпленное ихъ эскадрами,—отказаться отъ занятія Ляодунскаго полуострова. Японія смирилась, сознавая невозможность бороться съ грозной коаліціей. Общее настроеніе краснорѣчиво выразилось въ манифестѣ микадо, въ коемъ, воздавая должное доблести своего народа, онъ прибавлялъ: «но мы живо сознаемъ, что настоящее состояніе нашего государства еще слишкомъ далеко отъ того, что составляетъ его историческое назначеніе. Мы искренно желаемъ, чтобы наши вѣрноподданные не предавались по поводу настоящихъ успѣховъ, излишнему самомнѣнію, но чтобы они скромно заботились объ увеличеніи военныхъ силъ страны и о развитіи просвѣщенія и религіи... Когда миръ окончательно возстановится, труды по дальнѣйшей организаціи обороны государства и по устройству финансовъ страны, будутъ поручены народнымъ представителямъ. Извѣстно однако, что самъ многомилліонный народъ нашъ представляетъ собою истинный оплотъ нашего отечества, и потому всей націи необходимо воздержаться отъ чрезмѣрной гордости своими успѣхами, дабы не уронить себя въ глазахъ дружественныхъ державъ».

Дальнѣйшія событія показали, что манифестъ микадо былъ не простымъ выполненіемъ офиціальнаго обряда,—въ немъ начертана

была цѣлая программа дѣйствій, которая и выполнена была Японіей въ послѣдующіе годы до русско-японской войны.

На первыхъ порахъ обаяніе русской мощи сильно возросло на Дальнемъ Востокѣ и усилило ревнивое соперничество Англіи. Еще во время японо-китайской войны англійскія военныя суда держали себя порою прямо некорректно по отношенію къ японскимъ, стараясь оказать косвенныя услуги китайцамъ. Теперь, наоборотъ, Англія стала столь же явно держать сторону Японіи во всѣхъ возникавшихъ вопросахъ.

Война была предпринята Японіей подъ предлогомъ оградить независимость Кореи отъ происковъ Китая, но за этимъ скрывалось желаніе подчинить полуостровъ своему вліянію. Опираясь на вооруженную силу, Японія стала довольно энергично распоряжаться въ Сеулѣ. Подъ воздѣйствіемъ японскихъ агитаторовъ въ Сеулѣ произошли крупные безпорядки. 26 сентября 1895 г. королева была убита, король скрылся въ русской миссіи, гдѣ прожилъ около года. Японскіе государственные дѣятели понимали, что какъ въ Китаѣ, такъ и въ Кореѣ имъ снова поперекъ дороги становится Россія. Какъ ни трудно было имъ побѣдить въ себѣ чувство недавно оскорбленнаго самолюбія, однако они рѣшили, что лучше мирно столковаться съ нами, разграничивъ сферы вліяній и интересовъ въ Кореѣ. Въ этихъ видахъ на коронацію въ Москву былъ посланъ маршалъ Ямагата, заключившій съ кн. Лобановымъ особое соглашеніе, въ основѣ коего лежало признаніе независимости Кореи и обѣщаніе согласовать свои дѣйствія предварительными уговорами по могущимъ возникнуть вопросамъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, въ разрѣзъ если не съ буквой, то съ духомъ этого соглашенія, мы вскорѣ послали въ Сеулъ, по просьбѣ корейскаго короля, финансоваго совѣтника и военныхъ инструкторовъ. Впрочемъ въ самомъ непродолжительномъ времени мы сами отказались какъ отъ той, такъ и отъ другой преобразовательныхъ затѣй, которыя на дѣлѣ оказались совершенно несостоятельными, но, хотя и неудачныя, эти попытки немало способствовали возбужденію противъ насъ японской подозрительности и породили въ нихъ первое сомнѣніе въ возможности мирнаго разрѣшенія корейскаго вопроса согласно ихъ интересамъ. Японія широко воспользовалась китайской контрибуціей для усиленія своей арміи и въ особенности флота.

4/16 августа 1897 года въ Токіо прибылъ новый русскій посланникъ бар. Розенъ, хорошо знакомый, по предыдущей своей службѣ, съ Японіей. Нѣсколькихъ дней ему было достаточно, чтобы убѣдиться

въ томъ, что «положеніе дѣлъ здѣсь серьезно». 1 сентября онъ посылаетъ въ Петербургъ обстоятельное донесеніе, въ которомъ развиваетъ эту мысль. Ссылаясь на записку, поданную имъ еще до отъѣзда изъ Петербурга объ усиленныхъ вооруженіяхъ Японіи, бар. Розенъ продолжаетъ: «Программа этихъ вооруженій въ началѣ нынѣшняго года, т. е. когда обрисовались намѣренія нашей политики по отношенію къ Кореѣ, расширена была болѣе, чѣмъ вдвое», съ расчетомъ закончить образованіе броненоснаго флота къ 1902 г. «Невозможно сомнѣваться въ томъ, что предпринимаемыя Японіей громадныя вооруженія направлены противъ насъ и что она усиленно готовится къ вооруженному столкновенію съ нами. Несомнѣнно также, что столкновеніе это произойдетъ на почвѣ корейскаго вопроса. Единственный гадательный элементъ составляетъ вопросъ о моментѣ, когда наступитъ кризисъ въ нашихъ отношеніяхъ съ Японіей, т. е. когда именно народныя страсти, глубоко возбужденныя памятью нанесеннаго нами Японіи послѣ побѣдоносной войны дипломатическаго пораженія возьмутъ верхъ надъ благоразуміемъ государственныхъ людей, руководящихъ японской политикой. О глубинѣ этого чувства, охватившаго всѣ слои японскаго народа, свидѣтельствуетъ готовность, съ которой народное представительство поспѣшило согласиться на вызванное усиленными вооруженіями удвоеніе лежащаго на населеніи податного бремени. Болѣе или менѣе сдержанными проявленіями этого чувства изобилуетъ вся японская пресса; съ ними каждому русскому въ Японіи приходится встрѣчаться и въ частной жизни. Такое несомнѣнно существующее настроеніе японскаго народа создаетъ почву, на которой подъ вліяніемъ ли новаго возбужденія національнаго самолюбія, или кажущихся благопріятными политическихъ комбинацій, народныя страсти могутъ разыграться съ неудержимой силой и увлечь правительство въ самыя рискованныя предпріятія. Мы поэтому должны быть вполнѣ приготовленными къ тому, что кризисъ въ нашихъ отношеніяхъ съ Японіей наступитъ неизбѣжно, какъ только мы будемъ вовлечены въ какія бы то ни было серьезныя осложненія въ Европѣ. Въ случаѣ же вооруженнаго столкновенія между нами и Англіей мы должны разсчитывать на нападеніе соединенныхъ англійскихъ и японскихъ силъ на нашу тихоокеанскую окраину». Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы предпринятыя Россіей мѣры къ усиленію своего положенія на Дальнемъ Востокѣ соотвѣтствовали серьезности положенія. «Предпринятая нами попытка водворенія въ Кореѣ нашего негласнаго протектората не можетъ быть отнесена къ категоріи такихъ мѣръ, потому что, если бы по-

пытка эта и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, то это намъ силы бы не прибавило, но, напротивъ того, увеличило бы до крайности и безъ того громадное протяженіе нашей оборонительной линіи. Самая же попытка эта, преждевременно обнаруживая дѣйствительныя цѣли нашей политики, можетъ лишь возбудить ревнивое вниманіе державъ, заинтересованныхъ въ недопущеніи осуществленія нашихъ плановъ, и тѣмъ ускорить ту развязку, которую при очевидной нашей неподготовленности къ встрѣчѣ серьезныхъ компликацій на крайнемъ Востокѣ, было бы въ нашихъ интересахъ оттягивать до возможно болѣе отдаленнаго будущаго». По словамъ нашего морского агента въ Токіо, у Японіи, не считая судовъ береговой обороны, канонерокъ и минныхъ лодокъ, было 20 годныхъ для эскадреннаго боя судовъ съ водоизмѣщеніемъ въ 82.025 тоннъ и со скорострѣльной артиллеріей, три первоклассныхъ военныхъ порта, а наша эскадра въ Тихомъ океанѣ имѣла всего пять большихъ судовъ, не располагая ни однимъ достаточно оборудованнымъ портомъ. Въ виду этого Японія имѣла полную возможность вовсякое время, легко и соблюдая строжайшій секретъ, перевести въ Корею 6—8 тысячъ человѣкъ. «Для японскаго правительства такое дѣйствіе представляется единственно логическимъ, прямо указаннымъ выходомъ изъ нынѣшняго его затруднительнаго положенія, если ему не удастся путемъ переговоровъ съ нами достигнуть такого modus vivendi въ Кореѣ, съ которымъ могло бы мириться сильно возбужденное національное самолюбіе японцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что японское правительство весьма усердно желаетъ такого соглашенія съ нами». Правда, на японцевъ пока оказываетъ сдерживающее вліяніе, «обаяніе Россіи, какъ величайшей въ мірѣ державы,—писалъ въ другомъ донесеніи бар. Розенъ,—«и также до извѣстной степенитотъ невольный страхъ, который людямъ желтой расы внушаетъ идея столкновенія съ людьми бѣлой расы. Это—элементъ чисто психологическій, важное значеніе котораго несомнѣнно, но и не должно быть преувеличено, и къ тому же онъ уравновѣшивается въ нѣкоторой мѣрѣ увѣренностью японцевъ въ нравственной поддержкѣ Англіи ихъ попыткамъ противодѣйствія намъ въ Кореѣ».

Въ то время, какъ бар. Розенъ предостерегалъ противъ назрѣвавшей опасности со стороны Японіи, наша политика въ Китаѣ шла энергичнымъ темпомъ. Въ бытность китайскаго канцлера Лихунчана въ Москвѣ на коронаціи ему оказывалось гораздо больше вниманія, чѣмъ маршалу Ямагатѣ. 22 мая 1896 г. съ нимъ подписанъ былъ договоръ, предоставлявшій Россіи право продолжать нашу сибирскую

дорогу черезъ китайскую территорію, взамѣнъ чего Россія обѣщала Китаю содѣйствіе въ охранѣ его территоріальной неприкосновенности противъ другихъ державъ. Въ русскихъ вліятельныхъ сферахъ существовало въ то время дѣйствительно искреннее если не убѣжденіе, ибо для убѣжденія въ этихъ сферахъ не было достаточно твердой почвы, то настроеніе, склонявшее ихъ къ мысли о полной солидарности интересовъ Россіи и Китая. Желѣзной дорогѣ приписывали исключительно культурное и экономическое значеніе, причемъ, какъ-будто устранялся всякій элементъ политическаго имперіализма на Дальнемъ Востокѣ. Съ этой цѣлью учреждался русско-китайскій банкъ, который имѣлъ своимъ назначеніемъ проводить всѣ правительственныя начинанія по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и другихъ связанныхъ съ ними предпріятій. Мирные культурные мотивы уживались, однако, со стимулами совершенно иного и даже противоположнаго характера. Вотъ почему они не выдержали перваго серьезнаго столкновенія съ дѣйствительностью.

Въ февралѣ 1910 года въ „Daily Telegraph“ появилась статья: «Тайный договоръ», составленная «поклонникомъ Лихунчанга». Редакція давала понять при этомъ, что авторъ статьи никто иной, какъ сэръ Робертъ Гартъ, въ продолженіе 40 лѣтъ стоявшій во главѣ китайскихъ таможенъ и стяжавшій себѣ репутацію лучшаго знатока Китая.

Въ этой статьѣ мы находимъ не мало любопытнѣйшихъ подробностей относительно переговоровъ между русскимъ министромъ финансовъ г. Витте и Лихунчангомъ во время пребыванія китайскаго канцлера въ Россіи въ 1896 году. «Россія,—заявлялъ министръ,—обосновываетъ свою политику на Дальнемъ Востокѣ на неприкосновенности Китая... Въ будущемъ, какъ и въ прошломъ Россія признаетъ полезнымъ пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы утверждать свою дружбу по отношенію къ Китаю. Она столько же побуждается къ этому сознательнымъ эгоизмомъ, сколько и чувствомъ симпатіи, ибо жизненные интересы обоихъ государствъ по существу тождественны. Наоборотъ, стремленія Японіи носятъ своекорыстный и разрушительный характеръ. Она алчетъ китайской земли и жаждетъ русскихъ водъ. Это врагъ мира, который можетъ быть сдержанъ только взаимно охраняющей дружбою Россіи и Китая. Если теперь,—что легко можетъ случиться,—Японія вскорѣ нападетъ на Китай, тогда Россія придетъ на помощь дорогому сосѣду. Ея войска, тяжелая артиллерія... но какъ, однако, перевезти ихъ на театръ войны? Нѣтъ ни водныхъ, ни сухопутныхъ средствъ

сообщенія... Дѣятельная дружба обоихъ государствъ требуетъ въ особенности быстроты сообщеній для русскихъ войскъ, а это въ свою очередь означаетъ необходимость проведенія желѣзной дороги черезъ китайскую территорію. Безъ желѣзной дороги невозможенъ союзъ, таково въ двухъ словахъ было заключеніе».

«Мы предоставимъ вамъ пользованіе нашей территоріей для постройки желѣзной дороги,—былъ отвѣтъ Лихунчанга,—мы готовы уступить вамъ особыя права управленія,—но лишь при условіи, что это составитъ часть обнимающаго эти условія оборонительнаго договора. Желѣзнодорожная концессія должна быть слѣдствіемъ оборонительнаго союза... Мы предоставимъ вамъ пользованіе нашей территоріей, а вы обезпечьте цѣлость нашего государства».

Въ концѣ-концовъ, переговоры привели къ заключенію желѣзнодорожной конвенціи и тайнаго оборонительнаго договора между Россіей и Китаемъ въ 6 статьяхъ. Обѣ державы обязались оказывать взаимную помощь въ случаѣ нападенія Японіи на русскую или китайскую территоріи (ст. I) и не заключать мира безъ взаимнаго уговора (ст. II); Китай предоставлялъ всѣ свои гавани въ распоряженіе Россіи во время военныхъ дѣйствій (ст. III). Для облегченія русскихъ войскамъ доступа въ угрожаемыя мѣстности и для обезпеченія средствъ ихъ существованія, Китайское правительство соглашается на сооруженіе желѣзной дороги, которая пройдетъ черезъ китайскія провинціи на Амурѣ и черезъ Гиринъ по направленію къ Владивостоку. Соединеніе этой дороги съ русскими не должно служить поводомъ къ умаленію верховныхъ правъ Китайскаго императора. Постройка и эксплоатація желѣзной дороги передаются Русско-Китайскому банку (ст. IV). Россія имѣетъ право пользоваться дорогой для перевозки и снабженія своихъ войскъ (ст. V). Настоящій договоръ вступаетъ въ силу одновременно съ утвержденіемъ Китайскимъ Императоромъ контракта, предусмотрѣннаго IV ст. Срокъ его дѣйствія опредѣляется на 15 лѣтъ. За 6 мѣсяцевъ до окончанія этого срока договаривающіяся стороны вступятъ въ переговоры относительно его продолженія (ст. VI).

Таковъ былъ исходный пунктъ всей дальнѣйшей нашей политики въ Манчжуріи и Китаѣ.

Освѣдомленный авторъ статьи, изъ которой мы почерпнули эти свѣдѣнія, приводитъ исполненныя горечью слова Лихунчанга относительно вѣроломства русской политики *). Но, чѣмъ болѣе мы знакомимся

*) См. Kreuz-Zeitung, 30 März 1910 № 145.

съ документами, относящимися къ этой эпохѣ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что здѣсь можетъ идти рѣчь не о вѣроломствѣ, а скорѣе объ отсутствіи единаго руководящаго плана и единой государственной воли въ его осуществленіи въ то время. Въ частности, что касается министра финансовъ, онъ все время оставался, повидимому, убѣжденнымъ сторонникомъ мирной экономической миссіи Россіи на Дальнемъ Востокѣ, и въ соотвѣтствіи съ этимъ оставался сторонникомъ поддержанія дружбы съ Китаемъ.

Въ полученіи Россіею права на проведеніе желѣзной дороги черезъ Маньчжурію другія державы не безъ основанія усмотрѣли уплату предъявленнаго нами Китаю счета за содѣйствіе противъ водворенія Японіи на Ляодунѣ. Это побудило Германію вскорѣ также подумать о соотвѣтствующей компенсаціи. Какъ это ни странно, но ей удалось, повидимому, заручиться нашимъ предварительнымъ согласіемъ на этотъ предметъ, на разстояніи всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ даннаго нами Китаю обязательства охранять его неприкосновенность. Придравшись къ инциденту убійства германскихъ миссіонеровъ въ Шандунской провинціи, Германія безъ дальнихъ проволочекъ заняла Кіао-Чао. Тщетно Китай ждалъ отъ насъ поддержки, на которую считалъ себя въ правѣ разсчитывать. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя подъ предлогомъ, что намъ необходима морская база въ самомъ Китаѣ для его защиты, мы заняли Портъ-Артуръ, въ отвѣтъ на что Англія не замедлила въ свою очередь захватить Вей-ха-вей. Можно было думать, что мирное культуртрегерское направленіе нашей политики потерпѣло крушеніе и уступило мѣсто воинственному имперіализму. Ничуть не бывало. Прежніе мотивы сохранились, но нашли себѣ убѣжище въ финансовомъ вѣдомствѣ, которое для цѣлей міровой и русской торговли занялось оборудованіемъ Дальняго. Въ то же время военное вѣдомство избрало своимъ поприщемъ Портъ-Артуръ, а морское облюбовало порта южной Кореи.

Когда занятъ былъ Портъ-Артуръ, въ Японіи снова оживилась на время надежда, что Россія обрѣла въ немъ желанный выходъ къ морю, и что съ ней легче будетъ столковаться насчетъ Кореи. Японскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ это время былъ баронъ Нисси, полъ жизни проведшій въ Россіи и свободно владѣвшій русскимъ языкомъ. Въ началѣ марта 1898 г. онъ передалъ бар. Розену проектъ соглашенія между Японіей и Россіей на почвѣ разграниченія сферъ вліянія и интересовъ. Проектъ заканчивался слѣдующими словами: «Обязанность давать Кореѣ совѣты и помощь должна быть предоста-

влена Японіи. Соотвѣтственно этому, еслибы Россія раздѣлила эти взгляды, японское правительство считало бы Маньчжурію съ ея побережьемъ стоящею во всѣхъ отношеніяхъ внѣ сферы его интересовъ и заботъ».

Проектъ барона Нисси не встрѣтилъ должнаго сочувствія въ Петербургѣ, несмотря на поддержку его барономъ Розеномъ. У насъ не хотѣли отказываться отъ замысловъ на Корею. Въ результатѣ переговоровъ было подписано соглашеніе 13/25 апрѣля 1898 г., которое повторяло сущность московскаго протокола 1896 г. о независимости Кореи и о необходимости предварительнаго уговора между обѣими державами въ случаѣ обращенія Кореи къ одной изъ нихъ за совѣтомъ или помощью; въ ст. III Россія обязывалась не препятствовать «развитію торговыхъ и промышленныхъ сношеній между Японіей и Кореей».

Сила японской политики и преимущество ея надъ нашей состояли въ ясномъ сознаніи своихъ задачъ и неуклонномъ проведеніи ихъ всѣми средствами. Къ чести нашихъ представителей въ Японіи слѣдуетъ отмѣтить, что они ясно отдавали себѣ отчетъ во всѣхъ опасностяхъ положенія и правильно освѣдомляли свое правительство; какъ у барона Розена, такъ и у А. П. Извольскаго, смѣнившаго его одно время въ Японіи, не оставалось мѣста сомнѣнію, что цѣлью японской политики, которою она ни подъ какимъ видомъ не могла поступиться, была Корея. Черпая громадную силу въ общенародномъ сочувствіи, правительство микадо располагало услугами сотенъ и тысячъ добровольныхъ агентовъ въ Кореѣ, которые ради патріотической цѣли шли въ эту страну въ качествѣ мелкихъ торговцевъ, предпринимателей, скупщиковъ земельныхъ участковъ, объединяясь въ товарищества и союзы, преслѣдуя одну и ту же національную задачу. Наоборотъ, русское правительство въ своихъ усиліяхъ подчинить Корею экономическому, культурному и политическому вліянію дѣйствовало совершенно одиноко, не имѣя никакой поддержки со стороны частной иниціативы. Каждый шагъ нашъ въ Кореѣ былъ обставленъ всевозможными затрудненіями, неизмѣнно возбуждая противодѣйствіе японцевъ. Напр., едва только морское вѣдомство успѣло облюбовать участокъ земли въ Мосанпо, какъ явился японскій торговецъ, который поспѣшилъ скупить значительное количество мелкихъ владѣній, входившихъ въ составъ предположенной концессіи. Японское правительство не замедлило оказать ему полное содѣйствіе въ его патріотическомъ дѣлѣ; мы же спохватились слишкомъ поздно,

вслѣдствіе чего понадобилось вдвое болѣе усилій и затратъ для пріобрѣтенія другого участка. При этомъ японская печать подняла немало шума по поводу русскихъ происковъ въ южной Кореѣ. Пользуясь громаднымъ положеніемъ офиціальнаго русскаго представителя въ Сеулѣ, отдѣльные авантюристы прибѣгали къ нему, чтобы закрѣпить за собою обширныя концессіи, съ цѣлью спекуляціи, а не дѣйствительнаго использованія полученныхъ преимуществъ. Такимъ образомъ возникло лѣсопромышленное предпріятіе на Ялу и о. Дажелетѣ, перекупившее концессію изъ вторыхъ рукъ. Но въ продолженіе долгаго времени участники этого предпріятія не только не приступали къ эксплоатаціи лѣсныхъ богатствъ, но даже не принимали самыхъ необходимыхъ мѣръ для ихъ охраны. Это привело къ тому, что японскіе промышленники, въ началѣ вступившіе-было въ переговоры объ уступкѣ имъ о. Дажелета, вскорѣ убѣдились, что гораздо проще и выгоднѣе приступить къ хищнической вырубкѣ лѣса, который никѣмъ не охранялся, и вскорѣ отъ лѣсныхъ богатствъ на островѣ ничего не осталось. Точно такъ же начали они хозяйничать на Ялу, и настолько свыклись съ такимъ положеніемъ, что стали признавать его своимъ неотъемлемымъ правомъ. Когда русское товарищество, интересъ къ которому внезапно пробудился во вліятельныхъ сферахъ, подогрѣваемый группою придворныхъ дѣльцовъ-карьеристовъ, въ свою очередь вспомнило о своихъ правахъ,—въ Японіи это было встрѣчено неподдѣльнымъ негодованіемъ; дѣло въ томъ, что, хотя право было, несомнѣнно, на сторонѣ русскаго товарищества, однако ни для кого не было тайной, что подкладка предпріятія была не въ экономическомъ интересѣ, который оно могло представлять, а въ утвержденіи русскаго политическаго вліянія въ сѣверной Кореѣ; само корейское правительство, привыкшее, съ императоромъ во главѣ, извлекать источники личнаго обогащенія изъ иностранныхъ концессій, относилось съ крайнимъ несочувствіемъ къ такому способу пользоваться ими, отъ котораго выигрывали въ концѣ-концовъ только хищники.

Помимо противодѣйствія Японіи, а также и затрудненій въ самой Кореѣ, намъ приходилось испытывать и несочувственное, а порою и враждебное отношеніе со стороны иностранныхъ представителей. По словамъ нашего посланника въ Сеулѣ Павлова, оно коренилось «въ сложившемся вообще между иностранцами на Востокѣ убѣжденіи относительно исключительности направленія нашей политики, всегда клонящагося якобы къ фактическому устраненію прочихъ иностран-

цевъ отъ участія въ экономической эксплоатаціи страны, надъ которой мы проявляемъ болѣе или менѣе активное вліяніе, а съ другой стороны въ томъ моральномъ давленіи, которое могутъ оказывать на сужденія иностранныхъ правительствъ дѣйствующія въ Кореѣ иностранныя миссіонерскія общества. «Мнѣ положительно извѣстно,—прибавлялъ онъ,—что среди здѣшнихъ католическихъ и особенно протестантскихъ миссіонеровъ всѣхъ національностей твердо установилось убѣжденіе, будто водвореніе въ Кореѣ активнаго русскаго вліянія неминуемо должно повлечь за собою ограниченіе, а, можетъ-быть, и совершенное прекращеніе дѣятельности иностранныхъ духовныхъ миссій... Я лично глубоко убѣжденъ, что миссіонерскій вопросъ будетъ играть извѣстную роль въ рѣшеніи судьбы Кореи и что рано или поздно съ нимъ придется считаться».

Съ такими трудностями и въ полномъ одиночествѣ намъ приходилось вести на Д.-Востокѣ политику, зачастую слагавшуюся изъ различныхъ мотивовъ несшѣвшихся между собой лицъ и вѣдомствъ.

Русско-японское соглашеніе 1898 г. по корейскимъ дѣламъ и, далѣе, англо-русское соглашеніе 1899 г., пытавшееся разграничить сферы желѣзнодорожнаго строительства въ Китаѣ между Россіей и Англіей, были вѣрными попытками нашей дипломатіи выйти изъ одиночества, нащупать прочную почву для нашей политики на Д.-Востокѣ, считаясь съ главными нашими соперниками, устранить коихъ мы не были въ силахъ. Къ сожалѣнію, попыткамъ этимъ не доставало силы убѣжденія, которая могла бы создаться только единствомъ направленія всей нашей политики на Дальнемъ Востокѣ. А потому событія продолжали катиться по наклонной плоскости, увлекая за собою наше правительство.

Погоня Европы за концессіями и территоріальными пріобрѣтеніями въ Китаѣ, достигшая ненормальнаго развитія въ 1898 г., усилила традиціонную ненависть китайцевъ противъ иностранцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она совершенно дезорганизовала и безъ того слабое правительство, неспособное оказать сопротивленіе никакому серьезному давленію. Подъ вліяніемъ такого положенія дѣлъ, въ Пекинѣ произошелъ дворцовый переворотъ. Въ январѣ 1900 г. власть перешла изъ рукъ болѣзненнаго Богдыхана къ энергичной вдовствующей императрицѣ. Первымъ послѣдствіемъ этого переворота было усиленіе при дворѣ реакціонной маньчжурской партіи, видные члены которой находились въ сношеніяхъ съ тайнымъ обществомъ боксеровъ и руководили возстаніемъ противъ иностранцевъ. Отчасти благодаря нежеланію на-

шего посланника въ Пекинѣ М. Н. Гирса своевременно согласиться на вызовъ въ столицу иностранныхъ отрядовъ, присутствіе коихъ, онъ опасался, могло бы послужить происками державъ,—моментъ былъ упущенъ, и дипломатическія миссіи, отрѣзанныя отъ всякаго сообщенія съ остальнымъ міромъ и осаждаемыя безпорядочными полчищами китайцевъ, находились нѣкоторое время въ самомъ критическомъ положеніи. Прибытіе иностранныхъ войскъ, занятіе Пекина и далѣе, карательныя дѣйствія международныхъ отрядовъ подъ главнымъ командованіемъ германскаго фельдмаршала графа фонъ-Валдерзее терроризовали Китай, но мало способствовали перемѣнѣ его отношенія къ иностранцамъ. Европейцы, призванные усмирять полчища мятежниковъ, сами подавали явные поводы къ обвиненіямъ въ жестокости и хищеніяхъ. На этомъ темномъ фонѣ японцы старались выдѣлиться умѣренностью и тактомъ. Они, видимо, щадили самолюбіе китайцевъ, не желая навсегда оттолкнуть ихъ отъ себя, тѣмъ болѣе, что и со стороны Пекина дѣлались попытки къ сближенію на почвѣ расовой солидарности.

Съ своей стороны русское правительство въ то время подчеркивало свое дружелюбное отношеніе къ Китаю. Случаи жестокой расправы, которыми, къ сожалѣнію, запятнали себя отдѣльные начальники, лежатъ на ихъ совѣсти *), и справедливость требуетъ признать, что они дѣйствовали вразрѣзъ съ общимъ направленіемъ въ то время нашей политики въ Китаѣ. Въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ подтверждалось, что Россія не ведетъ войны съ Китаемъ. Въ циркулярной телеграммѣ русскимъ представителямъ за границей отъ 12 августа 1900 г. мы читаемъ: «Если ходъ событій, какъ нападеніе мятежниковъ на наши войска въ Ньючжуанѣ, а также рядъ враждебныхъ дѣйствій китайцевъ на нашей государственной границѣ, напр., ничѣмъ не вызванное бомбардированіе Благовѣщенска, побудили Россію къ занятію Ньючжуана и введенію русскихъ войскъ въ предѣлы Маньчжуріи,—то эти временныя мѣры, вызванныя исключительно необходимостью отражать агрессивныя дѣйствія китайскихъ мятежниковъ, отнюдь не могутъ свидѣтельствовать о какихъ-либо своекорыстныхъ планахъ, совершенно чуждыхъ политикѣ императорскаго правительства».

«Какъ скоро въ Маньчжуріи будетъ возстановленъ прочный порядокъ и будутъ приняты всѣ необходимыя мѣры къ огражденію рельсоваго пути, постройка коего обезпечивается особымъ формаль-

*) См. „Благовѣщенская утопія“, „Вѣстникъ Европы“, іюль, 1910 г.

нымъ соглашеніемъ съ Китаемъ по отношенію къ концессіи, выданной обществу Китайской Восточной желѣзной дороги,—Россія не преминетъ вывести свои войска изъ предѣловъ сосѣдней имперіи, если однако этому не послужитъ препятствіемъ образъ дѣйствій другихъ державъ».

На совѣщаніяхъ посланниковъ въ Пекинѣ по выработкѣ коллективнаго требованія о вознагражденіяхъ и возмездіяхъ, связанныхъ съ мятежемъ, г. Гирсъ неизмѣнно отстаивалъ всевозможныя облегченія и наименѣе суровыя мѣры наказанія, тщательно устраняя отъ обсужденія требованія, имѣвшія цѣлью пріобрѣтеніе державами новыхъ преимуществъ въ Китаѣ или заключавшія въ себѣ посягательство на его верховныя права. Наша дипломатія не переставала желать скорѣйшаго очищенія Маньчжуріи, на условіяхъ, обезпечивающихъ насъ отъ возможности повторенія смутъ. Смѣнившій г. Гирса новый посланникъ въ Пекинѣ г. Лессаръ тотчасъ по своемъ прибытіи указывалъ на ненормальность длительной оккупаціи, портившей отношенія наши съ Китаемъ; слѣдовало устранить возможно скорѣе эти поводы возбужденія противъ насъ китайцевъ, которыми ловко пользовались наши соперники.

Этотъ взглядъ раздѣлялся, повидимому, и министромъ иностранныхъ дѣлъ, но среди вліятельныхъ круговъ Петербурга шла агитація въ пользу оставленія нашихъ войскъ въ Маньчжуріи; вслѣдствіе этого происходило колебаніе, какое рѣшеніе лучше принять. Для многихъ присоединеніе Маньчжуріи казалось крайне заманчивымъ, въ немъ видѣли единственно вѣрное обезпеченіе обширныхъ интересовъ, связанныхъ съ постройкою желѣзной дороги. Противники присоединенія указывали на рискъ вооруженнаго столкновенія съ Японіей, быть-можетъ, и съ Англіей, въ то время какъ наша боевая готовность на Д.-Востокѣ далеко не отвѣчала такого рода возможностямъ. Кромѣ того присоединеніе Маньчжуріи было бы связано съ новыми громадными затратами на управленіе и судъ.

Въ іюлѣ 1901 г. китайское правительство предложило возобновить переговоры объ очищеніи Маньчжуріи, прерванные въ началѣ самими китайцами. Въ виду этого гр. Ламсдорфъ обратился къ министрамъ финансовъ и военному съ категорическимъ запросомъ, оставаться ли намъ въ Маньчжуріи, или вернуть ее Китаю. Министръ финансовъ выразилъ самое рѣшительное мнѣніе противъ захвата Маньчжуріи; военный министръ, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, высказался въ томъ смыслѣ, что присоединеніе къ Россіи трехъ занятыхъ нами

Маньчжурскихъ провинцій «не можетъ быть признано ни желательнымъ, ни особенно своевременнымъ».

Лессару поручено было возобновить переговоры. 26 марта 1902 г. было подписано соглашеніе объ эвакуаціи Маньчжуріи въ теченіе $1^1/_2$ года въ три срока, если въ области не возникнетъ смутъ. Соглашеніе устанавливало извѣстный контроль надъ численностью китайскихъ войскъ въ Маньчжуріи и опредѣляло обязательства Китая относительно желѣзныхъ дорогъ въ юго-западной части этой области. Въ официальномъ сообщеніи по этому поводу русское правительство заявляло, что въ случаѣ нарушенія одного изъ условій, принятыхъ Китаемъ, Россія не будетъ считать себя связанной ни этимъ соглашеніемъ, ни предъидущими заявленіями.

Пока еще шли переговоры съ Китаемъ, осенью 1901 г., въ Петербургъ прибылъ въ качествѣ частнаго путешественника маркизъ Ито. Это былъ безспорно самый выдающійся по своему уму и положенію на родинѣ японскій государственный дѣятель, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ въ правительственныхъ и парламентскихъ кругахъ въ Токіо. Вопреки возбужденію японскаго общественнаго мнѣнія противъ Россіи, Ито продолжалъ вѣрить въ возможность мирнаго разрѣшенія дальневосточнаго кризиса путемъ исчерпывающаго соглашенія съ Россіей. Не облеченный официальной миссіей и далеко не располагая безраздѣльной поддержкой кабинета Катцуры, онъ въ силу своего личнаго положенія и по собственному почину рѣшилъ сдѣлать еще одну попытку столковаться съ русскимъ правительствомъ.

17/30 ноября 1901 г., японскій государственный дѣятель посѣтилъ русскаго министра ин. д. и высказалъ ему свой взглядъ относительно желательности соглашенія, схожаго съ тѣмъ, которое въ свое время предлагалъ бар. Нисси. Полная свобода дѣйствій Японіи въ Кореѣ и Россіи въ Маньчжуріи—таковъ былъ смыслъ предложенія Ито.

«Мы не отвергаемъ, что вы имѣете крупные интересы въ Кореѣ,—сказалъ графъ Ламсдорфъ своему собесѣднику во время происшедшаго между ними обмѣна мнѣній,—но вѣдь и Россія не можетъ совершенно отрѣшиться отъ своихъ интересовъ въ этой сопредѣльной странѣ. Нынѣ мы имѣемъ право держать равное съ вами число войскъ въ Кореѣ. Вы желали бы обезпечить за Японіей исключительное право вооруженнаго вмѣшательства; такое преимущество существенно измѣнитъ наше положеніе и можетъ привести къ созда-

нію вами въ Кореѣ стратегическихъ позицій, что не можетъ быть допущено. Мы не можемъ подвергать опасности наши сообщенія между Владивостокомъ и южными портами. Какую гарантію противъ этого могли бы вы предложить?».

Маркизъ Ито отвѣтилъ: «Мы можемъ вамъ дать священное обѣщаніе, что никогда порты южной Кореи не будутъ укрѣплены и что мы никогда не станемъ угрожать вашимъ сообщеніямъ, которымъ вы, конечно, имѣете право обезпечить полную свободу; но ваши моряки хотятъ овладѣть портомъ и устроить стоянку, что привело бы къ господству вашему надъ Кореей, подобно тому, какъ англичане, владѣя Гибралтаромъ, властвуютъ надъ Средиземнымъ моремъ, а на это мы не могли бы согласиться, потому что такимъ образомъ опять-таки уничтожилась бы необходимая для Японіи независимость Кореи. Успокоивъ разъ навсегда японскій народъ въ этомъ отношеніи, вы могли бы впредь дѣйствовать, какъ вамъ угодно, въ Китаѣ. Нынѣ, къ счастью, кризисъ конченъ, но весьма возможно, что событія прошлаго года повторятся въ недалекомъ будущемъ; со стороны Китая можно ожидать всякихъ сюрпризовъ, и тогда вы свободны дѣлать все, что вамъ угодно, не опасаясь никакого противодѣйствія со стороны Японіи».

Маркизъ Ито уѣхалъ изъ Петербурга, не достигнувъ цѣли своей поѣздки. До его отъѣзда изъ Токіо, А. П. Извольскій, бывшій въ то время посланникомъ, предупреждалъ министерство ин. д., что, по его мнѣнію, попытка Ито является послѣдней картой въ миролюбивомъ разрѣшеніи вопроса, путемъ русско-японскаго соглашенія. Эта оцѣнка вскорѣ нашла себѣ подтвержденіе въ англо-японскомъ соглашеніи, состоявшемся, какъ говорятъ, безъ вѣдома Ито, 17/30 января 1902 года. Въ силу этого соглашенія Японія получала увѣренность, что, въ случаѣ войны съ Россіей, она не окажется изолированной противъ коалиціи державъ, какъ въ 1895 г., ибо каждая изъ договаривающихся державъ обязывалась придти другой на помощь въ случаѣ, если бы ей пришлось воевать съ двумя или болѣе державами. Вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ до тѣхъ поръ мы имѣли дѣло съ одной Японіей, отнынѣ приходилось считаться и съ Англіей, ибо новое соглашеніе устанавливало солидарность обѣихъ державъ на Д. Востокѣ. Отвѣтомъ на англо-японское сближеніе была франко-русская декларація, равнымъ образомъ подтверждавшая солидарность Россіи и Франціи въ охранѣ statu quo въ Китаѣ, которое, очевидно, понималось каждой державой по-своему. Обсуждая значеніе этого

акта въ случаѣ возможной войны съ Японіей, А. П. Извольскій приходилъ къ справедливому выводу, что едва ли намъ было бы выгодно вовлекать въ нее нашу союзницу, ибо въ этомъ случаѣ мы имѣли бы противъ себя и Англію, а соединенныя морскія силы этихъ обѣихъ державъ значительно превосходили бы русскую и французскую эскадры.

Впрочемъ Франція вовсе не имѣла въ виду распространить дѣйствіе своего союза съ Россіей на Азію, какъ о томъ заявилъ французскій министръ ин. д. въ парламентѣ черезъ нѣсколько дней послѣ опубликованія декларации. Каковъ же былъ въ такомъ случаѣ смыслъ ея?—справедливо говоритъ Тардье. «Совмѣстное заявленіе ввело въ заблужденіе русское общественное мнѣніе, побуждая его разсчитывать на возможную поддержку Франціи. Оно раздражало японцевъ... и пріучало весь міръ къ мысли о войнѣ, противополагая двѣ группы Державъ—Японію и Англію, Францію и Россію *).

Соглашеніе съ Англіей значительно развязало руки Японіи. Тѣмъ не менѣе она продолжала дѣйствовать съ прежней осторожностью, избѣгая шумныхъ выступленій и дѣятельно усиливая тѣмъ временемъ свои вооруженія. Что касается насъ, то мы далеко не выдерживали той же мудрой тактики. Какъ-разъ ко времени заключенія англо-японскаго соглашенія относятся оживленіе дѣятельности лѣсопромышленнаго предпріятія на Ялу и далѣе, учрежденіе лѣтомъ 1903 года намѣстничества на Д.-Востокѣ. Оба эти факта были гораздо болѣе шумными, чѣмъ цѣлесообразными выступленіями; они давали законное основаніе подозрѣвать Россію въ захватныхъ замыслахъ.

Лѣтомъ 1903 г., вновь возникли сомнѣнія, оставаться ли намъ въ Маньчжуріи, или приступить къ ея очищенію. Опасеніе внезапнаго разрыва отношеній съ Японіей вызывало у начальника Квантунской области (впослѣдствіи намѣстника) желаніе замедлить эвакуацію. Въ Петербургѣ раздавались голоса въ противоположномъ смыслѣ. Китайскому правительству были предъявлены новыя условія эвакуации. Ссылаясь на ихъ противорѣчіе съ текстомъ соглашенія 1902 г., китайцы отвѣчали на нихъ отказомъ. Тонъ ихъ отвѣтовъ значительно измѣнился подъ воздѣйствіемъ Японіи, Англіи и Америки. Между тѣмъ, въ самый день учрежденія намѣстничества, 30 іюля 1903 г., японскій посланникъ въ Петербургѣ передалъ гр. Ламсдорфу новый проектъ соглашенія, весьма схожій съ прежними. Снова начались

*) Tardieu: „La France et les alliances“, Paris, 1909; p. 22.

переговоры, которые велись между Токіо, Портъ-Артуромъ, гдѣ пребывалъ намѣстникъ, и Петербургомъ. Мы, съ своей стороны, не хотѣли признавать права Японіи вмѣшиваться въ наши отношенія съ Китаемъ въ Маньчжуріи, а съ другой—неохотно шли на полный отказъ отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ корейскія дѣла въ пользу Японіи. Что касается послѣдней, то мало-по-малу, подъ вліяніемъ возрастающаго возбужденія въ странѣ и подъ давленіемъ Англіи, которая была гораздо больше заинтересована оборотомъ дѣлъ въ Китаѣ, нежели въ Кореѣ, она выказывала все меньше и меньше уступчивости въ своихъ требованіяхъ.

Послѣдній шансъ сохраненія мира заключался въ рѣшимости безповоротно отказаться отъ Кореи и тѣмъ обезпечить свою свободу дѣйствій въ Маньчжуріи. Такъ смотрѣлъ на дѣло бар. Розенъ, вновь вернувшійся на постъ посланника въ Токіо. «Если мы, по важнѣйшимъ соображеніямъ общей политики Россіи, не можемъ теперь же удѣлить для Крайняго Востока совершенно необходимыя силы, на которыя должна бы опереться, чтобы быть успѣшною, политика одновременнаго преслѣдованія намѣченныхъ еще въ 1896 году задачъ нашихъ и въ Маньчжуріи, и въ Кореѣ»,—телеграфировалъ онъ въ Петербургъ 24 октября (6 ноября) 1903 г.,—то остается одинъ исходъ: совершенное оставленіе до поры до времени той изъ этихъ задачъ, осуществленіе которой во всякомъ случаѣ можетъ относиться лишь къ весьма отдаленному будущему, и сосредоточеніе всѣхъ силъ, которыми мы можемъ располагать и всего нашего вниманія на той исполинской задачѣ въ Маньчжуріи, въ преслѣдованіи которой уже пролито столько русской крови и принесены уже столь громадныя жертвы достояніемъ русскаго народа, и отъ выполненія которой уклониться Россія уже не можетъ безъ существеннаго ущерба ея обаянію и политическимъ интересамъ, какъ міровой державы на Крайнемъ Востокѣ. Если допустить основательность этого разсужденія и если будетъ признано необходимымъ скорѣйшее заключеніе соглашенія съ Японіей, то представлялось бы предпочтительнымъ, вмѣсто какихъ бы то ни было принципіальныхъ уступокъ въ маньчжурскомъ вопросѣ, предложить Японіи полное разграниченіе обоюдныхъ сферъ интересовъ. Соглашеніе на этомъ основаніи могло бы состоять всего изъ трехъ пунктовъ: взаимнаго признанія Маньчжуріи стоящею совершнное внѣ сферы японскихъ интересовъ, и Кореи—совершенно внѣ сферы русскихъ, обязательства Японіи не воздвигать на корейскихъ берегахъ военныхъ сооруженій, могущихъ угрожать свободѣ плаванія въ

Корейскомъ проливѣ, и замѣны этимъ всѣхъ прежнихъ соглашеній по корейскимъ дѣламъ. Такое предложеніе могло бы еще имѣть нѣкоторые шансы на успѣхъ даже и при нынѣшнемъ настроеніи Японіи, жаждущей уже не вытѣсненія насъ изъ Кореи только, а одержанія надъ нами нравственной побѣды вынужденіемъ насъ къ отступленію отъ принятаго Императорскимъ правительствомъ принципіальнаго положенія въ маньчжурскомъ вопросѣ».

Предложенію бар. Розена не суждено было осуществиться. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ мы шагъ за шагомъ уступали японцамъ, цѣпляясь однако за различныя обходныя выраженія и слова, возбуждая лишь подозрительность Японіи и побуждая ее къ рѣшимости довести дѣло до конца.

Дипломатическія отношенія были прерваны 24 января 1904 г. и возобновились заключеніемъ мирнаго договора въ Портсмутѣ 23 августа (5 сентября) 1905 года.

Главныя основанія портсмутскаго договора состояли въ слѣдующемъ. Россія признавала «за Японіей въ Кореѣ преобладающіе интересы политическіе, военные и экономическіе» и обязывалась не вмѣшиваться въ тѣ мѣры, которыя Японія сочтетъ нужными принять въ этой странѣ (ст. II). Русское правительство объявляло, «что оно не обладаетъ въ Маньчжуріи земельными преимуществами, либо преференціальными или исключительными концессіями, могущими затронуть верховныя права Китая, или несовмѣстимыми съ принципомъ равноправности» (ст. III). Россія уступала Японіи, съ согласія китайскаго правительства, аренду Портъ-Артура, Таліена и прилегающихъ территорій и территоріальныхъ водъ со всѣми правами, преимуществами и казенными сооруженіями и имуществомъ, далѣе желѣзную дорогу между ст. Куанъ-ченъ-цзы и Портъ-Артуромъ, также со всѣми правами и имуществомъ, принадлежащими дорогѣ (ст. V и VI). Уступалась южная часть острова Сахалина, причемъ обѣ державы обязались не возводить на самомъ Сахалинѣ и прилегающихъ островахъ военныхъ укрѣпленій, и обязались не принимать никакихъ мѣръ, препятствующихъ свободному плаванію въ проливахъ Лаперузовомъ и Татарскомъ (ст. IX). Наконецъ, Россія обязывалась: «войти съ Японіей въ соглашеніе въ видахъ предоставленія японскимъ подданнымъ правъ по рыбной ловлѣ вдоль береговъ русскихъ владѣній въ моряхъ Японскомъ, Охотскомъ и Беринговомъ» (ст. XI).

Какъ видно изъ перечисленныхъ условій, Портсмутскій договоръ обозначалъ полную ликвидацію политики поступательнаго имперіа-

лизма Россіи на Дальнемъ Востокѣ. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что имъ не только заканчивается извѣстная эпоха въ исторіи нашей внѣшней политики, но и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается новая эра въ дальнѣйшемъ направленіи всей государственной жизни Россіи.

Со времени постройки Сибирскаго пути, и въ особенности съ того момента, когда его рельсы перешли за наши границы, громадныя средства не переставали отливать изъ коренной Россіи на далекую окраину и въ чуждыя намъ области. Центръ тяжести какъ-будто перемѣстился изъ внутренняго средоточія Россіи на одну изъ частей ея окружности. Теперь онъ вновь вернулся на прежнее мѣсто. Въ чреду назрѣвшихъ вопросовъ выступили задачи внутренняго обновленія и подъема производительныхъ силъ коренной Россіи. Съ этимъ новымъ направленіемъ внутренней жизни государства принуждена считаться и его внѣшняя политика.

Разъ мы рѣшили признать результаты войны въ соотвѣтствующихъ статьяхъ мирнаго договора, благоразуміе требовало открыто и прямодушно оцѣнить ихъ значеніе. Съ этой точки зрѣнія не могло быть двухъ оцѣнокъ въ новомъ положеніи, создавшемся для насъ на Дальнемъ Востокѣ: политика поступательнаго имперіализма должна была уступить мѣсто политикѣ обезпеченія и сохраненія того, что у насъ тамъ оставалось, и прежде всего тѣхъ коренныхъ нашихъ владѣній на берегахъ Тихаго океана, отъ которыхъ мы не могли и не должны были отказаться.

Нашъ флотъ былъ уничтоженъ. Мы лишились на сушѣ многихъ изъ опорныхъ базъ, перешедшихъ Японіи. Вновь создавать оборону нашихъ дальневосточныхъ владѣній и содержать на далекой окраинѣ постоянную многочисленную армію значило бы снова итти на громадные непроизводительные расходы. Можно было къ тому же опасаться, что наши вооруженія вновь пробудятъ подозрительность Японіи и она не дастъ намъ довершить ихъ. Оставался другой выходъ изъ положенія— признавъ совершившіеся факты, довести дѣло мира до конца и постараться устранить поводы возможнаго соперничества съ нашими недавними врагами, которыхъ лучше было имѣть съ собою, чѣмъ противъ себя.

Эта мысль легла въ основаніе политики новаго министра иностранныхъ дѣлъ. Портсмутскій договоръ заключалъ въ себѣ не только окончательныя нормы нашихъ новыхъ договорныхъ отношеній съ Японіей, но предусматривалъ обязательства для Россіи заключить дополнительные договоры, изъ коихъ самый существенный касался рыб-

ной ловли вдоль русскаго побережья. Происходившіе въ Петербургѣ переговоры далеко не сразу привели къ благопріятному разультату. Одну минуту отношенія настолько обострились, что можно было опасаться вновь разрыва. Но въ концѣ-концовъ путемъ взаимныхъ уступокъ соглашеніе было достигнуто. Въ силу новой конвенціи, заключенной въ 1907 году на 12 лѣтъ, Японія получала права настолько широкія, что одинъ государственный дѣятель характеризовалъ ихъ въ качествѣ «скрытой контрибуціи» Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ мы поступались довольно серьезными преимуществами. Справедливость требуетъ, однако, признать, что наша рыбная промышленность на Дальнемъ Востокѣ никогда не была сильно развита. Между тѣмъ, рыбная ловля въ нашихъ территоріальныхъ водахъ составляла уже давно жизненный вопросъ какъ для многочисленнаго класса японскихъ промышленниковъ, такъ и для земледѣлія въ Японіи, гдѣ рыбій тукъ является главнымъ матеріаломъ удобренія. Во всякомъ случаѣ приходилось вспомнить пословицу: «Снявши голову, по волосамъ не плачутъ», и примириться съ меньшимъ зломъ ради главной цѣли—упроченія добрососѣдскихъ отношеній съ Японіей. Одновременно были заключены конвенція о пограничномъ размежеваніи въ Маньчжуріи, новый торговый договоръ и, наконецъ, въ довершеніе этихъ актовъ подписана декларація, обезпечивающая охраненіе statu quo на Дальнемъ Востокѣ.

Японія дѣятельно принялась за эксплоатацію и введеніе новыхъ порядковъ въ территоріяхъ, пріобрѣтенныхъ ею на разныхъ юридическихъ основаніяхъ.

Одновременно съ преобразовательной работой въ Кореѣ, направленной къ упроченію своего владычества на полуостровѣ, Японія занялась проведеніемъ нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ и оборудованіемъ портовъ. Въ этихъ мѣропріятіяхъ, равно какъ и въ перестройкѣ Мукденъ-Андунской желѣзной дороги съ замѣной узкой колеи широкою, стратегическія соображенія несомнѣнно играли значительную роль. Впрочемъ, послѣднія не давали еще достаточно основаній, чтобы судить о томъ, какіе мотивы—обороны, или дальнѣйшаго наступленія—руководятъ японской политикой. Какъ бы то ни было, энергія Японіи, въ связи съ нашей бездѣятельностью, породила тревожное настроеніе среди не только населенія, но и самой администраціи нашихъокраинъ. Въ концѣ 1909 года русское общественное мнѣніе всполошилось въ ожиданіи событій, наступленіе которыхъ пессимисты относили не позже, чѣмъ къ 1912 году, когда, по ихъ увѣреніямъ, Японія завершитъ свои приготовленія.

Тревога вспыхнула въ то время, когда, пользуясь пребываніемъ нашего министра финансовъ въ Маньчжуріи, въ Харбинъ на свиданіе съ нимъ выѣхалъ извѣстный кн. Ито. По роковому стеченію обстоятельствъ японскому государственному дѣятелю не пришлось дождаться завершенія своей давнишней завѣтной мечты—установленія прочнаго соглашенія съ Россіей. Онъ былъ убитъ въ Харбинѣ корейцемъ по выходѣ изъ вагона. Для мало освѣдомленныхъ круговъ смерть Ито представлялась какимъ-то роковымъ событіемъ, съ которымъ исчезала послѣдняя надежда на миролюбіе Японіи. По счастью это представленіе оказалось невѣрнымъ. Между русскимъ и японскимъ правительствами вскорѣ завязались переговоры, поводъ которому давали взаимные интересы обѣихъ державъ въ сѣверной и южной Маньчжуріи.

Слѣдуетъ отмѣтить, что до самаго недавняго времени въ направленіи нашей политики на Дальнемъ Востокѣ не чувствовалось полной увѣренности. Въ нашемъ желаніи избѣгать осложненій, мы выказывали уступчивость не только Японіи, но и Китаю. Подъ вліяніемъ этого настроенія, 27 апрѣля 1909 года, наше правительство заключило новое соглашеніе съ Китаемъ, которое должно было регулировать организацію управленія и особую юрисдикцію на полосѣ отчужденія Восточной Китайской желѣзной дороги съ извѣстными уступками китайскому самолюбію. Соглашеніе 27 апрѣля отнюдь нельзя считать, однако, удачнымъ актомъ, каковы бы ни были мотивы его иниціаторовъ. Прежде всего наше правительство, выступая контрагентомъ соглашенія, сходило съ прежней принципіальной почвы, когда юридическимъ лицомъ признавалось общество Китайской Восточной желѣзной дороги, а не правительство. Далѣе, мы подавали поводъ другимъ державамъ, подданные коихъ въ Китаѣ пользуются особыми договорными преимуществами въ области юрисдикціи, протестовать противъ односторонняго нашего соглашенія съ Китаемъ, поскольку имъ регулировалось положеніе этихъ подданныхъ на полосѣ отчужденія. Такъ и случилось. Протестъ воспослѣдовалъ со стороны Германіи и Америки. Поощряемый послѣднею, Китай также выразилъ протестъ, не сразу сообразивъ, что онъ давалъ намъ поводъ вернуться къ гораздо менѣе выгодному для него statu quo ante соглашенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что существующая извѣстная неопредѣленность положенія въ сѣверной Маньчжуріи, способная вредно отражаться на нашихъ интересахъ, находила полную аналогію у японцевъ въ южной Маньчжуріи; происки американской дипломатіи въ данномъ случаѣ

только яснѣе обнаруживали солидарность нѣкоторыхъ интересовъ Россіи и Японіи. Хотя сближеніе между этими обѣими державами едва ли могло соотвѣтствовать интересамъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, однако, нельзя не признать, что руководители ея внѣшней политики своимъ мало тактичнымъ поведеніемъ не мало ему способствовали. Въ декабрѣ 1909 года европейскую печать облетѣло предложеніе американскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ Нокса о нейтрализаціи желѣзнодорожныхъ предпріятій въ Манчжуріи.

По словамъ «Россіи» сущность этого предложенія заключалась «въ предоставленіи всѣхъ дорогъ въ Манчжуріи, какъ существующихъ, такъ и имѣющихъ быть построенными, въ собственность китайскаго правительства, при чемъ, однако, онѣ должны находиться подъ между народнымъ контролемъ, степень вліянія въ которомъ каждой державы будетъ опредѣляться долею ея участія въ томъ займѣ, который будетъ необходимъ для осуществленія этого предпріятія; въ случаѣ же невозможности выполнить этотъ планъ во всемъ объемѣ, державамъ предлагается участіе въ финансированіи линіи Цзиньчжоу—Таонаньфу—Айгунъ; образованный для этой цѣли международный синдикатъ взялъ бы на себя также и постройку всѣхъ будущихъ желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи и покупку тѣхъ или другихъ изъ существующихъ уже тамъ линій».

Вопреки элементарнымъ требованіямъ дипломатической предосторожности, изложенное предложеніе стало достояніемъ широкой публики раньше, чѣмъ американское правительство получило возможность ознакомиться съ отношеніемъ къ нему наиболѣе заинтересованныхъ державъ.

Проектъ Нокса ставилъ русскую дипломатію передъ необходимомостью произвести выборъ между двумя рѣшеніями, отъ которыхъ зависѣло все дальнѣйшее направленіе нашей политики на Дальнемъ Востокѣ. Рѣшеніе было не изъ легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, американское предложеніе во многихъ отношеніяхъ представлялось соблазнительнымъ. Прежде всего съ переходомъ Китайской Восточной дороги въ руки международнаго синдиката, мы не только освобождались отъ ежегоднаго многомилліоннаго дефицита, вызываемаго охраной и эксплоатаціей дороги, но и получали возмѣщеніе значительной части тѣхъ громадныхъ суммъ, которыхъ стоило намъ сооруженіе. Освободившіяся такимъ образомъ средства могли пойти на оборону нашихъ окраинъ. Помимо того, заинтересовывая Америку и другія державы въ нашихъ предпріятіяхъ, мы какъ будто выходили бы изъ нашего опаснаго одиночества на Дальнемъ Востокѣ.

Условіемъ осуществленія проекта Нокса было, однако, согласіе не только Россіи, но и Японіи, ибо частичная нейтрализація теряла значительную долю заманчивости для капиталистовъ. Между тѣмъ, Японія была заживо задѣта этимъ покушеніемъ на недавнія ея пріобрѣтенія, которыя она цѣнила тѣмъ болѣе, чѣмъ дороже они ей стоили. Если въ данномъ случаѣ можно сдѣлать нѣкоторый упрекъ русской дипломатіи, такъ это въ томъ, что, учитывая заранѣе отказъ Японіи на формальное предложеніе Америки, она, съ своей стороны, повидимому, зачѣмъ-то поторопилась. Получилось впечатлѣніе нѣкотораго пересола; мы отказались раньше, чѣмъ Японцы, и несмотря на вѣжливую форму отказа, все же безъ надобности первые приняли на себя исполненіе этой обязанности, что было, конечно, въ той же мѣрѣ пріятно Японіи, какъ и непріятно Америкѣ. Но это, конечно, мелочи, не способныя затемнить отъ насъ наиболѣе существенную сторону вопроса.

Главнымъ соображеніемъ въ этомъ дѣлѣ было то, что въ случаѣ нашего согласія на американское предложеніе, мы имѣли бы противъ себя Японію и врядъ ли получили бы взамѣнъ дѣятельную поддержку Америки. Экономическое соглашеніе съ послѣднею еще не было бы равносильно съ соглашеніемъ политическимъ, на которое едва ли когда-нибудь пошло бы федеральное правительство. Но, даже если предположить осуществленіе столь мало вѣроятнаго факта, то все же пришлось бы притти къ заключенію, что въ качествѣ реальной силы Америка еще долго не въ состояніи сравняться съ Японіей на Дальнемъ Востокѣ. Пусть въ новомъ свѣтѣ тратятся громадныя деньги на сооруженіе флота, но однихъ денегъ недостаточно для созданія соотвѣтствующей боевой силы. Армія и флотъ сильны не только своимъ оборудованіемъ, но и своей организаціей и духомъ; мы не отрицаемъ высокаго патріотизма американскаго народа; мы не сомнѣваемся, что если бы дѣло зашло о самооборонѣ, о защитѣ своей земли отъ иностраннаго вторженія, то, какъ въ старь, въ немъ проявились бы тѣ же качества самоотверженія и мужества, которыя помогли бы ему отстоять свое достояніе. Но американцы по существу не народъ завоевателей. Едва ли изъ-за интересовъ въ Китаѣ станутъ они рисковать войной съ Японіей, которая при всей скромности своихъ денежныхъ средствъ, обладаетъ тѣмъ исторически воспитавшимся въ ней воинственнымъ духомъ, котораго ни за какія деньги не купишь. Разумѣется, эти общія соображенія не устраняютъ того факта, что съ прорытіемъ Панамскаго перешейка, военно-морское значеніе Америки

почти удвоится, и Америка станетъ важнымъ факторомъ во всѣхъ проблемахъ Дальняго Востока. Это обстоятельство нельзя не имѣть въ виду, но все же скорѣе для комбинацій въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ. А рѣшеніе приходилось принимать, имѣя въ виду наличное соотношеніе силъ.

Отклоненіе американскаго проекта, какъ мы уже замѣтили, вызывало необходимость твердаго опредѣленія дальнѣйшаго курса нашей политики. На рѣшеніе нашего правительства повліяло, повидимому, еще то соображеніе, что китайская восточная дорога является пока единственнымъ путемъ сообщенія по сушѣ между центромъ Россіи и ея окраинами. Даже по окончаніи амурской дороги, прежняя сохранитъ значеніе кратчайшаго соединенія. Но разъ мы рѣшали оставаться въ Маньчжуріи, отклоняя американскую комбинацію, то уже самый фактъ этого отклоненія сближалъ насъ съ Японіей. Вѣскіе мотивы побуждали наше правительство заявить отрицательное отношеніе и къ проекту постройки Цзиньчжоу-Айгунской желѣзной дороги. Въ той же статьѣ «Россіи» говорилось, что осуществленіе этого проекта «создастъ новый путь, открывающій доступъ съ юга не только къ китайской восточной желѣзной дорогѣ, но также и непосредственно къ русскимъ владѣніямъ у Айгуна, чѣмъ и обусловливается стратегическое и политическое значеніе этого предпріятія; кромѣ того, постройка названной линіи должна внести существенныя измѣненія въ условія обслуживанія китайскою восточною желѣзною дорогою восточной Монголіи и сѣверной Маньчжуріи».

Что касается японцевъ, то и для нихъ новая дорога представлялась невыгодной, поскольку она конкурировала съ ихъ линіей.

Солидарность интересовъ Россіи и Японіи сказывалась и въ томъ, что японцы находились въ аналогичныхъ съ нами условіяхъ въ тѣхъ вопросахъ юрисдикціи, которые вызывали намъ непріятности и осложненія съ другими державами. Американцы спохватились, хотя и слишкомъ поздно, что они дѣйствительно сами «толкаютъ насъ въ объятія Японіи», какъ о томъ предупреждали ихъ въ Петербургѣ. Въ концѣ мая 1910 г. американскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, подъ очевиднымъ воздѣйствіемъ своего посла въ Петербургѣ, находившагося въ то время въ Вашингтонѣ, заявилъ нашему представителю въ этомъ городѣ барону Розену, что имъ посланы инструкціи американскому консулу въ Харбинѣ прекратить впредь протесты и заявленія по поводу введенныхъ нами порядковъ на полосѣ отчужденія. Хотя уступка эта не имѣла сама по себѣ серьезнаго значенія, ибо едва ли

въ Харбинѣ было много американскихъ подданныхъ, но принципіальное значеніе заявленія не подлежало сомнѣнію. Вслѣдъ за этимъ первымъ извѣстіемъ пришло другое. Китай выказывалъ уступчивость въ переговорахъ о регулированіи плаваніи по р. Сунгари, — этому вопросу, который имѣетъ за собой цѣлую исторію въ прошломъ.

Переговоры между Японіей и Россіей однако продолжались, и 21 іюня 1910 г. въ Петербургѣ было заключено соглашеніе, текстъ котораго въ виду его важности мы приводимъ здѣсь сполна: «Императорское россійское правительство и императорское японское правительство, будучи искренно привержены къ тѣмъ принципамъ, которые установлены заключенной между ними 17 (30) іюля 1907 г. конвенціею и желая развить дѣйствіе этой конвенціи, въ видахъ упроченія мира на Дальнемъ Востокѣ, условились дополнить сказанное соглашеніе нижеслѣдующими постановленіями.

Статья 1-ая. Съ цѣлью облегченія сообщеній и развитія международной торговли, обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются оказывать взаимно свое дружеское содѣйствіе въ видахъ улучшенія ихъ желѣзнодорожныхъ линій въ Маньчжуріи и введенія усовершенствованій въ дѣлѣ соединенія сказанныхъ желѣзныхъ дорогъ и воздерживаться отъ всякаго вреднаго для осуществленія этой цѣли соперничества.

Статья 2-ая. Каждая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ обязуется поддерживать и уважать status quo въ Маньчжуріи въ томъ видѣ, какъ оно установлено всѣми договорами, конвенціями и прочими соглашеніями, заключенными до сего дня какъ между Россіей и Японіей, такъ и между этими двумя державами и Китаемъ.

Копіи вышесказанныхъ соглашеній были обмѣнены между Россіей и Японіей.

Статья 3-я. Въ случаѣ возникновенія какихъ-либо событій, могущихъ угрожать вышеупомянутому status quo, обѣ высокія договаривающіяся стороны будутъ входить между собою каждый разъ въ сношенія дабы условиться относительно тѣхъ мѣръ, которыя онѣ сочтутъ нужнымъ принять для поддержанія сказаннаго status quo.

Въ удостовѣреніе сего, нижеподписавшіеся, надлежаще уполномоченные своими правительствами, подписали эту конвенцію и приложили къ ней свои печати.

Заключено въ Петербургѣ, 21 іюня (4-го іюля) 1910 г.

Подписали: министръ иностранныхъ дѣлъ Извольскій и японскій посланникъ бар. Мотоно».

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени заключенія русско-японскаго соглашенія, когда въ газетахъ было опубликовано извѣстіе о состоявшейся аннексіи Кореи. Не подлежитъ сомнѣнію, что оба акта находятся въ тѣсной взаимной между собою связи. Въ нашихъ газетахъ націоналистическаго направленія дѣлались попытки свести значеніе этого событія для насъ къ нулю; указывалось даже, что будто Японія, быть можетъ даже проиграетъ, утративъ свое положеніе исключительно островной державы. Всѣ эти попытки «спасти лицо» едва ли могутъ закрыть отъ насъ истинное положеніе дѣла. Присоединеніе Кореи было неизбѣжнымъ, но все же крайне непріятнымъ для насъ фактомъ. Вѣдь оно не только является послѣдней страницей печальной повѣсти о нашей былой политикѣ въ Кореѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываетъ новую главу въ развитіи японской мощи на континентѣ.

Торжество Японіи не далось ей даромъ, и даже среди ея доброжелателей вызываетъ желаніе скорѣе предать забвенію тѣ жестокости и насилія, которыми сопровождалось насажденіе реформъ, предшествовавшее присоединенію. Въ нашу задачу равнымъ образомъ не входитъ раскрытіе этой стороны японской исторіи, но мы не можемъ не отмѣтить здѣсь характерной подробности, сказавшейся въ финальномъ актѣ. Присоединеніе Кореи обставлено, какъ двухсторонній договоръ между двумя равноправными сторонами—императорами Японіи и Кореи. Развѣ не сказывается въ этомъ штрихѣ основная особенность перениманія японцами европейской культуры, отъ которой они берутъ техническія средства и формы, оставаясь глубоко чуждыми самой ея сути и содержанію? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ европейцу не бросается въ глаза внутренняя несообразность договора между палачемъ и его жертвою, и не подчеркивается ли этимъ еще большее несоотвѣтствіе между неразборчивостью средствъ, сопровождавшихъ политику Японіи въ Кореѣ и тѣмъ лакомъ, которымъ они сочли нужнымъ покрыть фактъ ея присоединенія?

Какъ бы то ни было въ настоящую минуту намъ приходится считаться съ совершившимся фактомъ. Что касается, русско-японскаго соглашенія то важное значеніе его для всей послѣдующей нашей политики на Дальнемъ Востокѣ не подлежитъ сомнѣнію; намъ придется еще говорить о немъ въ связи съ общими выводами относительно современнаго международнаго положенія Россіи. Всесторонняя оцѣнка конвенціи 21 іюня 1910 г. есть дѣло будущаго; мы не можемъ дать ее сейчасъ, потому что не знаемъ, какія послѣдствія на дѣлѣ выведутъ изъ нея обѣ державы, а въ частности русская по-

литика. Въ европейской печати было справедливо отмѣчено, что значеніе этого акта опредѣляется не столько тѣмъ, что въ немъ написано, сколько тѣмъ, какъ оно будетъ осуществляться. Во всякомъ случаѣ его оцѣнка не исчерпывается однимъ непосредственнымъ вліяніемъ на политическое положеніе на Дальнемъ Востокѣ. Соглашеніе двухъ самыхъ сильныхъ державъ на Дальнемъ Востокѣ содержитъ въ себѣ обѣщаніе мира въ этой части свѣта, или во всякомъ случаѣ устраненіе на извѣстное время для Россіи опасности острыхъ осложненій, даже въ томъ случаѣ, если бы поводъ къ послѣднимъ былъ данъ Китаемъ или другими державами. Но если это такъ, то несомнѣнно русско-японская конвенція имѣетъ значеніе и для европейской политики Россіи, которая пріобрѣтаетъ большую свободу дѣйствій, чувствуя свой тылъ въ Азіи болѣе или менѣе обезпеченнымъ. Логика вещей снова возвращаетъ насъ въ Европу, откуда вниманіе наше было отвлечено развитіемъ событій на Дальнемъ Востокѣ. Намъ предстоитъ возстановить связь, которая никогда не порывалась между тѣмъ, что происходило въ одной части свѣта и отражалось въ другой, слѣдуя неизмѣннымъ законамъ исторіи.

V.

Вплоть до русско-японской войны миръ и равновѣсіе въ Европѣ поддерживались противоположеніемъ двойственнаго и тройственнаго союзовъ. Англія пребывала въ «великолѣпномъ одиночествѣ», не связывая себя прочными узами ни съ одной политической комбинаціей. Ея рѣшеніе порвать съ этой традиціей и заключить союзъ съ Японіей было предвѣстникомъ войны, которая вспыхнула черезъ два года. Англійская дипломатія и печать въ значительной степени повинны въ томъ, что Японія рѣшилась на эту войну.

Въ расчетахъ Великобританіи было несомнѣнно ослабленіе какъ Россіи, такъ отчасти и Японіи, которое имѣло бы результатомъ соотвѣтственное усиленіе англійскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ. Никто въ то время не могъ предвидѣть всѣхъ міровыхъ послѣдствій войны, которыя произошли благодаря рѣшительнымъ побѣдамъ Японіи.

Между тѣмъ отвлеченіе русскихъ силъ на Дальній Востокъ начало уже съ 1898 года серьезно озабочивать французскую дипломатію. Въ этомъ году произошелъ извѣстный инцидентъ въ Фашодѣ. Россія заявила, что не уклонится отъ помощи своей союзницѣ, но сама Франція не чувствовала себя готовой, чтобы рѣшиться на разрывъ съ Англіей.

Война была избѣгнута, но приходилось думать о возможности повторенія подобныхъ же инцидентовъ, которые могли бы поставить Францію въ критическое положеніе, въ виду необезпеченности ея континентальнаго фронта. Оставаться въ томъ же положеніи было опасно, нужно было столковаться либо съ Англіей, либо съ Германіей, чтобы не имѣть обѣ эти державы противъ себя. Подъ впечатлѣніемъ Фашоды, въ Парижѣ одно время раздавались голоса, что вѣковой врагъ Франціи—это Англія, и что идея реванша противъ Германіи все равно должна быть оставлена, потому что едва ли въ этомъ отношеніи можно серьезно расчитывать на союзъ съ Россіей, поглощенной заботами о своемъ утвержденіи на берегахъ Тихаго океана, не говоря уже о томъ, что самый союзъ носилъ характеръ строго оборонительный. Въ Берлинѣ спѣшили использовать новое настроеніе французскаго общества, и какъ нерѣдко случается съ берлинскими дипломатами, степени ихъ стремительности не вполнѣ отвѣчала мѣра такта.

Первое впечатлѣніе во Франціи вскорѣ уступило мѣсто болѣе вѣскимъ соображеніямъ: сближеніе съ Германіей весьма легко имѣло бы своимъ послѣдствіемъ стремленіе берлинскаго кабинета наложить тяжелую руку на всю французскую политику; германо-французскій союзъ сталъ бы союзомъ всадника съ лошадью, вспоминая выраженіе Талейрана.

Осенью 1898 г., французскимъ посломъ въ Лондонъ былъ назначенъ г. Поль-Камбонъ. Это былъ убѣжденный сторонникъ сближенія съ Англіей. Въ этомъ отношеніи онъ пользовался полнымъ сочувствіемъ и поддержкой новаго министра ин. д. г. Делькассэ. Оба они постепенно подготавливали почву для сближенія Англіи и Франціи, находя и въ Лондонѣ возраставшую готовность пойти имъ навстрѣчу. Сближенію въ значительной степени способствовали экономическіе интересы. Взаимное довѣріе и стремленіе късоглашенію выразились въ непрерывномъ ростѣ торговаго оборота между обѣими державами. Тенденція къ сближенію значительно усилилась въ 1900 г., когда на престолъ вступилъ Эдуардъ VII. 14 октября 1903 г. была подписана арбитражная конвенція, а 8 апрѣля 1904 г. англо-французское соглашеніе. Послѣднее окончательно размежевывало колоніальные интересы Англіи и Франціи всюду, гдѣ они встрѣчались: въ Ньюфаундлендѣ, западной Африкѣ, Египтѣ, Марокко, Сіамѣ, Мадагаскарѣ и Новыхъ Гебридахъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ того рѣшенія конкретныхъ вопросовъ, которое дано было новымъ соглашеніемъ. Критика, раз-

дававшаяся въ стѣнахъ французскаго парламента была сильнѣе, нежели въ Лондонѣ. Особенное сожалѣніе вызывалъ въ нѣкоторыхъ ораторахъ окончательный отказъ Франціи отъ многихъ старыхъ преимуществъ въ Египтѣ, не окупаемый, по мнѣнію этихъ критиковъ, соотвѣтствующими уступками со стороны Англіи. Но это былъ вопросъ цѣны, неизбѣжно возникающій при каждомъ значительномъ пріобрѣтеніи. Онъ имѣлъ свое значеніе для французовъ, но имъ конечно далеко не исчерпывалось то общее вліяніе, которое суждено было пріобрѣсти англо-французскому соглашенію въ общей экономіи международныхъ отношеній.

Тѣмъ временемъ Россія претерпѣла въ войнѣ съ Японіей пораженія, которыя заставляли опасаться, что русская мощь сокрушена на долгіе годы. Англо-французское соглашеніе не могло само по себѣ возстановить равновѣсіе въ Европѣ, которое было поколеблено. Отсутствіе Россіи, какъ важнаго фактора въ сохраненіи европейскаго мира дало скоро себя почувствовать.

Преслѣдуемая «кошмаромъ коалицій» Германія усмотрѣла въ англо-французскомъ сближеніи заговоръ противъ себя и рѣшила энергично ему воспротивиться. Этой цѣли послужило путешествіе императора Вильгельма въ Марокко, его рѣчь въ Танжерѣ 31 марта 1905 г., и вызывающій образъ дѣйствій, принятый германской дипломатіей по отношенію къ Франціи. Подъ вліяніемъ этихъ тревожныхъ симптомовъ а также сближенія съ нашей союзницей, Англія пришла къ убѣжденію въ желательности скорѣйшаго прекращенія войны и «возвращенія Россіи въ Европу». Въ этомъ смыслѣ она оказывала должное давленіе на Японію при веденіи мирныхъ переговоровъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ заключенія Портсмутскаго договора, на международной конференціи въ Алжезирасѣ, намѣтилась та новая группировка державъ, которая соотвѣтствовала измѣнившимся условіямъ международнаго общенія. Вмѣсто прежней англо-французской вражды можно было наблюдать самую тѣсную солидарность обѣихъ державъ. Далѣе русскій уполномоченный на конференціи имѣлъ инструкціи совершенно совпадавшія съ тѣми, коими руководствовался его англійскій товарищъ. Въ противоположномъ лагерѣ отнюдь не замѣчалось того же согласія.

Австрія оставалась вѣрной союзницей Германіи, но замѣтно было что марокканскія дѣла не слишкомъ близко затрогивали ее; австрійскіе дипломаты прилагали усилія, чтобы склонить берлинскій кабинетъ къ уступчивости. Со стороны другого члена тройственнаго союза, Италіи,

было выказано еще менѣе расположенія слѣдовать повсюду за Германіей, и въ одномъ изъ серьезныхъ вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію конференціи, итальянскій уполномоченный голосовалъ вмѣстѣ съ англійскимъ, французскимъ и русскимъ коллегами, противъ оставшихся въ одиночествѣ, германскаго и австрійскаго представителей.

Алжезирасская конференція отмѣчаетъ первый шагъ къ сближенію между Россіей и Англіей. Дружныя согласованныя дѣйствія представителей обѣихъ державъ указывали на желаніе лондонскаго и петербургскаго кабинетовъ руководиться во взаимныхъ отношеніяхъ исключительно сознаніемъ измѣнившихся условій и взаимныхъ интересовъ, и предать забвенію прежнія разногласія. Справедливость требуетъ признать, что необходимость поворота въ отношеніяхъ къ Англіи была сознана гр. Ламздорфомъ, т. е. тѣмъ самымъ министромъ, при которомъ англо-русскій антагонизмъ достигъ высшаго своего напряженія. Его преемнику, не стѣсненному никакими тяжелыми воспоминаніями, было еще легче дѣйствовать въ томъ же направленіи. Ему предстояло ввести русскую политику въ новое русло, но для этого нужно было прежде всего покончить со всѣми старыми счетами, устранить самую возможность новыхъ треній и взаимныхъ подозрѣній, которыя преграждали путь къ взаимному пониманію и сближенію между вѣковыми соперниками. То, что было понято гр. Ламздорфомъ, было блестяще выполнено А. П. Извольскимъ.

VI.

18/31 августа 1907 г. въ Петербургѣ была заключена англо-русская конвенція, распадающаяся на три части сообразно странамъ, которыя составляли предметъ соглашенія: Персію, Афганистанъ и Тибетъ. Сущность конвенціи заключалась въ слѣдующемъ:

1) *Персія.* Договаривающіяся правительства согласились, «что каждое изъ нихъ имѣетъ по причинамъ географическаго и экономическаго свойства, спеціальный интересъ въ поддержаніи мира и порядка въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи, смежныхъ или сосѣднихъ съ русской границей, съ одной стороны, и съ границами Афганистана и Белуджистана съ другой. Англія обязывалась «не домогаться для самой себя и не поддерживать въ пользу британскихъ подданныхъ, какихъ-либо концессій политическаго или торговаго свойства, по ту сторону линіи, идущей отъ Касри Ширина черезъ Исфаганъ, Іездъ, Хаккъ и оканчивающейся въ точкѣ на персидской границѣ при пере-

сѣченіи границъ русской и афганской, и не противиться ни прямо ни косвенно требованіямъ подобныхъ концессій въ этой области, поддерживаемыхъ россійскимъ правительствомъ» (ст. I.). Совершенно аналогичное обязательство брало на себя русское правительство «по ту сторону линіи, идущей отъ афганской границы черезъ Газикъ, Бирджанъ, Керманъ, и оканчивающейся въ Бендеръ-Аббасѣ» (ст. II).

Между вышеупомянутыми линіями устанавливалась нейтральная зона (ст. III). Условлено, что доходы всѣхъ персидскихъ таможенъ, за исключеніемъ таможенъ Фарсистана и Персидскаго залива» будутъ по прежнему обезпечивать погашеніе и проценты по займамъ, заключеннымъ правительствомъ шаха въ учетно-ссудномъ банкѣ Персіи, а доходы таможенъ Фарсистана и Персидскаго залива, равно какъ и доходы рыбныхъ ловель на персидскомъ побережьѣ Каспійскаго моря, а также почтъ и телеграфовъ пойдутъ, какъ и въ прошломъ, на платежи по займамъ заключеннымъ у персидскаго шахиншахскаго банка (ст. IV). Въ случаѣ неисправности въ платежахъ по займамъ, и если представится необходимость для Россіи или для Англіи «установить контроль надъ источниками доходовъ, обезпечивающими правильное поступленіе платежей по займамъ», оба правительства «обязуются войти предварительно въ дружественный обмѣнъ мыслей въ видахъ опредѣленія по взаимному согласію означенныхъ мѣръ контроля и избѣжанія всякаго вмѣшательства, которое не было бы согласно съ принципами, служащими основаніемъ настоящему соглашенію» (ст. V).

2) *Афганистанъ*. «Правительство его британскаго величества объявляетъ, что оно не имѣетъ намѣренія измѣнять политическое положеніе Афганистана», оно «обязуется, кромѣ того, осуществлять свое вліяніе въ Афганистанѣ только въ миролюбивомъ смыслѣ», воздерживаясь само и воздерживая Афганистанъ отъ «мѣръ, угрожающихъ Россіи». Съ своей стороны русское правительство «признаетъ Афганистанъ находящимся внѣ сферы русскаго вліянія», будетъ пользоваться для всѣхъ политическихъ сношеній посредствомъ Англіи, и «обязуется не посылать никакихъ агентовъ въ Афганистанъ» (ст. I). Англія обязуется не занимать никакой части территоріи Афганистана, не вмѣшиваться во внутреннія его дѣла, если Эмиръ будетъ выполнять свои обязательства (ст. II).

3) *Тибетъ*. «Обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются уважать территоріальную цѣлость Тибета и воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ его внутреннее управленіе» (ст. I). «Сообразуясь

съ признаннымъ принципомъ сюзеренитета Китая надъ Тибетомъ, Россія и Великобританія обязуются сноситься съ Тибетомъ только черезъ посредство китайскаго правительства» (ст. II).

Оба правительства обязуются «не посылать представителей въ Лхассу» (ст. III), не пріобрѣтать и не домогаться для себя и своихъ подданныхъ никакихъ концессій въ Тибетѣ (ст. IV); «оба правительства согласны въ томъ, что никакая часть доходовъ Тибета, ни въ натурѣ, ни деньгами, не можетъ быть заложена или предоставлена какъ Россіи и Великобританіи, такъ и ихъ подданнымъ» (ст. V).

Одновременно съ подписаніемъ англо-русскаго соглашенія великобританскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ обратился къ англійскому послу въ Петербургѣ съ депешей, которая была опубликована въ Синей книгѣ и можетъ быть разсматриваема какъ существенное дополненіе къ остальнымъ актамъ. Въ этой депешѣ сэръ Эдвардъ Грэй объяснялъ, почему вопросъ о Персидскомъ заливѣ не нашелъ себѣ мѣста въ конвенціи. По его словамъ, соглашеніе, касающееся Персіи, ограничено областями, соприкасающимися съ территоріями Англіи и Россіи. Персидскій заливъ не входитъ въ эту категорію и его берега не входятъ цѣликомъ въ территорію Персіи. Вслѣдствіе этого было признано несоотвѣтственнымъ вводить въ соглашеніе декларацію объ особыхъ интересахъ Англіи, представляющихъ «результатъ дѣйствія Великобританіи въ этихъ водахъ болѣе, чѣмъ за 100 лѣтъ». Въ теченіе переговоровъ русское правительство «опредѣленно заявило, что оно не отрицаетъ особыхъ интересовъ Великобританіи на Персидскомъ заливѣ», и Англійское правительство приняло это заявленіе къ свѣдѣнію. Вслѣдствіе этого оно съ своей стороны, подтвердило свое намѣреніе «продолжать направлять всѣ усилія къ сохраненію status quo на проливѣ и поддержанію британской торговли», «не желая исключать законную торговлю какой-либо другой державы».

Опубликованіе англо-русскаго соглашенія дало поводъ интереснымъ и содержательнымъ преніямъ въ обѣихъ англійскихъ палатахъ и любопытнымъ коментаріямъ въ печати. Хотя въ Англіи раздавались голоса, укорявшіе правительство за слишкомъ крупныя уступки, будто бы сдѣланныя Россіи, особенно въ Персіи, однако наиболѣе рѣзкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ компетентный, критикъ соглашенія, а именно бывшій вице-король Индіи, лордъ Керзонъ заявилъ, что, по его мнѣнію, за послѣдніе 50 лѣтъ англійскимъ правительствомъ не было заключено акта болѣе важнаго и могущаго имѣть болѣе

отдаленныя послѣдствія. Ни одинъ изъ ораторовъ не начиналъ, или не кончалъ, своей рѣчи безъ заявленія, что самый фактъ ликвидаціи старыхъ пререканій между Россіей и Великобританіей представляетъ несомнѣнно крупное пріобрѣтеніе, котораго нельзя не привѣтствовать. Такимъ образомъ различіе въ оцѣнкѣ сводилось лишь къ вопросу о томъ, насколько дорого обошлись Англіи ея уступки.

Критики указывали, что раздѣленіе сферъ вліянія отводило Россіи львиную долю въ торговомъ и экономическомъ отношеніяхъ, ибо всѣ важнѣйшіе торговые пути лежали въ нашей сферѣ, она заключала въ себѣ наиболѣе богатыя и густо заселенныя области, съ главными торговыми центрами, и въ томъ числѣ со столицею Персіи—Тегераномъ. По словамъ Керзона, Англія съ легкимъ сердцемъ поступалась столѣтними усиліями въ пользу Россіи.—«Что сдѣлано нами за эти сто лѣтъ? — возражалъ сэръ Грэй.—Въ теченіе большей части этого столѣтія у насъ не было ни торговаго, ни политическаго соперника въ Персіи. Подвигаясь съ юга, мы могли дѣлать все, что хотѣли. Мы получили концессіи для Имперскаго Персидскаго банка, для судоходства по Каруну; для проведенія дороги отъ Ахваза къ Тегерану, и другую концессію на дорогѣ отъ Ахваза, которыя, повидимому, оказались неосуществимы вслѣдствіе характера населенія, обладающаго этими путями. Все это мы получили, но если таковъ результатъ послѣднихъ 100-лѣтнихъ усилій дипломатіи и промышленности въ Персіи, каковъ же былъ бы онъ въ теченіи слѣдующихъ 100 лѣтъ безъ нынѣшняго соглашенія? Я прошу палату припомнить перемѣну, происшедшую въ Персіи за послѣднія 20 лѣтъ. Въ южной Персіи 20 лѣтъ тому назадъ не было ни русскихъ консуловъ, ни русской торговли; не существовало русскаго банка. Теперь, за эти 20 лѣтъ, проложена транскаспійская желѣзная дорога, сооружены три дороги въ Тегеранъ и Мешхедъ. Русская торговля идетъ на югъ и соперничаетъ съ нашей; русскіе субсидированные пароходы заходятъ въ Персидскій заливъ; Россія имѣетъ генеральныхъ консуловъ въ Испагани, Буширѣ, консуловъ въ Бендеръ-Аббасѣ, Керманѣ, Хамаданѣ и Сеистанѣ, и она провела телеграфъ въ Сеистанъ. И за всѣмъ этимъ встаетъ воинственная сѣнь русскихъ силъ. Всякій, кто посмотритъ на карту и увидитъ какъ расположены русскія и персидскія территоріи, кто приметъ въ соображеніе не только то, что Россія пріобрѣла въ Персіи въ области концессій и политическаго вліянія въ Тегеранѣ, но и значительныя военныя силы, которыя она каждую минуту можетъ перебросить черезъ сѣверную границу Персіи,—тотъ увидитъ, какъ сѣнь

русскаго вліянія за послѣднія 20 лѣтъ распространилась по всему сѣверу Персіи. Прибавимъ къ этому, что за эти 20 лѣтъ персидскимъ правительствомъ были заключены русскіе займы, обезпеченные доходами отъ таможенъ по всей Персіи, исключая Персидскаго залива, и персидское правительство подписало соглашеніе, обязуясь не заключать нигдѣ займовъ, кромѣ какъ въ Россіи, не допускать никакихъ новыхъ желѣзнодорожныхъ концессій въ теченіе извѣстнаго срока; персидскія таможни перешли въ вѣдѣніе иностраннаго контроля, неблагопріятнаго для насъ».

Приведенный отрывокъ изъ рѣчи англійскаго министра прекрасно характеризуетъ положеніе, создавшееся въ Персіи усиліями русской дипломатіи и промышленности *). Мы находимъ въ немъ признаніе достигнутыхъ Россіей результатовъ; послѣ только-что перенесенныхъ нами пораженій въ Маньчжуріи оно, должно было бы служить нравственнымъ удовлетвореніемъ, но въ свое время эта сторона вопроса была недостаточно отмѣчена русской печатью; что касается англичанъ, то съ обычнымъ реализмомъ они предпочли считаться съ фактами, больше, чѣмъ съ самолюбіемъ, и потому рѣшили пойти на закрѣпленіе этихъ фактовъ въ соглашеніи. Полученная ими въ замѣнъ этого признанія выгода, по словамъ сэра Грэя, заключалась въ стратегическомъ значеніи соглашенія, которое дѣлало его «желаннымъ и важнымъ». Сеистанъ представляетъ главный по важности пунктъ, въ которомъ сосредоточивалась наибольшая опасность для интересовъ Индіи. Если бы русскія желѣзныя дороги и русское вліяніе проникли въ Сеистанъ, то тѣмъ самымъ была бы растворена новая дверь для приближенія къ Индіи, новая дорога, которая еще не была открыта... Въ отношеніи къ этимъ мѣстностямъ Азіи стратегическія соображенія, при заключеніи соглашенія, были у насъ преобладающими. Я не хочу быть алармистомъ, что касается опасности вторженія въ Индію. Послѣднее никогда не могло бы быть легкимъ предпріятіемъ. Мое личное убѣжденіе, это—что попытка вторженія для того, кто бы ее сдѣлалъ, была бы сопряжена съ безплодной тратой денегъ и жизней, которая разбилась бы о гигантскія природ-

---

*) Хорошей иллюстраціей этого положенія служатъ слѣдующія недавно опубликованныя цифры внѣшней торговли Персіи:

	1901—02	1904—05	1905—06	1906—07	1907—08	1908—09
	въ милліонахъ кронъ.					
Англія . . .	150,68	147,25	148,42	168,93	205,64	182,80
Россія. . . .	202,18	317,54	391,84	447,79	393,83	408,63

(„Kreuz-Zeitung“, 27 Okt. 1910, № 503).

ныя твердыни, которыя образуютъ границу Индіи. Но это лишь частное мнѣніе. Даже если его придерживаться, то все же приходится признать, что чѣмъ ближе и ближе подходили бы русскія желѣзныя дороги и русская мощь къ наиболѣе слабымъ мѣстамъ границы, тѣмъ болѣе правительство Индіи подвергалось бы тревогѣ и опасеніямъ, и значительнѣе становились бы его требованія усиленія обороны, чтобы быть готовыми ко всякимъ случайностямъ».

Итакъ, главнымъ мотивомъ и основаніемъ въ рѣшеніи конкретныхъ вопросовъ соглашенія было для англичанъ желаніе получить обезпеченіе противъ возможности русскаго нашествія въ Индію. Тотъ же самый интересъ руководилъ ими и въ другихъ вопросахъ,— относительно Афганистана, Тибета и Персидскаго залива.

Что касается Россіи и ея конкретныхъ интересовъ въ этой части Азіи, то мы, несомнѣнно, также выигрывали отъ разграниченія сферъ вліянія въ Персіи. Получая признаніе нашихъ преобладающихъ интересовъ на значительной территоріи, которая являлась естественнымъ рынкомъ для нашихъ товаровъ и поприщемъ для нашихъ предпріятій, мы не могли не выгадывать отъ прекращенія постоянной конкурренціи, постояннаго соперничества, вражды; отъ такого положенія могъ выиграть только tertius gaudens, по справедливому замѣчанію Лорда Лэнсдоуна. Нашъ отказъ отъ дѣятельной политики на югѣ Персіи не былъ сопряженъ съ дѣйствительными матеріальными потерями. Въ самомъ дѣлѣ, въ силу совершенно естественныхъ условій, югъ Персіи тяготѣлъ въ торговомъ отношеніи къ побережью Персидскаго залива, и сухопутный транзитъ для нашихъ товаровъ находилъ себѣ естественный предѣлъ въ томъ районѣ, гдѣ ему пришлось бы соперничать съ дешевымъ морскимъ фрахтомъ. Событія вскорѣ показали, насколько важно было для насъ въ политическомъ отношеніи соглашеніе относительно Персіи, дозволившее намъ ввести свои отряды въ сопредѣльныя области, не только не рискуя натолкнуться на противодѣйствіе Англіи, но встрѣчая съ ея стороны лишь поддержку и сочувствіе. Между тѣмъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о цѣлесообразности экспедицій, имѣвшихъ мѣсто, нельзя не признавать серьезнымъ преимуществомъ возможность при случаѣ оказать должное давленіе въ Персіи въ защиту интересовъ, которые у насъ тамъ имѣются.

Насъ конечно не должны смущать протесты Тегеранскихъ политикановъ, и находящихъ сочувственный откликъ среди нашихъ недоброжелателей въ европейской печати: если ихъ послушать, то всѣ нелады въ Персіи происходятъ отъ присутствія Русскихъ отрядовъ; между

тѣмъ только благодаря имъ еще поддерживается торговое сообщеніе въ сѣверной Персіи. Тѣ же критики замалчиваютъ по чему-то о занятіи Турками Урмійскаго округа,—не потому ли, что оно направлено противъ Россіи *).

Переходя къ оцѣнкѣ соглашенія относительно Афганистана, намъ придется признать, что здѣсь уступка сдѣлана нами безъ соотвѣтствующаго возмѣщенія со стороны Англіи. Наша политика была совершенно послѣдовательной, поскольку мы подтверждали нашу незаинтересованность въ Афганистанѣ. Въ самомъ дѣлѣ уже въ мартѣ 1869 г. кн. Горчаковъ писалъ русскому послу въ Лондонѣ: «Вы можете повторить статсъ-секретарю ея британскаго величества положительное завѣреніе, что Его Императорское Величество считаетъ Афганистанъ стоящимъ совершенно внѣ сферы, въ которой Россія могла бы считать себя призванной оказывать вліяніе. Никакого рода вмѣшательство, противное независимости этого государства, не входитъ въ его расчеты». Это заявленіе было неоднократно повторяемо вплоть до 1902 г. Мы смотрѣли на Афганистанъ какъ на государство-буферъ, существованіе и независимость коего были нужны для добрыхъ отношеній между Россіей и Англіей. Между тѣмъ соглашеніе 1907 года нарушаетъ равенство положеній обѣихъ державъ въ Афганистанѣ. Мы обязывались не имѣть представителей въ Кабулѣ и для политическихъ сношеній съ правительствомъ эмира обращаться къ посредничеству Англіи. Послѣдняя, правда, завѣряла насъ въ томъ, что не только не используетъ своего вліянія во враждебныхъ Россіи видахъ, но, наоборотъ будетъ отъ нихъ воздерживать Афганистанъ. Нимало не подвергая сомнѣнію искренность этого завѣренія, позволительно указать, что такого рода заявленіямъ, не опирающимся на реальныя гарантіи, не должно быть мѣста въ чисто конкретномъ разграниченіи сферъ вліянія, ибо правительства мѣняются, настроенія также, а реальныя гарантіи остаются въ рукахъ того, кто ихъ получилъ въ началѣ.

Если въ Афганистанѣ уступки были сдѣланы нами, за то въ Тибетѣ онѣ исходили отъ англичанъ больше, чѣмъ отъ насъ. Обѣ державы согласились не раскрывать дверей Лхассы, покой которой былъ нарушенъ экспедиціей полковника Юнгхусбанда. Англійская критика

*) Образъ дѣлъ въ Персіи за послѣднее время не можетъ не внушать, однако, серьезнаго безпокойства. Мы зашли въ тупикъ, изъ котораго не легко выбраться. Содержаніе нашихъ отрядовъ обходится дорого. Мы поставили условіемъ ихъ удаленія нѣкоторыя умѣренныя требованія; но Персы упорствуютъ, очевидно подъ постороннимъ воздѣйствіемъ. Создается положеніе, при которомъ оставаться

ставила въ упрекъ своему правительству отказъ отъ законныхъ будто бы преимуществъ, но они были вполнѣ возмѣщены соотвѣтствующимъ обезпеченіемъ со стороны Россіи, что она не будетъ пользоваться Тибетомъ для цѣлей агитаціи среди буддистовъ. Въ данномъ случаѣ отказъ былъ столь же полезенъ англичанамъ, какъ и намъ самимъ, обезпечивая насъ отъ повторенія сомнительныхъ предпріятій безотвѣтственныхъ политиковъ, на которыя, къ сожалѣнію, пролито еще слишкомъ мало свѣта*).

Съ этой же точки зрѣнія мы могли бы оцѣнить и заявленіе нашего правительства относительно Персидскаго залива, заключающееся въ упомянутой раньше депешѣ сэра Грея.

Попытки нашего правительства организовать правильные пароходные рейсы на Персидскомъ заливѣ были сопряжены только съ лишними для казны затратами для субсидированія этой затѣи, которая такъ же мало окупилась, какъ и посылка на этихъ пароходахъ русскихъ товаровъ. Промышленники соглашались на этотъ опытъ безо всякаго довѣрія къ успѣху бюрократическаго начинанія, которое было вызвано скорѣе желаніемъ причинить англичанамъ непріятность, чѣмъ разумнымъ коммерческимъ и политическимъ расчетомъ.

Признаніе спеціальныхъ интересовъ Англіи на Персидскомъ заливѣ имѣетъ въ нашихъ глазахъ еще одинъ положительный для насъ интересъ. Какъ извѣстно, съ утвержденіемъ новаго режима въ Турціи, Порта стала осаждаться всевозможными проектами сооруженія новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Малой Азіи. Къ сожалѣнію приходится признать, что каждая новая дорога въ этой области, является для насъ новой заботой, поскольку ею облегчается мобилизація турецкихъ войскъ къ нашей границѣ. Но есть факты, которые непріятны и съ которыми нельзя однако не считаться. Проведеніе дорогъ въ Малой Азіи принадлежитъ къ числу такихъ неизбѣжныхъ послѣдствій общаго пробужденія Турціи. По счастью у насъ имѣлась нѣкоторая гарантія въ этомъ отношеніи, полученная въ свое время отъ Турціи нашимъ бывшимъ Посломъ въ Константинополѣ, И. А. Зиновьевымъ въ видѣ

едва ли выгодно, а уйти нельзя, не поступаясь престижемъ. Къ этому присоединилось не вполнѣ осторожное выступленіе Англіи съ угрозой черезъ 3 мѣсяца ввести на Персидскій счетъ полицію подъ командой своихъ офицеровъ, если къ тому времени не возстановится порядокъ на дорогахъ въ южной Персіи. Этимъ выступленіемъ поспѣшили воспользоваться всѣ тѣ, кому хотѣлось бы подорвать значеніе Англо-Русскаго соглашенія. Мы надѣемся, что наша политика не дастъ увлечь себя на путь опасныхъ приключеній, и что переговоры между Лондономъ, Петербургомъ и Берлиномъ приведутъ къ удовлетворительному рѣшенію.

*) Въ августѣ 1910 г. въ Times'ѣ появились двѣ статьи г. Юнгхусбанда, въ

компенсаціи за концессію Германіи на постройку Багдадской желѣзной дороги. Турецкое правительство обязалось не давать никакой иностранной компаніи, кромѣ русской, концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ, въ извѣстномъ районѣ, прибрежномъ къ Черному морю. При этомъ оно однако оставило за собою право сооруженія дорогъ въ указанномъ районѣ собственными средствами.

Мы полагаемъ, что нѣкоторая торопливость, проявленная, повидимому, въ недавнее время нашей дипломатіей въ этомъ вопросѣ, менѣе отвѣчаетъ нашимъ интересамъ, чѣмъ спокойное выжиданіе, опирающееся на тѣ средства воздѣйствія, которыхъ мы не лишены въ Турціи. Намъ незачѣмъ спѣшить самимъ съ постройкой дорогъ въ районѣ Чернаго моря, но, съ другой стороны, еслибъ мы увидали, что Турки серьезно помышляютъ объ ихъ сооруженіи, то столь же несомнѣнно, намъ слѣдовало бы использовать выговоренныя преимущества и взять постройку дорогъ въ свои руки, тѣмъ болѣе, что по всѣмъ даннымъ, затраченный на это дѣло капиталъ могъ бы вполнѣ оправдаться въ этой наиболѣе густо заселенной и плодородной части Малой Азіи.

Тотъ же политическій интересъ, который побуждаетъ насъ настаивать на охранѣ преимущественныхъ правъ Россіи на постройку желѣзныхъ дорогъ въ районѣ Черноморскаго побережья, существуетъ у Англіи въ районѣ Персидскаго залива. И такъ же, какъ и мы, англичане не могутъ препятствовать сооруженію дорогъ, выходящихъ къ заливу, но будутъ естественно стремиться къ тому, чтобы это сооруженіе было оставлено за ними. Такимъ образомъ Россія и Англія одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства въ Малой Азіи соблюдался принципъ извѣстнаго равновѣсія вліяній. Само собою разумѣется, что если это слово можетъ показаться непріятнымъ для возбужденнаго самолюбія младотурокъ, то его можно и не произносить, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ рѣчь не идетъ о чемъ либо по существу для нихъ обидномъ, или затрогивающемъ верховныя права Турціи въ этихъ областяхъ. Наоборотъ, если Порта дорожитъ своей независимостью, то она должна сама зорко слѣдить за соблюденіемъ равно-

которыхъ авторъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ англо-русское соглашеніе, обрѣкающее обѣ державы на бездѣйствіе въ Тибетѣ. Отъ такого положенія, по словамъ автора, выигрываютъ только китайцы, но оно будто бы не дѣлаетъ чести двумъ такимъ передовымъ державамъ, какъ Англія и Россія.

Съ своей стороны, мы высказываемъ однако надежду, что наше правительство не дастъ уклонить себя съ той твердой почвы, на которую оно стало въ этомъ вопросѣ, опираясь на соглашеніе съ Англіей.

вѣсія между интересами отдѣльныхъ державъ. А вѣдь только о такомъ равновѣсіи въ Малой Азіи и можетъ быть рѣчь. Отъ насъ далека мысль о возможности не считаться съ интересами Германіи въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства въ Малой Азіи. Но мы увѣрены, что и для нея было бы крайне важно придти къ соглашенію, которое устранило бы поводы къ недоразумѣніямъ и конфликтамъ. Для окончанія грандіознаго сооруженія Багдадской жел. дор. нужно еще не мало усилій и денегъ. Помѣшать ему мы не въ силахъ. Не лучше ли наоборотъ принять дѣятельное участіе въ соглашеніи, при которомъ и наши интересы получили бы законное признаніе и удовлетвореніе *).

VII.

Если англо-французское соглашеніе было первымъ этапомъ въ образованіи новой политической констелляціи, то послѣдовавшее за нимъ англо-русское соглашеніе являлось дальнѣйшимъ важнымъ шагомъ въ томъ же направленіи. Послѣдующіе годы только опредѣленнѣе подчеркнули новую группировку державъ, а именно: Англіи, Франціи, Россіи съ одной стороны, Германіи и Австріи съ другой. Между ними балансировала Италія, оставаясь членомъ тройственнаго союза поневолѣ и въ то же время становясь членомъ четверного согласія по склонности.

Въ самомъ дѣлѣ тѣ условія, при которыхъ Италія примкнула къ австро-германскому союзу въ 1882 году, успѣли во многомъ измѣниться. Въ то время Италіи приходилось выбирать между союзомъ съ этими державами, или съ Франціей. Но союзъ съ Франціей былъ недостаточенъ для безопасности молодого королевства; упроченіе внутренняго положенія стояло для него на первомъ планѣ. Къ тому же Италія дорожила монархическимъ принципомъ, который успѣлъ только что пустить корни въ новомъ государствѣ; союзъ съ республикой едва ли могъ способствовать укрѣпленію этихъ корней. Но главнымъ препятствіемъ къ союзу съ Франціей и въ то же время наиболѣе серьезнымъ основаніемъ для вступленія въ тройственный союзъ было занятіе Туниса французами. Въ географической близости Туниса къ Сициліи, являющагося аванпостомъ Италіи въ Средиземномъ морѣ,

*) Эти строки были набраны, когда мы прочли извѣстіе, что Турки рѣшили сами строить Самсунъ-Сивасскую желѣзную дорогу. Невольно навязывается слѣдующее сопоставленіе. При старомъ порядкѣ мы получили отъ Турокъ обѣщаніе, что мы будемъ преимущественными концессіонерами въ случаѣ постройки этой дороги. Чтобы получить это обѣщаніе, намъ не пришлось увѣ-

итальянскіе государственные люди усматривали для себя опасность. Къ сближенію съ Германіей ихъ склоняла съ другой стороны надежда, что порты Италіи явятся естественными передаточными пунктами германской торговли,—въ то время нельзя было еще предвидѣть гигантскаго развитія какъ морского судоходства Германіи, такъ и ея сѣверныхъ портовъ.

Объ отношеніи Италіи къ Австріи передъ вступленіемъ въ союзъ даетъ понятіе слѣдующая выдержка изъ статьи одного изъ видныхъ сторонниковъ тройственнаго союза Марселли въ 1881 году: «Поставимъ себѣ совершенно ясно слѣдующій вопросъ», писалъ онъ, «разъ сила вещей влечетъ Австрію въ Салоники, а Францію побуждаетъ распространяться вдоль сѣвернаго побережья Африки; разъ также не во власти Италіи воспротивиться одновременно тому и другому движенію,—которое изъ двухъ сопряжено съ наименьшимъ зломъ?.. Достаточно бросить взглядъ на карту бассейна Средиземнаго моря, чтобы понять, что наибольшая опасность для насъ заключается въ томъ, чтобы Франція утвердилась напротивъ Сициліи и въ маломъ разстояніи отъ этого нашего передового поста, который въ случаѣ войны былъ бы утраченъ нами. Эгейское море далеко, но узкое водное пространство между Марсалой и мысомъ Бономъ представляетъ настоящій сицилійскій проливъ. Опасность его занятія такою великою державою, какъ Франція, гораздо серьезнѣе, чѣмъ та, которая возникла бы отъ утвержденія въ Салоникахъ морской державы второго разряда*).

По мѣрѣ того, какъ шли годы, Италію постигало все большее разочарованіе въ тѣхъ иллюзіяхъ, которыя она себѣ дѣлала насчетъ экономическихъ выгодъ тройственнаго союза. Съ другой стороны въ широкихъ народныхъ слояхъ сѣверной Италіи оставалось живучимъ чувство непріязни и даже ненависти отъ воспоминаній объ австрійскомъ владычествѣ. Это чувство поддерживалось постоянной кровной связью съ населеніемъ сопредѣльныхъ итальянскихъ областей Австріи. Ирредентизмъ стоялъ неопреодолимой преградой для установленія вполнѣ искреннихъ отношеній между союзниками. Къ этимъ мотивамъ присоединилось постепенно возраставшее развитіе промышленности Италіи, а также стремленіе быть и казаться великой державой.

рять ни султана, ни его министровъ въ чувствахъ особой любви и дружбы.— При новомъ порядкѣ наша дипломатія не скупится, повидимому, на выраженія и доказательства сердечной дружбы, которая внезапно охватила ее по отношенію къ Турціи. Результатъ: Турки укрѣпляютъ Босфоръ, покупаютъ броненосцы и спѣшатъ строить Самсунъ-Сивасскую ж. д.

*) Цитировано у Loiseau: „L'équilibre adriatique", Paris, Perrin, 1901., p. 12.

Тотъ же французскій министръ, которому принадлежитъ осуществленіе англо-французскаго соглашенія,—г. Делькассэ поставилъ себѣ задачей улучшеніе отношеній съ Италіей. Эта задача вполнѣ удалась ему въ сотрудничествѣ съ однимъ изъ наиболѣе выдающихся французскихъ дипломатовъ—г. Барреромъ, понынѣ остающимся посломъ республики при Квириналѣ. Между Франціей и Италіей въ 1901 году состоялось неписанное соглашеніе, заключающееся въ нотахъ и устныхъ заявленіяхъ, относительно Средиземного моря. Вслѣдствіе этого возобновленіе тройственнаго союза въ 1902 г. произошло, повидимому, при измѣненныхъ условіяхъ. Отвѣчая на вопросъ депутата Шастенэ 3 іюля 1902 г., г. Делькассэ заявилъ, что союзныя обязательства Италіи «не направлены ни прямо, ни косвенно противъ Франціи» и что «ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ Италія не можетъ стать ни пособникомъ, ни орудіемъ нападенія противъ нашей страны» *). Въ силу соглашенія Италія получала полную свободу дѣйствій въ Триполи, а Франція—въ Марокко.

Мы уже видѣли, что на конференціи въ Алжесирасѣ итальянскій уполномоченный подалъ свой голосъ за Францію. Въ данномъ случаѣ итальянской политикой руководила не только вѣрность соглашенію 1901 г., но и забота о томъ, какъ бы вмѣсто Франціи въ Марокко не утвердилась Германія, что представляло несравненно большую опасность для итальянскихъ интересовъ въ Средиземномъ морѣ.

Улучшенію отношеній Италіи съ Франціей не мало способствовалъ разрывъ послѣдней съ Ватиканомъ. На нашъ взглядъ это была крупная ошибка со стороны французскаго правительства, слишкомъ поддавшагося давленію масоновъ и съ легкимъ сердцемъ лишившаго свою политику на Востокѣ вѣковой опоры, которою пользовалась послѣдняя, осуществляя протекторатъ католическихъ учрежденій. Какъ бы то ни было, разрывъ съ Ватиканомъ сблизилъ Францію съ Квириналомъ. Итальянская политика, съ воцаренія короля Виктора-Эмануила, обратила особое вниманіе на Ближній Востокъ; она постаралась использовать поворотъ французской политики и унаслѣдовать ея мѣсто въ протекторатѣ итальянскихъ религіозныхъ учрежденій.

Тотъ же интересъ къ Ближнему Востоку дѣлался съ каждымъ годомъ все болѣе сильнымъ ферментомъ разъединенія между Италіей и Австріей. Экономическіе интересы юго-западной Италіи естественно направляли вниманіе итальянской дипломатіи на противоположное по-

*) См. Lemonon, loco cit., p. 484.

бережье Адріатики. Здѣсь она сталкивалась съ давнишними происками Австріи. Когда, въ началѣ 1908 года, баронъ Эренталь выступилъ съ своимъ проектомъ Санджакской жел. дороги, возбужденіе въ Италіи было едва ли меньше, чѣмъ въ Россіи. Сербскій проектъ поперечной жел. дороги съ выходомъ въ Адріатическое море встрѣтилъ живѣйшее сочувствіе Италіи. Съ своей стороны русская политика, не имѣвшая возможности бороться съ инфильтраціей экономическаго вліянія Австро-Венгріи въ сопредѣльныя съ нею славянскія государства и области, съ удовольствіемъ усматривала возможность противопоставить австро-германской бациллѣ итальянское противоядіе. Баронъ Эренталь, пробудившій дремавшіе стимулы славянскаго единенія, одновременно съ этимъ подчеркнулъ общность интересовъ Италіи и Россіи на Балканахъ.

VIII.

Весною 1908 г. формально все оставалось еще по старому на Ближнемъ Востокѣ. Австро-русское соглашеніе не было отмѣнено, въ Салоникахъ жили русскій и австрійскіе гражданскіе агенты. Но въ іюнѣ того же года русскій и англійскій монархи обмѣнивались въ Ревелѣ многозначительными тостами, содержавшими намекъ на то, что соглашеніе между ихъ правительствами далеко не ограничивается интересами въ Азіи. Вскорѣ пресса возвѣстила о выработанной совмѣстно русскимъ и англійскимъ правительствами новой программѣ дѣйствій въ Македоніи.

Пишущему эти строки случилось какъ разъ въ это время путешествовать по Ближнему Востоку. Новыя теченія въ Европѣ, какъ всегда, всего сильнѣе давали себя чувствовать въ Константинополѣ. Вліяніе Австріи и Германіи на турецкія правящія сферы казалось безраздѣльнымъ. Въ связи съ прибытіемъ извѣстнаго реформатора турецкой арміи, фонъ-деръ-Гольцъ-Паши, въ Оттоманскую столицу, которую онъ покинулъ 15 лѣтъ передъ тѣмъ,—поговаривали даже о заключеніи союза между обоими германскими государствами и Турціей. Трудно сказать, насколько были справедливы эти періодически повторяющіеся слухи. Скорѣе всего, что Турція не рѣшилась бы тогда, какъ вѣроятно не рѣшится и въ настоящее время, связать свою судьбу ни съ одной европейской комбинаціей, въ справедливой увѣренности, что ея союзники постараются какъ можно больше извлечь для себя выгодъ и какъ можно меньше дать взамѣнъ ихъ Турціи. Но во всякомъ случаѣ слухи эти вѣрно указывали общую оріентацію политическаго положенія на берегахъ Босфора.

Стараясь вовлечь турокъ возможно тѣснѣе въ орбиту своей политики, Германія, устами своего представителя бар. Маршалля фонъ-Бибершгейнъ, усердно натравливала ихъ противъ болгаръ. Очевидно, по мнѣнію нѣмцевъ, туркамъ удалось бы въ лицѣ болгаръ разбить наиболѣе сильный элементъ славянства на Балканахъ, а тѣмъ самымъ были бы подточены основы дипломатическаго дѣйствія Россіи, Англіи, Франціи и Италіи. Осторожный султанъ не поддавался, однако, совѣтамъ друзей: онъ слишкомъ хорошо помнилъ на примѣрѣ греческой войны, какъ мало приносятъ туркамъ даже ихъ побѣды.

Пока дипломатическія канцеляріи занимались проектами реформъ, и проектами того, какъ похерить эти реформы,—въ Турціи неожиданно для нея самой произошли событія, которымъ суждено было поставить вверхъ дномъ всѣ эти хитроумные расчеты и соображенія. Мнѣ удалось услышать первый выстрѣлъ, которымъ 23 іюня 1908 г. началась въ Монастырѣ младотурецкая революція, закончившаяся 11 іюля провозглашеніемъ конституціи. Не поддаваясь соблазну живыхъ воспоминаній этого еще столь недавняго времени, напомню лишь вкратцѣ послѣдовавшія событія.

Они носили такой же импульсивный неожиданный характеръ, какъ и вызвавшая ихъ причина. Выше было замѣчено, что переворотъ былъ неожиданъ для самой Турціи, можно сказать, для самихъ главныхъ его иниціаторовъ, успѣхи коихъ превзошли самыя смѣлыя ихъ ожиданія. Это явленіе совершенно просто и естественно объясняется тѣмъ, что вся подготовительная работа младотурокъ носила скрытый подпольный характеръ, и они не могли знать, насколько ихъ идеи созрѣли въ общемъ пониманіи, насколько полный откликъ онѣ находятъ въ кадрахъ арміи и образованнаго турецкаго общества.

Достигши власти, свергнувъ старый порядокъ, младотурки въ началѣ естественно обратились противъ всѣхъ, кто его поддерживалъ. Это настроеніе отразилось немедленно и въ области международныхъ отношеній. Казалось, что однимъ махомъ Германія утратила все свое прежнее положеніе въ Константинополѣ. Повышенное національное самосознаніе творцовъ переворота ставило однимъ изъ главныхъ упрековъ старому порядку унизительное положеніе Турціи передъ державами. Отъ него не умѣли и не хотѣли избавить Турцію ея прежніе друзья, которые пользовались своимъ привилегированнымъ положеніемъ только для ея эксплоатаціи.

Недоброжелательное отношеніе къ Германіи сопровождалось подъемомъ сочувствія и симпатіи къ Англіи, въ лицѣ которой творцы новой эры чествовали эмблему политической свободы.

Неожиданность младотурецкаго переворота, его быстрота и стройная организація, проявившаяся въ поразительномъ порядкѣ, произвели громадное впечатлѣніе на европейское общественное мнѣніе. Англичане круто измѣнили свою политику, сдѣлавшись доброжелателями турецкой государственной власти, въ той же мѣрѣ, въ какой до тѣхъ поръ были покровителями христіанъ въ Турціи*). Русская дипломатія на первыхъ порахъ была довольна этимъ исходомъ изъ тупика, въ который ее завела совмѣстная съ Австріей реформаторская политика. Всѣ, казалось, готовы были оказать кредитъ новой Турціи, готовы были вѣрить въ реальный смыслъ тѣхъ символическихъ манифестацій, которыя на первыхъ порахъ устраивали младотурки, заставляя на улицахъ и площадяхъ обниматься греческаго архіерея, болгарскаго священника, серба и армянина съ турецкимъ муллой или солдатомъ.

Внимательные наблюдатели скоро различили, однако, что это братаніе представляло лишь декорацію, а что суть новаго порядка заключалась въ сильномъ подъемѣ турецкаго національнализма, который былъ проникнутъ мечтой о возсозданіи мощной Оттоманской имперіи, въ которой гражданское равноправіе связывалось съ идеей единой оттоманской націи. Австрійцы и болгары первые учли вѣроятныя послѣдствія этого настроенія; положеніе Австріи въ оккупированныхъ провинціяхъ могло бы стать не изъ легкихъ; равнымъ образомъ фикція вассальнаго подчиненія Болгаріи султану могла вызвать въ туркахъ стремленіе придать этому отношенію реальное значеніе. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній австрійцы и болгары рѣшили, что нечего медлить, и что лучше закрѣпить свои фактическія права, пока молодая Турція еще не сорганизовалась и будетъ избѣгать внѣшнихъ осложненій.

Пользуясь свиданіемъ съ русскимъ министромъ въ Бухлау, въ сен-

*) О томъ, насколько эфемерны были всѣ эти перемѣны, мы можемъ судить теперь, читая о многолюдномъ митингѣ въ Константинополѣ 10/23 октября 1910 г., собранномъ для протеста противъ политики Англіи въ Персіи. «Решидъ Ибрагимъ вызвалъ дикій энтузіазмъ, напоминая слушателямъ, что Персія служитъ звеномъ между Турціей и Индіей. Какъ скоро Турція дастъ почувствовать свое вліяніе въ Индіи и на ея сторонѣ будетъ «мусульманская» армія, власти Британіи наступитъ конецъ». Другой ораторъ, Абейдулла Эфенди, посѣтившій Англію въ составѣ парламентской группы годъ передъ тѣмъ, заявилъ, что западныя страны могутъ говорить о своей цивилизаціи, христіанствѣ, XX вѣкѣ, но ихъ цивилизація—гниль, христіанство—позоръ, а что касается XX столѣтія, то исламомъ признается только XIV вѣкъ На томъ же митингѣ съ большимъ энтузіазмомъ было принято предложеніе послать телеграмму императору Вильгельму съ мольбою принять на себя роль спасителя мусульманскаго государства. (См. „Times“, 24 Oct. 1910).

тябрѣ 1908 г., баронъ Эренталь предупредилъ его въ формѣ «академическаго предположенія» о возможности окончательнаго присоединенія Босніи и Герцоговины, и спросилъ его мнѣнія на этотъ счетъ. Застигнутый врасплохъ, А. П. Извольскій оговорился, что, не имѣя инструкцій, можетъ высказать только личное мнѣніе; послѣднее сводилось къ тому, что присоединеніе оккупированныхъ провинцій было бы существеннымъ нарушеніемъ Берлинскаго трактата, хотя и не повлекло бы за собой объявленія войны; разъ, однако, Берлинскій трактатъ, представляющій обязательство для всѣхъ подписавшихъ его Державъ, будетъ одной изъ нихъ нарушенъ въ какой-либо части, то Россія потребуетъ общаго его пересмотра и соотвѣтствующихъ компенсацій. Пересмотръ Берлинскаго трактата долженъ повлечь за собою отмѣну правъ Австріи въ Новобазарскомъ санджакѣ и въ предѣлахъ Черногорскаго княжества, далѣе признаніе болгарской независимости. Компенсаціи должны состоять въ экономическихъ выгодахъ Сербіи и наконецъ въ разрѣшеніи вопроса о проливахъ въ смыслѣ свободнаго прохода черезъ нихъ русскихъ военныхъ судовъ.

Оба министра совершенно по разному оцѣнили значеніе состоявшагося между ними «академическаго» обмѣна взглядовъ. Въ то время, какъ А. П. Извольскій предполагалъ, что центръ тяжести его заявленія заключался въ томъ, что Россія согласится лишь на полный пересмотръ Берлинскаго трактата, а не на частичное его нарушеніе, баронъ Эренталь вывелъ изъ бесѣды лишь то заключеніе, которое его интересовало, а именно, что присоединеніе Босніи и Герцеговины не будетъ casus belli. Это заявленіе, безъ сомнѣнія, значительно развязывало ему руки, и ему не пришлось даже испрашивать предварительнаго согласія на дальнѣйшіе шаги со стороны союзной Германіи. Мимоходомъ замѣтимъ, что наша общественная критика все же слишкомъ сурово отнеслась къ поведенію русскаго министра въ Бухлау. Была поднята на смѣхъ его довѣрчивость къ «академическому» характеру разговора, но при этомъ для широкихъ круговъ публики оставалось неизвѣстнымъ, что подобныя же академическія предположенія красной нитью проходили черезъ всѣ отношенія Россіи и Австріи, начиная съ австро-русскаго соглашенія 1897 г., а послѣднее, въ свою очередь, являлось продолженіемъ предыдущихъ обмѣновъ взглядовъ между обѣими державами, начиная съ знаменитаго Рейхштадтскаго свиданія 1875 года. Осталось мало извѣстнымъ также категорическое обѣщаніе, которымъ заручился нашъ министръ отъ своего австрійскаго товарища въ Бухлау, что во всякомъ случаѣ онъ будетъ

заблаговременно предупрежденъ, когда принято будетъ окончательное рѣшеніе о присоединеніи провинцій. Быть можетъ, довѣріе къ категорическимъ устнымъ обѣщаніямъ, основанное на убѣжденіи въ обязательности правилъ порядочности, есть недостатокъ въ дипломатіи. Однако нарушеніе обѣщаній есть также недостатокъ,—вдвойнѣ: какъ съ личной точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія достоинства отвѣтственнаго государственнаго дѣятеля, представляющаго интересы своей страны. Какъ бы то ни было, пока русскій министръ объѣзжалъ Европу, подготавливая почву для проведенія своего взгляда на пересмотръ Берлинскаго трактата, баронъ Эренталь не терялъ времени. Когда А. П. Извольскій прибылъ въ Парижъ, онъ одновременно получилъ обѣщанное «заблаговременное предупрежденіе» и былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ двумя совершившимися фактами: провозглашеніемъ Болгаріею своей независимости и присоединеніемъ Босніи и Герцеговины.

Для нашей задачи достаточно будетъ лишь вкратцѣ припомнить ходъ дальнѣйшихъ событій. Когда А. П. Извольскій вернулся въ Петербургъ, ему пришлось встрѣтиться тамъ неожиданно для себя съ настоящимъ взрывомъ общественнаго мнѣнія, которое негодовало на Австрію и требовало отъ русской дипломатіи твердой настойчивости въ защитѣ славянскихъ интересовъ. Предположеніе о «компенсаціяхъ» въ видѣ открытія проливовъ считалось чуть не измѣной славянскому дѣлу, министръ осуждался за то, что могъ сдѣлать вопросъ о провинціяхъ предметомъ торга.

Въ настоящее время при свѣтѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя проникли въ печать и поддаются провѣркѣ, нельзя не признать, что многія изъ этихъ обвиненій отпадаютъ. Вопросъ о возможномъ окончательномъ закрѣпленіи за Австріей обѣихъ провинцій, какъ мы уже говорили, поднимался не разъ и утвердительно разрѣшался, обусловливаясь лишь извѣстными соотвѣтствующими компенсаціями. А. П. Извольскій долженъ былъ считаться съ уже сложившейся задолго до него постановкой вопроса. Можно различно оцѣнивать самое значеніе этихъ компенсацій, въ частности той, которая касалась измѣненія положенія проливовъ,—но это уже другой вопросъ. Самъ по себѣ вопросъ компенсацій, въ который входили и выгоды Сербіи, былъ чисто практической постановкой, вполнѣ естественной со стороны отвѣтственнаго руководителя внѣшней политики. Въ концѣ концовъ перемѣна титула владѣнія фактически ничего не измѣняла въ отношеніи австрійской короны къ провинціямъ. Какъ показали событія, она даже благодѣ-

тельно отразилась на судьбѣ послѣднихъ, потому что австрійскому правительству пришлось оправдать свое рѣшеніе введеніемъ въ край настолько широкой автономіи, которая вызвала вполнѣ заслуженныя манифестаціи лойялизма со стороны населенія къ особѣ австрійскаго монарха во время посѣщенія имъ Сараева весною 1910 года. Но, помимо этихъ соображеній, русскій министръ долженъ былъ прежде всего спросить себя, можетъ ли Россія помѣшать осуществленію австрійскаго проекта.—Отвѣтъ въ то время могъ получиться только отрицательный по мнѣнію лицъ, компетентно освѣдомленныхъ о состояніи нашей государственной обороны. Нельзя было не имѣть въ виду также условія австро-германскаго договора, который обязывалъ каждую изъ державъ къ взаимной помощи въ случаѣ войны съ Россіей.

Принявъ все это во вниманіе, мы придемъ къ заключенію, что нашего министра можно упрекнуть не столько въ первоначально занятой имъ позиціи, сколько въ томъ, что, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ слишкомъ поддался царившему въ то время общественному возбужденію и не принялъ достаточныхъ мѣръ для ознакомленія общественнаго мнѣнія съ настоящимъ положеніемъ дѣла и со всѣми условіями, съ которыми ему приходилось считаться. Неопытное и неосвѣдомленное въ международныхъ дѣлахъ, общество требовало отъ искусства даннаго лица того, что могло бы быть достигнуто только средствами реальнаго давленія, а министръ, въ свою очередь, слишкомъ понадѣялся на свои силы. Такимъ образомъ, вся зима 1908—09 г.г. прошла въ защитѣ русскою дипломатіею трудно защитимыхъ позицій. Столь неблагодарная задача кончилась въ концѣ концовъ внезапной нашей уступкой подъ давленіемъ Германіи, послѣ того какъ Австрія вошла въ сдѣлку съ Турціей о признаніи присоединенія за извѣстное вознагражденіе. Присоединеніе провинцій Австріею было признано нами, а затѣмъ и другими державами. Серьезной компенсаціей можно признать при этомъ отказъ Австріи отъ правъ, выговоренныхъ ею по Берлинскому трактату въ Новобазарскомъ санджакѣ, а также фактическая эмансипація Черногоріи отъ ея контроля. Провозглашеніе Черногоріи королевствомъ въ августѣ 1910 г. является послѣднимъ отголоскомъ бурной зимы.

Тяжелый для нашего самолюбія инцидентъ имѣлъ и хорошую для насъ сторону: онъ побудилъ правительство и Думу принять мѣры къ скорѣйшему возстановленію нашей арміи; лѣтомъ 1910 г. Temps отмѣтилъ, что русская армія въ Европѣ вновь представляетъ ту же

силу, какъ и въ 1904 году. Впрочемъ, по мнѣнію компетентныхъ лицъ, въ этой области остается сдѣлать гораздо больше, чѣмъ сдѣлано до сихъ поръ.

IX.

Мы довели краткій очеркъ главныхъ событій внѣшней политики до самаго послѣдняго времени. Теперь намъ остается бросить послѣдній взглядъ на общее международное положеніе и въ немъ опредѣлить мѣсто, которое, въ силу исторически сложившихся задачъ и условій, принадлежитъ Россіи.

Нѣкоторыя поученія для себя мы можемъ вывести изъ послѣдняго пережитого нами кризиса. Въ спорѣ съ Австріею русская дипломатія далеко не считала себя одинокою. И дѣйствительно ея представленія пользовались поддержкой и сочувствіемъ, во-первыхъ, Франціи, во-вторыхъ, Англіи и, въ-третьихъ, Италіи. Быть можетъ, въ переоцѣнкѣ этой поддержки и заключалась одна изъ ошибокъ въ расчетахъ руководителей нашей внѣшней политики. Мы нисколько не хотимъ отрицать цѣнности союза съ Франціей, прекрасно выполняющаго свое назначеніе въ мирное время. Весьма возможно, что она не уклонилась бы отъ выполненія своихъ обязательствъ и въ случаѣ войны, но мы должны ясно отдать себѣ отчетъ въ томъ, насколько самая возможность войны является для Франціи вопросомъ еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ для большинства другихъ великихъ державъ. Съ 1871 г. Франція не переставала вести отчаянную борьбу съ Германіей въ области вооруженій. Ей приходилось все время повышать процентное отношеніе призывного класса къ общей численности населенія, но догнать Германію ей не удалось. Въ то время, какъ населеніе Франціи остается стаціонарнымъ, увеличиваясь всего на какія-нибудь 30—40 тысячъ въ годъ *), ежегодный приростъ Германіи превышаетъ 900.000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ рождаемости Франція богатѣетъ. Черезъ одну Парижскую биржу проходитъ въ годъ на 100 мильярдовъ различныхъ цѣнностей. Франція стала банкиромъ всего міра и вліяніе финансовъ съ каждымъ годомъ сильнѣе сказывается на ея внѣшней политикѣ, опредѣляя ея цѣнность и недостатки.

*) Приростъ населенія во Франціи въ 1909 году упалъ до 13.424. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что по количеству браковъ относительно общей численности населенія Франція занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ; въ то же время число мертворожденныхъ младенцевъ за 4 года съ 1905 по 1908 г. превысило приростъ рождаемости за тѣ же годы на 21.072.—Эти цифры достаточно краснорѣчивы сами по себѣ, чтобы ихъ нужно было сопровождать комментаріями.

Съ одной стороны французская, дипломатія является самой ревностной сторонницей мира во всѣхъ углахъ земного шара, ибо нѣтъ, кажется, такого мѣста, куда не проникъ бы французскій капиталъ, или гдѣ осложненія не отразились бы на биржѣ. Въ этихъ своихъ стараніяхъ французская дипломатія проявляетъ много блеска и таланта и стяжала себѣ уваженіе и признательность всего цивилизованнаго міра. Но капиталъ въ конечномъ счетѣ имѣетъ слабую связь съ родиной и склоненъ принимать оттѣнокъ космополитизма. И внѣшняя политика Франціи, проповѣдующая миръ и устраивающая дѣла своихъ банкировъ, все болѣе и болѣе атрофируетъ въ себѣ способности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, предпочитая имъ путь компромиссовъ, въ которыхъ она обнаруживаетъ настоящее превосходство.*) Такъ, въ разгаръ нашей дипломатической кампаніи 1908—09 года, французы заключили съ Германіей соглашеніе по Марокскимъ дѣламъ. Само по себѣ это соглашеніе, разумѣется, могло бы вызвать съ нашей стороны только полное сочувствіе, но выборъ момента, пока между Петербургомъ и Вѣной происходила дуэль, былъ едва ли вполнѣ безупречнымъ для сдѣлки нашего секунданта съ секундантомъ противника. Что касается Германіи, то, вступая въ соглашеніе, она конечно преслѣдовала цѣли, имѣющія лишь косвенную связь съ Марокко, ибо съ ея стороны были сдѣланы только уступки. Мы едва ли ошибемся, если предположимъ, что къ этой уступчивости ее склоняло, съ одной стороны, желаніе угодить Австріи, которая хотѣла отвлечь Францію отъ Россіи, а, съ другой—надежда добиться котировки своихъ цѣнностей на Парижской биржѣ.

Вотъ почему, когда для русской дипломатіи наступила пора поставить вопросъ ребромъ и спросить самую себя (другихъ было бы неосторожно спрашивать), въ какой мѣрѣ можетъ выразиться посторонняя поддержка, приходилось признать, что едва ли наша союзница Франція серьезно представляла себѣ возможность оказать намъ такую же

*) Осенью 1910 г. французское правительство сдѣлало интересную попытку подчинить интересы своего капитала требованіямъ внѣшней политики. Венгріи было отказано въ правѣ реализовать въ Парижѣ 500-милліонный заемъ, часть коего предназначалась на вооруженія, т. е. такъ или иначе на усиленіе тройственнаго союза. Одновременно было задержано разрѣшеніе на заемъ Турціи до выполненія ею нѣкоторыхъ условій частью финансоваго, частью политическаго характера. Въ концѣ концовъ соглашеніе таки не было достигнуто, и переговоры были прерваны. Авторитетный финансовый корреспондентъ Temps'a предостерегалъ свое правительство отъ злоупотребленія этимъ правомъ veto, который заставитъ капиталъ искать обходныхъ путей. По его словамъ, «моралъ и патріотизмъ, къ несчастью, не могутъ сдѣлать ничего практическаго въ выборѣ цѣнностей для помѣщенія денегъ».

рѣшительную поддержку, подкрѣпленную реальной боевой готовностью, какую оказала Австріи Германія своимъ «дружескимъ» совѣтомъ въ Петербургѣ. Еще менѣе можно было разсчитывать на Англію, которая вѣроятно предпочла бы, чтобы въ Европѣ, какъ недавно въ Азіи, ея друзья и соперники безъ нея, но для нея сводили свои счеты. Относительно Италіи и говорить нечего: какъ бы ни былъ силенъ голосъ ея склонности, голосъ разсудка навѣрно убѣдилъ бы ее дождаться минуты, когда выяснится, кто побѣдитъ, чтобы помочь ему довершить свою побѣду.

Недостаточную сплоченность въ противоположномъ лагерѣ очевидно учитывала Германія, надѣясь своимъ выступленіемъ достигнуть двухъ цѣлей—крѣпче связать съ собою Австрію и разъединить членовъ «четверного согласія». Эта задача, однако, не удалась Берлинскому кабинету. Отвѣтные визиты нашего Государя въ Англію и Италію лѣтомъ и осенью 1909 года, равнымъ образомъ поѣздка нашихъ депутатовъ въ Лондонъ и Парижъ, скорѣе скрѣпили, нежели ослабили новую политическую группировку, отвѣчающую многимъ существеннымъ интересамъ державъ, къ ней примыкающихъ.

Какой же выводъ можетъ быть сдѣланъ изъ этого положенія?— На первый взглядъ только одинъ: необходимость замѣнить и дополнить существующія соглашенія между четырьмя державами союзными обязательствами. Мы находимъ этотъ выводъ, однако, слишкомъ поспѣшнымъ и далеко его не раздѣляемъ.

Прежде всего одни обязательства, одни бумажныя гарантіи нельзя признавать достаточнымъ обезпеченіемъ ихъ выполненія. Мы не хотимъ подрывать довѣрія ни къ нашей союзницѣ, ни къ принципу союзовъ вообще. Одно изъ самыхъ существенныхъ преимуществъ послѣднихъ заключается, на нашъ взглядъ, въ возможности для союзниковъ въ мирное время намѣтить общую программу боевой подготовки и стремиться къ согласованію своихъ силъ. Такого рода предварительная работа можетъ оказать незамѣнимыя услуги въ случаѣ наступленія войны.

Но все же, чтобы рисковать войной ради одного выполненія своихъ союзныхъ обязательствъ, а не ради собственныхъ кровныхъ интересовъ, для этого требуется значительная доля рѣшимости, на которую не всегда и не всякое государство окажется способнымъ.

Нельзя также упускать изъ виду, что самое заключеніе новаго союза не можетъ оставлять равнодушными другія державы. Подвергая значительному измѣненію данное общее соотношеніе силъ, самый

фактъ новаго союза, хотя бы и продиктованный искреннѣйшимъ миролюбіемъ, можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ результатъ какъ разъ обратный желаніямъ его иниціаторовъ.

Отъ этихъ общихъ соображеній перейдемъ къ конкретной постановкѣ вопроса о томъ, насколько возможно и желательно осуществленіе четверного союза. Такъ какъ рѣшеніе этого вопроса связано съ выходомъ Италіи изъ тройственнаго союза, то займемся прежде всего этой державой. Выше мы видѣли, какъ выступленіе барона Эренталя съ проектомъ Санджакской жел. дороги впервые сблизило Италію съ Россіею, натолкнувъ эти державы на сознаніе солидарности ихъ интересовъ на Балканахъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что значительная доля заслуги въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ покойному послу нашему въ Римѣ Н. В. Муравьеву, въ лицѣ котораго русская дипломатія испытала тяжелую утрату.

По этому поводу мнѣ вспоминается записанная мною въ свое время бесѣда съ однимъ изъ самыхъ выдающихся французскихъ дипломатовъ и въ то же время лучшимъ знатокомъ современной Италіи. Бесѣда происходила въ маѣ 1908 г. Я хочу воспроизвести ее здѣсь, ибо не съумѣю лучше охарактеризовать международнаго положенія Италіи и ея отношенія къ тройственному и двойственному союзамъ.

«Въ Россіи слишкомъ долго смотрѣли на Италію, какъ quantité négligeable», началъ дипломатъ. «Мнѣ всегда казалось ошибочнымъ такое отношеніе вашего правительства. Во 1-хъ, въ политикѣ не существуютъ quantités négligeables. Во 2-хъ такая оцѣнка была неправильна по отношенію къ Италіи. Правда, она еще не въ полномъ смыслѣ слова великая держава, но для каждой державы она представляетъ весьма важную придаточную силу. Если хотите, реальная сила Италіи еще не вполнѣ отвѣчаетъ задачамъ, которыя она себѣ ставитъ во внѣшней политикѣ. Этимъ отчасти объясняется своеобразное политическое положеніе Италіи.

Она состоитъ членомъ тройственнаго союза. Отъ времени до времени итальянцы демонстративно подчеркиваютъ свою вѣрность этому союзу. На самомъ дѣлѣ, каково его реальное значеніе? Развѣ не измѣнились въ корнѣ условія, при которыхъ возникъ союзъ?— Въ свое время Италія видѣла во Франціи врага. Всѣ усилія ея обороны были направлены на франко-итальянскую границу. Но пока на сѣверо-западѣ она работала въ этомъ направленіи, она ничего не предпринимала на востокѣ. Она спохватилась лишь, когда передъ нею выросъ настоящій опасный соперникъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ она

готовилась къ отраженію. Все равно, какъ человѣкъ, который сталъ бы прикрывать своей кольчугой спину и оставилъ не защищенной грудь.

Антагонизмъ Италіи и Австріи изъ-за преобладанія на Адріатическомъ морѣ,—это—фактъ, котораго нельзя скрыть никакими внѣшними проявленіями дружбы. Онъ лежитъ въ существѣ дѣла, въ существѣ какъ ихъ пограничныхъ отношеній, такъ и взаимно исключающихъ задачъ обѣихъ державъ на Ближнемъ Востокѣ.

Отчего Италія остается въ тройственномъ союзѣ?

Прежде всего, потому, что она не довольно сильна, чтобы рискнуть открыто отдѣлиться отъ Германіи. Такой разрывъ крайне обострилъ-бы австро-итальянскія отношенія, тогда какъ теперь Германія является умиротворяющимъ элементомъ среди союзниковъ. Но въ положительномъ смыслѣ слова, и Италія, и союзники врядъ-ли могутъ расчитывать на сколько-нибудь серьезную взаимную помощь въ случаѣ войны. Съ одной стороны Германія, конечно, будетъ всегда поддерживать интересы Австріи на Адріатикѣ, съ другой Италія никогда ничего не предприметъ, чтобы помочь своимъ германскимъ союзникамъ противъ единственнаго врага, на котораго они могли бы желать при случаѣ натравить ее—противъ Франціи. Порукой тому служатъ не только прямые интересы Италіи, но хотя бы одно существованіе англо-французскаго соглашенія. Наперекоръ Англіи Италія не имѣетъ фактической возможности, если-бы даже захотѣла, шевельнуть пальцемъ. Ея участь въ рукахъ Англіи. Послѣдняя можетъ уничтожить Италію и здѣшніе государственные люди прекрасно отдаютъ себѣ въ этомъ отчетъ.

Хотите ли знать мое личное мнѣніе? Мнѣ кажется, что такое фактическое положеніе дѣлъ, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгоднѣе для Россіи и для Франціи, чѣмъ крутой разрывъ тройственнаго союза. При существующихъ отношеніяхъ Италія не можетъ представлять для нихъ никакой угрозы. Ея интересы толкаютъ ее къ сближенію въ конкретныхъ вопросахъ и съ ними, и съ Англіей. Германія и Австрія смотрятъ на эти «экстратуры» сквозь пальцы, стараясь удержать Италію въ союзѣ. Но если бы Италія перешла открыто въ лагерь двойственнаго союза, то, не ставъ отъ этого полезнѣе для послѣдняго, она могла бы предъявить новымъ союзникамъ требованія, на которыя сейчасъ не имѣетъ права. Я не говорю уже о томъ, что общее политическое положеніе только обострилось бы» *).

*) См. «Слово» и «Русское Слово» отъ 14 мая 1908 г.

Съ этимъ мнѣніемъ французскаго дипломата мы не можемъ не согласиться всецѣло, равно какъ и съ его оцѣнкой нежелательности въ настоящее время для Россіи и для Франціи крутого разрыва Италіи съ своими германскими союзниками. Принадлежность Италіи къ тройственному союзу едва ли обозначаетъ нѣчто большее, чѣмъ обѣщаніе нейтралитета съ ея стороны, обѣщаніе, которое при томъ несомнѣнно содержитъ, по рецепту Бисмарка, молчаливую оговорку: rebus sic stantibus. Разрывъ же могъ бы наступить только въ случаѣ рѣшимости Италіи объявить войну Австріи. Можемъ ли мы желать чего-нибудь подобнаго?

У насъ остался не рѣшеннымъ другой вопросъ. Если присоединеніе Италіи къ двойственному союзу не представляется для насъ въ настоящее время цѣлесообразнымъ, то можетъ быть положеніе измѣнилось бы, если бы къ союзу съ Россіей и Франціей примкнула бы Англія. Что же далъ бы Россіи союзъ съ Англіей?

Передъ тѣмъ, чтобы дать посильный отвѣтъ на этотъ сложный вопросъ, я считаю долгомъ оговориться, что нимало не притязаю на компетентность въ области военно-морского дѣла; если мнѣ однако не удастся вовсе избѣжать нѣкоторыхъ общихъ соображеній стратегическаго характера, то лишь въ виду тѣсной и неустранимой связи между ними и оцѣнками общеполитическими. Благодаря этому всякій стратегъ долженъ быть и политикомъ, а политикъ долженъ быть отчасти стратегомъ..

Каковы могли бы быть послѣдствія англо-русскаго союза въ Азіи?— Мы уже видѣли, что однимъ изъ главныхъ стимуловъ сближенія съ Россіей для Англіи было желаніе обезпечить безопасность Индіи. Мы могли бы предъявить подобныя же требованія новой союзницѣ относительно Дальняго Востока и находить союзъ съ Англіей желательнымъ, напр., на случай осложненій съ Японіей.—Вспомнимъ, однако, что какъ разъ противъ Японіи Англія не могла бы оказать намъ помощи, потому что она уже связана съ этой державой союзомъ, возобновленнымъ на 10 лѣтъ въ 1905 г. Въ силу этого союза каждая договаривающаяся держава обязана помочь другой въ случаѣ войны хотя бы съ однимъ противникомъ. Въ настоящее время къ тому же наши отношенія съ Японіей получили гораздо болѣе вѣрную гарантію въ приведенномъ выше соглашеніи съ этой державой. Если союзъ съ Англіей безполезенъ и не осуществимъ на Дальнемъ Востокѣ, то болѣе сложнымъ представляется этотъ вопросъ примѣнительно къ нашему положенію въ Европѣ. Увеличитъ ли союзъ съ Англіей нашу безопасность въ Европѣ?

— Если предположить главнымъ вѣроятнымъ противникомъ предполагаемаго союза Германію, то мы вполнѣ поймемъ интересъ Англіи имѣть союзниками континентальныя державы, располагающія значительными арміями, ибо несомнѣнно, что на нихъ упала бы главная тяжесть и бѣдствія войны. Можно себѣ представить впрочемъ, что при дальнѣйшей реорганизаціи англійской арміи, Великобританія, пожалуй, будетъ въ состояніи перебросить на континентъ 100-тысячную армію на помощь Франціи, и что такимъ образомъ при извѣстныхъ условіяхъ для послѣдней можетъ быть расчетъ вступить въ союзъ съ Англіей. Но что далъ бы подобный союзъ Россіи?—Какъ что?—А громадный флотъ, помощь котораго могла бы быть такъ полезна именно намъ, у которыхъ вовсе нѣтъ флота?—слышимъ мы возраженіе.—Едва ли однако это самое обстоятельство, т.-е. отсутствіе нашего собственнаго серьезнаго флота на Балтійскомъ морѣ, не сдѣлаетъ для насъ по крайней мѣрѣ при настоящихъ условіяхъ сотрудничество англійскаго флота мало полезнымъ въ случаѣ войны. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что Германія задумаетъ воевать съ нами. Развѣ не естественно предположить, что она постарается использовать все превосходство своей техники для возможно болѣе быстрой мобилизаціи арміи, флота и сосредоточенія въ своихъ портахъ возможно большаго количества транспортовъ, что облегчается ея столь развитымъ торговымъ мореходствомъ. Если ей придется при этомъ расчитывать на возможное вмѣшательство Англіи, то развѣ не приметъ она нужныхъ и вовсе не столь трудныхъ, повидимому, мѣръ, чтобы запереть проливы изъ Сѣвернаго моря въ Балтійское. Въ теченіи нѣкотораго времени германскій флотъ станетъ въ силу этого господиномъ положенія въ Балтійскомъ морѣ, и подъ его прикрытіемъ германскій десантъ въ 150—200 тысячъ можетъ высадиться въ любомъ пунктѣ Балтійскаго побережья. Эта внезапная высадка пріобрѣтаетъ все свое значеніе, если принять въ соображеніе именно превосходство быстроты германской мобилизаціи надъ нашею, а также возможность угрожать нашей столицѣ вскорѣ послѣ начала военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, приходится признать, что пока у насъ нѣтъ въ Балтійскомъ морѣ флота, достаточно сильнаго, чтобы отразить нападеніе германскаго флота, или хотя бы отсрочить на извѣстное время возможность непріятельскаго десанта, чтобы этой отсрочкой восполнить промедленіе нашей мобилизаціи,—до тѣхъ поръ союзъ съ Англіей едва ли обезпечитъ насъ отъ опасности внезапной высадки.

Изъ этого положенія могутъ быть сдѣланы различные выводы. Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что если наша безопасность на Балтійскомъ морѣ недостаточно обезпечена наличными морскими силами и состояніемъ мобилизаціи, то слѣдуетъ заняться доведеніемъ какъ флота, такъ и средствъ мобилизаціи до надлежащей высоты. Мы не будемъ оспаривать этого вывода, разработка коего должна принадлежать спеціалистамъ военно-морского дѣла. Достаточно будетъ замѣтить, что мечтать о созданіи флота, равнаго Германіи, мы долго еще не въ состояніи; на первыхъ порахъ намъ едва ли не слѣдуетъ ограничиться болѣе скромными задачами оборонительнаго характера, а именно разстроить расчеты непріятеля на возможность высадки на наше побережье десанта въ срокъ меньшій, чѣмъ тотъ, который потребуется намъ для соотвѣтствующей мобилизаціи арміи.

Теперь возникаетъ слѣдующій вопросъ: если эта задача окажется выполнимой благодаря мѣрамъ, которыя будутъ у насъ приняты въ области государственной обороны, то въ этомъ случаѣ не устраняется ли возраженіе противъ цѣлесообразности союза съ Англіей и не дѣлается ли послѣдній во всѣхъ отношеніяхъ желательнымъ?—Отмѣтимъ, прежде всего, что разъ Англія не въ состояніи оградить насъ отъ внезапной высадки германскаго десанта, и эта задача можетъ быть поставлена только нашимъ собственнымъ силамъ, то послѣдующая помощь Англіи, какъ бы побѣдоносны ни были дѣйствія ея флота, едва ли способна значительно облегчить намъ наши задачи въ войнѣ съ Германіей; послѣ первыхъ дѣйствій война несомнѣнно сосредочится на материкѣ, а не на морѣ. Чѣмъ больше морскихъ пораженій понесетъ Германія, тѣмъ больше побужденій у нея останется не заключать мира, пока пораженія на морѣ не будутъ возмѣщены побѣдами на сушѣ.

Союзъ между двумя или тремя державами можетъ считаться цѣлесообразнымъ въ томъ случаѣ, если каждая изъ нихъ будетъ находиться приблизительно въ равныхъ условіяхъ. Высказанныя соображенія склоняютъ насъ къ мнѣнію, что союзныя обязательства были бы въ данномъ случаѣ далеко не равномѣрны по своей тяжести. Но можетъ быть это обстоятельство возмѣщается большимъ рискомъ для насъ войны съ Германіей, чѣмъ для Англіи, или хотя бы даже одинаковымъ рискомъ.

Отвѣтъ на оба эти вопроса представляется намъ, равнымъ образомъ, отрицательнымъ. Если мы внимательно вглядимся въ нынѣшнее международное положеніе, то мы убѣдимся, что безъ натяжки оно мо-

жетъ быть охарактеризовано въ главныхъ чертахъ, какъ грандіозное соперничество Англіи и Германіи. Въ основѣ этого соперничества лежатъ не случай, не склонности, или антипатіи, а глубокія причины соціальнаго и экономическаго характера. Населеніе Германіи со времени ея объединенія возросло болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза, и насчитываетъ въ настоящее время около 65 милліоновъ. Согласно переписи 1907 года только 27,4% всего населенія были заняты земледѣліемъ, тогда какъ въ добывающей и обрабатывающей промышленности было занято 42,75%, въ торговлѣ 13,41%.

Ростъ вывоза и ввоза въ Германіи за 5 лѣтъ выразился въ тысячахъ марокъ.

Года.	Ввозъ.	Вывозъ.
1903	6.321,146	5.130,271
1904	6.854,465	5.315,437
1905	7.436,263	5.841,817
1906	8.438,553	6.478,608
1907	9.003,323	7.100,583

Эти цифры конечно могутъ служить только небольшой иллюстраціей роста экономическаго развитія Германіи *). Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что ежегодный приростъ населенія достигаетъ за послѣдніе годы около 900.000. Если мы теперь бросимъ взглядъ на карту колоньяльныхъ владѣній обѣихъ державъ, то какъ бы мы ни были заранѣе подготовлены къ существующему между ними громадному несоотвѣтствію, оно все же наведетъ насъ на серьезное раздумье. Уже 10 лѣтъ тому назадъ покойный кн. С. Н. Трубецкой уподоблялъ Германію «громадному паровику, развивающему съ чрезвычайной быстротой избытокъ паровъ, которымъ нуженъ выходъ; закрыть такой выходъ, лишить Германію ея предохранительныхъ клапановъ, значило бы вызвать взрывъ, опасный и для самой Германіи, и для ея союзниковъ, и для ея сосѣдей» **).

Въ соотвѣтствіи съ ростомъ иностранной торговли идетъ и увеличеніе военнаго флота Германіи. Въ 1909 году въ Англіи вызвали панику цифры, сообщенныя въ парламентѣ о гигантскомъ развитіи германскаго судостроенія, оборудованія верфей и доковъ, а также о грандіозномъ расширеніи заводовъ Круппа. Въ 1910 году англійскій

*) Желающимъ ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ мы можемъ рекомендовать книгу W. Harbutt Dawson: „The evolution of modern England“, 1908.

**) См. Собраніе сочиненій кн. С. Н. Трубецкого, т. I, стр. 44.

премьеръ призналъ, что традиціонный принципъ численности и силы англійскаго флота two Power standard уже не можетъ имѣть прежняго примѣненія. Несмотря на антипатію либеральнаго кабинета къ «непроизводительнымъ» расходамъ, ему пришлось въ 1909 году испросить кредитъ на 8 броненосцевъ вмѣсто 4, чтобъ нагнать пробѣлъ, происшедшій вслѣдствіе промедленія. Ежегодно возникаютъ разговоры о необходимости обѣимъ державамъ придти къ соглашенію, чтобы регулировать ростъ судостроенія, но до сихъ поръ эти попытки не имѣли результата иного, кромѣ все возрастающихъ кредитовъ на флотъ и тамъ и здѣсь. Въ концѣ концовъ несмотря на многочисленныя экономическія, культурныя и моральныя задержки войны, которыя возрастаютъ съ каждымъ годомъ, самый ростъ военно-морского бюджета является своего рода опасностью, ибо платежное напряженіе даже такихъ богатыхъ государствъ, какъ Германія и Англія, имѣетъ свои предѣлы; оно требуетъ того или иного разрѣшенія, которое можетъ быть найдено либо въ соглашеніи, полагающемъ ему предѣлъ, либо въ использованіи накопленныхъ орудій разрушенія. Мы не знаемъ, которое изъ двухъ теченій возьметъ верхъ надъ другимъ, но мы полагаемъ, что всякое новое накопленіе силъ, которое можетъ произойти благодаря новымъ союзамъ, скорѣе отдалило бы соглашеніе между соперничающими державами, чѣмъ приблизило бы его наступленіе.

Къ сожалѣнію, наряду съ искреннимъ желаніемъ достигнуть соглашенія съ Германіей, которое неоднократно проявлялось нынѣшнимъ либеральнымъ кабинетомъ, послѣдніе выборы въ Англіи указываютъ на успѣхи въ этой странѣ идей протекціонизма и преференціальной системы въ отношеніяхъ метрополіи съ колоніями. Если эти идеи одержатъ верхъ въ Англіи, то тѣмъ самымъ будутъ закрыты многіе изъ «предохранительныхъ клапановъ» для избытка германскаго пара. Вывозъ Германіи въ Соединенное Королевство въ сравнительно менѣе благопріятномъ 1908 году исчислялся въ 38.030,642 фунт. ст., ввозъ 33.400, 273; включая же иностранные и колоніальные продукты, общая цифра вывоза Германіи изъ Соединеннаго Королевства равнялась 46. 381, 882 фунт. ст. *). Позволительно спросить, какъ отразится торжество протекціонизма въ Англіи на этихъ цифрахъ англо-германскаго товарообмѣна и останется ли безучастной Германія къ вѣроятнымъ тяжелымъ послѣдствіямъ для ея промышленности?

*) Statesman's year-book, 1910, p. 849.

Отъ насъ далеко желаніе быть алармистами. Мы убѣждены въ томъ, что все современное развитіе Англіи и Германіи, растущее благосостояніе и демократизація этихъ странъ оказываютъ сильнѣйшее вліяніе въ смыслѣ сохраненія мира, съ которымъ связаны интересы столькихъ милліоновъ трудящихся классовъ и капиталистовъ. Но мы уже видѣли, что тѣ же самые интересы могутъ при извѣстныхъ условіяхъ вынудить германское правительство къ насильственной развязкѣ черезчуръ натянутаго положенія.

Въ присутствіи такого рода фактовъ какое положеніе естественнѣе всего занять Россіи?—Неужели связать свою судьбу съ одной изъ сторонъ въ тяжбѣ, которая насъ не прямо касается? Неужели не предпочесть совершенно естественный нейтралитетъ, который гораздо лучше послужитъ интересамъ мира и слѣдовательно въ концѣ концовъ той же Англіи и Германіи.

Мы указали на то неопредѣленное и чреватое опасностями положеніе, которое создается англо-германскимъ соперничествомъ. Существуютъ ли подобные же мотивы въ нашихъ отношеніяхъ съ Германіей?

Прежде всего отмѣтимъ, что ни о какомъ экономическомъ или колоніальномъ соперничествѣ между обѣими державами не можетъ быть и рѣчи. Наоборотъ, внутреннія условія производства и географическія условія создаютъ совершенно естественныя условія сбыта для Германіи продуктовъ своей фабричной промышленности въ Россію, а для насъ—хлѣба въ Германію; этотъ фактъ не могутъ уничтожить ни аграрный протекціонизмъ Германіи, ни высокія покровительственныя пошлины нашей промышленности. Какъ показываетъ статистика, нашъ торговый оборотъ съ Германіей неизмѣнно стоитъ на первомъ мѣстѣ какъ по вывозу, такъ и по ввозу, значительно превосходя торговлю съ Англіей, занимающую второе по значенію мѣсто въ нашей внѣшней торговлѣ. Объ этомъ наглядно свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры:

Вывозъ	1906	1907	1908
изъ	въ тыс. р.	въ тыс. р.	въ тыс. р.
Германіи . .	270,390	315,688	320,061
Англіи . . .	104,415	114,598	121,043

Ввозъ	1906	1907	1908
въ	въ тыс. р.	въ тыс. р.	въ тыс. р.
Германію . .	283,950	290,846	278,648
Англію . . .	225,431	228,494	220,059

Въ случаѣ войны Германія сильно рисковала бы если не совсѣмъ лишиться русскаго рынка, то во всякомъ случаѣ на долго утратить завоеванное на немъ исключительно благопріятное положеніе. Что могла бы она получить взамѣнъ этого, даже въ случаѣ скораго и благопріятнаго для нея исхода войны?—Отхватить значительную часть Балтійскаго побережья?—Но вѣдь не достаточно во время войны занять извѣстную территорію, нужно по заключеніи мира удержать ее въ своихъ рукахъ. Какого же напряженія силъ и средствъ потребовало бы отъ Германіи завладѣніе частью русской территоріи, не на какой-нибудь далекой окраинѣ, а тамъ, гдѣ она уже вѣками взошла въ плоть и кровь Россіи, гдѣ эта земля необходима для государственной и экономической самостоятельности народа съ 160-милліоннымъ населеніемъ. Мы уже не говоримъ о томъ, чего бы стоили Германіи ея побѣды. Для насъ лично подобная перспектива представляется чѣмъ-то явно нелѣпымъ и невозможнымъ, и мы увѣрены въ томъ, что всѣ болѣе или менѣе серьезные люди въ Германіи прекрасно понимаютъ это и соглашаются съ мнѣніемъ Бисмарка о невыгодности для Германіи даже побѣдоносной войны съ Россіей.

Мы не упоминаемъ о другомъ изъ возможныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній Германіи въ случаѣ войны съ нами, а именно русской Польши. Германія и безъ того не знаетъ, какъ переварить ту небольшую сравнительно часть бывшаго Польскаго королевства, которая является для нея столь же необходимой, сколь и тяжелой обузой. Отдать же Царство Польское Австріи, въ случаѣ совмѣстной войны и побѣды надъ Россіей, значило бы сдѣлать первый серьезный шагъ къ возстановленію исторической Польши, ибо возсоединенная съ Галиціей и пользующаяся равною съ ней автономіею русская Польша сдѣлалась бы конечно самой опасной угрозой для обезпеченія сохранности и спокойствія въ прусской Познани. Больше того, такого рода компенсація Австріи едва ли не стала бы началомъ конца союза Германіи и Австріи. Вѣдь и безъ того естественный приростъ славянства въ Австріи служитъ серьезной угрозой преобладанію германизма въ этой странѣ.

По всѣмъ этимъ причинамъ позволительно полагать, что война съ Россіей не представляетъ реальныхъ выгодъ Германіи. Остаются, однако, неустраненными два возможныхъ повода къ такой войнѣ. Первый изъ нихъ наступилъ бы въ томъ случаѣ, если бъ Германія имѣла серьезныя причины опасаться англо-русскаго союза, или если бъ таковой на самомъ дѣлѣ осуществился. При такихъ условіяхъ традиціон-

ный «кошмаръ коалицій» получилъ бы конкретныя и положительныя основанія. Въ цѣляхъ самосохраненія и возстановленія нарушеннаго равновѣсія, Германія естественно могла бы ухватиться за благопріятную минуту, чтобы нанести рѣшительный ударъ такой коалиціи. Воспользовавшись моментомъ, когда была бы занята Англія, Германія весьма вѣроятно направила бы свой ударъ противъ Россіи.

Другимъ поводомъ могло бы послужить пробужденіе панславистическихъ тенденцій во внѣшней политикѣ Россіи. Эта традиціонная черная точка въ отношеніяхъ къ намъ европейскаго Запада налагаетъ обязанность на русское общественное мнѣніе точно такъ же, какъ и на отвѣтственныхъ руководителей политики съ величайшей внимательностью и осторожностью подходить къ такъ называемому славянскому вопросу.

X.

Мы видѣли раньше, сколько крови и жертвъ стоили намъ попытки разрѣшенія этого вопроса на юго-востокѣ Европы. Не только склонность и симпатіи къ единоплеменникамъ руководили при этомъ Россіей, подымая волны народнаго сочувствія навстрѣчу страждущимъ братьямъ. Здѣсь очевидно говорилъ вѣрный государственный инстинктъ, который побуждалъ Россію искать и создавать себѣ вѣрныхъ, надежныхъ союзниковъ среди своего моральнаго и политическаго одиночества въ Европѣ. Но именно въ силу того, что въ славянскомъ вопросѣ наша политика рѣдко возвышалась надъ инстинктомъ и никогда до конца не осознала положенія, вытекавшаго изъ взаимоотношеній Россіи и славянства,—въ силу этого нашимъ жертвамъ не отвѣчали полностью результаты, и самыя отношенія между Россіей и славянами продолжали сохранять половинчатый характеръ.

Благородный порывъ, которымъ началась наша послѣдняя война съ Турціей, кончился болѣе, чѣмъ плачевно на Берлинскомъ конгрессѣ. Но и послѣ него развѣ мы оставались вѣрны дѣлу освобожденія славянъ, когда хотѣли подчинить болгаръ своей опекѣ и противились частичному осуществленію той самой программы, которую проводили въ Санъ-Стефано? — И если тѣмъ не менѣе свѣтлыя воспоминанія и традиціи перевѣшиваютъ надъ темными на Балканахъ, то въ нашихъ отношеніяхъ къ другимъ славянамъ—полякамъ можемъ ли мы утѣшаться тѣмъ же самымъ? Развѣ раздѣлъ Польши между нами и нашими сосѣдями не давитъ на насъ, какъ нравственный и политическій грѣхъ, который намъ приходится такъ тяжело искупать до сего времени?

Въ настоящемъ очеркѣ нѣтъ мѣста для оцѣнокъ внутренней политики Россіи, самой по себѣ. Помимо того мы хотѣли бы прежде всего устранить всякій элементъ «правыхъ» или «лѣвыхъ» оцѣнокъ въ сужденіяхъ о реальныхъ интересахъ русской государственности. Но, къ сожалѣнію, именно эти наиболѣе реальные интересы, а отнюдь не доктринерство возвращаютъ вниманіе къ нѣкоторымъ наболѣвшимъ вопросамъ, ибо въ пониманіи ранѣе совершенныхъ ошибокъ и грѣховъ содержится ключъ къ уразумѣнію настоящаго. Развѣ не мы своими руками уничтожили естественный буферъ между Россіей и германизмомъ? Развѣ не на развалинахъ Польши возникло могущество нашихъ сосѣдей?

И наконецъ, развѣ не на призракѣ Польской революціи удалось Бисмарку усыпить вниманіе русскаго правительства, дозволившаго ему въ свое время раздавить Францію и на ея пораженіи воздвигнуть мощное зданіе Германской Имперіи?

Но теперь все это область прошлаго и повернуть назадъ колесо исторіи не въ нашихъ силахъ. Какъ бы мы ни оцѣнивали раздѣлъ Польши, возстановленіе ея въ историческихъ предѣлахъ можетъ привлекать мечты идеологовъ, или поэтовъ, но совершенно исключается изъ рамокъ реальной политики. Въ нашей власти болѣе скромныя, но осуществимыя задачи.

Дайте Царству Польскому тѣ права, которыми обладаетъ Галиція, или начните хоть съ самаго элементарнаго—народнаго языка въ школѣ, свободы вѣроисповѣданія и самоуправленія, заставьте повѣрить поляковъ въ искренность и прочность такой политики, и, сдѣлавъ эти шаги къ примиренію, вы будете вознаграждены сторицею во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего вы будете въ состояніи переложить съ русскихъ на поляковъ значительную часть той обузы, которая состоитъ теперь въ необходимости охранять польскую землю исключительно русскою кровью. Введеніе принципа территоріальной мобилизаціи въ Польшѣ избавило бы насъ отъ иныхъ непроизводительныхъ расходовъ и создало бы возможность использовать освободившіяся средства съ гораздо большей выгодой для цѣлей обороны и въ интересахъ коренной Россіи.

Къ сожалѣнію, помимо нагромоздившихся въ теченіи исторіи взаимныхъ предубѣжденій, въ которыхъ повинны и русскіе, и поляки, наше правительство никогда не могло исключить изъ своей политики въ Царствѣ Польскомъ вѣчнаго оглядыванія на то, что скажутъ въ Берлинѣ. Мы не говоримъ о томъ, насколько само по себѣ подобное

опасеніе, котораго чужда союзница Германіи Австрія въ Галиціи, представляется намъ неосновательнымъ для великой славянской державы. Подобное предубѣжденіе слѣдуетъ искоренить въ интересахъ какъ Россіи, такъ и Германіи, ибо оно только портитъ между ними отношенія, а не содѣйствуетъ укрѣпленію той традиціонной дружбы, которою мы имѣемъ всѣ основанія дорожить.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не оскорбительна мысль о томъ, чтобы въ отношеніи къ Царству Польскому Россія руководилась иными заботами кромѣ тѣхъ, которыя внушаются ея достоинствомъ и интересами? Имѣетъ ли Германія малѣйшее основаніе для неудовольствія въ томъ случаѣ, если бы русское правительство сочло нужнымъ установить нормальныя отношенія съ нѣсколькими милліонами своихъ польскихъ подданныхъ?—Думать, что перемѣна политики въ Царствѣ Польскомъ означала бы торжество панславистическихъ идей, котораго могла бы опасаться Германія, значило бы создавать себѣ совершенно превратное представленіе о значеніи подобной перемѣны.

Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ отношеніи къ Польшѣ русское правительство до сихъ поръ исходило именно изъ тѣхъ идей руссификаціи и насильственнаго племенного объединенія, которыя лежатъ въ основѣ панславизма. Тѣ же идеи одно время вдохновляли и нашу политику по отношенію къ Болгаріи. Но этотъ примѣръ какъ разъ связанъ съ воспоминаніемъ о полномъ крушеніи панславизма. Неужели же въ Европѣ находятся люди, которымъ все еще мерещится его призракъ? Панславизмъ, или иначе панруссизмъ, т.-е. идея объединенія славянства на почвѣ подчиненія Россіи, есть внутренне несостоятельный принципъ, который на дѣлѣ не можетъ осуществиться. Прежде всего исторія и географія распорядились такъ, чтобы между Россіей и славянскими территоріями въ Австріи и на Балканахъ существовала неустранимая чересполосица; уже по этому одному въ отношеніяхъ Россіи и славянства не можетъ быть полной аналогіи съ взаимнымъ положеніемъ Пруссіи и другихъ германскихъ государствъ. Но далѣе громадность территоріи Россіи исключаетъ для нея желательность всякаго дальнѣйшаго земельнаго приращенія, которое еще осложнило бы и безъ того громоздкій государственный аппаратъ. Такимъ образомъ, единеніе Россіи и славянства и общность между ними интересовъ могутъ быть обоснованы въ совершенно другой плоскости. Для Россіи важно, чтобы въ Европѣ сохранилось политическое равновѣсіе, обезпечивающее миръ, но однимъ изъ условій послѣдняго является племенное равновѣсіе. Въ этомъ состоитъ интересъ нашего личнаго

самосохраненія, но съ нимъ совпадаетъ неподдающаяся формуламъ политики и сухой разсудочности связь общаго происхожденія съ славянскими народами, самостоятельное и независимое развитіе коихъ представляетъ необходимое условіе вышеуказаннаго племенного равновѣсія въ Европѣ.

Мы не можемъ питать никакихъ враждебныхъ замысловъ противъ другихъ государствъ и народностей; но когда болѣе сильные въ политическомъ, культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ племенные элементы обнаруживаютъ естественную тенденцію подчинить и ассимилировать себѣ болѣе слабыя, родственныя намъ народности и государства, то нашъ интересъ естественно заключается въ посильной помощи послѣднимъ, въ содѣйствіи имъ въ дѣлѣ огражденія своихъ правъ на существованіе и самоопредѣленіе. Въ этомъ, на нашъ взглядъ, должна бы заключаться главная сущность славянской политики Россіи и отличіе ея отъ захватнаго панславизма. И первымъ шагомъ въ правильномъ самоопредѣленіи Россіи, какъ великой славянской державы, мы повторяемъ, является, на нашъ взглядъ, соотвѣтствующее измѣненіе ея политики въ Польшѣ. Безъ этого измѣненія, какъ вообще безъ поворота въ области внутреннихъ національныхъ вопросовъ съ цѣлью примиренія съ «инородцами» и укрѣпленія общероссійскаго патріотизма, Россія не выйдетъ изъ состоянія немощи, парализующей ея внѣшнюю силу.

Между тѣмъ Россія, примирившаяся съ поляками и финляндцами, крѣпкая и сильная во внутреннемъ своемъ единствѣ, станетъ по отношенію къ славянамъ магнитомъ, который всѣхъ ихъ привлечетъ къ ней и создастъ ей въ Европѣ громадныя опоры въ осуществленіи задачъ охраны мира на основахъ національнаго равновѣсія. Многое изъ того, что сказано, можетъ показаться «музыкой будущаго», какъ говорятъ нѣмцы. Но развѣ понятая такимъ образомъ славянская политика, въ которой нѣтъ ни для кого угрозы, не пользуется сочувствіемъ и поддержкой въ Англіи, Франціи, Италіи? И теперь въ этихъ странахъ перестали уже бояться «оказаченія» Европы и понимаютъ, что содѣйствіе самостоятельному развитію славянскихъ государствъ и народовъ служитъ лучшимъ противовѣсомъ росту пангерманизма. Не только общественное мнѣніе, но и отвѣтственные политики въ Лондонѣ, Парижѣ и Римѣ готовы съ своей стороны помочь Россіи въ этомъ направленіи, которое совпадаетъ съ ихъ стремленіемъ обезпечить миръ на прочныхъ внутреннихъ гарантіяхъ.

Мы уже говорили, что съ Берлиномъ насъ могла бы поссорить по-

литика панславизма, которую мы отвергаемъ, какъ вообще вредную. Слѣдуетъ однако помнить, что и въ той славянской политикѣ охраненія національнаго равновѣсія, которую мы рекомендуемъ, могутъ встрѣтиться опасности, которыя предостерегаютъ насъ отъ возможныхъ увлеченій. Никакая великая держава не можетъ допустить посторонняго вмѣшательства или давленія на свои внутреннія дѣла и распорядки. Мы должны вѣчно памятовать это въ нашихъ отношеніяхъ съ Австріей, славянское населеніе коей превышаетъ германское. Русское правительство не можетъ задаваться цѣлью вліять на взаимное отношеніе племенныхъ группъ въ Австро-Венгріи. Но перемѣна во внутренней національной политикѣ и послѣдовательное дипломатическое дѣйствіе на Балканахъ, разумѣется, сами собою повлекли бы въ концѣ концовъ перемѣну въ отношеніи къ намъ Австро-Венгріи—къ этому она была бы вынуждена славянскимъ большинствомъ у себя дома. Австрійскіе поляки, конечно, измѣнили бы свое отношеніе къ Россіи, какъ скоро увѣровали бы въ перемѣну русскаго правительства къ ихъ соотечественникамъ. Въ настоящее же время главная опора нѣмецкаго правительства въ Австріи — и, слѣдовательно, его вѣрности тройственному союзу—является блокъ нѣмцевъ и поляковъ. Въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаютъ извѣстное значеніе слова графа Эренталя, сказанныя имъ корреспонденту «Новаго Времени» въ декабрѣ 1909 г., что «если бъ кто могъ оказывать вліяніе на дѣла Австро-Венгріи, такъ это не Германія, а Россія».

Переговоры между Россіей и Австріей, которымъ предшествовало это заявленіе, не вполнѣ оправдали возлагавшихся на нихъ ожиданій. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, потому что по существу дѣла для насъ желательно сближеніе съ Австріей, поскольку оно дѣлаетъ эту державу болѣе свободной по отношенію къ Германіи. Существованіе независимой Австріи есть необходимость столько же для Россіи, сколько и для Европы, ибо въ ней завязанъ узелъ европейскаго равновѣсія.

Изъ официальнаго сообщенія петербургскаго телеграфнаго агентства, оповѣстившаго о результатахъ австро-русскихъ переговоровъ, выяснилось, что петербургскій кабинетъ предлагалъ въ качествѣ общихъ руководящихъ принциповъ политики на Балканахъ принять слѣдующія положенія: «1) сохраненіе status quo на Балканскомъ полуостровѣ; 2) такъ какъ въ основу новаго режима Турціи положено равенство въ правахъ всѣхъ народностей,—сохраненіе и укрѣпленіе такового новаго порядка и 3) независимость, укрѣпленіе и мирное развитіе малыхъ

Балканскихъ государствъ». Вѣнскій кабинетъ съ своей стороны призналъ, «что на почвѣ балканскихъ дѣлъ существуетъ полное соотвѣтствіе политическихъ принциповъ Австро-Венгріи и Россіи», но отказался отъ офиціальнаго сообщенія результатовъ переговоровъ другимъ заинтересованнымъ державамъ, какъ предлагалъ А. П. Извольскій.

Насъ въ настоящую минуту интересуетъ не столько тотъ фактъ, что обѣ державы не пришли къ соглашенію по вопросу формальнаго характера, сколько то обстоятельство, что офиціально онѣ провозгласили одинаковые принципы*), которые въ лицѣ этихъ державъ, представляющихъ двѣ противоположныя политическія группировки, получили санкцію всей Европы. Между тѣмъ въ нихъ содержится цѣлая программа для русской политики на Балканахъ; къ ней, разумѣется, можно кое-что прибавить, но едва ли что-нибудь вычеркнуть,—программа, имѣющая въ нашихъ глазахъ цѣнность, поскольку она согласуется съ тѣми общими взглядами на отношенія Россіи къ славянству, которыя представляются намъ единственно правильными.

Въ самомъ дѣлѣ задача нашей политики на Балканахъ заключается въ настоящее время въ томъ, чтобы чисто-славянскіе интересы сдѣлать вмѣстѣ съ тѣми интересами общеевропейскими. Для достиженія этой цѣли гораздо тактичнѣе выдвигать принципъ независимости балканскихъ государствъ, какъ одно изъ условій общеевропейскаго равновѣсія, а не какъ выводъ изъ тѣхъ узъ племенного и сентиментальнаго характера, которыя на столько же объединяютъ Россію и славянство, на сколько оставляютъ равнодушными, или враждебными другія державы. Указанной задачѣ вполнѣ отвѣчаютъ «независимость, укрѣпленіе и мирное развитіе малыхъ балканскихъ государствъ», о которыхъ говорится въ русскомъ проектѣ.

Подобный лозунгъ можетъ разсчитывать на гораздо болѣе широкое сочувствіе и поддержку, чѣмъ выдвигавшійся одно время непрактичный и неосуществимый проектъ балканской федераціи. Въ печати обсуждались въ сущности цѣлыхъ два проекта федераціи —одинъ съ участіемъ Турціи, другой безъ нея.

Союзъ Турціи съ балканскими государствами представляется намъ такой идилліей, къ которой насъ далеко не располагаетъ картина дѣйствительности. Но много ли больше шансовъ имѣетъ въ настоящее время союзъ Сербіи и Болгаріи?—Мы уже видѣли, какъ близко было

*) Этотъ фактъ былъ дважды отмѣченъ гр. Эренталемъ въ засѣданіи делегацій осенью 1910 г.

однажды къ осуществленію таможенное объединеніе обоихъ государствъ, и какъ ему помѣшало политиканство въ Софіи и Бѣлградѣ. Къ сожалѣнію, идея сближенія и союза, вообще говоря, пользуется популярностью среди болѣе слабыхъ сербовъ, и ею гораздо менѣе увлечены болѣе сильные—болгары. Оба славянскія государства никогда не могли столковаться на счетъ шкуры медвѣдя, которую они дѣлили раньше, чѣмъ его убить. И если теперь возобновились толки о сербоболгарскомъ сближеніи, то увы, намъ думается, что только потому, что медвѣдь воспрянулъ, и дѣлить нечего не только въ дѣйствительности, но пока даже и въ мечтахъ.

Толки о балканской федераціи, не достигая результата, имѣютъ однако то нежелательное послѣдствіе, что возбуждаютъ подозрительность Турціи и двухъ германскихъ державъ.*) Тутъ же обыкновенно передается слухъ о предполагаемомъ будто бы союзѣ Россіи съ славянскими государствами. Эти разговоры мы также считаемъ вредными. Въ случаѣ, если бъ наступили осложненія на Ближнемъ Востокѣ и Россіи пришлось въ нихъ дѣятельно вмѣшаться, само собою разумѣется, славяне будутъ тамъ же, гдѣ и она. Но такъ какъ мы хотимъ сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы вовсе избѣжать рѣшительныхъ осложненій, то самое лучшее для насъ не поддерживать ни въ Болгаріи, ни въ Сербіи ложныхъ надеждъ на готовность Россіи помочь имъ во всякое время, когда они того пожелаютъ, не дожидаясь, пока Россія сама найдетъ, что для этого пробилъ часъ.

XI.

Поддержка новаго режима въ Турціи обусловлена въ русскомъ проектѣ соблюденіемъ провозглашеннаго имъ принципа равноправія народностей. На самомъ дѣлѣ сущность турецкаго національнизма до сихъ поръ фактически заключалась какъ разъ въ обратномъ. Младотурки склонны не признавать никакихъ народностей въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, кромѣ единой оттоманской націи. Принципъ личнаго

*) Не эти ли и подобные имъ разговоры подготовили почву для сближенія Румыніи съ Турціей, принявшаго даже, если вѣрить недавнимъ слухамъ, форму гарантій военнаго характера?—Что Румынія давно рѣшилась связать себя извѣстными обязательствами съ Австріей, относительно этого существуютъ всякія данныя. Болѣе страннымъ представляется ея готовность предрѣшать событія, переходя въ лагерь Турціи. Мы не должны, однако, чрезмѣрно оцѣнивать значеніе гарантій, выдаваемыхъ маленькими державами. Въ конечномъ счетѣ соображенія данной минуты будутъ для нихъ всегда рѣшающими,—доказательства тому мы могли бы привести изъ исторіи самой Румыніи и политики ея мудраго и осторожнаго короля.

равноправія они обусловливаютъ принадлежностью къ этой націи. Это противорѣчіе глубоко заложено въ самомъ современномъ положеніи Турціи и составляетъ наиболѣе драматическую его сторону.

Младотурецкое движеніе было произведено исключительно турками, главнымъ образомъ арміей. Тѣ манифестаціи равенства и братства между всѣми народностями Востока, о которыхъ мы упоминали, были возможны лишь на первыхъ порахъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ опьяняющихъ успѣховъ. Но даже эти манифестаціи вскорѣ начали коробить многихъ правовѣрныхъ турокъ, историческая психологія коихъ слишкомъ пріучила ихъ ко взгляду на себя, какъ на господъ, а на христіанъ, какъ на подчиненную райю. Когда же, послѣ медоваго мѣсяца свободы, наступила пора осуществленій, то не замедлила вскрыться роковая дилемма: Турція ни въ какихъ отношеніяхъ не дозрѣла до превращенія въ союзъ автономныхъ и полуавтономныхъ областей наподобіе Австріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ умиротвореніе и обновленіе имперіи не можетъ быть достигнуто безъ удовлетворенія законныхъ стремленій народностей къ культурному самоопредѣленію. Безъ этого послѣдняго условія нельзя расчитывать на прочный миръ съ балканскими государствами, на то, что прекратится центробѣжное движеніе, представляющее главную опасность для европейскихъ областей Турціи. Что же оставалось дѣлать? Власть перешла къ тѣмъ, кто завоевалъ ее при помощи арміи. Въ послѣдней заключается единственная прочная опора младотурецкаго режима. Отсюда былъ сдѣланъ необходимый выводъ: впереди всѣхъ реформъ должны итти реорганизація государственной обороны и укрѣпленіе арміи. И младотурки не щадятъ средствъ на эту задачу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ бюджетъ на 1910 г., заключенный съ дефицитомъ въ 10 милл. фунтовъ, оборудованіе крѣпостей, громадные заказы артиллеріи и ружей за границей и, наконецъ, пріобрѣтеніе новыхъ военныхъ судовъ въ Германіи.

На-ряду съ этимъ въ Македоніи примѣняются мѣры, мало свидѣтельствующія о вѣрности принципу равноправія народностей. Законъ, воспрещающій сообщества, имѣющія національную окраску, мѣры принимавшіяся будто бы для борьбы съ бандами и устанавливавшія произволъ властей и расправу военныхъ судовъ, жестокости, примѣняющіяся при разоруженіи населенія въ Македоніи,—все это порою мало отличаетъ новую эру отъ худшихъ дней стараго порядка. Хуже всего то, что въ данномъ случаѣ нельзя считать отвѣтственными только мѣстныя власти. Ихъ усердіе явно подогрѣвается вліятельными органами младотурокъ въ Константинополѣ. «Мы никоимъ образомъ не-

сторонники мягкости и сострадания»,—писала газета «Танинъ» 31 октября 1910 г. «Нѣтъ сомнѣнія, что справедливость и великодушіе приносятъ лишь роковые плоды въ Македоніи. Въ то время какъ правительство поступаетъ справедливо и мудро, насиліе и ярость дикихъ болгарскихъ животныхъ возрастаетъ. Единственная обязанность правительства состоитъ въ томъ, чтобы преслѣдовать политику репрессіи à outrance».

Достаточно ознакомиться съ этимъ образчикомъ разсужденій одного изъ самыхъ вліятельныхъ органовъ въ Константинополѣ, чтобы понять, что о внутреннемъ умиротвореніи пока нѣтъ и рѣчи. Не только христіанское населеніе, но и дикіе мусульманскіе горцы Албаніи мало мирятся съ притязаніями младотурокъ, и послѣднимъ стоило немало труда справиться съ албанскимъ возстаніемъ весною 1910 года; покончить съ нимъ удалось лишь путемъ крупныхъ уступокъ требованіямъ повстанцевъ, несомнѣнно нанесшихъ значительный ударъ обаянію новаго режима.

Неустойчивость общаго положенія въ Турціи, необезпеченность нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ и въ связи съ этимъ упомянутое усиленіе вооруженій Турціи и новая тенденція завести крупные броненосцы,—все это создаетъ серьезную заботу для русской политики въ настоящемъ и въ будущемъ. Нельзя не задуматься также надъ происками турокъ въ пограничной персидской области близъ Урміи, гдѣ они стремятся утвердиться. Мы, конечно, желаемъ возможно болѣе прочнаго сохраненія мира и соблюденія statu quo въ Турціи, но мы не можемъ не обратить серьезнаго вниманія на стратегическое значеніе нѣкоторыхъ мѣръ, направленныхъ прямо противъ насъ. Такъ, завладѣніе Урміей представляетъ интересъ для Турціи, лишь поскольку оно облегчаетъ сообщеніе между VI корпусомъ въ Багдадѣ и IV, расположеннымъ на кавказской границѣ. Съ другой стороны, въ своей морской политикѣ турки находятся въ гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ мы, условіяхъ. Правда, вновь пріобрѣтенныя у Германіи довольно старыя военныя судна имѣютъ значеніе скорѣе на случай войны съ Греціей, чѣмъ съ нами*). Но въ будущемъ можетъ быть иначе. Для

*) Турція пріобрѣла у Германіи въ августѣ 1910 г. за сумму 18 милліоновъ марокъ два броненосца: «Курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ» и «Вейссейнбургъ», водоизмѣстимостью въ 9,840 тоннъ каждое; срокъ дѣйствительной службы перваго броненосца истекалъ въ апрѣлѣ 1911 г., второго — въ апрѣлѣ 1912 г. Какъ видно, Германія сумѣла, какъ всегда, не безъ выгоды, обставить свое «одолженіе» Турціи.

Добавимъ къ этому, что нашъ Черноморскій флотъ насчитываетъ въ настоящее время восемь броненосцевъ, изъ коихъ четыре имѣютъ 12,480 тоннъ водоизмѣщенія.

турокъ пріобрѣтеніе новыхъ броненосцевъ есть вопросъ времени и денегъ, а также услужливости добрыхъ друзей, которые могутъ облегчить эти задачи, доставивъ, когда угодно, то, что требуется. Для насъ же усиленіе нашего Черноморскаго флота крупными боевыми единицами новаго типа представляетъ гораздо болѣе сложное дѣло. Въ силу закрытія проливовъ для военныхъ судовъ въ мирное время, мы не можемъ покупать за границей и проводить къ себѣ броненосцы. Мы должны строить ихъ на Черномъ морѣ и обзаводиться всѣмъ, что потребуется, въ связи съ морскими мѣропріятіями турокъ, которые въ любой моментъ могутъ принять весьма серьезный, съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ, характеръ. При этомъ турки могутъ пользоваться своими судами какъ и гдѣ угодно, а мы должны приковать ихъ къ бассейну Чернаго моря. Въ случаѣ, если бы Турція обзавелась броненосцами типа Дредноута, то въ теченіе всего того времени, пока мы не раскачаемся построить у себя такія же суда (а на постройку крупнаго броненосца, предполагая, что у насъ уже имѣлись бы достаточно оборудованные для того заводы, потребуется едва ли меньше трехъ лѣтъ*),—значеніе нынѣшняго Черноморскаго флота будетъ сведено къ нулю. Мало того, не только мы лишимся прежняго серьезнаго орудія давленія на Турцію, но ея флотъ, въ свою очередь, можетъ стать для насъ своего рода угрозой. Едва ли нужно прибавить, что въ случаѣ войны Турціи съ Россіей вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ окажется господство на Черномъ морѣ, будетъ имѣть первостепенное значеніе. Не говоря о самостоятельной роли флота, особенно въ началѣ кампаніи, весьма важнымъ для насъ является обезпеченіе сообщенія моремъ между нашими черноморскими портами и театромъ войны въ Азіи.

Говоря о мѣрахъ военно-морской обороны, мы не можемъ пройти мимо періодически возбуждающагося вопроса о проливахъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, сохраняютъ силу постановленія лондонской конференціи 1871 г. о закрытіи проливовъ въ мирное время для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Любопытно, что въ засѣданіи Берлинскаго конгресса 11 іюля 1878 г. англійскій уполномоченный лордъ Солсбери сдѣлалъ заявленіе, занесенное въ протоколъ, о томъ, что въ во-

*) Слѣдуетъ оговориться, что три года — это срокъ, который считается достаточнымъ для постройки броненосца въ Англіи и Германіи; но у насъ до сихъ поръ броненосцы строились такъ долго, что они оказывались устарѣвшими раньше, чѣмъ были закончены. При такихъ порядкахъ врядъ ли можно расчитывать на скорые результаты отъ судостроенія въ Черномъ Морѣ. Ясно, что въ капитальной перестройкѣ нуждаются не одни устарѣвшія суда, а само морское вѣдомство.

просѣ о проливахъ Англія считаетъ себя впредь связанною лишь по отношенію къ султану. Въ слѣдующемъ же засѣданіи русскій уполномоченный графъ Шуваловъ сдѣлалъ обратное заявленіе, равнымъ образомъ запротоколированное, о томъ, что «принципъ закрытія проливовъ есть принципъ европейскій» и что соблюденіе его обязательно не только по отношенію къ султану, но и ко всѣмъ державамъ, подписавшимъ Лондонскій протоколъ 1871 г.

Прошло 20 лѣтъ. Въ 1898 г. въ англійской печати былъ поднятъ шумъ по поводу прохода черезъ проливы судовъ Добровольнаго флота, перевозившихъ солдатъ изъ Одессы во Владивостокъ. Подъ вліяніемъ новыхъ условій роли перемѣнились. Россія стала отстаивать точку зрѣнія Англіи въ 1878 г., Англія—русскую. Когда же во время войны съ Японіей возникло предположеніе, что Россія проведетъ черезъ проливы эскадру Чернаго моря, то Англія весьма недвусмысленно дала понять, что ея флотъ воспротивится этому проходу. Такъ мѣнялись все время позиціи державъ въ этомъ вопросѣ, исторія котораго начинается одновременно съ тѣмъ, когда впервые поставленъ былъ передъ Россіей и Европой такъ-называемый Восточный вопросъ. *)

Съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ, въ недавнее сравнительно время, существовалъ взглядъ, что пока у Турціи нѣтъ серьезнаго флота, закрытіе проливовъ представляетъ несомнѣнно извѣстныя преимущества. Въ случаѣ войны съ какой-либо державой и нейтралитета Турціи, мы до извѣстной степени обезпечены, что театръ войны не можетъ быть перенесенъ въ Черное море. Воюющей съ нами державѣ пришлось бы серьезно считаться съ отношеніемъ другихъ нейтральныхъ государствъ, подписавшихъ Лондонскій протоколъ 1871 г. Далѣе закрытіе проливовъ въ мирное время дало бы, въ случаѣ наступленія войны, извѣстный авансъ, которымъ нашъ Черноморскій флотъ могъ бы воспользоваться въ случаѣ надобности для загражденія выхода изъ Босфора. Таковы чисто мѣстныя стратегическія преимущества закрытія проливовъ. Невыгодная сторона существующаго положенія заключается также въ этомъ мѣстномъ характерѣ, которымъ ограничивается значеніе Черноморскаго флота. Мы должны строить и содержать наши суда на мѣстѣ, районъ ихъ дѣйствій ограниченъ бассейномъ Чернаго моря. Въ этомъ отношеніи мы находимся въ положеніи, менѣе выгодномъ, чѣмъ Турція и чѣмъ другія державы. Установленіе равноправнаго по-

*) См. „La mer Noire et les détroits de Constantinople“ par***, Paris, 1889, p. 592—601.

ложенія Россіи и Турціи на Черномъ морѣ составляло, повидимому, одну изъ задачъ нашей политики со времени заключенія австро-русскаго соглашенія. Въ послѣдній разъ вопросъ о проливахъ былъ поднятъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ связи съ предполагавшейся въ 1908 г. европейской конференціей по пересмотру Берлинскаго трактата. Насколько извѣстно, русскій проектъ предполагалъ свободу прохода черезъ проливы только для державъ, прибрежныхъ къ Черному морю, т. е. для Россіи и Турціи, быть-можетъ также для Болгаріи и Румыніи. Но для осуществленія этого проекта требовалось согласіе концерта державъ и прежде всего Турціи. Если мы теперь припомнимъ, что Россія только однажды получила право прохода для своихъ судовъ, а именно по Ункіаръ-Скелессійскому договору 1833 года, въ вознагражденіе за помощь, оказанную султану противъ египетскаго паши, и что черезъ 8 лѣтъ ей пришлось добровольно отказаться отъ этого права подъ давленіемъ другихъ державъ,—то мы придемъ къ заключенію, что едва ли въ настоящее время у насъ есть серьезные шансы добиться желаемаго. Въ 1833 г. слабая Турція трепетала передъ Россіей и заискивала ея поддержки. Въ настоящее время Турція находится въ подъемѣ національнаго чувства и ставитъ главной своей цѣлью укрѣпленіе себя съ суши и съ моря. Кромѣ того, международное положеніе далеко не таково, чтобы Россія могла расчитывать на согласіе всѣхъ другихъ державъ и даже на достаточную поддержку Англіи. Какъ бы то ни было, въ указанной постановкѣ, т.-е. открытіи проливовъ только для прибрежныхъ государствъ Чернаго моря, разрѣшеніе вопроса, конечно, представлялось бы для насъ важнымъ и желательнымъ, и намъ казалось бы, что оно должно имѣться въ виду нашей дипломатіей на всякій случай до поры до времени. Что касается предположенія о возможномъ открытіи проливовъ для судовъ всѣхъ націй, то мы рѣшительно высказываемся противъ такого рода постановки вопроса. Возможность вывести наши черноморскія суда въ Средиземное море едва ли окупилась бы для насъ правомъ иностранныхъ державъ имѣть во всякое время свои суда въ непосредственной близости къ Севастополю и Одессѣ. Мы лишились бы не только указанныхъ выше преимуществъ оборонительнаго характера, но и нашего положенія самой сильной морской державы на Черномъ морѣ.

Въ турецкой печати выдвинутъ былъ проектъ нейтрализаціи Чернаго моря съ предварительнымъ выведеніемъ всѣхъ нашихъ судовъ черезъ проливы въ Балтійское море. Проектъ этотъ едва ли заслуживалъ бы даже упоминанія, если бы за нимъ не стояло, повидимому,

сочувствіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ; это не дѣлаетъ чести изобрѣтательности младотурокъ, или степени ихъ довѣрія къ русскому здравому смыслу. Въ самомъ дѣлѣ, какую гарантію можетъ представить для насъ подобная нейтрализація въ случаѣ войны съ Турціей? Неужели самоувѣренность младотурокъ простирается до серьезной надежды убѣдить Россію ввѣрить охрану своего достоинства и своихъ интересовъ ихъ доброй волѣ и расположенію?

Положеніе, создающееся для насъ въ связи съ новыми тенденціями морской политики Турціи, побудило наше морское министерство заняться разработкой проектовъ: 1) о перевооруженіи и перебронированіи черноморскихъ броненосцевъ, 2) объ оборудованіи николаевскаго и севастопольскаго адмиралтействъ для постройки новыхъ боевыхъ единицъ и 3) объ осуществленіи выработаннаго плана увеличенія черноморскаго флота новою бригадою броненосцевъ современнаго типа и мощи.

Въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, неизвѣстно еще въ какомъ окончательномъ видѣ предстанутъ эти проекты передъ Государственной Думой, какъ она отнесется къ нимъ, въ виду заслуженнаго недовѣрія, которымъ пользовалось до сихъ поръ морское министерство со стороны нашихъ народныхъ представителей. Намъ кажется, однако, что, каковы бы ни были непорядки въ «Цусимскомъ» вѣдомствѣ, наши представители возьмутъ на себя тяжелую отвѣтственность, если, при извѣстныхъ условіяхъ, откажутъ въ кредитахъ на усиленіе Черноморскаго флота. Они должны помнить, что и у турокъ далеко не все обстоитъ такъ образцово, какъ издали кажется. Кромѣ того, каковы бы ни были недочеты нашего личнаго состава, онъ имѣетъ надъ турками неизмѣримое превосходство самымъ фактомъ долголѣтняго существованія нашего флота, тогда какъ имъ приходится все создавать сначала.

Раньше, чѣмъ ставить вопросъ о новыхъ большихъ затратахъ, можно, однако, спросить себя, не представляется ли возможнымъ другой способъ рѣшенія этого вопроса, который позволилъ бы какъ намъ, такъ и туркамъ не вступать въ періодъ дорого стоящаго морского соревнованія и въ то же время не затрогивать вопроса о проливахъ во всемъ его объемѣ?

Нашимъ обоюднымъ интересамъ, быть-можетъ, соотвѣтствовало бы заключеніе соглашенія, которымъ было бы регулировано соотношеніе морского судостроительства Турціи и Россіи. Исходя изъ даннаго положенія, можно было бы постановить, что мы обязываемся не стро-

ить на Черномъ морѣ суда съ тоннажемъ, превышающемъ нынѣ у насъ имѣющіяся, при условіи соотвѣтствующаго обязательства со стороны турокъ. Всякая же постройка или пріобрѣтеніе турками судна съ болѣе высокимъ водоизмѣщеніемъ предоставила бы Россіи право провести въ Черное море черезъ проливы судно соотвѣтствующаго калибра. Турки ничѣмъ не рискуютъ принятіемъ этого предложенія, ибо они поймутъ, что въ случаѣ отказа, у насъ не останется иного средства, кромѣ усиленія собственнаго судостроительства на Черномъ морѣ. Все же они сознаютъ, насколько наши рессурсы превосходятъ ихніе, а съ другой стороны, врядъ ли морское соревнованіе способно улучшить отношенія между обѣими державами.

Въ случаѣ, если бы предлагаемое соглашеніе оказалось неосуществимымъ, мы предоставляемъ спеціалистамъ судить о томъ, насколько нынѣшнее состояніе нашей обороны на Черномъ морѣ соотвѣтствуетъ задачамъ, которыя могутъ быть ей поставлены, но неотложная необходимость выработки планомѣрной и согласованной во всѣхъ частяхъ программы не должна оставлять никакихъ сомнѣній. Между тѣмъ, такъ ли обстояло дѣло до весьма недавняго времени?

Съ 1883 года рѣшено было вновь создать черноморскій флотъ; войска одесскаго военнаго округа переведены были на положеніе усиленнаго мирнаго состава. На все это шли значительныя деньги. Наше судостроительство далеко не соображалось, однако, съ потребностями и силами сухопутной арміи. Корабли строились безъ системы и плана, развѣ только для того, чтобы отъ поры до времени попугать трусливаго султана и поскорѣе затѣмъ убраться во-свояси, потому что сколько-нибудь серьезное осложненіе во время морской демонстраціи могло бы поставить нашу эскадру въ затруднительное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, предполагая возможность серьезнаго конфликта съ Турціей, развѣ флотъ самъ по себѣ могъ сыграть значительную роль, если бы за нимъ не было достаточнаго количества транспортовъ, чтобы перебросить на непріятельскую территорію значительную армію?

Этотъ вопросъ былъ прямо поставленъ, когда во время армянскихъ безпорядковъ зашла рѣчь о возможномъ, даже съ согласія нѣкоторыхъ другихъ державъ, временномъ занятіи Константинополя.

И что же?—оказалось, что мы не имѣемъ для того достаточныхъ перевозочныхъ средствъ. Однако же, это печальное открытіе не послужило толчкомъ къ болѣе цѣлесообразному расходованію государственныхъ средствъ. Попрежнему три вѣдомства жили бокъ о бокъ:

одно заводило корабли въ Севастополѣ, другое сосредоточивало солдатъ въ Одессѣ, третье—нагромождало вороха бумагъ и телеграммъ между Петербургомъ и Константинополемъ, отъ которыхъ мало двигалось впередъ дѣло.

Само собою разумѣется, что такого рода порядки въ настоящее время совершенно недопустимы. Если мы хотимъ мира на Востокѣ, то мы должны помнить, что однимъ изъ главныхъ условій его сохраненія является обладаніе внушительной силой на сушѣ и на морѣ. Но мы не можемъ забывать и того, что осложненія могутъ возникнуть противъ нашего желанія, и если мы не въ состояніи будемъ ихъ предотвратить, то во всякомъ случаѣ они не должны застать насъ неприготовленными. Какъ повернется ходъ событій въ Турціи, никто не знаетъ. Быть можетъ, пессимистическимъ опасеніямъ не суждено оправдаться и Турція сумѣетъ пережить нынѣшній кризисъ, удовлетворяя требованію «равенства въ правахъ всѣхъ народностей». Тѣмъ лучше для насъ, потому что Россія нуждается въ долгомъ нерушимомъ мирѣ. Но если бы паче чаянія пробилъ часъ для развязки вѣкового восточнаго вопроса,—а эту возможность мы не имѣемъ права упускать изъ вида,—то мы обязаны отдать себѣ отчетъ въ томъ, что безучастной Россія остаться при этомъ не можетъ. Тѣ два основныхъ мотива, о которыхъ мы говорили—забота о судьбахъ нашихъ единоплеменниковъ въ Турціи и вопросъ о проливахъ—вновь встанутъ передъ нами, и если Россія не будетъ въ состояніи сказать при этомъ своего рѣшающаго слова, то ея роль, какъ великой европейской державы, будетъ кончена.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ тому же выводу, который сложился въ началѣ нашего изложенія, когда мы бѣглымъ взглядомъ окидывали прошлое. Положеніе Россіи въ Европѣ опредѣляется, главнымъ образомъ, ея интересами на Ближнемъ Востокѣ. Здѣсь центръ тяжести нашей европейской политики, и вокругъ этого предмета должны преимущественно вращаться заботы о нашихъ активныхъ силахъ.

Конечно, осложненія на Ближнемъ Востокѣ не могутъ поставить насъ лицомъ къ лицу съ одной лишь Турціей. «Восточный вопросъ—это въ сущности вопросъ между Россіей и Европой»,—сказалъ много лѣтъ тому назадъ австрійскій дипломатъ бар. Прокешъ-Остенъ. Это положеніе остается и сейчасъ вѣрнымъ, но его нельзя понимать въ прежнемъ смыслѣ. Въ новой фазѣ своего развитія Россія уже не противополагается европейской коалиціи. Сохраняя свои особые отъ другихъ интересы и задачи, Россія можетъ найти въ осуществленіи ихъ

вѣрныхъ друзей точно такъ же, какъ у нея могутъ появиться противники, которыхъ прежде не было. Надѣясь на друзей, она все же должна больше всего расчитывать на собственныя силы. Ея политика, чуждая какихъ-либо завоевательныхъ помысловъ, должна стремиться не къ увеличенію союзныхъ обязательствъ, а къ расширенію сѣти соглашеній, въ которыя она можетъ входить со всѣми державами, будь то Англія или Германія, съ которой намъ надо поддерживать старыя узы добраго сосѣдства. Наша политика должна быть чужда всякой погони за внѣшними успѣхами, всякой ненужной суетливости. Исполненная сознанія своего достоинства, ко всѣмъ благожелательная, она можетъ твердо отстаивать свои интересы и права, не поступаясь задачами, которыя диктуются ей всѣмъ прошлымъ и настоящимъ, и связями крови, которыя соединяютъ насъ съ разсѣянными по Европѣ славянами.

XII.

Россія не только европейская держава. Мы не можемъ поддаться искушенію всецѣло «вернуться въ Европу», отвѣчая на зовъ благожелательныхъ и заинтересованныхъ друзей. Теперь уже поздно обсуждать, насколько мы были правы, или нѣтъ, когда первые нарушили вѣковую спячку Китая и столкнулись съ Японіей на поляхъ Маньчжуріи, но мы, конечно, правы теперь, когда безъ увертокъ отказались отъ политики поступательнаго имперіализма въ Азіи, продолжать которую мы не въ состояніи. Съ тѣмъ вмѣстѣ на берегахъ Тихаго океана у насъ остаются наши кровныя земли, черезъ Маньчжурію тянется наша желѣзная дорога, соединяющая окраины съ центромъ. И теперь, послѣ того, какъ мы сами взбудоражили Дальній Востокъ, мы вынуждены удвоить вниманіе не для какихъ-нибудь новыхъ завоеваній, а для того, чтобы удержаться на оставшихся у насъ позиціяхъ.

Выше, когда мы излагали, какъ постепенно слагалось нынѣшнее положеніе на Дальнемъ Востокѣ, мы пришли къ выводу, что соглашеніе съ Японіей было естественнымъ и разумнымъ завершеніемъ нашей политики послѣ войны. Намъ пришлось, однако, встрѣтиться съ иными отрицательными оцѣнками этого акта въ русской печати. Одно изъ возраженій касается вопроса самолюбія; послѣднее не мирится со сдѣлкой съ недавнимъ врагомъ. Приводить въ данномъ случаѣ историческія аналогіи было бы, однако, на нашъ взглядъ, крайне рисковано, ибо какъ разъ наиболѣе крѣпкій союзъ въ Европѣ былъ заключенъ между Германіей и Австріей послѣ предварительной войны между обоими державами.

Другой аргументъ состоитъ въ указаніи, что Японія не считаетъ задачу своего имперіализма законченной и стремится захватить наши тихоокеанскія владѣнія. Мы не беремся судить, насколько вѣрны эти предположенія, но мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ ставить вопросъ нѣсколько иначе. Является ли захватъ нашихъ владѣній для японцевъ «музыкой будущаго», какъ говорятъ нѣмцы, или онъ угрожаетъ намъ въ настоящемъ? Далѣе, если мы не хотимъ входить въ соглашеніе съ Японіей, то обладаемъ ли мы въ ближайшемъ времени иными гарантіями безопасности на Дальнемъ Востокѣ? При этомъ было бы наивно, конечно, ссылаться на возможность противопоставить Японіи союзъ съ другими державами. Если мы сами не обладаемъ пока достаточными средствами самообороны, то можемъ ли мы расчитывать, что насъ защитятъ другіе? Впрочемъ, намъ приходилось уже касаться этого вопроса въ связи съ американскимъ проектомъ нейтрализаціи, когда окончательно намѣтилось нынѣшнее направленіе нашей политики на Дальнемъ Востокѣ.

Намъ кажется, что необходимость соглашенія съ Японіей раскрывается уже при одномъ изученіи карты, на которой обозначены границы, отдѣляющія владѣнія и сферы вліяній Россіи и Японіи.

Припомнимъ, что Россія уступила Японіи половину Сахалина и желѣзную дорогу отъ Портъ-Артура до ст. Куангченцзы. Извѣстный знатокъ Дальняго Востока Путнамъ Уилль дѣлаетъ горькіе упреки за это русскому уполномоченному въ Портсмутѣ г. Витте. Исторія разсудитъ, насколько справедливы эти упреки. Безъ сомнѣнія, японцы начинали испытывать значительныя затрудненія въ то время, когда завязались переговоры. Въ данномъ случаѣ значительную роль сыгралъ элементъ чисто психологическій: на сторонѣ японцевъ было одушевленіе, внушенное побѣдами, мы же перестали вѣрить въ силы нашей арміи. Развѣ не этотъ недостатокъ вѣры былъ причиной неудачъ ген. Куропаткина?—Что же удивительнаго, если это настроеніе передалось и русскому обществу и лишало нашихъ уполномоченныхъ необходимой нравственной поддержки! Съ другой стороны они не могли не считаться съ тѣмъ фактомъ, что революціонная волна все сильнѣе захватывала Россію. Какъ бы то ни было, мы уступили японцамъ позиціи, которыя фактически находились въ обладаніи русскихъ войскъ; это даетъ основаніе нѣкоторымъ утверждать, что если побѣды японцевъ на поляхъ сраженій давались имъ дорогой цѣною, то въ Портсмутѣ они одержали свой самый блестящій успѣхъ, ибо заставили насъ отступить, не выпустивъ ни одного заряда. Уступленная нами

граница у ст. Куангченцзы — на 106 верстъ сѣвернѣе конечнаго пункта, занятаго передовыми японскими войсками у Шангтуфу. По словамъ Путнамъ Уилля, значеніе этой уступки опредѣляется тѣмъ, «что ключъ къ хлѣбороднымъ долинамъ Сунгари на дѣлѣ переходитъ въ руки Японіи, ибо у станціи Гунчулина, которая на 60 верстъ южнѣе ст. Куангченцзы, мы переходимъ отъ бассейна рѣки Ліяо къ бассейну Сунгари, и отъ Куангченцзы до Гирина, который командуетъ переправой черезъ верхнее Сунгари, всего семьдесятъ миль на востокъ по дорогѣ, которая скоро будетъ покрыта рельсами. Далѣе, такъ какъ Японія можетъ легко проникнуть въ обширную Гиринскую провинцію изъ сѣверо-восточной Кореи благодаря своему господству въ этой странѣ, она всегда будетъ въ состояніи угрожать съ двухъ сторонъ, что со стратегической точки зрѣнія будетъ представлять первостепенную важность до тѣхъ поръ, пока отъ дороги черезъ Маньчжурію будетъ зависѣть сообщеніе Россіи съ Владивостокомъ, Приморской областью и въ сущности со всей ея дальневосточной окраиной. Ибо занятіе Гирина летучими японскими отрядами подвергаетъ опасности Харбинъ и маньчжурскую желѣзную дорогу, которые легко станутъ добычею японцевъ (если только значительно превосходящія русскія оборонительныя силы не будутъ сосредоточены съ большой быстротой); равнымъ образомъ занятіе Николаевска, направленное съ Сахалина, подчинитъ имъ весь районъ нижняго Амура» *).

Нельзя не принять во вниманіе, что присоединеніе Кореи даетъ Японіи возможность въ мирное время сосредоточить на этомъ полуостровѣ значительныя военныя силы, не привлекая даже нашего подозрѣнія. Къ тому же, еще до присоединенія, японцы, не теряя времени, энергично занялись проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и оборудованіемъ портовъ на полуостровѣ. Первой была готова дорога отъ Фузана до Сеула. Дальше дорога на сѣверъ отъ Сеула до Вижу на Ялу была наспѣхъ построена во время войны, сначала съ узкой колеей, а въ настоящее время вновь перестраивается, съ расширеніемъ до нормальной колеи, точно такъ же, какъ и служащая ея продолженіемъ Андунъ-Мукденская желѣзная дорога. Между Японіей и Кореей установлено правильное пароходное сообщеніе: три парохода каждые два дня совершаютъ рейсъ между Фузаномъ и Симоносеки. Кромѣ желѣзныхъ дорогъ сооружены шоссейныя дороги и проектируются новые пути, пересѣкающіе полуостровъ въ различныхъ направленіяхъ. Главные центры были соединены телеграфомъ еще до водворенія

*) Putnam Will: „The coming struggle in Eastern Asia", London, 1908, p. 313—14.

японцевъ *). Въ настоящее время всѣ эти мѣропріятія получатъ, конечно, еще большее развитіе и будутъ приспособлены къ тому, чтобы сдѣлать изъ Кореи сильную базу, соединенную съ южной Манчжуріей.

Къ новымъ географическимъ условіямъ слѣдуетъ прибавить перемѣны, происшедшія въ составѣ японской арміи. Когда начались военныя дѣйствія, она насчитывала 12 дивизій; во время войны были сформированы три новыхъ дивизіи, а послѣ войны еще три. Бюджетъ 1907 года былъ разсчитанъ на 19 дивизій, причемъ мирный составъ каждой дивизіи былъ увеличенъ на 1000 человѣкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ срокъ военной службы былъ сокращенъ съ трехъ на два года, что въ свою очередь увеличило контингентъ обученныхъ запасныхъ. Всѣ эти данныя склоняютъ Путнамъ Уилля къ заключенію, что къ 1915 году первая мобилизація японской арміи можетъ дать приблизительно 1 милліонъ **). По словамъ г. Н. Александрова, автора интересной статьи о «ростѣ японской арміи» въ недавно вышедшемъ сборникѣ «Помни войну», «общая численность мобилизованной японской арміи въ настоящее время можетъ быть опредѣлена въ 970.000—1.200.000 человѣкъ ***). Относительно японскаго флота, насчитывающаго въ своемъ составѣ восемь русскихъ плѣнныхъ судовъ, мы не будемъ распространяться, ибо ясно, что въ случаѣ войны съ Россіей господство на морѣ было бы безраздѣльно въ рукахъ Японіи. Послѣ войны Японія замедлила темпъ морского судостроительства, но въ октябрѣ 1910 г. японскій министръ-президентъ заявилъ о намѣреніи правительства испросить чрезвычайный кредитъ въ 80 милліоновъ іенъ на 6 лѣтъ для усиленія судостроенія. Это рѣшеніе ставятъ въ связь съ образованіемъ Тихоокеанской эскадры американскими Соединенными Штатами.

Мы привели эти данныя, чтобы наглядно указать, какую силу представляетъ въ настоящее время Японія на Дальнемъ Востокѣ, и насколько соглашеніе съ нею диктовалось самыми элементарными соображеніями государственной безопасности.

Недоумѣніе можетъ быть вызвано, однако, другимъ вопросомъ: какіе мотивы имѣлись для соглашенія у Японіи?

Въ современномъ положеніи на Дальнемъ Востокѣ есть много неяснаго, много сложныхъ и запутанныхъ проблемъ. Рѣшеніе ихъ ча-

---

*) См. Backhausen: „Die japanische Verwaltung in Korea und ihre Tätigkeit", Berlin, 1910, s. 38—41.

**) Putnam Will, loco cit., p. 484.

***) См. «Помни войну», Москва, 1911, стр. 209.

сто чрезмѣрно упрощается тѣми, кто хотятъ видѣть одинъ только главный факторъ, одну силу и ей подчинять всѣ остальныя. Между тѣмъ, какъ ни сильно стратегическое положеніе Японіи, въ случаѣ войны съ Россіей ей пришлось бы считаться съ нѣкоторыми новыми трудностями, которыхъ не было въ прежнюю войну. Прежде всего количество войскъ, которыми въ первую очередь располагаетъ Россія, гораздо значительнѣе, чѣмъ въ началѣ минувшей войны. Мы не приводимъ здѣсь цифръ изъ опасенія быть неточными, тѣмъ болѣе, что въ самое недавнее время, съ весны 1910 г., въ этой области намѣченъ цѣлый рядъ крупныхъ мѣропріятій, которыя будутъ имѣть несомнѣнно весьма серьезное значеніе. Далѣе уже во время войны были приняты мѣры, значительно повысившія провозоспособность Сибирской желѣзной дороги. Постройка Амурской желѣзной дороги, безъ сомнѣнія, послужитъ еще новымъ крупнымъ фактомъ въ дѣлѣ мобилизаціи и снабженія нашей арміи. Мы не касаемся здѣсь другихъ предположеній, которыя выдвигались въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, какъ-то: прокладка второй колеи Сибирской желѣзной дороги и соединеніе нашихъ среднеазіатскихъ владѣній съ той же сибирской магистралью. Все это—вопросы будущаго, которые, несомнѣнно, рано или поздно получатъ осуществленіе, но оцѣнка конкретныхъ предположеній завела бы насъ слишкомъ далеко въ этой области. Громадныя мало заселенныя пространства нашей окраины, мало воздѣланныя, съ непроходимыми лѣсами и измѣнчивымъ климатомъ врядъ ли представляютъ также благопріятныя условія для операцій непріятельской арміи.

Есть еще и другія причины, склоняющія Японію къ миролюбію. На нихъ указываютъ самые дружелюбные ея критики.

«Японцы нуждаются въ мирѣ и они сознаютъ это»,—писалъ спеціальный корреспондентъ „Times'a“, авторъ серіи замѣчательныхъ статей, помѣщенныхъ въ этой газетѣ съ 9 августа по 19 октября 1909 года.—Имъ нуженъ миръ «не только потому, что война съ Россіей сильно истощила финансовые рессурсы страны. Между 31 марта 1904 г. и 31 марта 1907 г. государственный долгъ въ круглыхъ цифрахъ возросъ съ 56 мил. фунт. стер. до 227 милліоновъ. Японія не жалѣетъ жертвъ, которыя она считаетъ необходимыми для защиты своихъ жизненныхъ интересовъ въ восточной Азіи и своего положенія, какъ великой державы. Но, чтобы удержать положеніе, котораго она достигла военными и морскими силами, ей нужно укрѣпить свое экономическое положеніе на столь же здоровомъ и устойчивомъ основаніи. Эта задача должна поглотить ея энергію на много послѣдую-

шихъ лѣтъ, ибо тѣ традиціи, которыя подготовили ее къ завоеванію своего мѣста благодаря доблести арміи и флота, вовсе не подготовили ее къ осуществленію указанной второй задачи. Когда Того и Ноги приписывали взятіе Портъ-Артура и Цусимскую побѣду духамъ предковъ—это не было простой фигурой краснорѣчія. То былъ дѣйствительно духъ старой Японіи, вооруженный усовершенствованными орудіями современной войны, который стяжалъ эти побѣды. Но духъ старой Японіи не имѣетъ ничего общаго съ коммерческимъ духомъ нашего времени. Было сравнительно легкой задачей перевести феодальную аристократію эпохи до Мейджи въ условія броненосцевъ и армейскихъ корпусовъ. Гораздо труднѣе вызвать ростъ торговли и промышленности изъ соціальной системы, которая относилась къ этимъ занятіямъ съ презрѣніемъ».

Современная Японія обязана своими успѣхами небольшой кучкѣ даровитыхъ потомковъ прежнихъ феодаловъ, или членовъ могущественныхъ классовъ, которые нашли поддержку со стороны своего императора. Правительство пользовалось громадной властью не только для проведенія реформъ во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни, но и для направленія народнаго и общественнаго развитія согласно своимъ видамъ. И общественное мнѣніе, руководимое духомъ традіоннаго патріотизма и боготворившее власть Микадо, слѣдовало, въ общемъ съ поразительной дисциплиной, указаніямъ своихъ руководителей.

Желѣзнодорожное строительство, банки, промышленность—все это насаждалось въ Японіи государственной властью и, надо сказать, дало весьма замѣчательные результаты. Правительство широко практикуетъ систему субсидій, въ особенности въ тѣхъ отрасляхъ, которыя соотвѣтствуютъ имперіалистическимъ задачамъ Японіи. Такъ, оно расходуетъ свыше 6 милліоновъ рублей въ годъ на субсидіи торговому мореходству. Благодаря этому къ концу 1908 года въ Японіи было 236 частныхъ верфи и 52 дока, а общее водоизмѣщеніе торговыхъ пароходовъ (свыше 20 тоннъ) равнялось 728,678 тоннъ чистыхъ. Роль торговыхъ судовъ во время войны блестяще оправдала жертвы, понесенныя государствомъ въ этомъ направленіи.

Всѣ эти мѣропріятія стоятъ однако немало денегъ, и въ этомъ заключается обратная сторона медали. Государственные расходы въ 1898—99 г. не достигали 21 милліона фунт. ст. Въ 1908—9 г. они превысили 62 милліона. Въ то же время уплата процентовъ по займамъ поднялась съ 2,726,000 ф. ст. до 17,683,000. Одинъ только по-

земельный налогъ возросъ за это время съ 3,844,000 до 8,571,000 ф. ст., а подоходный налогъ съ 235,000 до 2,757,000 ф. ст., т. е. увеличился больше чѣмъ въ 10 разъ. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что Японія далеко не отличается природными богатствами, и главной основой ея благосостоянія является трудолюбіе земледѣльческаго класса. Многіе отрасли добывающей промышленности находятся въ полной зависимости отъ субсидій правительства, и послѣднее склонно превращать въ монополіи наиболѣе доходныя статьи, сокращая тѣмъ самымъ поле личной иниціативы *).

Несмотря на недостатокъ денегъ, японское правительство ревниво оберегаетъ страну отъ доступа иностранныхъ капиталовъ. Ту же политику оно стало неуклонно проводить въ Кореѣ и южной Маньчжуріи тотчасъ же послѣ войны. «Открытыя двери» затворились гораздо плотнѣе передъ другими державами, когда, яростно защищавшая ихъ принципъ противъ Россіи, Японія стала на ея мѣсто. Это очень скоро поняли, конечно, заинтересованные друзья японцевъ, и сдѣланное ими открытіе въ значительной степени охладило японофильство въ Америкѣ и Англіи.

Въ этомъ отношеніи любопытно было наблюдать, какъ перемѣнился тонъ печати не только на континентѣ, но и въ Англіи, когда пришло извѣстіе объ аннексіи Кореи. Въ настоящее время многіе сомнѣваются даже, возобновитъ ли Англія союзъ съ Японіей, по истеченіи его десятилѣтняго срока, въ 1915 году.

Какъ бы то ни было, это настроеніе прежнихъ доброжелателей Японіи, которые начинаютъ видѣть въ ней серьезнѣйшаго соперника въ области торговли и промышленности на Дальнемъ Востокѣ, было едва ли не самой серьезной причиной, побудившей правительство микадо искать сближенія съ Россіей. Только цѣлый рядъ лѣтъ нерушимаго мира дозволитъ Японіи справиться съ гигантской задачей внутренняго экономическаго переустройства и дастъ ей возможность переварить, какъ слѣдуетъ, вновь пріобрѣтенныя и обширныя территоріи. Къ тому же завоеваніе нашей Дальневосточной окраины само по себѣ ничего не сулило бы ей въ ближайшемъ будущемъ, кромѣ новыхъ совершенно непосильныхъ расходовъ. Нельзя забывать, что главная потребность Японіи—рыбный промыселъ находитъ въ настоящее время и безъ того полное удовлетвореніе въ нашихъ территоріальныхъ водахъ благодаря рыболовной конвенціи 1907 года.

*) См. „Times“, 13 Oct. 1909.

Россія и Японія сошлись на взаимномъ интересѣ обезпеченія мира на Дальнемъ Востокѣ. Но хотя бы мы были убѣждены въ его прочности и съ своей стороны желали закрѣпленія нашихъ добрососѣдскихъ отношеній съ Японіей на вѣчныя времена, все же приходится помнить, что никакія бумажныя гарантіи не могутъ быть сами по себѣ безусловно прочны и еще менѣе вѣчны. Наше соглашеніе съ Японіей окажется вреднымъ, а не полезнымъ, если мы усмотримъ въ немъ возможность успокоиться и махнуть рукой на Дальній Востокъ, «повернувшись спиной къ обдорамъ». Наоборотъ, мы смотримъ на состоявшееся соглашеніе, какъ на условіе спокойной планомѣрной работы для укрѣпленія нашихъ окраинъ и удержанія ихъ въ своихъ рукахъ. Эти задачи такъ естественны и необходимы, что онѣ не могутъ вызвать ничьихъ подозрѣній, ни съ кѣмъ насъ поссорить. Но, когда мы говорили объ укрѣпленіи окраинъ, мы думаемъ при этомъ не только о крѣпостяхъ, стратегическихъ дорогахъ и мѣрахъ морской обороны. Всѣ эти мѣропріятія могутъ оказаться необходимыми, но если мы будемъ разсчитывать только на нихъ, то намъ придется изъ года въ годъ увеличивать громадные непроизводительные расходы, безъ надежды въ концѣ-концовъ достигнуть дѣйствительной безопасности нашихъ окраинъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія не только на размѣры ассигнуемыхъ кредитовъ, но и на то, *какъ* и на какіе предметы они расходуются. Мы рады, что можемъ сослаться на свидѣтельство человѣка, котораго никто не заподозритъ въ тенденціозной критикѣ. Вотъ что пишетъ изъ Владивостока кн. А. М. Волконскій, убѣжденный сторонникъ усиленія обороны Дальняго Востока: «Людямъ, говорящимъ о необходимости чрезвычайныхъ мѣръ для закрѣпленія Дальняго Востока, отвѣчаютъ обычнымъ: «Денегъ нѣтъ». Но деньги какъ будто есть и лишнія. Вотъ хотя бы Владивостокъ: строятъ новый желѣзнодорожный вокзалъ въ $^1/_2$ милліона, провели желѣзную дорогу подъ улицей Свѣтланкой (что въ пору Лондону),—еще $1^1/_2$ милліона; итого 2 милліона, а менѣе, чѣмъ за одинъ можно было бы провести вѣтку въ восточному концу города: она разгрузила бы главный вокзалъ и облегчила бы снабженіе фортовъ большого крѣпостного участка. Видимо, красота города важнѣе боевыхъ интересовъ крѣпости. Строятъ морской штабъ ($^1/_2$ мил.) и морское собраніе, предполагаютъ строить морской соборъ, а весь флотъ, кромѣ миннаго,— 2 крейсера и 1 канонерская лодка. Неужели вмѣсто траты на всю эту роскошь не нашлось бы гдѣ построить фортъ или батареи въ крѣпости, одинъ Русскій Островъ которой больше двухъ германскихъ княжествъ?

Имѣются морскія мастерскія—послѣднее слово великолѣпія въ этой области, но въ нихъ нечего работать. Флотъ уменьшился разъ въ 10, а штатъ береговыхъ канцелярій остался тотъ же. Вотъ примѣры изъ происходящаго въ одномъ пунктѣ; подобное же происходитъ по всей Сибири. Отдѣльныя вѣдомства находятъ милліоны, что-то дѣлаютъ, и, какъ видите, нерѣдко въ ущербъ общему дѣлу. Поразительна эта обособленность дѣйствующихъ въ разбродъ, враждующихъ, ненавидящихъ, почти презирающихъ другъ-друга вѣдомствъ. Поразителенъ и вѣдомственный патріотизмъ: не общее дѣло важно, а важно показать лицомъ вѣдомственную работу»... «Сухопутное вѣдомство выгрузило 8-дюймовую пушку на пристань, морское отказало дать свой кранъ, чтобы довести ее къ тому мѣсту, гдѣ будетъ батарея. Вы понимаете ли, батарея для защиты послѣдней нашей твердыни на Тихомъ океанѣ, которая наравнѣ съ Николаевскомъ и Никольскомъ должна быть вооружена до зубовъ! Быть можетъ, пока я пишу статью, подъ давленіемъ изъ Петербурга кранъ и данъ, но если даже сутки могло быть сомнѣніе въ томъ, что его надо дать, то этого достаточно, дабы поставить діагнозъ гнилостнаго зараженія крови въ такомъ-то отдѣлѣ морского вѣдомства. Такое пониманіе корпоративныхъ интересовъ граничитъ по смыслу (а при стеченіи обстоятельствъ можетъ граничить и по послѣдствіямъ) съ государственной измѣной»... «Наканунѣ новаго монгольскаго нашествія на Руси расцвѣла распря новыхъ удѣльныхъ княжествъ, и, кажется, нигдѣ не расцвѣла такъ пышно, какъ на Дальнемъ Востокѣ: здѣсь вѣдомства есть, но государственной власти, но Россіи—здѣсь нѣтъ» *). «Распря удѣльныхъ вѣдомствъ», о которой говоритъ кн. Волконскій, сказалась не только въ области обороны. Отражая на себѣ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ недуговъ бюрократическаго режима, она наложила свою печать на прошлое и настоящее всей нашей политики на далекой окраинѣ. Ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ явилось отсутствіе общаго плана и системы.

Исторія нашей переселенческой политики свидѣтельствуетъ о постоянныхъ колебаніяхъ и перемѣнахъ взглядовъ нашего правительства въ зависимости отъ различныхъ причинъ, имѣвшихъ порою лишь отдаленную связь съ интересами самаго края, куда направлялось переселеніе. Послѣднее то всячески задерживалось, то наоборотъ усиленно поощрялось. Лишь въ самое послѣднее время наше правительство пришло, повидимому, къ убѣжденію, что переселеніе изъ

*) «Новое Время», 6 окт. 1910 г.

коренныхъ губерній Европейской Россіи малоземельныхъ и слабосильныхъ крестьянъ, не сумѣвшихъ устроиться у себя на родинѣ, приводитъ къ крайне печальнымъ результатамъ: громадный процентъ совершенно разорившихся обратныхъ переселенцевъ и повышенная смертность среди нихъ въ 1907 году, когда на Дальній Востокъ перевалило 74 тысячъ человѣкъ, т. е. количество, равное третьей части всего населенія окраины, не могли пройти незамѣченными. Сложныя проблемы переселенія и колонизаціи Дальняго Востока остановили на себѣ вниманіе общеземской организаціи, предпринявшей посильное ихъ обслѣдованіе въ 1908 году. Результатомъ собранныхъ на мѣстѣ «цифръ, фактовъ и наблюденій» явилось цѣнное коллективное изданіе «Приамурье» *). Правда, читатель тщетно искалъ бы въ немъ разрѣшенія коренного вопроса: что дѣлать Россіи съ Приамурьемъ, какими способами можемъ мы удержать его въ своихъ рукахъ и какъ намѣчается общій планъ экономической эксплоатаціи и оживленія окраины? Но авторы «Приамурья» и не задавались такого рода цѣлью. Въ ихъ задачу входило дать общую картину естественныхъ и бытовыхъ условій громаднаго и еще столь мало изслѣдованнаго края и отмѣтить тѣ главныя условія, которыя необходимо выполнить, чтобы устранить наиболѣе крупные недостатки нынѣшней системы или вѣрнѣе безсистемности въ дѣлѣ переселенія. Въ общемъ они приходятъ къ мало утѣшительнымъ выводамъ относительно размѣровъ колонизаціонной емкости Приамурья въ ближайшемъ времени и рекомендуютъ систему интенсивной колонизаціи вмѣсто экстенсивнаго переселенія, т. е. сокращеніе цифры ежегоднаго заселенія края съ тѣмъ, чтобы производить затраты на проведеніе дорогъ и улучшеніе условій быта на мѣстахъ, уже заселенныхъ. Повидимому, именно этой политики намѣрено придерживаться наше правительство.

Изъ описанія естественныхъ богатствъ края, рыбнаго, пушного и лѣсного промысла, а также золотопромышленности—читатель выноситъ смѣшанное впечатлѣніе. Край обильно надѣленъ всѣми дарами природы, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ эксплоатаціи всѣхъ этихъ богатствъ встрѣчаются такого рода трудности, которыя въ значительной степени тормазятъ и порою препятствуютъ производительному приложенію труда.

Мы ожидали бы, что выводъ изъ этого будетъ сдѣланъ въ смыслѣ желательности возможно болѣе широкаго привлеченія иностранныхъ

*) „Приамурье“, 929 стр. (съ 3 картами). Москва, 1909 г., ц. 2 руб.

капиталовъ, но въ главѣ о золотопромышленности мы встрѣчаемъ наоборотъ весьма отрицательное отношеніе къ такого рода возможности.

Въ нашу задачу вовсе не входитъ критика почтеннаго труда авторовъ «Приамурья». Въ указанныхъ противорѣчіяхъ мы видимъ скорѣе достоинство этой книги, которая даетъ обширный матеріалъ для сужденія о сложности и противорѣчивости предстоящихъ рѣшенію проблемъ. Официальное обслѣдованіе, идущее по слѣдамъ общеземскаго, дастъ, быть можетъ, новыя данныя, о которыхъ мы не имѣемъ возможности пока судить. Такъ или иначе, колонизація нашей Дальневосточной окраины есть дѣло первостепенной государственной важности, а потому она настоятельно требуетъ упорядоченія. Мы не раздѣляемъ предубѣжденія авторовъ «Приамурья» противъ привлеченія иностранныхъ капиталовъ. Примѣры Америки и Канады, которые они все время имѣли передъ глазами, должны были бы убѣдить ихъ въ томъ, что своимъ благосостояніемъ и развитіемъ эти страны обязаны именно пришлому капиталу. Конечно, они правы, когда говорятъ о вредѣ чрезмѣрной централизаціи и системы опеки, которая убиваетъ личную самодѣятельность. Но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ставить препятствій развитію предпріимчивости, безъ которой не найдетъ себѣ должнаго примѣненія народный трудъ. И если-бъ у насъ не нашлось для этого капиталовъ на родинѣ, почему бы не воспользоваться современнымъ состояніемъ международнаго рынка, когда свободныя и дешевыя деньги ищутъ себѣ примѣненія?

Между прочими условіями успѣшной колонизаціи однимъ изъ первыхъ является сооруженіе удобныхъ путей сообщенія. Въ Канадѣ желѣзная дорога идетъ впереди переселенцевъ, но громадныя затраты, сопряженныя съ прокладкой рельсъ черезъ незаселенныя мѣстности и дѣвственные лѣса, требуютъ конечно соотвѣтствующаго вознагражденія. Таковымъ обычно является уступка желѣзнодорожной компаніи въ срочное пользованіе обширной (20-верстной) полосы по обѣ стороны дороги; при этомъ участки дороги въ шахматномъ порядкѣ чередуются съ участками, которые оставляетъ за собою правительство съ цѣлью бороться противъ искусственнаго вздутія цѣнъ на земли. Почему бы и намъ не прибѣгнуть къ этой испытанной системѣ, давшей столь блестящіе результаты въ другихъ странахъ? Быть можетъ, нашлись бы и русскіе капиталисты, которые пожелали бы на указанныхъ условіяхъ взять на себя такого рода предпріятіе. А если нѣтъ, то повторяемъ, мы не видимъ причинъ, почему не обратиться къ иностранцамъ.

Впрочемъ, на этотъ вопросъ намъ пришлось однажды выслушать слѣдующій отвѣтъ одного отвѣтственнаго государственнаго дѣятеля: «Мы получили извѣстное наслѣдіе отъ нашихъ предшественниковъ, которое мы хотимъ передать въ сохранности нашимъ преемникамъ. Если въ Россіи сейчасъ нѣтъ свободныхъ капиталовъ для эксплоатаціи окраинъ, то мы не можемъ лишать этой возможности грядущее поколѣніе, которое будетъ богаче и предпріимчивѣе нынѣшняго».—Едва ли нужно указывать на близорукость подобнаго взгляда. Если-бъ въ центрѣ Россіи были какія-либо природныя богатства, которыя мы не имѣли бы возможности использовать въ настоящемъ, но ревниво охраняли бы для будущаго, то подобное соображеніе имѣло бы извѣстное оправданіе. Но вѣдь на нашей пустынной окраинѣ, окруженной наплывомъ желтой расы, мы не можемъ не считаться съ тѣмъ, что «промедленіе смерти подобно», что здѣсь нельзя ждать ни одного дня, потому что мы рискуемъ лишиться не только будущихъ выгодъ, но той самой территоріи, изъ которой надѣемся ихъ извлечь. Къ тому же развѣ не будетъ громадной выгодой для всего края, для милліоновъ переселенцевъ, для коренной Россіи, изъ которой они уходятъ, если почва, на которую будетъ направляться волна русской колонизаціи, будетъ подготовлена устройствомъ удобныхъ путей сообщенія и предложеніемъ дешеваго сравнительно кредита. Наконецъ, если заселится край, развѣ это не будетъ единственнымъ надежнымъ и необходимымъ основаніемъ для правильной организаціи дѣла обороны, которая не можетъ обойтись безъ живого человѣческаго матеріала на мѣстѣ.

Указанныя соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что первымъ требованіемъ нашей внѣшней политики и государственной обороны на Дальнемъ Востокѣ является внутреннее укрѣпленіе нашихъ окраинъ путемъ широкаго привлеченія капитала и труда.

Гораздо сложнѣе представляется намъ вопросъ о Маньчжуріи и тѣхъ отношеніяхъ, которыя благодаря этому вопросу создаются у насъ съ Китаемъ. Во многихъ отношеніяхъ Маньчжурія представляется для Россіи тяжелой обузой. И безъ того «наша страна велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ». Наводить свои порядки въ такой громадной области, эксплоатировать ее въ экономическомъ отношеніи своими силами мы не въ состояніи. Маньчжурія сама по себѣ была бы рѣшительно не нужна Россіи, если-бъ не ея географическое положеніе, благодаря коему пересѣкающая ее желѣзная дорога является кратчайшимъ соединеніемъ окраины съ центромъ.

Помимо того, громадная роль, которую сыгралъ въ минувшую

войну Харбинъ въ дѣлѣ снабженія нашей арміи, не должна быть забыта. Она вызывала справедливое изумленіе иностранцевъ. На оборудованіе этого города было положено столько энергіи и достигнуты были столь замѣчательные результаты, что Путнамъ Уилль задается вопросомъ: если столько было сдѣлано въ дни пораженій, то что же могло бы быть достигнуто въ дни побѣдъ? Едва ли значеніе Харбина для поддержанія въ нашихъ рукахъ Приамурья не было одной изъ главныхъ причинъ отказа отъ американскаго проекта уступки восточной китайской желѣзной дороги международному синдикату на основахъ нейтрализаціи.

Маньчжурскій вопросъ сильно осложняется ростомъ китайской колонизаціи за послѣдніе годы. О размѣрахъ послѣдней мы можемъ судить изъ отчета сенатора Иваницкаго, посѣтившаго нашу окраину въ 1908 году. «Изъ доставленныхъ мнѣ свѣдѣній,—писалъ онъ,—усматривается, что численность населенія хейлудзянской провинціи, на протяженіи 1900 верстъ, прилегающей къ Амурской области, къ 1907 г. достигла 2,5 милліоновъ или другими словами, почти въ пять разъ превысила населенность обѣихъ нашихъ дальневосточныхъ областей; согласно послѣдовавшимъ въ 1906 году распоряженіямъ китайскаго правительства, въ названную провинцію должно переселяться ежегодно 400,000 душъ; хотя это предположеніе не осуществилось до сего времени полностью, однако, размѣры переселенія въ послѣдній годъ исчисляются уже въ 200,000 человѣкъ, т.-е. почти въ 15 разъ превысили средніе размѣры вселенія въ Приамурскій край русскихъ людей за послѣднее десятилѣтіе и въ три раза совершенно исключительное переселенческое движеніе на Дальній Востокъ въ 1907 году. При этомъ наблюдается усиленное оживленіе пограничныхъ пустынныхъ и разрушенныхъ пунктовъ городского типа... Въ разрушенномъ Айгунѣ въ началѣ 1908 года было только нѣсколько построекъ, а теперь выстроено уже 260 домовъ. Синъ-Дунъ-Дау, расположенный противъ поселка Союзинскаго, возникъ въ теченіе послѣдней зимы и въ данное время имѣетъ уже 70 домовъ; кромѣ того, здѣсь предполагается устройство пристани. Тогда же возникъ городъ Сунченъ, расположенный въ 40 верстахъ отъ устья рѣки Сунъ; въ немъ насчитывается уже около 120 семействъ. Всѣ мѣста, бывшія до войны 1900 года подъ деревнями, вновь заняты пришлыми китайцами, при чемъ населенія здѣсь считается въ три раза больше, чѣмъ было до военныхъ событій» *).

*) См. „Приамурье“, стр. 844.

Съ своей стороны наше правительство принимаетъ всевозможныя мѣры, чтобы оградить Приамурье отъ наплыва не только китайцевъ, но также ихъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые иначе заполонили бы наши рынки и совершенно подорвали бы русское хлѣбопашество на Дальнемъ Востокѣ*). Для поддержанія цѣнъ на русскій хлѣбъ интендантство совершаетъ крупныя закупки, переплачивая за нихъ значительныя суммы.

Если запретительными мѣрами можно достигнуть извѣстныхъ результатовъ съ цѣлью огражденія русскаго элемента въ Приамурьѣ, то поспѣть за ростомъ китайской колонизаціи въ сопредѣльной съ нами Маньчжуріи намъ, очевидно, нечего и думать. Китайское правительство, весьма естественно, стремится использовать главное свое преимущество—неистощимый запасъ человѣческаго матеріала. Къ тому же, нечего и говорить, что относительная близость разстояній создаетъ для китайской колонизаціи условія несравненно болѣе выгодныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находится Россія относительно своей окраины.

Это обстоятельство нельзя упускать изъ виду, оцѣнивая нашу политику въ Маньчжуріи. Очевидно, русской провинціи въ подлинномъ смыслѣ этого слова мы не можемъ изъ нея сдѣлать. Совокупность другихъ условій не дозволяетъ намъ съ другой стороны отказаться отъ особаго положенія въ Маньчжуріи въ силу ея промежуточнаго положенія между восточной Сибирью и Приамурьемъ. Судьба связала насъ въ одинъ узелъ съ китайцами въ Маньчжуріи, и всякая попытка китайцевъ развязать этотъ узелъ, а наша—разрубить его была бы въ настоящее время одинаково не въ интересахъ обѣихъ сторонъ. Благоразуміе требуетъ со стороны китайцевъ не портить существующаго положенія, изъ котораго они извлекаютъ свои выгоды. Не будь нашей дороги, развѣ для нихъ мыслима была бы нынѣшняя колонизація?

Съ другой стороны не слѣдуетъ переоцѣнивать значеніе этого самаго факта—заселеніе смежныхъ съ нами китайскихъ территорій, бывшихъ доселѣ пустынными. Тревога, овладѣвающая по временамъ мѣстною администраціею и русскимъ населеніемъ Приамурья, пред-

*) Гораздо менѣе понятными представляются намъ препятствія, чинимыя, повидимому, переселенію въ наши области корейцевъ, охотно переходящихъ въ Русское подданство. Въ ихъ лицѣ край получилъ бы недостающихъ ему работниковъ, привычныхъ къ тому же къ условіямъ климата и природы. Неужели наши власти боятся неугодить Японіи? Если пересаливать никогда и нигдѣ не слѣдуетъ, то всего меньше, казалось бы, это умѣстно въ вопросахъ государственнаго достоинства на Востокѣ, гдѣ такъ чутко воспринимается всякое умаленіе власти.

ставляется намъ въ значительной степени преувеличенной. Одними шапками Китай насъ не закидаетъ. Для этого нужны иныя средства. Имѣются ли они въ распоряженіи пекинскаго правительства? Дѣйствительно ли существуетъ грозная «желтая опасность», на которую столько разъ указывали?

Приступая къ оцѣнкѣ удѣльнаго вѣса Китая, намъ кажется, слѣдуетъ вооружаться большою осторожностью, чтобы не поддаваться мимолетнымъ впечатлѣніямъ и не впасть въ крайности. Китай до сихъ поръ представляетъ энигму, которою никто не можетъ похвастаться, что разгадалъ. Въ различныхъ его опредѣленіяхъ и характеристикахъ мы постоянно наталкиваемся на элементъ крайне субъективный. Такъ, одни запуганы «пробужденіемъ Азіи» и передъ ихъ воображеніемъ развертывается грандіозная картина военнаго возрожденія 400-милліоннаго китайскаго народа, который все смететъ на своемъ пути. Другіе, въ которыхъ говорятъ болѣе прозаическіе расчеты, вѣрятъ, что Китай, подъ руководствомъ европейцевъ, станетъ на путь здороваго развитія и пріобщится всѣмъ благамъ истинной цивилизаціи и культуры. Наконецъ, третьи и быть-можетъ самые многочисленные склонны видѣть въ Китаѣ громадное разлагающееся тѣло, которое неспособно возродиться. Которая изъ этихъ оцѣнокъ ближе къ дѣйствительности?

Намъ кажется, что въ настоящее время не существуетъ объективныхъ данныхъ ни для чрезмѣрно отрицательной, ни еще менѣе для слишкомъ положительной оцѣнки будущности Китая. Во всякомъ случаѣ реальная политика можетъ строить свои выводы не на этихъ гаданіяхъ о будущемъ, а на томъ, что извѣстно о настоящемъ положеніи Китая.

«Реформы»—это слово на устахъ у каждаго въ Китаѣ,—писалъ упомянутый уже нами, спеціальный корреспондентъ Times'а въ августѣ 1909 года.—Лукавые мандарины заявляютъ о своей преданности реформамъ въ принципѣ. Туземная печать проповѣдуетъ реформы на всѣ лады съ возрастающей настойчивостью. Патріотическія общества требуютъ реформы. Учреждается безконечное число комитетовъ, чтобы подготовить реформы. За границу посылаются правительственные агенты, чтобы наводить справки и писать доклады о реформахъ. Всеподданнѣйшія записки трактуютъ о реформахъ съ тѣмъ же краснорѣчіемъ, которое вкладывается въ Высочайшіе указы. Рѣчь идетъ о реформахъ конституціонныхъ, военныхъ, административныхъ и финансовыхъ. Но первое условіе и предпосылка всякой реформы со-

стоитъ въ коренномъ измѣненіи отношеній между центральной и мѣстными властями. Вотъ въ чемъ загвоздка».

«Въ Китаѣ существуетъ центральное правительство, но никогда не было централизованной системы управленія. Двѣ главныя функціи китайскаго правительства—предоставлять дѣла ихъ собственному теченію и собирать доходы. Обязанность центральнаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы обезпечивать доходы и средства двору и маньчжурскимъ кланамъ, которые водворились вмѣстѣ съ царствующей династіей, содержать пекинскія учрежденія, которыя вѣдаютъ управленіемъ имперіи, и поддерживать вассальныя связи областей, не входящихъ въ составъ 18 провинцій. Обязанность провинціальныхъ властей состоитъ въ поддержаніи общественнаго порядка въ 18 провинціяхъ и въ посылкѣ въ Пекинъ такой части собираемыхъ ими доходовъ, которая хватала бы центральному правительству на указанные выше предметы. Пока онѣ справляются съ этими обязанностями, центральное правительство предъявляетъ имъ очень мало запросовъ. Оно рѣдко пытается подвергнуть дѣйствительному контролю какъ методы провинціальнаго управленія, такъ и способы взиманія налоговъ. Пекинъ стремится получить возможно больше, провинціи—дать возможно меньше. Обложеніе провинцій не представляетъ установленной величины и каждая провинція старается переложить часть своей тяготы на другую... На практикѣ отношенія между центральнымъ и мѣстнымъ правительствами сводятся къ неписанному соглашенію подѣлить между собою офиціальный грабежъ имперіи на части, постоянно измѣняющіяся сообразно обстоятельствамъ и размѣрамъ «выжиманій» *)

Событія послѣднихъ лѣтъ имѣли своимъ послѣдствіемъ заключеніе иностранныхъ займовъ, по которымъ Китай уплачиваетъ 60 милліоновъ таэлей. Сообразно съ этимъ Пекинъ увеличилъ свои требованія къ провинціямъ, а послѣднія въ свою очередь не стѣсняются въ средствахъ: обложеніе торговли, продажа должностей, систематическое обезцѣниваніе мѣдной и серебряной монеты и, наконецъ, выпускъ бумажныхъ денегъ, имѣющихъ столь же малое обезпеченіе, какъ ассигнаціи въ эпоху французской революціи. Каждый новый способъ «выжиманія» денегъ сопровождается увеличеніемъ новаго легіона голодныхъ чиновниковъ, въ свою очередь поглощающихъ часть этихъ средствъ.

Между тѣмъ, Китай обладаетъ громадными природными богатствами, его населеніе отличается трудолюбіемъ и бережливостью. По

*) Squeeze—ходячее выраженіе среди европейцевъ, живущихъ въ Китаѣ.

вычисленіямъ сэра Роберта Гарта, одинъ поземельный налогъ было бы нетрудно повысить съ 25 милліоновъ таэлей до 400, примѣняя методъ обложенія, дѣйствующаго въ Индіи. Средствъ хватило бы на нужды какъ центральнаго, такъ и мѣстныхъ управленій. Но Китай не можетъ выйти изъ заколдованнаго круга: всякая новая реформа повлечетъ за собой созданіе новыхъ кадровъ чиновничества, которое будетъ видѣть въ ней лишь новый источникъ обогащенія. Найти у себя достаточный контингентъ честныхъ и знающихъ людей—задача, въ настоящее время непосильная Китаю. Обратиться къ помощи иностранцевъ—этому препятствуетъ болѣзненно развитыя самолюбіе и самоувѣренность. Морскія таможни съ 1863 года, находившіяся въ рукахъ сэра Роберта Гарта, получили образцовую организацію. Въ настоящее время, съ уходомъ сэра Гарта, китайцы имѣютъ, повидимому, поползновеніе забрать это дѣло вновь въ свои руки, считая себя не хуже подготовленными, чѣмъ европейцы, къ которымъ они питаютъ неискоренимую ненависть.

Ненависть къ иностранцамъ составляетъ главное содержаніе китайскаго національнаго, проявлявшагося въ самой странной формѣ за послѣдніе годы. Говорить о возрожденіи патріотизма въ странѣ, которая такъ недавно отличалась полнымъ его отсутствіемъ, можно лишь съ большой осторожностью. Во время Японско-Китайской войны, т.-е. всего 15 лѣтъ тому назадъ, пораженія китайской арміи оставляли совершенно равнодушными южный и центральный Китай. Это было дѣло Пекина, а не провинцій. Кантонскій вице-король обратился къ Японіи съ представленіемъ о томъ, чтобы ему возвратили захваченный «по недоразумѣнію» въ Вейхавеѣ кантонскій таможенный крейсеръ, ибо Кантонъ не имѣетъ ничего общаго съ войной. Теперь же Кантонъ сталъ центромъ китайскаго національнаго, откуда исходятъ самые рѣшительные протесты противъ иностранной политики Пекина и ограниченія верховныхъ правъ Китая *).

Большія надежды возлагаются китайскими реформаторами на парламентъ, созывъ коего былъ возвѣщенъ покойной вдовствующей императрицею по истеченіи 9-лѣтняго срока, во время коего должны были сказаться результаты работы провинціальныхъ собраній, а также другихъ реформъ. 25 сентября 1910 г. въ Пекинѣ открылись засѣданія сената, преобразованнаго, согласно эдикту 1907 г., въ національное собраніе, на половину изъ выборныхъ и на половину изъ назначенныхъ членовъ. Пользуясь нетвердымъ положеніемъ принца-

*) См. „Times“, august 24, 1909.

регента, провинціальные депутаты рѣшили произвести на него настойчивое давленіе съ цѣлью добиться немедленнаго созыва парламента *). Вотъ что по этому поводу мы читаемъ въ статьѣ «исключительно хорошо освѣдомленнаго» автора, по словамъ редакціи Times'а. «Можно съ увѣренностью сказать, что ни разу еще современному Китаю не угрожала большая опасность, чѣмъ та, которой онъ нынѣ подвергается: съ одной стороны правительство слабое, развращенное и разъѣдаемое внутренними интригами; съ другой классъ незрѣлыхъ политикановъ, шумно добивающихся права на власть, къ которой они могутъ быть подготовлены только годами терпѣливаго обученія. Всѣ безпристрастные наблюдатели признаютъ эту опасность»... Ее предвидѣлъ, между прочимъ, такой знатокъ Китая, какъ кн. Ито, не задолго до своей смерти. Китайскіе реформаторы ссылаются на примѣръ Японіи, но «въ то время, какъ монархія въ Японіи удержала за собой все значеніе верховной власти въ силу глубоко укоренившагося почитанія и лойялизма японскаго народа, манджурскіе правители Китая не могутъ сохранять иллюзій насчетъ отношенія младокитайцевъ къ нимъ и къ ихъ авторитету». Отношеніе это проявилось и теперь въ требованіи отвѣтственнаго министерства, т.-е. системы парламентаризма въ полномъ значеніи этого слова, при которой монархъ «царствуетъ, но не управляетъ». Насколько Пекинъ дорось до Лондона или до Парижа, объ этомъ предоставляемъ судить читателямъ, но судьба парламентаризма въ Турціи и въ Персіи должна бы предостеречь насъ отъ увлеченій на этотъ счетъ.

Подача петеціи депутатами сопровождалась подробностями, весьма характерными для эмоціональнаго направленія политическаго движенія въ Китаѣ. Они писали ее собственной кровью, выпуская ее изъ жилъ на рукахъ, и, отправившись ко дворцу регента, заявили, что не сдвинутся съ тѣста и проведутъ всю ночь подъ открытымъ небомъ, пока не будутъ приняты **).

Эти проявленія патріотическаго возбужденія поражаютъ непривычныхъ наблюдателей, но тѣ, кому приходилось наблюдать Китай за послѣдніе годы, отмѣчаютъ легкую возбудимость китайцевъ, принимающую совершенно истерическія формы и столь же внезапно смѣняющуюся полной апатіей и равнодушіемъ.

Иностранные наблюдатели, какъ напр. Жанъ Родъ, авторъ весьма

*) Въ отвѣтъ на эту питицію принцъ-регентъ издалъ эдиктъ о томъ, что парламентъ будетъ созванъ въ 1913 году.

**) Times, November 2, 1910.

интересной книги о «Новомъ Китаѣ»*), указываютъ на трудность для европейца понять психологію китайцевъ, являющуюся результатомъ своеобразной древней культуры, которая построена на совершенно другихъ моральныхъ и религіозныхъ понятіяхъ, чѣмъ европейская цивилизація. Узкій матеріализмъ китайцевъ весь вылился въ этомъ изреченіи Конфуція: «Какъ могу я заниматься небомъ, когда такъ трудно познать землю!»

«Господствующей чертой всего склада китайскаго характера является необыкновенная смѣсь дѣтскости и изощреннаго лукавства узкаго матеріализма и суевѣрія, которая дѣлаетъ изъ него нѣчто въ родѣ старика-ребенка... Со всею внѣшностью самаго живого и понятливаго ума, китаецъ не только не способенъ къ высшему умозрѣнію, но онъ ограниченъ и поверхностенъ. И это объясняетъ, почему, все предугадавъ или открывъ, онъ во всемъ остановился на полъ-дорогѣ».

«Онъ слишкомъ легко удовлетворяется. Ему кажется, что онъ все сдѣлалъ, когда высказалъ мысль, составилъ докладъ... Его невѣроятная дѣтскость позволяетъ ему во многихъ случаяхъ легко мириться съ одной видимостью. Онъ дѣлаетъ видъ, что хочетъ реформъ и осуществляетъ ихъ, точно также, какъ онъ приноситъ Буддѣ и духамъ предковъ подарки либо изъ картона, либо довольствуется ихъ перечисленіемъ на бумагѣ»**).

Приведенными чертами, разумѣется, далеко не исчерпывается характеристика китайцевъ, тѣмъ болѣе, что сами наблюдатели останавливаются въ недоумѣніи передъ многимъ, что кажется имъ совершенно непонятнымъ и чуждымъ. За послѣдніе годы подъ вліяніемъ всего того, что пришлось пережить Китаю, а также японскихъ побѣдъ, въ немъ усилилось броженіе, направленное одновременно противъ иностранцевъ и въ сторону реформъ, которыя помогли бы Китаю стать на ноги и освободиться отъ чужеземцевъ. Были предположены значительныя реформы въ арміи, и въ этой области несомнѣнно кое-что сдѣлано, даже по отзыву наименѣе расположенныхъ къ Китаю иностранцевъ, какъ напр. ген. Негріэ.

Родоначальникомъ современной регулярной арміи былъ находящійся нынѣ въ опалѣ, бывшій печилійскій вице-король Юаншикай, который, по слухамъ, скоро вновь будетъ призванъ къ власти. Согласно первоначальному предположенію, каждая изъ 18 провинцій должна была сформировать по двѣ дивизіи. На бумагѣ китайская армія къ 1912 г.

*) Jean Rodes: „La Chine nouvelle“, Paris, 1910.
**) Jean Rodes: loco cit, 216 и 223.

должна была насчитывать 377.798 штыковъ и 13.357 строевыхъ офицеровъ, къ 1920 г.—1.185,000 строевого войска. На самомъ дѣлѣ въ настоящее время сформированы всего 12 дивизій и 15 смѣшанныхъ бригадъ. Номинальная численность ихъ равняется 9.696 офицеровъ, изъ коихъ 5.417 строевыхъ, и 189.385 нижнихъ чиновъ, изъ коихъ строевыхъ 165.000. Но, по мнѣнію ген. Негріэ, цифры эти далеко не отвѣчаютъ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе и онъ считаетъ возможнымъ опредѣлить численность обученной арміи въ военное время въ 200.000 человѣкъ.

Ген. Негріэ не высоко цѣнитъ качество китайскаго солдата. Въ продолженіе всей исторіи Китая военное ремесло не пользовалось уваженіемъ въ странѣ. Зато теперь пробудились новыя тенденціи, поощряемыя Пекинскимъ дворомъ, который старается поставить военное званіе на надлежащую высоту и окружить его извѣстнымъ ореоломъ. Китайцы питаютъ особое уваженіе къ германскимъ военнымъ методамъ, но въ силу чисто внѣшней подражательности, усваиваютъ скорѣе казовую сторону дѣла, чѣмъ самый духъ и принципъ германской стратегіи. Въ началѣ они прибѣгали къ помощи германскихъ и японскихъ инструкторовъ, но теперь понемногу отдѣлываются отъ нихъ, увѣренные, что сами могутъ довершить дѣло военнаго преобразованія*).

Въ общемъ намъ представляется вѣрнымъ заключеніе Рода, что, если Китай и не располагаетъ могущественной арміей, то все же его военное положеніе уже не то, что 10 лѣтъ тому назадъ, и, если бы повторились событія 1900 г., то иностраннымъ державамъ пришлось бы употребить гораздо больше усилій для соотвѣтствующаго воздѣйствія на Небесную имперію.

Всѣ эти факты нельзя не имѣть въ виду, оцѣнивая сложное положеніе, создавшееся у насъ на Дальнемъ Востокѣ. Если въ настоящее время невозможно еще съ полной опредѣленностью намѣтить, въ какія дальнѣйшія формы выльется маньчжурскій вопросъ, то ясно одно Въ интересахъ Китая и Россіи не осложнять и безъ того запутанное положеніе, которое на дипломатическомъ языкѣ именуется statu quo. Съ обѣихъ сторонъ слѣдуетъ стремиться скорѣе примирить по возможности обоюдные интересы. Отъ желѣзной дороги въ Маньчжуріи мы отказаться не можемъ, но китайцы едва ли не больше насъ извлекаютъ изъ нея выгоды. Желѣзный клинъ, прорѣзывающій Маньчжурію, не долженъ врѣзываться въ наши отношенія съ Небесной импе-

*) Le général de Négrier: „Les forces chinoises en 1910". (Rev. des deux Mondes, 1 août 1910).

ріей, которыя въ недавнее еще время отличались традиціоннымъ дружелюбіемъ. Но въ интересахъ хорошихъ отношеній между обѣими державами—считаться съ нѣкоторыми непреложными фактами. Политику колебаній, приведшую къ соглашенію 27 апрѣля 1910 г. о полосѣ отчужденія, мы считаемъ вредною въ интересахъ какъ Россіи, такъ и Китая, ибо она увеличиваетъ иллюзіи и притязанія послѣдняго, и постольку не улучшаетъ, а портитъ взаимныя отношенія.

Чуждая заносчивости наша политика должна быть твердой въ отстаиваніи занятой позиціи, не поддаваясь впечатлѣніямъ, ибо въ концѣ концовъ, если бъ настали не нами вызванныя осложненія, мы нашли бы средства съ ними справиться, что не можетъ не быть извѣстно Китаю.

Вскорѣ послѣ Крымской войны, когда Россія вступила въ полосу великихъ преобразованій, кн. Горчаковъ опредѣлилъ направленіе нашей внѣшней политики въ циркулярѣ начинавшемся словами: «La Russie ne boude pas; elle se recueille». Наше положеніе послѣ недавней войны съ Японіей во многомъ напоминаетъ тогдашнее. Россія переживаетъ не менѣе важный внутренній кризисъ, чѣмъ полъ-вѣка тому назадъ; этотъ кризисъ захватываетъ всѣ стороны народной и государственной жизни. Задачамъ внутренняго строительства неизбѣжно долженъ подчиняться темпъ нашей внѣшней политики. Намъ нуженъ долгій нерушимый миръ, чтобы довести до конца процессъ внутренняго обновленія Россіи. Но для того, чтобы миръ былъ прочнымъ, недостаточно его желать. Иначе мы впадемъ въ ту ошибку, которая совершена была уже нашимъ правительствомъ, когда, въ разгарѣ грандіозныхъ плановъ на Дальнемъ Востокѣ, оно одновременно съ этимъ задалось иллюзіей всеобщаго разоруженія.

Въ нашемъ и безъ того затянувшемся изложеніи мы не коснулись исторіи Гаагскихъ конференцій мира, созывавшихся по почину русскаго правительства. Мы поступили такъ не потому, чтобы относились съ предубѣжденіемъ или отрицаніемъ ко всему, что сдѣлано или предполагается сдѣлать въ этомъ направленіи. Мы съ глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ относимся ко всѣмъ мѣрамъ, клонящимся къ устраненію безполезныхъ страданій во время войны; мы полагаемъ, что учрежденіе третейскихъ судовъ, облегчающее выходъ для самолюбія державъ и способное устранять поводы случайныхъ и ненужныхъ войнъ, есть одно изъ самыхъ цѣнныхъ пріобрѣтеній современнаго международнаго общенія; повторяя слова слѣпого: «вѣрую, Господи, помоги

моему невѣрію», мы хотѣли бы вѣрить, что когда-нибудь между отдѣльными державами будетъ найдена формула для регулированія роста вооруженій. Но, исходя изъ современнаго общаго международнаго положенія и того мѣста, которое въ немъ занимаетъ Россія, мы глубоко убѣждены, что въ настоящее время единственной прочной основой сохраненія мира, при которомъ мы не поступались бы ни нашимъ достоинствомъ, ни нашими интересами, является внутреннее и внѣшнее укрѣпленіе Россіи.

Всеобщая воинская повинность сдѣлала изъ современной арміи вѣрное отраженіе народа съ его качествами и недостатками, степенью культуры и общаго духа. На поляхъ Маньчжуріи наши солдаты показали, какъ и въ старину, свою способность умирать; отъ насъ требуется теперь другая способность — умѣнье жить и устраивать жизнь нашего отечества. Въ этомъ умѣніи заключается разгадка всѣхъ нашихъ проблемъ—подъема просвѣщенія и производительности, внутренней и внѣшней политики, государственной обороны, словомъ всего того, что для насъ опредѣляется однимъ общимъ лозунгомъ: Великая Россія.

Кн. Григорій Трубецкой.

Васильевское,
17 октября 1910 г.

Казенное возсозданіе флота.

I.

Въ концѣ весенней сессіи этого 1910 года морское министерство внесло въ Г. Думу законопроектъ объ отпускѣ ему нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ рублей на возсозданіе флота. Подробной программы такого возсозданія министерство при этомъ не представило, и самая цифра, имъ высчитанная, оказалась далеко не установленною: сначала говорили о 700 милліонахъ, потомъ это требованіе было будто бы понижено до 520 милліоновъ, и, на чемъ остановятся окончательно, никому неизвѣстно.

Причину такой неустойчивости расчетовъ морского министерства объяснить нетрудно: въ дѣйствительности оно не имѣетъ никакой настолько незыблемой программы, чтобы не могло отъ нея уклониться въ любую сторону во всякое время.

Чтобы знать точно, сколько въ самомъ дѣлѣ необходимо денегъ на возсозданіе нашего флота, надо прежде всего точно знать, *что надо строить?*, а для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо вполнѣ ясно и опредѣленно представить себѣ задачи нашей внѣшней политики на нѣкоторое значительное время впередъ. Только, зная это, можно уже съ извѣстною точностью предопредѣлить, *съ кѣмъ именно, въ какихъ моряхъ и при какихъ условіяхъ* (союзы и нейтралитеты) *придется нашему флоту бороться*, а въ зависимости отъ этого разрѣшить и послѣдній вопросъ: *каковъ долженъ быть составъ этого флота и какимъ его сторонамъ* (наступленіе или оборона) *должно быть дано преимущественное развитіе?*

Разумная и цѣлесообразная программа судостроенія можетъ быть построена только на этихъ данныхъ, и, какъ доказательную иллюстрацію, можно привести примѣры Японіи и Германіи. Японія, рѣшивъ въ 1894 году разгромить насъ, какъ единственно опасную ея видамъ

державу, *строила и подготовляла свой флотъ спеціально для борьбы съ нашимъ флотомъ*—и поэтому достигла ужаснувшаго весь міръ результата. То же самое мы видимъ теперь и въ Германіи. Ея политики ясно понимаютъ, что возрастающая морская торговля ихъ страны можетъ встрѣтить соперника только въ Англіи а поэтому и *всѣ расчеты по созданію германскихъ военно-морскихъ силъ ведутся исключительно для борьбы съ этою державою*. Правильность и цѣлесообразность этой программы лучше всего подтверждается той тревогою, какую возбуждаетъ ея осуществленіе не только въ общественныхъ, но и въ правительственныхъ кругахъ Британской имперіи. Наша внѣшняя политика такою опредѣленностью и устойчивостью своихъ цѣлей давно уже не отличается. Сообразно съ этимъ и нашъ флотъ передъ минувшею войною, напримѣръ, оказался не только къ ней неподготовленнымъ, но даже расположеніе его отдѣльныхъ отрядовъ было таково, какъ-будто этой-то только войны мы и не ожидали. Въ настоящее время положеніе вещей, въ разсматриваемомъ отношеніи, нисколько не лучше, и наше морское вѣдомство абсолютно не знаетъ, для какой именно опредѣленной цѣли, или цѣлей, оно должно строить флотъ, совершенно такъ же, какъ не знаетъ и наша дипломатія, что именно въ концѣ-концовъ ее вывезетъ: безконечная ли уступчивость наша на азіатскомъ Востокѣ, или же повышенная нечувствительность къ непрерывно получаемымъ пинкамъ на европейскомъ Западѣ.

Нагляднѣйшимъ поясненіемъ и подтвержденіемъ сказаннаго является напримѣръ, отношеніе морского министерства къ своимъ задачамъ на Черномъ морѣ. Не тутъ ли именно, поблизости, находится центръ зарожденія всѣхъ кровавыхъ вихрей, втягивавшихъ насъ въ тяжелыя войны на протяженіи цѣлыхъ двухъ столѣтій, а между тѣмъ странно даже подумать, до какого жалкаго ничтожества довело морское вѣдомство нашъ Черноморскій флотъ. За послѣднія десять лѣтъ тамъ заложено: два броненосца, которые въ настоящее время, при всей ихъ несовременности, и представляютъ собою,—смѣшно сказать,—первую линію баталіи, и два крейсера съ 3-хъ дюймовою бронею по ватерлініи, которые въ моментъ своей закладки уже были совершенными анохронизмами; о миноносцахъ же для этого флота, съ ихъ 25 узловою скоростью, и говорить не стоитъ. Правда, три года тому назадъ Г. Дума отпустила морскому министерству деньги на постройку пяти большихъ эскадренныхъ миноносцевъ съ 35 узловою скоростью и трехъ подводныхъ лодокъ системы г. Налетова, которыя

одинъ могли бы сдѣлать непроходимыми всѣ турецкія проливы, какія бы вражескія армады ни желали проникнуть черезъ нихъ къ берегамъ нашего юга, но морское министерство преспокойно издержало эти деньги на покрытіе своихъ многочисленныхъ прежнихъ грѣховъ, пяти миноносцевъ совсѣмъ не заказало, а изъ трехъ лодокъ заказало только одну, но, какъ говорятъ спеціалисты, до сихъ поръ не выдумало еще такихъ минъ, которыя бы эта лодка могла ставить на большихъ глубинахъ и сильныхъ, перемѣнныхъ теченіяхъ Босфора. Эта, доходящая до прострацiи, бездѣятельность морского министерства въ вопросѣ объ увеличеніи силы Черноморскаго флота даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на это увеличеніе отпущены уже государственныя средства, ясно указываетъ на полное отсутствіе какъ политическаго пониманія среди руководителей этого вѣдомства, такъ и соотвѣтствующихъ побужденій и указаній ему со стороны нашей дипломатіи. Изъ этой бездѣятельности не могли вывести наше морское министерство ни ростъ итальянскаго флота, ни послѣдняя широкая программа судостроенія Австро-Венгріи, ни давно уже начатое созданіе морской базы въ Кюстинджи для флотовъ союзныхъ съ Румыніею государствъ, ни послѣднія, наконецъ, оплеванія въ вопросахъ ближневосточной политики, послѣ которыхъ наша дипломатія съ такимъ достоинствомъ утерлась, и морское министерство, внося въ Г. Думу просьбу объ отпускѣ нѣсколькихъ сотень милліоновъ рублей на воссозданіе флота, совсѣмъ въ это время и не думало о необходимости увеличить на эти деньги и Черноморскій флотъ.

Но вотъ молодое турецкое правительство (на союзъ съ которымъ наша дипломатія возлагала, повидимому, большія надежды, но пропустила моментъ) купило у нѣмцевъ два старенькихъ броненосца, а наша печать, изъ желанія можетъ-быть, взбодрить требующихъ допинга блюстителей государственной безопасности со стороны моря, переоцѣнила этотъ фактъ. Какъ же отозвалось на это морское министерство? Оно сразу очнулось, но, должно-быть, несовсѣмъ еще придя въ себя, прописало тотъ же самый старый рецептъ, что и для Балтійскаго моря: надо въ Черномъ морѣ строить четыре дредноута.

Вопросъ объ ассигновкѣ денегъ на эту постройку Г. Думѣ, по всей вѣроятности придется рѣшать въ первую голову, потому что теперь уже само морское министерство будетъ стараться придать ему характеръ страшной неотложности,—но смѣшно даже говорить, насколько этотъ рецептъ морского министерства не выдерживаетъ никакой критики. Кому и для чего нужны на Черномъ морѣ эти четы-

ре дредноута? Если Турція будетъ въ союзѣ съ нами и никого не пропуститъ въ Черное море, то эти четыре корабля совершенно безполезны. Если же Турція будетъ противъ насъ, то эти четыре корабля, внѣ всякаго сомнѣнія, окажутся нулемъ противъ той силы, которая нагрянетъ къ намъ въ Черное море. Они могутъ оказаться очень полезными для дѣйствія внѣ Чернаго моря въ союзѣ съ болѣе сильнымъ флотомъ какой-либо другой державы, но ясно, что Турція должна входить въ этотъ союзъ, иначе она не пропуститъ наши корабли не только черезъ Дарданеллы, но и черезъ Босфоръ. Такимъ образомъ мы видимъ, что наше морское министерство поступаетъ въ данномъ случаѣ какъ разъ наоборотъ тому, что надо. Если бы нашимъ дипломатамъ удалось заключить союзъ съ Турціей, то тогда дѣйствительно, можетъ быть, было бы полезно имѣть въ Черномъ морѣ сильный отрядъ броненосцевъ для совмѣстного дѣйствія съ Турецкимъ флотомъ, но моментъ для такого союза пропущенъ и Турція нашла себѣ другихъ союзниковъ и именно среди нашихъ враговъ. Поэтому теперь мы должны главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы сдѣлать непроходимыми турецкіе проливы даже въ томъ случаѣ, если бы Турція захотѣла открыть ихъ для нашихъ непріятелей и ея союзниковъ. А для этого, совершенно ясно, нужны не четыре дредноута, а сильная флотилія *наступательныхъ* подводныхъ лодокъ и подводныхъ минныхъ заградителей. Только эти суда, внѣ всякаго контроля Турціи, могутъ во всякое время пройти проливы и сдѣлаться господами положенія не только въ Мраморномъ, но и въ Эгейскомъ морѣ. И сколько бы броненосцевъ, не только старыхъ но и новыхъ, не купила Турція у своихъ теперешнихъ благодѣтелей, они всѣ были бы обречены на гибель: мы слишкомъ дорого заплатили японцамъ за ихъ уроки на нашемъ Портъ-Артурскомъ рейдѣ, для того чтобы не воспользоваться ими при первой же необходимости на турецкомъ рейдѣ въ Золотомъ Рогѣ... Но это только мечта, а въ дѣйствительности наше морское министерство не только ничего не дѣлаетъ, но и не хочетъ ничего дѣлать для достиженія этихъ цѣлей, единственно годныхъ и возможныхъ для насъ въ настоящее время. Повидимому наши слишкомъ многочисленные адмиралы ни какъ не могутъ себѣ представить оборону государства безъ такихъ кораблей, на которыхъ имѣются роскошные адмиральскіе апартаменты и высокія мачты для подъема адмиральскихъ флаговъ—знакъ власти и права на полученіе усиленнаго морского содержанія, съ суммами на представительство и пр.—Подводныя лодки для этого дѣйствительно совершенно не годятся.

Невольно напрашивается на сравненіе фактъ, имѣвшій мѣсто три-четыре года тому назадъ: греческое правительство пригласило французскихъ моряковъ въ качествѣ консультантовъ по созданію плана обороны береговъ королевства. Между приглашенными былъ и извѣстный адмиралъ Фурнье. Они обосновали весь этотъ планъ на примѣненіи минныхъ и подводныхъ судовъ. Идея очень понравилась королю, но греческіе адмиралы (тамъ ихъ тоже есть немало, несмотря на полное отсутствіе флота) забраковали ее и по тѣмъ же самымъ причинамъ, какія высказаны нѣсколько строчекъ выше. Для людей въ чинахъ и въ возрастѣ подводныя лодки дѣйствительно не годятся какъ по неудобствамъ жизни, такъ и по риску, сопряженному съ плаваніемъ на нихъ. Но врядъ ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, чей голосъ звучалъ бы громче въ нынѣшнемъ спорѣ Греціи съ Турціею, если бы греки уже обладали теперь флотиліею подводныхъ лодокъ, достаточною для обслуживанія всего треугольника Стамбулъ-Пирея-Александрія. Что должны чувствовать теперь эти греческіе адмиралы въ минуту смертельной опасности для ихъ государства, оставленнаго безъ всякой защиты по ихъ непониманію и винѣ?

Подобнымъ непониманіемъ политическихъ перспективъ и отсутствіемъ всякой связи между своею дѣятельностью и внѣшними задачами государства наше морское министерство отличается не только теперь, но отличалось ими и прежде,—до минувшей войны. Тогда корабли тоже строились и временами даже въ очень большомъ числѣ, но всѣ «программы» для такихъ судостроительныхъ вспышекъ всегда составлялись по слѣдующему приблизительно рецепту: главный морской штабъ узнавалъ черезъ военно-морского агента не опубликованную, т. е. не прошедшую еще черезъ парламентъ, программу нѣмецкаго судостроенія (въ Германіи изъ такихъ программъ, кстати сказать, никогда секрета не дѣлаютъ) и сейчасъ же составлялъ записку на тему: по сколько броненосцевъ надо намъ строить ежегодно въ теченіе предстоящихъ двадцати лѣтъ (почему-то всегда брался именно такой дальній срокъ?), для того чтобы сравняться по силѣ съ Германіею, или не отстать отъ нея къ этому именно сроку. Считалъ ли главный морской штабъ каждый разъ, что мы непремѣнно должны драться съ нѣмцами ровно черезъ двадцать лѣтъ отъ нижеписаннаго числа, или не считалъ,—это никому неизвѣстно, потому что въ подобныхъ запискахъ никакими задачами внѣшней политики нашего государства никогда не задавались и никакихъ международныхъ отношеній во вниманіе никогда не принимали. Вотъ такія-то убогія произведенія штаб-

ныхъ чиновниковъ и носили у насъ незаслуженно громкое названіе «программъ судостроенія»; и нельзя не отмѣтить курьеза, что такая расчитанная на войну съ нѣмцами программа была утверждена послѣднею передъ войною нашею съ Японіею. Но, кстати сказать, эти программы у насъ только писались и абсолютно никогда не выполнялись, главнымъ образомъ, вслѣдствіе невѣрности первоначальныхъ денежныхъ соображеній. Въ дѣйствительности же наше военное судостроеніе все время шло подъ воздѣйствіемъ совершенно случайныхъ вліяній и лицъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ подробно, но достаточно вспомнить исторію съ знаменитыми «поповками», или идею совершенно безбронныхъ линейныхъ судовъ,—другого флота, кромѣ нашего, въ которомъ тратились бы деньги на осуществленіе столь уродливыхъ отступленій отъ указаній исторіи, практики и научныхъ расчетовъ, не существуетъ.

Увѣряютъ, что будто бы теперь, послѣ японской войны, морское министерство, благодаря организаціи генеральнаго морского штаба, вступило на совершенно новый путь въ смыслѣ обсужденія и мотивировки програмныхъ вопросовъ судостроенія, но только что приведенное рѣшеніе черноморскаго вопроса заставляетъ сильно сомнѣваться въ правдивости этихъ увѣреній. Желанія-то, повидимому, есть и даже сильныя, но результатовъ невидно. Причинъ этого прискорбнаго явленія можетъ быть двѣ: или старыя, заскорузлыя, до-цусимскія силы парализуютъ работу новыхъ, молодыхъ силъ. или же эти молодыя силы, не имѣя опоры въ серьезной и авторитетной военно-морской наукѣ (за совершеннымъ ея у насъ отсутствіемъ), сами мечутся и ничего сдѣлать не могутъ. По всѣмъ даннымъ у насъ теперь дѣйствуютъ обѣ эти причины совокупно.

Недавно вышла въ свѣтъ брошюра Н. Беклемишева подъ названіемъ «Возстановленіе русской морской силы на внутренней базѣ», и въ ней, на стр. 20, высказаны въ общихъ чертахъ предположенія морского министерства относительно организаціи нашихъ военно-морскихъ силъ въ Балтійскомъ морѣ. Придумано не только нѣчто молодое, юное, но даже, прямо, можно сказать, дѣтское. Во-первыхъ, въ Петербургѣ и Кронштадтѣ оставляется только судостроительная и ремонтная база для нашего Балтійскаго флота, а база операціонная, маневренная переносится въ Ревель. Затѣмъ весь Финскій заливъ, отъ Ревеля черезъ Наргенъ, вплоть до Паркалауда (мѣстность немного къ западу отъ Гельсингфорса) предполагается перегородить цѣлымъ рядомъ укрѣпленій на насыпныхъ даже островахъ и линіями

минныхъ загражденій между ними. При этомъ предполагается, что когда непріятельскій флотъ подойдетъ къ этой перегородкѣ съ запада, то наши броненосцы приблизятся къ ней съ востока и будутъ сражаться подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей и отдѣленные отъ врага линіями минныхъ заграждeній. Получается нѣчто феерически небывалое: нашъ флотъ при всякой неудачѣ можетъ сейчасъ же скрыться въ Ревель или даже отступить къ Кронштадту, а непріятелю черезъ перегородку никакъ не перепрыгнуть; въ Финскій заливъ проникнуть и гнаться за нашими броненосцами онъ не можетъ; столица наша, оказывается, въ полной безопасности, и даже М. О. Меньшиковъ долженъ перестать писать свои тревожащія статьи о возможности непріятельскаго нашествія съ моря прямо на Петербургъ. Но такъ ли все это? Что останется отъ этого плана, если непріятель займетъ Ревель съ сухого пути и его артиллерія расположится на высотахъ, господствующихъ надъ новымъ нашимъ операціоннымъ портомъ, а его подводныя лодки и подводные заградители проникнутъ въ Финскій заливъ, забросаютъ своими минами всѣ пути для нашихъ броненосцевъ и атакуютъ ихъ въ самыхъ потаенныхъ ихъ убѣжищахъ? Вѣдь сухопутные спеціалисты категорически утверждаютъ, что Ревель обезпечить отъ захвата съ суши никакъ нельзя. На чемъ же тогда основываетъ жизнеспособность своего плана морское министерство? Много, очень много еще жгучихъ вопросовъ возбуждаетъ это недоношенное дѣтище морского министерства, но говорить о нихъ мимоходомъ и вскользь не слѣдуетъ—этимъ вопросамъ необходимо посвятить особое изслѣдованіе. Но какъ, значитъ, низко упало въ морскомъ министерствѣ пониманіе военнаго дѣла и даже доблесть (я говорю про министерство, а не про строевой флотъ), если, посвятивъ пять лѣтъ послѣ пораженія на выдумываніе новаго способа веденія войны, придумали только одно: такъ отгородиться отъ непріятеля, чтобы уже и совсѣмъ съ нимъ не драться.

Но вѣдь исторія всѣхъ временъ и народовъ учитъ насъ, что всякая преграда въ концѣ-концовъ преодолѣвается и что всякій флотъ, предназначенный сражаться только изъ-за крѣпостей и преградъ, перестаетъ быть флотомъ и обращается въ нѣчто крѣпостное, заранѣе обреченное на гибель вмѣстѣ съ крѣпостью.

И вотъ, на осуществленіе-то такого химерическаго плана морское министерство и проситъ не то 700 милліоновъ рублей, не то—сколько дадутъ. Но вѣдь и въ самомъ дѣлѣ: развѣ у него есть какія-либо неопровержимыя основанія утверждать, что искусственные острова должны

быть насыпаны на разстояніи одной версты другъ отъ друга? А, можетъ-быть, это разстояніе возможно увеличить до 5, 10 и даже до 15 верстъ — лишь бы можно было бомбу изъ пушки перебросить? Стоимость работы во всѣхъ этихъ случаяхъ будетъ очень различная. То же самое и относительно числа броненосцевъ: сколько ихъ должно плавать за непроходимою для непріятеля загородкой? Такъ какъ на всемъ протяженіи военно-морской исторіи такого комическаго прецедента еще не было, то нѣтъ и никакого разумнаго основанія для расчета. Опять, значитъ, можно строить на сколько дадутъ.

Во всякомъ же случаѣ, лица, которыя будутъ рѣшать вопросъ объ отпускѣ денегъ на всю эту затѣю, не должны забывать грубой до наглости исторіи съ Либавскимъ военнымъ портомъ имени Императора Александра III. Говорятъ, что тамъ самая идея устройства порта возникла изъ желанія нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ сбыть въ казну по дорогой цѣнѣ принадлежащія имъ и совершенно бездоходныя земли. Затѣмъ къ этимъ аферистамъ примкнула кучка строителей, сумѣвшихъ вытянуть у казны на разныя сооруженія свыше 60 милліоновъ рублей, а затѣмъ, когда дальше тянуть уже было не на что, объявили, что портъ этотъ надо бросить, что защитить его никакъ нельзя, ни съ моря, ни, главнымъ образомъ, съ суши и что, въ случаѣ войны, нѣмцы могутъ захватить его голыми руками черезъ 12 часовъ послѣ перехода нашей границы. Въ прошломъ году эта «крѣпость» спустила свой флагъ, не дождавшись даже намека на появленіе внѣшняго врага и отъ всей этой авантюры морского министерства ничего не осталось... Обидно только, что имя покойнаго Государя, который въ теченіе всего своего царствованія такъ умѣло и высоко ставилъ интересы нашего государства передъ всѣми народами, связали съ гнуснымъ предпріятіемъ, гдѣ эти интересы были такъ безсовѣстно попраны и проданы. Необходимо тщательно изслѣдовать прежде, чѣмъ давать деньги, нѣтъ ли чего подобнаго и въ нынѣшней затѣѣ съ устройствомъ Ревельскаго порта: вѣдь, если дѣйствительно, его не хотятъ или не могутъ обезпечить отъ захвата съ суши, то вся разсматриваемая затѣя получаетъ очень странный и подозрительный характеръ.

Въ этомъ планѣ морского министерства, кромѣ всего уже приведеннаго, есть еще одна сторона, которой необходимо посвятить нѣсколько словъ. Министерство расчитываетъ, подъ защитою придуманной имъ перегородки, въ концѣ концовъ построить безъ всякой помѣхи столько судовъ, чтобы сдѣлаться сильнѣе Германіи и Японіи, и тогда этотъ флотъ уже безъ всякой боязни будетъ выведенъ за

перегородку. Отсюда ясно, что морское министерство считаетъ придуманную имъ перемычку Финскаго залива дѣйствительно непреодолимою преградою. Но сколько же такой новый Гибралтаръ будетъ стоить и сколько времени онъ будетъ сооружаться, если мы знаемъ, что послѣдній по времени кронштадтскій фортъ строился 12 лѣтъ? А что же мы будемъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока эта твердыня будетъ готова, на протяженіи предстоящаго десятилѣтія, несомнѣнно, страшно опаснаго для нашего государства? Какими бѣлыми нитками сшиты всѣ эти расчеты, какъ они наивны и какъ страшно оставлять оборону страны въ рукахъ людей, которые послѣ пятилѣтнихъ «трудовъ и раздумья» не сумѣли додуматься ни до чего менѣе... страннаго? Затѣмъ: что значитъ, построить флотъ сильнѣе германскаго? Возьмите послѣднюю нѣмецкую программу судостроенія и вы увидите, что для этого надо построить три дивизіи, т. е. 18 дредноутовъ, къ нимъ еще 3 дредноута для замѣны случайно поврежденныхъ и требующихъ продолжительнаго ремонта. Это одно составитъ уже болѣе 480 тысячъ тоннъ, да къ нимъ надо прибавить еще столько же тоннъ крупныхъ 28—30-узловыхъ броненосныхъ крейсеровъ, крейсеровъ полубронеиосныхъ для развѣдокъ, эскадренныхъ 36-узловыхъ миноносцевъ, крупныхъ наступательныхъ подводныхъ лодокъ и разныхъ вспомогательныхъ судовъ и базъ. Всего, слѣдовательно, 960—1,000 тысячъ тоннъ, что, по нашимъ цѣнамъ, будетъ стоить *полтора милліарда*, а по нашимъ судостроительнымъ и инымъ средствамъ, если ихъ мобилизировать во всю, потребуется *не менѣе 20 лѣтъ*. Кромѣ того, содержаніе морского вѣдомства при такомъ флотѣ будетъ стоить *по 230 милліоновъ рублей ежегодно*, да еще каждый годъ будетъ приходить въ негодность (по германскимъ правиламъ) 55,000 тоннъ судовъ всякаго наименованія и для ихъ замѣны новыми надо будетъ расходовать ежегодно еще *по 80 милліоновъ рублей*. Вотъ истинная картина предстоящихъ расходовъ, если морское министерство дѣйствительно хочетъ сравнять нашъ флотъ съ германскимъ черезъ 20 лѣтъ *). Но при чемъ же тогда его требованія 520 милліоновъ и даже 700 милліоновъ рублей? Вѣдь если морское министерство дѣйствительно хочетъ сдѣлать то, что говоритъ, то за эти деньги оно сдѣлать этого не можетъ. Не ясно ли отсюда и изъ всего сказаннаго раньше, что это министерство въ дѣйствительности ни о какомъ выполненіи какой бы

*) Мы уже видѣли, какое это старое и до смѣшного обычное намѣреніе морского министерства, которое притомъ никогда еще не приводилось въ исполненіе.

то ни было программы не думаетъ, а хочетъ просто получить сколько возможно побольше милліоновъ, а затѣмъ будетъ строить себѣ что въ голову придетъ, идя въ хвостѣ какого-либо иностраннаго флота, какъ дѣлало это и всегда прежде. Тѣ, уже въ самый моментъ ихъ закладки устарѣлые и испорченные, четыре дредноута, которые министерство черезъ пень въ колоду строитъ теперь, вполнѣ подтверждаютъ это мнѣніе и ясно предопредѣляютъ все будущее возсозданіе нашего флота. Вѣдь министерство-то со всѣми своими обычаями и порядками остается то же самое, и если оно показало полное свое неумѣніе построить четыре броненосца, то почему же мы должны вѣрить, что дѣло пойдетъ хоть сколько-нибудь лучше, если ему дать строить двадцать броненосцевъ?

Несомнѣнно, что и за 700 милліоновъ, которые оно проситъ, и за 520 милліоновъ, на которые оно тоже очень согласно, министерство что-нибудь построитъ. Это «нѣчто», несомнѣнно, нельзя будетъ и въ сравненіе поставить ни съ германскимъ, ни съ японскимъ флотомъ, хотя бы только количественно, не предрѣшая даже качества.

Согласно съ остроумнымъ планомъ морского министерства, это «нѣчто», какъ слабое, должно всегда гулять за загородкою между Ревелемъ и Кронштадтомъ. Заманчивая картина!.. Морское министерство, въ качествѣ ея автора, конечно, будетъ довольно. Но не будетъ ли при этомъ стыдно, страшно стыдно Россіи?

II.

Хлопоча получить, возможно большія, и на возможно долгій срокъ впередъ, фиксированныя деньги и, не имѣя что предъявить въ смыслѣ плана возсозданія флота, ясно согласованнаго съ столь же ясно понятыми внѣшними задачами государства, морское министерство, съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ въ Государственной Думѣ, рѣшило ловить себѣ и поклонниковъ и заступниковъ на удочку съ совершенно иного сорта приманкою. Для какихъ именно *внѣшнихъ* цѣлей нуженъ намъ сильный флотъ изъ дредноутовъ, оно умалчиваетъ, но зато очень много говоритъ о цѣляхъ *внутреннихъ* и на первое, при этомъ, мѣсто ставитъ вопросъ о своихъ казенныхъ, судостроительныхъ и иныхъ заводахъ.

Если морскому министерству на будутъ даны деньги на возсозданіе флота и именно броненоснаго, то всѣ его заводы должны будутъ

прекратить свою дѣятельность; рабочіе увеличатъ собою безпокойную армію безработныхъ; техническій персоналъ, привыкшій къ усиленному заработку во время большихъ заказовъ, разбѣжится; накопленный десятилѣтіями труда технической опытъ пропадетъ и вмѣстѣ съ этимъ пропадетъ большое государственное дѣло, стоющее странѣ многіе десятки милліоновъ рублей! Эта, почти что угроза, была высказана министерствомъ еще въ концѣ 1907 года, когда его представители впервые пришли въ Государственную Думу просить денегъ, и тогда же произвела на многихъ весьма сильное впечатлѣніе. Если кто изъ читателей слѣдилъ въ свое время за ходомъ этого дѣла, то, навѣрное, помнитъ, что за этотъ именно мотивъ, какъ за нѣчто неприложное, ухватились тогда и въ Государственной Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ всѣ, кто только хотѣлъ сказать что-либо въ пользу немедленной постройки четырехъ дредноутовъ (Въ то время морское министерство говорило, а большинство слушателей вѣрило, что это и есть возсозданіе флота).

Правда, были тогда пущены въ ходъ, съ тою же цѣлью—скорѣйшаго полученія денегъ, и другіе доводы, напримѣръ: о необходимости теперь же учить людей на судахъ современнаго типа (забывали, что эти суда будутъ готовы только черезъ 6—7 лѣтъ), или о возможномъ повальномъ бѣгствѣ морскихъ офицеровъ въ отставку, если ихъ, вмѣсто комфортабельныхъ броненосцевъ, будутъ заставлять служить на менѣе удобныхъ миноносцахъ и на совсѣмъ неудобныхъ подводныхъ лодкахъ, и т. п., но всѣ эти мотивы, какъ явно несуразные или лживые, очень скоро и конфузливо смолкли. Доводъ же о казенныхъ заводахъ не только остался въ полной своей силѣ, но за истекшіе три года видоизмѣнился и получилъ «распространенное толкованіе» въ томъ смыслѣ, что теперь считается необходимымъ строить на казенныхъ исключительно заводахъ не только четыре уже заложенныхъ броненосца, но и весь нашъ будущій флотъ, какъ бы не былъ онъ великъ.

Мыслить иначе считается глубоко непатріотичнымъ, и, въ силу, должно-быть, этого, громадное большинство членовъ Государственной Думы, систематически отказывающее морскому министерству въ кредитахъ на постройку броненосцевъ, съ легкимъ сердцемъ и не сомнѣваясь въ своей правотѣ, даетъ тѣмъ же самымъ людямъ десятки милліоновъ рублей на подготовку заводовъ къ постройкѣ этихъ броненосцевъ.

Ходъ мыслей, которыми руководствуются при этомъ члены Госу-

дарственной Думы, представить себѣ нетрудно: морскому министерству до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ приведено въ состояніе полной работоспособности, денегъ на возсозданіе флота давать не слѣдуетъ, но самый то флотъ, рано или поздно, строить мы должны и будемъ, а поэтому теперь же, безъ всякаго замедленія, мы должны готовить къ этой работѣ всѣ наши казенныя верфи и заводы. Съ точки зрѣнія формальной логики этотъ выводъ совершенно правиленъ, но вѣдь въ каждомъ выводѣ, кромѣ окончательнаго умозаключенія, необходимо принимать во вниманіе еще и исходныя посылки. Выводъ, построенный, на невѣрныхъ посылкахъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вѣрнымъ, и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло какъ-разъ съ двумя такими посылками. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы согласиться съ цѣлесообразностью сдѣланныхъ уже на подготовку заводовъ денежныхъ ассигнованій, необходимо прежде всего признать, что тѣ самые люди, которые такъ ясно проявили свою полную неспособность къ правильной, технически и экономически, судостроительной дѣятельности, почему-то окажутся вполнѣ работоспособными, если имъ поручить не самое судостроеніе, а подготовку заводовъ и верфей, къ правильному, технически и экономически, судостроенію. Для каждаго, надо полагать ясно, что такой посылки сдѣлать нельзя. Припомните только: еще очень недавно, когда морское министерство дѣлало первыя свои попытки къ полученію крупныхъ ассигнованій, оно категорически заявляло, что его заводы и верфи не только совершенно готовы, но прямо изнываютъ отъ бездѣйствія и ждутъ не дождутся, когда ихъ только подпустятъ къ возсозданію флота. Послѣ этого не прошло и полугода, какъ морское министерство принуждено было уже видоизмѣнить нѣсколько свое первоначальное показаніе. Оказалось, что только три завода, Адмиралтейскій, Балтійскій и Ижорскій, могутъ безъ всякой денежной помощи приступить къ немедленной постройкѣ броненосцевъ, а четвертый заводъ, Обуховскій, нуждается въ 2.800.000 рубляхъ помощи, чтобы готовить то количество крупныхъ, 12-дюймов. пушекъ, какое необходимо для новыхъ бронепосцевъ. При этомъ условіи,— добавляло морское министерство въ своемъ заявленіи Государственной Думѣ отъ 29 марта 1908 года,—первые четыре наши дредноута будутъ готовы черезъ $3^3/_4$ года. Государственная Дума повѣрила этому заявленію и тогда же дала морскому министерству на помощь его заводамъ 2.681.087 рублей, всѣ свои сбереженія по другимъ статьямъ морской смѣты.

Послѣ того прошелъ всего лишь одинъ годъ, строить корабли морское министерство еще не начало, а уже вновь выступило съ совершенно новыми данными о потребностяхъ своихъ заводовъ. На этотъ разъ оказалось, что деньги на оборудованіе необходимы не одному только Обуховскому, а всѣмъ четыремъ заводамъ морского вѣдомства, а именно: Адмиралтейскому—1.017.000, Балтійскому—2.076.309, Ижорскому—7.538.705 и наконецъ Обуховскому—3.065.168 рублей. Всего слѣдовательно 13.697.182, изъ которыхъ въ дополненіе къ ранѣе ассигнованнымъ вновь испрашивалось 11.016.095. Эти деньги были необходимы исключительно лишь на то, чтобы подготовить заводы къ постройкѣ разрѣшенныхъ четырехъ кораблей типа Дредноутъ и при этомъ срокъ ихъ готовности министерство опредѣляло уже не въ $3^3/_4$ года со дня закладки, какъ прежде, а въ 60 мѣсяцевъ со дня отпуска первой порціи въ счетъ требуемой суммы. Что же касается подготовки заводовъ вообще къ судостроительной дѣятельности въ смыслѣ возсозданія не четырехъ броненосцевъ, а всего флота, то министерство пошло далѣе и высчитало, что ему для этого необходимо еще 31.755.150 рублей, изъ которыхъ на Адмиралтейскій заводъ предполагается израсходовать 6.227.555 рублей, на Ижорскій—2.911.500 рублей и на Обуховскій—11.600.000 рублей. Кромѣ же всего этого, на покрытіе долговыхъ обязательствъ Обуховскаго завода, накопившихся за нимъ вслѣдствіе весьма сомнительнаго веденія его хозяйства, необходима еще сумма въ 6.639.376 рублей. Не уплативъ этой суммы своимъ кредиторамъ, заводъ, яко-бы, все равно долженъ былъ прекратить свою дѣятельность. Такимъ образомъ, счетъ суммъ, необходимыхъ для подготовки морскихъ заводовъ къ возсозданію флота, на протяженіи какихъ-нибудь двухъ лѣтъ, возросъ съ первоначальной очень скромной цифры въ 2.800.000 рублей въ колоссальную сумму 52.091.708 рублей. Эта цифра, прежде чѣмъ быть представленною въ Государственную Думу, была въ различное время, по частямъ, проведена черезъ междувѣдомственное совѣщаніе, сформированное согласно Высочайшаго повелѣнія для предварительнаго обсужденія финансовыхъ операцій морского министерства. Въ этомъ совѣщаніи требуемая сумма была сокращена, въ общей сложности по всѣмъ четыремъ заводамъ, на 8.604.355 рублей, т. е. на $16^1/_2$ процентовъ. Сокращеніе это въ общемъ не велико, но мотивы, по которымъ оно сдѣлано, весьма интересны и имѣютъ большое значеніе въ разсматриваемомъ нами отношеніи. Одни суммы, напримѣръ, уменьшены или совсѣмъ вычеркнуты, вслѣдствіе совершенно неясной или неопредѣленной ихъ

мотивировки; другія вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо оправдывающихъ цифровыхъ расчетовъ; третье—вслѣдствіе совершеннаго несогласованія заявляемыхъ нуждъ съ судостроительной программою; четвертыя—вслѣдствіе проблематичности цѣнъ, ихъ яснаго преувеличенія, неправильнаго показанія наличности, пренебреженія элементарными правилами счетоводства, крайнимъ разнообразіемъ цѣнъ на одни и тѣ же предметы и работы и т. п. Всѣ эти причины были занесены въ протоколы междувѣдомственнаго совѣщанія и разсматривались затѣмъ въ совѣтѣ министровъ. Совѣтъ министровъ, повидимому, призналъ ихъ правильными, такъ какъ разрѣшилъ морскому министру просить у Государственной Думы деньги лишь въ томъ размѣрѣ, какой былъ установленъ совѣщаніемъ. Въ самомъ концѣ минувшей сессіи, когда очень многіе депутаты уже уѣхали изъ Петербурга, Государственная Дума разрѣшила отпускъ этихъ денегъ въ порядкѣ сверхсмѣтныхъ ассигнованій. Казалось бы, довольно, но морское министерство, повидимому, уже не можетъ остановиться и въ самое послѣднее время, внеся въ Государственную Думу свою новую смѣту на будущій 1911 годъ, оно заявило, что суммы, полученныя имъ въ теченіи 1908 и 1909 годовъ на постройку четырехъ броненосцевъ, «вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ денежнаго характера» истрачены заводами «не по прямому ихъ назначенію, а обращались также и на покрытіе другихъ, не терпящихъ отлагательства нуждъ». Въ думскихъ кругахъ ожидаютъ, что такихъ растратъ въ концѣ концовъ будетъ прибавлено на тридцать приблизительно милліоновъ рублей, и что Государственная Дума дастъ и эти деньги подъ тѣмъ же самымъ оправдательнымъ предлогомъ: если не дать денегъ, то заводы не будутъ въ состояніи строить броненосцы.

Такъ ли это? И не похожа ли вся эта исторія на злостную продѣлку очень искусныхъ гипнотизеровъ? Вѣдь ясно, что для всей совокупности только что приведенныхъ фактовъ двухъ разныхъ толкованій быть не можетъ. На какой высотѣ техническихъ знаній стояли наши морскіе заводы въ недавнее еще время, это показала война, а теперь съ полною ясностью показывается, что и хозяйственно-административная ихъ часть была поставлена еще хуже. Какая дѣйствительно бездна недобросовѣстности однихъ и халатности другихъ должна была царить во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ морского вѣдомства (не исключая, конечно, и центральныхъ его учрежденій, руководящихъ заводами), для того, чтобы долги и недочеты въ тридцать—сорокъ милліоновъ рублей могли оставаться, яко бы, неизвѣст-

ными. А утверждаютъ еще, что истинная сумма этихъ недочетовъ превосходитъ шестьдесятъ милліоновъ. Нынѣшнее морское министерство старается сохранить свое лицо въ данномъ случаѣ тѣмъ, что придаетъ всей этой скверной исторіи значеніе чего-то давнопрошедшаго. Теперь, дескать, и люди не тѣ и нравы другіе. Такъ ли это? Вѣдь расходованіе суммъ, отпущенныхъ на возсозданіе флота «не по прямому ихъ назначенію», а на покрытіе недочетовъ, произведено не прежде, а именно теперь—въ 1908—1910 годахъ. Люди новые, честные и твердые, не должны бы были ни сами этого дѣлать, ни другимъ это позволять. Они должны были открыто заявить объ этомъ и передъ Государственной Думой и передъ Верховнымъ своимъ вождемъ. Они же этого не сдѣлали, не собирались сдѣлать и принуждены были, какъ укрыватели, сознаться только тогда, когда всѣ прорѣхи, вѣдомства были обнаружены, такъ сказать, со стороны. Кромѣ того, если даже допустить, что въ составѣ нынѣшняго морского министерства найдется нѣсколько человѣкъ, *рѣшительно ни чѣмъ не связанныхъ ни съ прежними порядками, ни съ прежними дѣятелями*, то вѣдь про громадное большинство лицъ сказать этого совсѣмъ нельзя. Много ли ушло въ отставку изъ прежнихъ и, такъ сказать, отмѣченныхъ дѣльцовъ? Большинство же ихъ осталось и только перемѣстилось по службѣ. Помощники стали начальниками, а начальники пропли въ центральныя мѣста и теперь руководятъ и контролируютъ тамъ, гдѣ прежде... плохо и дорого работали сами. И вотъ, насколько плохо велось дѣло нашего казеннаго судостроенія прежде,—показываетъ Цусима и многомилліонные недочеты, а насколько плохо ведутъ его теперь, — совершенно ясно видно изъ тѣхъ только что приведенныхъ причинъ, по которымъ междувѣдомственное совѣщаніе сократило смѣтное оборудованіе на расширеніе заводовъ. Вѣдь люди-то, которые строятъ нынѣшніе четыре броненосца, которые будутъ строить весь флотъ и которые составляли эти скандальныя смѣты, однѣ и тѣ же. Какова опытность этихъ людей въ своемъ дѣлѣ, если въ мартѣ 1908 года они были увѣрены, что съ затратою 2.800.000 рублей на оборудованіе заводовъ они построятъ четыре броненосца въ $3^3/_4$ года, а въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года они сообразили, что постройка займетъ времени 5 лѣтъ и что ихъ заводы не будутъ въ состояніи совсѣмъ выполнить своей задачи, если на нихъ не затратить 52 милліона рублей? И въ добавокъ къ этому своему техническо-хозяйственному невѣжеству и верхоглядству они не постѣснялись запросить еще лишнихъ неправильно и недобросовѣстно обоснованныхъ $8^1/_2$ милліоновъ рублей.

Врядъ ли послѣ всего сказаннаго можно еще сомнѣваться въ томъ, что Государственная Дума должна была не согласиться, а противиться выдачѣ этихъ денегъ съ тою же настойчивостью, съ какою противится она до сихъ поръ ассигнованіямъ на постройку броненосцевъ. Дума этого не сдѣлала, и получилось нѣчто дѣйствительно противоестественное—одна и та же причина родила два разныхъ слѣдствія.

Вторая, входящая въ основу думскаго рѣшенія, посылка заключается въ утвержденіи, что всѣ рѣшительно броненосцы нашего будущаго флота должны быть построены на нашихъ казенныхъ верфяхъ и заводахъ. Въ такомъ именно смыслѣ всегда категорически утверждали всѣ представители морского вѣдомства, въ такомъ же смыслѣ составилъ въ февралѣ текущаго 1910 года свой докладъ товарищъ морского министра, адмиралъ Григоровичъ, и Государственная Дума не только никогда не оспаривала этой точки зрѣнія, но какъ будто бы не подозрѣвала даже о возможности такого оспариванія. Между тѣмъ, если бы вопросъ былъ поставленъ нѣсколько иначе, то и эффектъ могъ получиться совсѣмъ другой. Поставте, напримѣръ, вопросъ такъ: не представляется ли желательнымъ привлечь къ дѣлу созданія нашего громаднаго броненоснаго флота и частную промышленность въ возможно широкомъ размѣрѣ? — громадное большинство членовъ Думы отвѣтило бы: «даже очень желательно». И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь объ этомъ именно такъ много писалось въ нашей прессѣ, такъ много говорилось на съѣздахъ и въ разныхъ совѣтахъ, объ этомъ мечтаетъ каждый мало-мальски пригодный къ дѣлу русскій заводъ, для этой цѣли создавались и гибли, не дождавшись заказовъ, цѣлыя предпріятія и т. д. Все это естественно заставляетъ сильно сомнѣваться въ цѣлесообразности и должной обдуманности думскаго рѣшенія, и есть люди, которые съ цифрами въ рукахъ утверждаютъ, что если бы тѣмн 52 милліонами, которые Государственная Дума такъ идоложертвенно бросила въ ненасытное чрево ея казенно-заводскаго Молоха, распорядиться съ умомъ, то у насъ была бы создана своя частная судостроительная промышленность и нашъ военный флотъ пересталъ бы быть продуктомъ случайныхъ и малоосмысленныхъ увлеченій, а сдѣлался бы ясно сознанною потребностію страны.

Настоящая статья главнѣйшею своею цѣлью и имѣетъ доказать, что *если мы рѣшимъ безповоротно возсоздать нашъ линейный флотъ при помощи исключительно казенныхъ верфей и заводовъ, то никогда имѣть его не будемъ.*

Если мы обратимся къ практикѣ великихъ морскихъ державъ, флоты

которыхъ являются внушительнымъ грузомъ на вѣсахъ международныхъ отношеній, то увидимъ слѣдующее: во Франціи изъ 47 броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ 31 построенъ на казенныхъ верфяхъ и 16—на частныхъ; въ Англіи изъ 98 такихъ же судовъ 49 построено на казенныхъ верфяхъ и 49 же—на частныхъ; въ Германіи на казенныхъ верфяхъ построено только 13 судовъ, а на частныхъ—29 и, наконецъ, въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ броненосцы и броненосные крейсера построены на частныхъ заводахъ, за исключеніемъ двухъ—трехъ судовъ. Что же касается остальныхъ морскихъ державъ, то Италія держится какъ и Франція своихъ казенныхъ заводовъ, а Японія сначала прибѣгала къ заграничнымъ заказамъ, а теперь строитъ у себя, на верфяхъ, созданныхъ и организованныхъ англійскими частными судостроительными фирмами.

Изъ всѣхъ поименованныхъ государствъ Франція, какъ видимъ, наиболѣе другихъ пользовалась услугами своихъ казенныхъ заводовъ и ни для кого теперь, послѣ обнаруженныхъ тамъ скандаловъ, не является тайною, что флотъ ея въ хозяйственно-техническомъ отношеніи находится въ положеніи весьма недалекомъ отъ печальнаго. Достаточно, напримѣръ, указать, что тамъ, точно также какъ и у насъ, къ постройкѣ современнаго типа судовъ (дредноутовъ) приступили только въ концѣ прошлаго года, а до сихъ поръ, опять-таки какъ у насъ, казенные инженеры никакъ не могли выработать чертежей этихъ броненосцевъ. Всѣ рѣшительно морскія державы, даже второстепенныя, понастроили, или, по крайней мѣрѣ, заложили себѣ цѣлыя новыя эскадры, а мы и французы въ это время только чертежную бумагу портили. Въ результатѣ за послѣднія 8 лѣтъ, французскій флотъ со второго мѣста въ мірѣ спустился на пятое. Этотъ, страшно обидный для національнаго самолюбія, фактъ обратилъ на себя уже серьезное вниманіе патріотически настроенныхъ людей и вызвалъ пространное и всестороннее обсужденіе въ печати. Много горькихъ истинъ пришлось при этомъ выслушать французскому морскому министерству, вообще, но въ главнѣйшую ему вину было поставлено бюрократическое пристрастіе его къ производству всѣхъ судостроительныхъ работъ своими казенными, далеко несовершенными средствами при наличіи далеко не безукоризненныхъ, но всегда свойственныхъ казенному хозяйствованію, порядковъ. Въ настоящее время этотъ взглядъ получилъ, повидимому, право гражданства и въ высшихъ морскихъ сферахъ во Франціи, такъ какъ изъ 10 послѣднихъ кораблей только 2 строились на казенныхъ верфяхъ, а остальные 8 отданы частнымъ заводамъ.

Такимъ образомъ, прежніе порядки во французскомъ судостроительствѣ являются примѣромъ, совершенно недостойнымъ подражанія. Если же мы возьмемъ во вниманіе послѣдніе, приведенные выше, шаги французскаго морского министерства, то безусловно должны признать, что всѣ рѣшительно большія морскія державы отдаютъ, въ дѣлѣ созданія своихъ флотовъ, полное предпочтеніе частному военному судостроенію передъ казеннымъ, и, такимъ образомъ, *наше морское министерство, въ дѣлѣ возсозданія нашего флота, хочетъ поступить какъ разъ вопреки указанію всемірнаго опыта.*

На это могутъ сказать, что Англія, страна наиболѣе морская изъ всѣхъ остальныхъ, подтверждаетъ это правило не достаточно рельефно, такъ какъ число броненосцевъ, построенныхъ тамъ на частныхъ заводахъ, одинаково съ числомъ ихъ, построенныхъ въ казенныхъ адмиралтействахъ. Но дѣло въ томъ, что Англія до сихъ поръ строила такъ много судовъ, что у нея всѣ верфи, и казенныя и частныя, всегда были заполнены работою. Поэтому равномѣрное распредѣленіе заказовъ по казеннымъ и частнымъ верфямъ явилось результатомъ не какой-либо предвзятой политики, а просто какъ случайность, обусловленная наличіемъ тѣхъ или другихъ свободныхъ эллинговъ въ каждый данный моментъ. Если же мы посмотримъ на заказы не однихъ только броненосцевъ, а всѣхъ вообще судовъ англійскаго военнаго флота, какъ то представлено въ таблицѣ № 1, то картина получается совер-

ТАБЛИЦА № 1.

Годы.	Число судовъ, построенныхъ:	
	на казенныхъ верфяхъ.	на частныхъ верфяхъ.
1897	6	13
1898	8	22
1899	6	12
1900	4	17
1901	8	24
1902	13	62
1903	7	41
1904	14	76

шенно опредѣленная и вполнѣ подтверждающая общее правило: числа таблицы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, какую громадную роль играютъ частныя верфи въ дѣлѣ созданія англійскаго военнаго флота.

Совершенно такой же выводъ получается, если мы вмѣсто простого числа судовъ возьмемъ, какъ то представлено въ таблицѣ № 2, ихъ общую величину, т.-е. водоизмѣщеніе въ тоннахъ. Числа этой таблицы совершенно опредѣленно показываютъ, что за разсматриваемыя 8 лѣтъ

ТАБЛИЦА № 2.

Годы.	Водоизмѣщеніе судовъ, построенныхъ:	
	на казенныхъ верфяхъ.	на частныхъ верфяхъ.
1897	64.000	42.000
1898	72.000	70.000
1899	67.000	58.000
1900	62.000	30.000
1901	65.000	144.000
1902	74.000	214.000
1903	47.000	195.000
1904	88.000	270.000

производительность казенныхъ верфей осталась почти неизмѣнною, между тѣмъ какъ производительность верфей частныхъ увеличилась, по крайней мѣрѣ, въ 6 разъ и болѣе чѣмъ въ 3 раза превзошла производительность казенныхъ верфей, а слѣдовательно во столько же разъ увеличилось и значеніе ихъ въ дѣлѣ созданія морской силы своей страны.

Кромѣ постройки корпусовъ судовъ, въ дѣлѣ созданія флотовъ имѣетъ еще громадное значеніе и изготовленіе судовыхъ двигателей, машинъ и турбинъ. Въ настоящее время, когда скорость хода броненосцевъ доводится до 30, а миноносцевъ до 40 узловъ, этотъ факторъ пріобрѣтаетъ доминирующее значеніе. Въ этомъ отношеніи практика англійскаго адмиралтейства, какъ то видно изъ чиселъ таблицы № 3,

ТАБЛИЦА № 3.

Годы.	Число индикаторныхъ силъ машинъ, построенныхъ:	
	на казенныхъ заводахъ.	на частныхъ заводахъ.
1897	65.000	140.000
1898	80.000	170.000
1899	79.000	110.000
1900	110.000	126.000
1901	114.000	275.000
1902	146.000	510.000
1903	92.000	467.000
1904	145.000	550.000

даетъ цифры очень поучительныя и совершенно категорически говорящія въ пользу того предпочтенія, какое отдается въ Англіи созданію военнаго флота руками частной промышленности.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что во всѣхъ рѣшительно настоящихъ морскихъ странахъ военные флоты создаются главнымъ образомъ не казенными, а частными верфями.

Теперь мы постараемся выяснить причины этого явленія и для этого воспользуемся данными, въ изобиліи приведенными въ замѣчательномъ трудѣ г.г. Н. И. Дмитріева и В. В. Колпычева «Судостроительные заводы», появившемся въ 1909 году. Въ настоящее время книгу эту почти невозможно достать, и судьба ея не лишена интереса. Заключаетъ въ себѣ эта книга описаніе почти что всѣхъ существовавшихъ въ 1904—1906 годахъ судостроительныхъ верфей, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ, и въ отношеніи первыхъ въ ней приведены данныя, которыя нашему морскому министерству понравиться не могли. Кромѣ того, изъ данныхъ объ иностранныхъ, именно англійскихъ, заводахъ видно, что наше морское министерство не особенно осмотрительно и основательно поступило и въ выборѣ себѣ иностраннаго консультанта для совѣтовъ при постройкѣ нашихъ четырехъ дредноутовъ, заложенныхъ въ іюнѣ 1909 года на Адмиралтейскомъ и Балтійскомъ казенныхъ заводахъ. Въ виду такихъ нежелательныхъ для министерства свойствъ этой книги, оно скупило все изданіе за довольно высокую цѣну, что-то около 14 тысячъ рублей,

и заперло его въ какой-то особенно недоступный шкафъ морского техническаго комитета. Можетъ быть, когда-нибудь министерство станетъ выдавать эти книги за отличные успѣхи и поведеніе ученикамъ своихъ школъ, но къ тому времени онѣ уже не будутъ годны за устарѣлостью данныхъ. Такая книга должна бы была получить самое широкое распространеніе теперь, пока ея данныя свѣжи и прежде всего ее слѣдовало бы раздать всѣмъ членамъ Г. Думы и Г. Совѣта.

Но вернемся къ нашему предмету и прежде всего обратимся къ Германіи, для которой всѣ необходимыя намъ данныя разработаны наиболѣе подробно.

Въ Германіи имѣется три казенныхъ судостроительныхъ адмиралтейства, изъ которыхъ постройкою большихъ броненосныхъ судовъ занимаются только два: Вильгельмсгафенское и Кильское. По своему оборудованію различными средствами и по количеству затраченныхъ на нихъ денегъ эти казенныя верфи значительно превосходятъ частные судостроительные заводы, но результаты этихъ затратъ, въ смыслѣ скорости и дешевизны постройки судовъ, совершенно имъ не соотвѣтствуютъ. До производства большихъ денежныхъ затратъ строили броненосцы въ 45 мѣсяцевъ, а послѣ этихъ затратъ стали строить въ 44—43 мѣсяца. Это въ Вильгельмсгафенѣ, а въ Килѣ на постройку броненосныхъ крейсеровъ употребляютъ въ среднемъ по 44 мѣсяца, тогда какъ на частной верфи, напримѣръ, въ Шихау, оборудованной гораздо слабѣе Киля, постройка большого линейнаго броненосца беретъ только 40 мѣсяцевъ. Частная же верфь «Германія» тутъ же въ Килѣ, рядомъ съ казеннымъ адмиралтействомъ, построила броненосцы «Hessen» въ 38, а «Deutschland» такъ даже въ 25 мѣсяцевъ. — Существуютъ цифры, которыя наилучшимъ образомъ характеризуютъ продуктивность и успѣшность судостроительныхъ работъ: это число тоннъ стали, употребленной на постройку, приходящееся на каждаго рабочаго въ годъ. На казенной верфи въ Килѣ эта цифра равняется 1,7 тонна, въ Вильгельмсгафенѣ — 1,8 тонна и, наконецъ, на казенной же верфи въ Данцигѣ, гдѣ строятся исключительно мелкія суда, имѣемъ 1,9 тонна. Цифры, какъ видимъ, почти одинаковыя и поэтому выражающія какъ бы нѣкототую норму, законъ. Но если мы возмемъ тѣ-же самыя цифры для верфей частныхъ, то картина получится до неожиданности другая. Оказывается, что на верфяхъ «Шихау» въ Эльбингѣ и Данцигѣ каждый рабочій ставитъ на мѣсто 5,5 тоннъ стали въ годъ, «Говальдъ» въ Килѣ — 6,5 тоннъ, «Бломъ и Фоссъ» въ Гамбургѣ — 7,4 тонна, «Вулканъ» въ Штетинѣ —

8,2 тонна, «Рейерстигъ» въ Гамбургѣ — 10,3 тонна, «Бремеръ Вулканъ» въ Вегезакѣ — 11,0 тоннъ, «Нептунъ» въ Ростокѣ — 13,5 тоннъ и, наконецъ, «Фленсбургское общество» въ Фленсбургѣ — 17,1 тонна. Отсюда мы совершенно опредѣленно видимъ, что работа, совершаемая однимъ рабочимъ на частныхъ верфяхъ вообще, до 10 разъ превосходитъ такую же работу на казенныхъ верфяхъ, а при постройкѣ спеціально большихъ броненосцевъ этотъ выигрышъ для частныхъ верфей все-таки достигаетъ 4,1, если взять среднее число тоннъ 7,3 тонна (среднее для частныхъ верфей, строящихъ броненосцы) и сравнить съ среднею же цифрою 1,8 для казенныхъ адмиралтействъ. Уже одно это обстоятельство совершенно наглядно выясняетъ, почему работа казенныхъ верфей такъ малоуспѣшна и дорога по сравненію съ верфями частными. Но вѣдь необходимо имѣть въ виду, что это явленіе существуетъ въ Германіи, въ классической странѣ добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ всѣхъ людей, независимо отъ того, что ихъ прикрываетъ, — форменный мундиръ, или штатскій пиджакъ. Значитъ, въ казенномъ заводскомъ хозяйствѣ есть нѣчто роковое, что дѣлаетъ его малоуспѣшнымъ даже при самыхъ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ. Ясно, что въ другихъ странахъ это явленіе должно выражаться еще сильнѣе, и оно, какъ это мы увидимъ ниже, дѣйствительно такъ и есть.

Но вернемся еще къ Германіи. Кромѣ только что приведеннаго, имѣются еще и другіе признаки дурного хозяйствованія казенныхъ верфей по сравненію съ частными. Возьмемъ, напримѣръ, какъ нѣкоторое мѣрило, число рабочихъ, приходящихся въ среднемъ на каждый станокъ (машина для обработки, строгальная, сверлильная и т. п.). Ясно, что чѣмъ эта цифра меньше, тѣмъ выгоднѣе работа. И вотъ на казенныхъ верфяхъ эта цифра колеблется отъ 5,8 (Вильгельмсгафенъ) до 7,9 (Киль), а на частныхъ верфяхъ, строящихъ крупныя военныя суда она равна: 3,2 у «Везера» въ Бременѣ, 3,3 у «Германіи» въ Килѣ, 5,5 у «Вулкана» въ Штетинѣ и 5,8 у «Шихау» въ Эльбингѣ и Данцигѣ. Итакъ, на казенныхъ верфяхъ каждый станокъ требуетъ приблизительно вдвое больше людей, а каждый человѣкъ дѣлаетъ въ 5 разъ меньше — картина ясная и не требующая никакихъ коментарій. Можно, конечно, предположить, что на казенныхъ заводахъ такое безобразіе творится потому, что тамъ недостаточенъ надзоръ за рабочими, — такое объясненіе единственно логически возможное. Но, къ сожалѣнію, для него въ дѣйствительности нѣтъ мѣста. Если подсчитать число лицъ техническаго и коммерческаго над-

зора и сравнить его съ числомъ рабочихъ, то оказывается, что на казенныхъ верфяхъ на каждаго надзирающаго и распоряжающагося приходится отъ 7 (Вильгельмсгафенъ) до 13 (Данцигъ) рабочихъ, а на частныхъ верфяхъ, строящихъ военные суда, у «Везера» и «Германіи» по 8 человѣкъ, а у «Бломъ и Фосса», «Вулканъ» и «Шихау» по 15 человѣкъ. Преимущество, какъ видимъ, опять не на сторонѣ казеннаго хозяйства, но не трудно получить еще болѣе наглядныя цифры, если сосчитать на разныхъ заводахъ число сторожей и отнести ихъ къ числу настоящихъ рабочихъ. Оказывается, что въ казенныхъ верфяхъ на каждаго сторожа приходится отъ 6 до 10 настоящихъ рабочихъ, а на частныхъ верфяхъ: у «Шихау» — 34 человѣка, у «Германіи» — 39, у «Бломъ и Фосса» — 48, у «Везера» — 66 и, наконецъ, у «Вулкана» — 107 человѣкъ. Такимъ образомъ число сторожей на казенныхъ верфяхъ оказывается отъ 6 до 10 слишкомъ разъ больше, чѣмъ на верфяхъ частныхъ, и они не только не способствуютъ надзору за продуктивностью работъ, но яснымъ образомъ способствуютъ увеличенію накладного расхода на рабочую силу. Правда, въ числѣ этихъ излишнихъ сторожей на казенныхъ заводахъ несомнѣнно находятся люди, употребляемые не только на посылки и надзоръ, но даже и для совершенно незаводскихъ надобностей на частныхъ квартирахъ начальствующаго персонала, но вѣдь и это является только лишнимъ зломъ въ числѣ другихъ золъ, спеціально присущихъ казенной организаціи заводовъ.

И вотъ, если теперь, ознакомившись со всѣми этими данными, мы поставимъ вопросъ: желательно ли, чтобы наши казенные верфи и заводы такъ же вели свое хозяйство, какъ ведутъ его германскія казенныя верфи?—то врядъ ли можно сомнѣваться въ весьма быстромъ и категорическомъ отвѣтѣ—«нѣтъ». Ну, а если поставить еще вопросъ: кто поручится, что у насъ въ данномъ техническомъ дѣлѣ возможно установить порядки на много совершеннѣе нѣмецкихъ?—Отвѣтъ ясенъ: такихъ поручителей не найдется. Вѣдь недаромъ же все-таки Германія—страна классической добросовѣстности, а наша дѣйствительность не даетъ намъ абсолютно никакого права разсчитывать на такую же добросовѣстность и у насъ.

Сами нѣмцы, говорю это на основаніи личныхъ наблюденій и разговоровъ, причину слабой дѣятельности своихъ казенныхъ заводовъ видятъ въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ абсолютной невозможности установить на казенныхъ заводахъ тотъ подборъ,—или, вѣрнѣе, отборъ,—служащихъ, какой существуетъ на частныхъ заводахъ,

и, во-вторыхъ, въ совершенно неустранимой на казенныхъ заводахъ погонѣ за показною стороною дѣла, обусловленной вкусами, даже прихотями, случайныхъ высшихъ начальниковъ, не имѣющими ничего общаго съ дѣйствительными потребностями прямого дѣла. На частной службѣ вполнѣ возможно удалить служащаго, каково бы ни было его положеніе на заводѣ, что называется, въ 24 часа, за простое равнодушіе къ дѣлу, не говоря уже о халатности, а на казенныхъ заводахъ необходимо для этого ждать преступленій, непремѣнно предусмотрѣнныхъ какою-либо вполнѣ опредѣленною статьей Свода Законовъ. Прибавьте къ этому полную невозможность контроля, за полнымъ отсутствіемъ въ казенномъ хозяйствѣ, хотя бы чего-либо аналогичнаго «предпринимательской прибыли»,—и вы тогда совершенно ясно и безповоротно поймете абсолютную невозможность хотя сколько-нибудь сноснаго казеннаго хозяйства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ приговоръ для многихъ другихъ странъ имѣетъ большее значеніе и поучительность, чѣмъ для самихъ нѣмцевъ.

Теперь мы обратимся къ французамъ, какъ къ антиподамъ нѣмцамъ во многихъ отношеніяхъ, обусловливаемыхъ различіемъ въ характерахъ обѣихъ націй.

Во Франціи имѣется пять казенныхъ адмиралтействъ: въ Тулонѣ, въ Брестѣ, въ Рошфорѣ, въ Шербургѣ и въ Лоріанѣ. Самое большое адмиралтейство Брестское, и въ немъ первый броненосецъ, «Neptune», строился 10 лѣтъ, и хотя затѣмъ былъ одинъ случай постройки въ 39 мѣсяцевъ, но средняя продолжительность, выведенная для 12 построенныхъ броненосцевъ, получается въ 54 мѣсяца, т. е. ровно $4^1/_2$ года. Тулонское адмиралтейство первый свой большой броненосецъ, «Magenta», построило въ 113 мѣсяцевъ, затѣмъ были постройки въ 80 и даже 60 мѣсяцевъ, но затѣмъ уже, очень недавно, «Jeanne D'Arc», въ 1903 году снова потребовалъ 78 мѣсяцевъ. Кромѣ того это судно сейчасъ же по готовности потребовало капитальныхъ передѣлокъ. Въ среднемъ за послѣднія 20 лѣтъ тулонское адмиралтейство требовало для каждаго судна по 76 мѣсяцевъ ($6^1/_2$ лѣтъ). Остальныя адмиралтейства совершенно сходны съ предыдущими. Въ Лоріанѣ, напримѣръ, продолжительность постройки колеблется отъ 102 до 42 мѣсяцевъ, и средняя цифра равна 64 мѣсяцамъ. Въ Шербургѣ же и Рошфорѣ даже легкіе крейсера въ 4.000 и даже 2.350 тоннъ строились по 55—52 мѣсяца. Какъ видимъ, цифры французскихъ казенныхъ верфей еще печальнѣе казенныхъ же нѣмецкихъ, но, чтобы получить сравненіе въ одинаковыхъ мѣрахъ, какъ для казенныхъ, такъ и для частныхъ

заводовъ, возьмемъ, какъ то было сдѣлано для нѣмецкихъ верфей, количество стали, приходящееся на одного рабочаго. Получаемъ: казенныя французскія адмиралтейства, въ Тулонѣ—0,8 тонна, въ Рошфорѣ—1,0 тонна, въ Шербургѣ—1,1 тонна, въ Брестѣ—1,4 тонна и въ Лоріанѣ—3,1 тонна. Въ среднемъ это даетъ 1,38 тонна стали на каждаго рабочаго. Если мы теперь возьмемъ французскія же частныя верфи, занимающіяся постройкою крупныхъ военныхъ судовъ и работающихъ на свое правительство, то имѣемъ слѣдующія цифры: Forges et chantiers de la Méditerranée—2,6 тонна, Chantiers de la Compagnie Transatlantique—5,4 тонна и Chantiers de la Gironde—3,03 тонна. Эти цифры, какъ видимъ, не особенно сильно отличаются отъ чиселъ казенныхъ заводовъ, и во всякомъ случаѣ эта разница много меньше, чѣмъ разница между нѣмецкими казенными и частными верфями. Обстоятельство это вполнѣ объясняется склонностью французовъ къ формализму и бюрократизму вообще, въ силу чего они и въ своихъ частныхъ предпріятіяхъ заводятъ порядки, недалекіе отъ казенныхъ. Въ окончательномъ же выводѣ нельзя не признать, что французскія казенныя верфи самымъ блестящимъ образомъ отнимаютъ всякій raison d'être отъ казеннаго хозяйствованія и ставятъ надъ нимъ прочный крестъ. Для насъ, тоже тяготѣющихъ къ формализму и бюрократизму, въ дурныхъ значеніяхъ этихъ словъ, отрицательный примѣръ французовъ долженъ имѣть особенно рѣшительное значеніе.

Итальянское морское министерство, подобно французскому, тоже предпочитало строить свои броненосцы на казенныхъ заводахъ и точно такъ же теперь уже начинаетъ разочаровываться въ цѣлесообразности этой политики. Здѣсь вопросъ этотъ стоитъ даже хуже, чѣмъ во Франціи, потому что французское министерство вообще не заботилось о надлежащемъ оборудованіи своихъ заводовъ (совершенно то же, что было и у насъ), а итальянское, наоборотъ, затратило на оборудованіе своихъ казенныхъ верфей громадныя деньги. Несмотря на это, результатъ у итальянцевъ получился почти такой же, какъ и у французовъ. Правда, здѣсь была только одна постройка продолжительностью въ 10 лѣтъ, но въ среднемъ время построекъ очень велико. Такъ, напримѣръ: адмиралтейство въ Венеціи строило «Andrea Doria» 69 мѣсяцевъ, «Regina Margherita»—66 мѣсяцевъ и «Roma»—62 мѣсяца; адмиралтейство въ Кастелламарэ дало продолжительность постройки отъ 50 до 90 мѣсяцевъ и среднее изъ девяти построекъ 72 мѣсяца, и, наконецъ, въ Венеціанскомъ адмиралтействѣ «Sicilia» строилось 125 мѣсяцевъ, «Ammiraglio St.-Bon»—78 мѣсяцевъ, «Froncesco Fer-

rucio»—60 мѣсяцевъ и «Son Marco»—62 мѣсяца, въ среднемъ по 81 мѣсяцу на судно. Остальныя два казенныхъ адмиралтейства, въ Торонто и Неаполѣ, большихъ браненосцевъ не строили, но и въ постройкѣ малыхъ крейсеровъ сумѣли проявить большую медленность: крейсеръ «Vesuvio» въ 3.900 тоннъ строился 71 мѣсяцъ, крейсеръ «Puglia» въ 2.540 тоннъ—40 мѣсяцевъ, а постройка миноносцевъ даже совсѣмъ была оставлена вслѣдствіе высокой стоимости и большого срока постройки.

Если мы теперь возьмемъ, для сравненія съ другими странами, количество стали, поставленной на мѣсто, приходящейся на одного рабочаго, то получаемъ для казенныхъ итальянскихъ адмиралтействъ цифры отъ 0,4 (Неапольское) до 3,4 (Кастелламарэ) и въ среднемъ 1,4 тонна. Въ то же самое время частныя итальянскія верфи даютъ отъ 2,2 (Ansaldo-Armstrong) до 11,4 (Sosieta Esercizio Bacini), а въ среднемъ 4,9 тонна на человѣка. Эти цифры позволяютъ намъ заключить, что казенныя итальянскія верфи по продуктивности работы совершенно схожи съ французскими казенными же верфями, а частныя итальянскія верфи работаютъ быстрѣе французскихъ. Послѣднее объясняется отчасти болѣе благопріятными для Италіи климатическими условіями, а отчасти аккуратностью французской работы, которая и вызываетъ еще большую медленность ея.

Обращаясь теперь къ Англіи, необходимо прежде всего отмѣтить нѣкоторыя особенности, присущія ея судостроительному дѣлу: во-первыхъ, въ Англіи оно развито количественно такъ, какъ нигдѣ въ мірѣ; во-вторыхъ, оно существуетъ не годы и даже десятилѣтія, а многія столѣтія, и, въ-третьихъ, каждый англичанинъ не только сознаетъ необходимость флота, но такъ или иначе даже заинтересованъ въ его развитіи, а поэтому каждый англичанинъ неуклонно способствуетъ его созданію. Въ силу первыхъ двухъ причинъ необходимо ожидать существованія судостроительныхъ предпріятій различной работоспособности въ зависимости отъ ихъ болѣе или менѣе совершеннаго оборудованія, а въ силу третьей причины надо предположить, что качества казенныхъ заводовъ немного отличаются отъ качествъ частныхъ предпріятій. Представленный ниже цѣлый рядъ примѣровъ скорости постройки броненосцевъ на верфяхъ различнаго типа вполнѣ подтверждаетъ это. Чтобы не пестрить изложеніе слишкомъ большимъ числомъ цифръ, мы приведемъ данныя только за послѣднія пятнадцать лѣтъ, т. е. съ 1895 года. Начнемъ нашъ обзоръ съ частныхъ заводовъ.

1. Заводы Cammel, Laird and Co. принадлежатъ къ заводамъ стараго типа съ неудобнымъ расположеніемъ зданій. На его верфяхъ были построены слѣдующіе броненосцы:

Royal Oak.,	время готовности	1895 годъ,	продолж. постройки 55 мѣс.
Mars	» »	1897 »	» » 38 »
Glory	» »	1901 »	» » 49 »
Exmouth	» »	1903 »	» » 45 »

Какъ видимъ, прогрессъ въ скорости постройки совсѣмъ незамѣтный. Въ 1904 году этотъ заводъ значительно улучшилъ свое оборудованіе, но заказовъ на броненосцы не получилъ.

2. Заводы Palmer въ Jarrow on Tyne. Тоже старый заводъ, но за послѣднія 10 лѣтъ на немъ произведены весьма обширныя перестройки и полное переоборудованіе, что и отразилось на его работоспособности, какъ то видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Revenge	время готовности	1895 годъ,	продолжит. постройки 75 мѣс.
Russel	» »	1903 »	» » 37 »
Agamemnon	»	1907 »	» 25 »

Въ настоящее время этотъ заводъ строитъ «Hercules», броненосецъ въ 20.250 тоннъ и обязался изготовить его въ 23 мѣсяца.

3. Заводы John Brown and Co въ Clydebank представляютъ собою переходную форму отъ старыхъ заводовъ къ новымъ, обратившимъ вниманіе на необходимость надлежащаго оборудованія только въ самое послѣднее время подъ давленіемъ конкуренціи болѣе совершенныхъ заводовъ. На немъ построены слѣдующіе броненосцы:

Romillies,	время готовности	1895 годъ,	продолжит. постройки 50 мѣс.
Jupiter	» »	1898 »	» » 33 »
Europa	» »	1899 »	» » 35 »
Ariadne	» »	1900 »	» » 39 »
Asahi	» »	1901 »	» » 41 »
Sutlej	» »	1902 »	» » 34 »
King Alfred	» »	1903 »	» » 41 »
Bauchante	» »	1903 »	» » 30 »
Antrim	» »	1904 »	» » 34 »
Hindustan	» »	1905 »	» » 38 »
Inflexible	» »	1908 »	» » 33 »

Какъ видимъ, въ скорости постройки онъ уступаетъ предыдущему и ведетъ работу не ровно. Въ настоящее время этому заводу дана постройка броненосца А для Новой Зеландіи. Водоизмѣщеніе его 18.800 тоннъ и контрактный срокъ постройки 25 мѣсяцевъ.

4. Заводы Fairfield въ Govan-Glasgow—старинный заводъ, но который почти всегда отличался наилучшимъ оборудованіемъ. На немъ построены слѣдующіе броненосцы:

Diadem,	время готовности	1899	годъ, продолжит. постройки	42 мѣс.
Argonaut	»	1900	» »	42 »
Cressy	»	1901	» »	38 »
Aboucir	»	1902	» »	38 »
Good Hope	»	1902	» »	34 »
Bedford	»	1903	» »	36 »
Donegal	»	1903	» »	30 »
Commonwealth	»	1905	» »	30 »
Indomidable	»	1905	» »	27 »
Cochrane	»	1906	» »	24 »

Въ настоящее время на этомъ заводѣ строится броненосецъ В для Новой Зеландіи, водоизмѣщеніемъ въ 18.800 тоннъ и срокъ постройки назначенъ 25 мѣсяцевъ.

Здѣсь прогрессъ въ скорости постройки выраженъ такъ ясно, какъ ни на одномъ изъ ранѣе приведенныхъ заводовъ, ни въ Англіи, ни въ другихъ странахъ.

5. Заводы W. Beardmore and Co., Dalmuir on Clyde. Новѣйшій заводъ, построенный съ принятіемъ въ расчетъ всѣхъ послѣднихъ усовершенствованій судостроительной техники. Работаетъ недавно и поэтому не успѣлъ еще развернуть какъ слѣдуетъ свою дѣятельность. На немъ построены:

Carnarvon,	время готовности	1905	годъ, продолжит. постройки	30 мѣс.
Lord Nelson	»	1907	» »	34 »

Теперь онъ строитъ броненосецъ Monarch въ 22.680 тоннъ водоизмѣщенія и время постройки обусловлено въ 23 мѣсяца.

Теперь намъ остается разсмотрѣть еще двѣ верфи, послѣднія, которыя въ дѣлѣ судостроенія пока не имѣютъ еще себѣ соперницъ.

6. Заводы W. G. Armstrong and Co. въ Elswick. Здѣсь за послѣднія 15 лѣтъ построены слѣдующіе броненосцы:

Jaschima,	время готовности	1898	годъ, продолжит. постройки	52 мѣс.
Asama	»	1900	» »	49 »
Tokiwa	»	1900	» »	47 »
Idsumo	»	1900	» »	39 »
Iwate	»	1901	» »	35 »
Hampshire	»	1903	» »	33 »
Lancaster	»	1904	» »	28 »

Swiftsure, время готовности 1904 годъ, продолжит. постройки 21 мѣс.
Achilles » » 1906 » » » 25 »
Kashima » » 1907 » » » 26 »
Invincible » » 1909 » » » 23 »
Superb » » 1909 » » » 28 »

Въ настоящее время строитъ Conqueror, броненосецъ въ 22.680 тоннъ, въ обусловленный срокъ—23 мѣсяца.

7. Заводы Vickers Sons and Maxim въ Barrow. Этотъ заводъ въ настоящее время, въ смыслѣ скорости работы, не имѣетъ себѣ соперниковъ. На немъ были построены:

Powerful, время готовности 1898 годъ, продолжит. постройки 68 мѣс.
Vengeance » » 1901 » » » 51 »
Hogue » » 1902 » » » 48 »
Mikasa » » 1902 » » » 45 »
Euryalis » » 1903 » » » 47 »
Leviathan » » 1903 » » » 45 »
Dominion » » 1905 » » » 34 »
Libertad » » 1905 » » » 28 »
Natal » » 1906 » » » 24 »
Katori » » 1906 » » » 20 »
Vanguard » » 1909 » » » 23 »

Въ настоящее время на этихъ заводахъ строится англійскій броненосецъ совершенно новаго типа, Princess Royal, водоизмѣщеніемъ въ 26.360 тоннъ и съ машинами въ 70.000 лошадиныхъ силъ *). Этотъ броненосецъ, въ случаѣ удачи, сдѣлаетъ полнѣйшій переворотъ въ военно-морскомъ дѣлѣ, такъ какъ на немъ будутъ поставлены двигатели внутренняго сгоранія, онъ будетъ безъ трубъ и безъ дыма, а вооруженіе его будетъ состоять изъ 13,5-дюймовыхъ орудій. Несмотря на всѣ трудности этой до сихъ поръ небывалой работы, заводъ взялся изготовить его въ 22 мѣсяца. Здѣсь нельзя не упомянуть о такъ нашумѣвшей постройкѣ этими же заводами нашего крейсера «Рюрикъ». Фирма взялась его построить въ 18 мѣсяцевъ, а употребила на это дѣло 36 мѣсяцевъ. Въ книгѣ г.г. Дмитріева и Колпычева, на стр. 474—476, этому вопросу посвящено значительное вниманіе и выска-

*) По даннымъ „Evening Standard“ фирма Vickers въ самое послѣднее время получила заказъ на такой же точно броненосецъ отъ японскаго правительства. Фирма взялась построить судно въ 27,000 тоннъ за 24.000,000 рублей въ 2 года. Наше «Новое Время», сообщая это извѣстіе своимъ читателямъ, говоритъ: «Не безполезно сопоставить, что наши броненосцы въ 23,000 тоннъ будутъ стоить по 32.000,000 рублей каждый и будутъ готовы черезъ пять лѣтъ».

зано много чрезвычайно непріятныхъ для нашего морского министерства вещей, ясно указывающихъ, что въ затяжкѣ постройки оно было виновато во много разъ больше, чѣмъ заводы Виккерса. Основное положеніе, къ которому приходятъ при этомъ названные авторы, выражено ими такъ: «Въ концѣ концовъ англичанамъ не давали ни одного вопроса рѣшить просто и быстро, постоянно вводя такъ называемыя улучшенія и нововведенія, пока судно не оказалось совершенно искалѣченнымъ». У насъ, въ нашей печати, и я вмѣстѣ съ другими всегда винили въ неуспѣхѣ «Рюрика» фирму Виккерса, и такое мнѣніе существуетъ у насъ до нынѣ. Но нельзя не принять во вниманіе, что одинъ изъ авторовъ только что сдѣланной выписки, Н. И. Дмитріевъ, инженеръ-технологъ, главный инженеръ-механикъ и завѣдывающій судостроительными и механическими мастерскими нашего казеннаго адмиралтейскаго судостроительнаго завода,—лицо, несомнѣнно не могущее быть неосвѣдомленнымъ о самыхъ сокровенныхъ тайнахъ нашего судостроенія, и вотъ онъ говоритъ, въ добавленіе къ предыдущему, что это-то «искалѣченіе судна» и было главнѣйшею причиною неуспѣха его испытаній.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію результатовъ, полученныхъ за тотъ же самый промежутокъ времени, 1895—1910 года, казенными англійскими адмиралтействами. Такихъ адмиралтействъ, которые занимаются постройками большихъ броненосцевъ, въ Англіи четыре: въ Портсмутѣ, въ Девонпортѣ, въ Чатамѣ и въ Пемброкѣ. Портсмутское адмиралтейство пока считается лучшимъ, но Девонпортъ ревностно старается отнять у него пальму первенства. Результаты, полученные на этихъ четырехъ казенныхъ верфяхъ, слѣдующія:

1. Портсмутское адмиралтейство:

Centurion,	время готовности	1895 г.,	продолжит. постройки	45 мѣс.
Royal Sovereign	»	1895	»	»	39 »
Majestic	»	1896	»	»	33 »
Prince George	»	1897	»	»	29 »
Caesar	»	1898	»	»	40 »
Canopus	»	1900	»	»	37 »
Formidable	»	1901	»	»	35 »
London	»	1904	»	»	34 »
New Zeeland	»	1905	»	»	31 »
Britannia	»	1906	»	»	30 »
Dreadnought	»	1906	»	»	17 »
Bellerophon	»	1909	»	»	26 »
St.-Vincent	»	1910	»	»	29 »

2. Девонпортское адмиралтейство:

Ocean,	время готовности	1900 годъ,	продолжит. постройки	46 мѣс.
Bulwarke	»	1901 »	»	34 »
Implacable	»	1902 »	»	50 »
Montagn	»	1903 »	»	40 »
Queen	»	1904 »	»	36 »
King Edward	»	1905 »	»	36 »
Hibernia	»	1907 »	»	39 »
Temeraire	»	1909 »	»	29 »
Collingwood	»	1910 »	»	26 »

Въ настоящее время въ этомъ адмиралтействѣ строятся Indefatigable въ 18.750 тоннъ и Lion въ 26.360 тоннъ, которые надѣются закончить каждое въ 24 мѣсяца.

3. Чатамское адмиралтейство:

Barfleur,	время готовности	1895 годъ,	продолжит. постройки	48 мѣс.
Magnificent	»	1897 »	»	38 »
Victorious	»	1898 »	»	45 »
Illustrious	»	1898 »	»	44 »
Goliath	»	1900 »	»	38 »
Irresistible	»	1902 »	»	46 »
Venerable	»	1902 »	»	43 »
Albemarle	»	1903 »	»	35 »
Prince of Wales	»	1904 »	»	33 »
Devonshire	»	1904 »	»	27 »
Africa	»	1907 »	»	24 »

Новѣйшихъ судовъ этому адмиралтейству строить уже не даютъ.

4. Пемброкское адмиралтейство:

Renown,	время готовности	1896 годъ,	продолжит. постройки	44 мѣс.
Hannibal	»	1897 »	»	37 »
Andromeda	»	1900 »	»	49 »
Spartiate	»	1902 »	»	56 »
Essex	»	1903 »	»	39 »
Drake	»	1904 »	»	47 »
Cornwall	»	1904 »	»	39 »
Duke of Edinburg	»	1905 »	»	34 »

Это адмиралтейство, также какъ и предыдущее, рѣшено не приспосабливать къ постройкѣ современныхъ гигантовъ, а употребить всѣ средства на улучшеніе Девонпорта и пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ частными верфями, для чего за послѣднее время

привлечены къ этому дѣлу, кромѣ описанныхъ, еще и верфи Thames Iron Works въ Canning Town и Scotts Company въ Greenock.

Сравнивая теперь числа, относящіяся къ казеннымъ и частнымъ англійскимъ верфямъ, между собою и съ такими же числами другихъ странъ, мы не можемъ не заключить, что Англія является единственною страною, гдѣ казенное судостроеніе, въ смыслѣ скорости постройки, ведется почти съ такимъ же успѣхомъ, какъ и на частныхъ верфяхъ. Правда, ни одно казенное адмиралтейство, исключая постройки Dreadnought въ Портсмутѣ, не достигло такихъ короткихъ сроковъ, какъ верфи частныя (Vickers—20 мѣсяцевъ и Armstrong—21 мѣсяцъ), но тѣмъ не менѣе и на казенныхъ верфяхъ ясно выражено стремленіе къ достиженію такихъ же результатовъ (Портсмутъ и Девонпортъ—26 мѣсяцевъ). Что же касается необычайной скорости постройки Dreadnought (17 мѣсяцевъ) то это было достигнуто путемъ непомѣрнаго увеличенія числа рабочихъ и экстренными работами по ночамъ. Въ окончательномъ же результатѣ, казенныя адмиралтейства взялись теперь построить всѣ данные имъ новые броненосцы въ 24 мѣсяца каждый, т. е. въ тотъ же самый срокъ, какой установленъ частными верфями. Исполнятъ ли казенныя верфи это свое обѣщаніе—неизвѣстно, но онѣ взялись за это. Этотъ фактъ идетъ какъ бы въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что было выведено до сихъ поръ изъ примѣровъ всѣхъ морскихъ державъ о роковой невозможности казеннымъ заводамъ конкурировать съ частными, но если мы присмотримся къ дѣлу ближе, то сейчасъ же и увидимъ, что и этотъ фактъ — не исключеніе изъ общаго правила, а также подтверждаетъ его, какъ и всѣ остальные, хотя не такъ ярко и другимъ способомъ. Каждому понятно, что если увеличить суточную продолжительность работы, а въ особенности съ нѣсколькими смѣнами мастеровыхъ, то можно достигнуть большихъ результатовъ въ смыслѣ скорости работы, но зато и стоимость ея возрастетъ весьма чувствительно. Примѣръ этому мы видимъ въ постройкѣ Dreadnought въ Портсмутѣ. На этомъ суднѣ постоянно было занято около 3.600 человѣкъ и зато стоимость его дошла до размѣра, положительно небывалаго въ Англіи—1040 рублей за тонну. Только что построенная передъ этимъ и тамъ же Britannia обошлась только по 883 рубля за тонну, т. е. на 20 почти процентовъ меньше. Это обстоятельство открываетъ намъ ту сторону, въ какую пробило себѣ дорогу роковая особенность казеннаго хозяйства въ данномъ случаѣ. Англійскія казенныя верфи не могутъ работать тише частныхъ, потому что ихъ

къ этому побуждаетъ не только стыдъ передъ всею страною, но даже и передъ самими собою,—и вотъ мы видимъ, что эта скорость достигается повышеніемъ цѣнности работъ. Этотъ недостатокъ не такъ замѣтенъ и его не такъ стыдно, какъ потеря, напримѣръ, рекорда въ скорости. Все сказанное вполнѣ и совершенно подтверждается слѣдующимъ фактомъ: когда въ 1907 году, были объявлены торги на постройку броненосцевъ типа St.-Vincent, водоизмѣщеніемъ 19.250 тоннъ, то цѣны за постройку полностью, но безъ пушекъ и брони, были запрошены различными конкурентами слѣдующія:

Виккерсъ Максимъ и К⁰	6.280.000 рублей.
Джонъ Браунъ. Клойдбанкъ	6.670.000 »
В. Бирдморъ. Дальмуидъ	7.040.000 »
Пальмеръ и К⁰	7.112.000 »
Фэрфильдъ въ Глазго	7.340.000 »
Армстронгъ и К⁰. Эльсвикъ	7.380.000 »
Скоттъ. Гринокъ	7.640.000 »
Портсмутское адмиралтейство	7.240.000 »

Заказъ былъ данъ Портсмутскому адмиралтейству (St.-Vincent) и заводу Виккерса (Vanguard). При этомъ, какъ говорятъ, казенное адмиралтейство еще за четыре мѣсяца до рѣшенія вопроса уже начало заготовлять полуобработанные матеріалы, чтобы побить рекордъ скорости, но окончательный результатъ получился всетаки не въ пользу казеннаго хозяйства. Виккерсъ вполнѣ закончилъ броненосецъ въ 23 мѣсяца, а Портсмутъ прокопался 29 мѣсяцевъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ сравнительнаго успѣха работы при совершенно одинаковыхъ, по крайней мѣрѣ видимыхъ, условіяхъ,—и что же? Работа казеннаго завода оказалась на 15% дороже и на 26% медленнѣе.

То же самое явленіе, т. е. болѣе высокую стоимость работы казенныхъ англійскихъ верфей, можно прослѣдить и въ другихъ случаяхъ.

Такъ, напримѣръ, при постройкѣ серіи броненосцевъ типа King Edward VII, полная стоимость корпуса, брони и подкрѣпленій обошлась:

На казенномъ адм. въ Портсмутѣ	8.087.015 руб.
» » » » Девонпортѣ	7.925.233 »
На частной верфи Ферфильдъ	7.884.900 »
» » » Джонъ Браунъ	7.871.561 »
» » » Виккерсъ	7.638.806 »

То же самое явленіе повторилось и при постройкѣ броненосныхъ крейсеровъ типа Kent, а именно вѣсъ корпуса съ бронею и подкрѣпленіями получился:

На казенной верфи	Пемброкъ въ	3.900.863 руб.
» »	Портсмутъ въ	3.785.836 »
На частной верфи	Армстронгъ въ	3.725.198 »
» »	Ферфильдъ въ	3.580.990 »
» »	Бирдморъ въ	3.503.097 »

Хотя разница въ стоимости и не велика, но постоянная тенденція въ сторону большихъ цѣнъ на казенныхъ верфяхъ ясно говоритъ о нѣкоторомъ менѣе правильномъ веденіи дѣла на нихъ по сравненію съ верфями частными даже въ Англіи, гдѣ все, какъ мы уже говорили, способствуетъ сглаженію этого рокового различія.

Ясно, что сравнивать цѣны казенныхъ и частныхъ верфей можно, какъ это сейчасъ и было сдѣлано, только при постройкѣ совершенно однотипныхъ судовъ, а потому такія цифры встрѣчаются въ литературѣ очень рѣдко. Но то немногое, что есть, вполнѣ подтверждаетъ выводъ, сдѣланный для Англіи. Такъ, напримѣръ, во Франціи, при постройкѣ совершенно однотипныхъ броненосцевъ, Démocratie и Patrie, стоимость на казенномъ адмиралтействѣ въ Бременѣ опредѣлилось въ 12.925.000 рублей, а на частномъ заводѣ F. et C. de la M. въ Ля Сейнъ — въ 12.280.000 рублей. То же самое наблюдено и въ Германіи, гдѣ броненосцы предпослѣдней программы на казенномъ адмиралтействѣ въ Вильгельмсгафенѣ обошлись по 884 рубля за тонну, а частныя нѣмецкія верфи дали слѣдующую стоимость:

«Бломъ и Фоссъ»	798 рублей.
«Германія» въ Килѣ	755 «
и «Шихау»	738 «

Эти примѣры, взятые изъ англійской, французской и нѣмецкой практикъ, не оставляютъ, повидимому, никакого сомнѣнія въ большей стоимости казенныхъ работъ вообще: тамъ, гдѣ онѣ производятся медленнѣе частныхъ, эта большая стоимость объясняется большими накладными расходами всякаго рода, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда казенная верфь строитъ быстрѣе частныхъ, оно тратитъ больше на наемъ непомѣрно большого числа рабочихъ и на экстренныя работы. Въ обоихъ же этихъ случаяхъ причина одинаково сводится къ роковымъ и, повидимому, всюду дѣйствующимъ недостаткамъ организаціи.

Этими послѣдними соображеніями вполнѣ разбивается мнѣніе, которое весьма часто высказывается у насъ, когда говорятъ въ защиту казенныхъ заводовъ, — что будто бы казенные заводы необходимы для того, чтобы регулировать цѣны частныхъ заводовъ. Какъ видимъ, это мнѣніе — миѳъ, предразсудокъ, которому въ государствахъ, создавшихъ себѣ сильные флоты, уже никто не вѣритъ. Дѣйствительно, Соединенные Штаты и Германія, какъ мы видимъ, никогда этому не вѣрили; Англія пользуется казенными верфями потому, что ей однѣхъ частныхъ верфей мало, но уже не тратитъ денегъ на оборудованіе многихъ адмиралтействъ, а остановилась только на двухъ, наиболѣе удобныхъ; Франція же и Италія вѣрили этому и теперь поплатились: возможность быстраго, какъ теперь требуется, созданія флота дредноутовъ въ обоихъ этихъ государствахъ подвержена большому сомнѣнію и внушаетъ серьезныя безпокойства.

Итакъ, на основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ и соображеній, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Въ настоящее время нѣтъ ни одной сильной морской державы, которая основывала бы свои расчеты по созданію флота на дѣятельности однѣхъ лишь своихъ казенныхъ верфей;

2. Всѣ рѣшительно такія государства озабочены возможно широкимъ и прогрессивно увеличивающимся участіемъ частныхъ предпріятій въ дѣлѣ созданія флотовъ, и

3. Дѣятельность казенныхъ заводовъ во всѣхъ великихъ морскихъ державахъ ясно указываетъ на роковую неизбѣжность болѣе дорогой и, что особенно важно, болѣе медленной постройки.

Между тѣмъ, въ настоящее время, при быстро двигающемся прогрессѣ военно-морского дѣла, медленная постройка судовъ равносильна хроническому безсилію на морѣ. Полнѣйшимъ подтвержденіемъ этого соображенія являются, напримѣръ, тѣ четыре броненосца, которые строятся въ настоящее время у насъ, на нашихъ казенныхъ заводахъ. Проектъ ихъ былъ законченъ въ прошломъ году и тогда же, 16 іюня 1909 года, они были заложены. Въ этотъ моментъ наше, по крайней мѣрѣ, морское министерство считало ихъ сильнѣе всѣхъ броненосцевъ міра, находящихся на водѣ или въ постройкѣ. Но, вслѣдствіе неизбѣжно медленной постройки (само министерство заявило, что если ему дадутъ все, что оно проситъ на оборудованіе своихъ заводовъ, то броненосцы будутъ готовы черезъ 4—5 лѣтъ), эти броненосцы будутъ готовы самое раннее къ 1914 году. А къ этому времени, и даже годомъ раньше, у англичанъ уже будетъ плавать эскадра изъ брене-

носцевъ въ 28.500 тоннъ водоизмѣщенія и 28 узловъ хода, вооруженныхъ 13,5-дюймовыми пушками; въ Соединенныхъ Штатахъ къ тому же времени будутъ плавать броненосцы въ 27.000 тоннъ, вооруженные 14,0-дюймовыми пушками, а для Бразиліи, на верфи Армстронга въ Англіи, будетъ построено чудовище въ 32.000 тоннъ водоизмѣщенія, вооруженное двѣнадцатью орудіями въ 14,3 дюйма. Мы же какъ разъ въ это время, а навѣрное еще позднѣе, только-только начнемъ испытывать наши на стапелѣ уже устарѣвшія суда въ 23.000 тоннъ водоизмѣщенія и всего лишь съ 12-дюймовыми пушками. Я лично вообще постройку такихъ броненосцевъ не считаю хоть сколько-нибудь для насъ необходимою и стою за созданіе флота оборонительнаго; но разъ наше морское министерство считаетъ это необходимымъ, то оно первое должно бы было, прежде всего, понять, что такъ медленно строить нельзя, — вѣдь это все равно, что бросать деньги на вѣтеръ. А деньги оно требуетъ очень большія по сравненію съ тѣмъ, во что обходится постройка судовъ за границею. Мы выше видѣли, что 1.040 рублей за тонну, въ которые обошлась небывало быстрая (17 мѣсяцевъ) постройка громаднаго дредноута, считается въ Англіи небывало большою,— и дѣйствительно: вездѣ въ мірѣ тонна броненосца стоитъ отъ 700 до 900 рублей. Наше же морское министерство требуетъ: прежде всего 50 милліоновъ (считая кругло) на подготовку своихъ заводовъ и возсозданіе флота, затѣмъ ему надо 30 милліоновъ на покрытіе старыхъ недочетовъ, безъ чего его заводы тоже не могутъ начать правильно функціонировать и, послѣ всѣхъ этихъ жертвъ, оно будетъ тратить на постройку каждой тонны броненосцевъ не менѣе 1.280 рублей, т. е. на цѣлыхъ 60 процентовъ дороже средней заграничной цѣны.

Всѣ эти цифры (воздерживаюсь отъ приложенія къ нимъ должнаго эпитета) давно уже извѣстны Г. Думѣ, но руководящая ея партія, равно какъ и комиссіи по оборонѣ и бюджетная, принимаютъ ихъ, какъ нѣчто должное и неизбѣжное: возсоздавать флотъ,— это значитъ строить броненосцы; строить броненосцы можно только на казенныхъ заводахъ, а казенные заводы требуютъ этихъ денежныхъ средствъ, — вотъ ходъ ихъ мыслей...

Но такъ ли это? Можно ли считать дѣло возсозданія нашей морской силы обезпеченнымъ, если каждый нашъ корабль будетъ строиться отъ двухъ до трехъ разъ дольше, чѣмъ корабли нашихъ противниковъ, и будетъ стоить на 60 процентовъ дороже? Ясное дѣло — нѣтъ: наши политическіе противники ждать насъ не будутъ и страна наша слишкомъ бѣдна для того, чтобы бросить лишній милліардъ въ угоду

кучкѣ людей, не желающихъ сознаться въ своемъ неумѣньи, но очень желающихъ сохранить свое лицо и свои позиціи при такомъ крупномъ государственномъ дѣлѣ, какъ возсозданіе флота.

Но что-же надо сдѣлать, чтобы дѣйствительно обезпечить вѣрный успѣхъ возсозданія нашей морской силы?

Отвѣтъ, ясно вытекающій изъ всего приведеннаго выше, одинъ: мы должны перестать видѣть свою самобытность только въ томъ чтобы пренебрегать уроками исторіи другихъ странъ, и должны теперь же осуществить то, къ чему другіе пришли путемъ большихъ жертвъ и горькихъ разочарованій, а именно — *поставить въ основу возсозданія нашего флота самое широкое участіе частной промышленности.* Другого пути нѣтъ, а какъ на него вступить, будетъ предметомъ обсужденія слѣдующей статьи.

Брутъ.

На новый путь.

Нельзя забывать Маньчжурскаго пораженія. Скажу сильнѣе: нельзя ослаблять значенія постигшаго насъ національнаго несчастья. Нѣтъ боли и страданій,—нѣтъ и желаній лѣчиться. Такова природа русскаго человѣка.

Тотъ, кто дѣйствительно понимаетъ значеніе событій 1904—5 годовъ и не желаетъ повторенія Маньчжурскаго позора, тотъ долженъ помнить о немъ ежечасно, говорить, страдать и работать не покладая рукъ для устраненія на будущее время причинъ этого пораженія. Выкрики господъ «всеблагополучниковъ» о нашей «критики для критики», о «самооплеваніи» не должны пугать тѣхъ, кому дорого не только личное благополучіе... «Русская армія въ настоящій моментъ не боеспособна. Со времени японской войны она, кромѣ ничтожныхъ измѣненій, никакихъ реформъ у себя не ввела. Та же рутина, тѣ же пріемы и тактика, что и до войны» *). Такъ отзывался о насъ нѣкій нѣмецкій генералъ годъ тому назадъ **). Несомнѣнно нѣмецъ преувеличиваетъ и «сгущаетъ краски». Несомнѣнно въ послѣдніе годы много сдѣлано, много находится еще въ стадіи подготовительныхъ работъ. Но несомнѣнно также, что масса времени, силъ и средствъ затрачивается *непроизводительно* (увлеченіе вопросомъ о формѣ обмундированія, значками, парадами; возвращеніе къ шагистикѣ, продѣлываніе гимнастическихъ упражненій цѣлыми частями, какъ въ балетѣ; особый интересъ къ мелочамъ, къ внѣшности) прямо въ ущербъ *большимъ* вопросамъ военнаго дѣла. Несомнѣнно, что дѣло не идетъ по тому пути, при которомъ вся затрачиваемая энергія и средства будутъ переходить цѣликомъ въ *полезную работу*. Полезной же для арміи работой можетъ быть только та, которая потребуется отъ нея въ военное время.

---

*) «Русское Слово» 1909 г., № 262.

**) Не лучше отозвался о насъ и австріецъ (см., «Русскій Инвалидъ» № 249, за 1909 годъ).

«Учить надо только тому, что нужно на войнѣ»,—спрведливо говоритъ германскій уставъ. А я добавлю, что подъ словомъ «учить» надо разумѣть не только программу занятій, а *всю служебную и жизненную обстановку*. На войнѣ нужны солидныя знанія, а не плацпарадная эквилибристика. Требуйте же дѣловыхъ знаній, поощряйте ихъ, зовите къ себѣ талантливыхъ и дѣльныхъ помощниковъ, поощряйте трудъ ихъ. На войнѣ нужна смѣлость. Вырабатывайте смѣлыхъ людей еще въ мирное время, но не только физическими упражненіями, но и упражненіями моральнаго свойства; поощряйте самостоятельныхъ, правдивыхъ людей... Не плодите «точно-таковъ» и «немогузнаекъ», фанфароновъ, невѣждъ, военныхъ чиновъ, не состоящихъ при военномъ дѣлѣ: они ненужны арміи!.. Словомъ: сдѣлайте такъ, чтобы вся жизнь, вся служба, вся обстановка, окружающая военнаго человѣка, готовила его къ тому, для чего онъ существуетъ...

Переходя къ спеціальной работѣ,—работѣ въ войскахъ,—нужно изгнать изъ нея все мишурное, показное, безполезное для боевой подготовки; мелочи же и все несущественное необходимо поставить на подобающее имъ, т. е. *на послѣднее*, мѣсто.

Наиболѣе характернымъ выразителемъ нежелательныхъ тенденцій (рутина, привиллегіи, протекція, внѣшность) является *кавалерія*.

Вотъ почему я беру ее и въ краткомъ очеркѣ изложу направленіе ея работы за послѣднія сто лѣтъ. Изъ прошлаго сдѣлаемъ поученіе для будущаго.

Чтобы избѣжать обвиненія въ тенденціозномъ подборѣ фактовъ, буду широко пользоваться книжкой барона Н. А. Дистерло, изданной «Офицерской Кавалерійской Школой» ко дню столѣтняго юбилея этой школы.

Г-нъ Дистерло справедливо говоритъ въ предисловіи къ своему труду, что «учебная часть, какъ зеркало, отражаетъ въ себѣ состояніе своего рода войскъ въ данную эпоху». Вотъ и возьмемъ исторію этой учебной части и посмотримъ: *чѣмъ* занималась наша конница послѣднее 100-лѣтіе и что отъ этого происходило.

Эпоха Великой Екатерины была самымъ блестящимъ періодомъ русской военной исторіи. Армія, воспитанная и руководимая такими людьми, какъ Румянцевъ, Суворовъ, Потемкинъ, имѣла всѣ данныя для побѣды. Въ основу обученія были положены чисто *дѣловыя* начала. Достаточно указать на развитіе полевыхъ занятій или на борьбу Суворова съ «гатчинскими» тенденціями. Въ воспитаніи господствовали

рыцарскія начала (не на словахъ только): гордость, правдивость, смѣлость, великодушіе. Частыя войны мѣшали проникновенію мирнопарадныхъ увлеченій. Впрочемъ, отъ этого зла ограждали армію не одни только военные походы, но и таланты начальниковъ и руководителей, глубоко понимавшихъ военное дѣдо и преданныхъ ему всею душой. Война—войной, но и «люди» того времени знали, какъ надо готовить войска и *умѣли* отстаивать свои убѣжденія даже предъ Императоромъ Павломъ I. Войска готовились къ войнѣ и не тратили времени на пустяки и самообманъ.

Въ конницѣ не гонялись за *однообразіемъ* посадки, не продѣлывали «вензелей» въ манежахъ и на плацахъ, не теряли время на изученіе и примѣненіе многочисленныхъ «формъ обмундированія». Прочтите приказы Потемкина, и вы убѣдитесь въ необыкновенной серьезности и дѣловитости указаній этого «баловня счастья».

Одинъ изъ важнѣйшихъ *) по нынѣшнимъ временамъ вопросовъ о формѣ одежды рѣшался Потемкинымъ такъ: «Въ Россіи, когда вводилось регулярство,—пишетъ Потемкинъ въ своей докладной запискѣ,—вошли офицеры иностранные съ педанствомъ того времени, а наши, не зная прямой цѣли вещамъ военнаго снаряда, почли все священнымъ и какъ будто таинственнымъ. Имъ казалось, что регулярство состоитъ въ косахъ, клапанахъ, обшлагахъ, ружейныхъ пріемахъ... Занимая же себя такою дрянью, и *до сего времени не знаютъ самыхъ важныхъ вещей*... Красота одежды военной состоитъ въ соотвѣтствіи вещей съ ихъ употребленіемъ... Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно плодъ роскоши, требуетъ много времени, иждивенія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ».

Такъ же трезво смотрѣлъ Потемкинъ (а онъ былъ всесиленъ) и на дѣло обученія, требуя, чтобы «краса полка была—въ приведеніи въ исправность, *нужную для боя*».

Не мудрено, что конница того времени въ боевой работѣ не отставала отъ пѣхоты. «Не было въ конницѣ того времени полнаго однообразія, безукоризненной стройности и тонкаго равненія въ движеніяхъ, не годилась она для эфектовъ на парадахъ, но зато отличалась удальствомъ, отвагою, подвижностью и выносливостью, совершала усиленные переходы, переплывала рѣки, переходила черезъ горы, въ бояхъ атаковывала и пѣхоту, и конницу, и артиллерію, нерѣдко на

*) По количеству распоряженій, дополненій, измѣненій, разъясненій—не прекращающихся до сего дня; по времени, энергіи и средствамъ, затрачиваемымъ на этотъ предметъ.

трудно-проходимой мѣстности, врывалась въ непріятельскія укрѣпленія. Однимъ словомъ, это была конница *боевая*". (См. «Очерки изъ исторіи конницы» П. А. Плеве).

Переучивать «Екатерининскихъ орловъ» и «чудо-богатырей» взялись «гатчинцы», во главѣ съ Аракчеевымъ,—тѣмъ самымъ Аракчеевымъ, который, обучая всѣхъ «военному дѣлу», отказался подъ Аустерлицемъ отъ командованія арміею подъ предлогомъ «несчастной раздражительности нервовъ»; тѣмъ самымъ «безъ лести преданнымъ», который, избивая собственноручно солдатъ и даже офицеровъ, «дрожалъ отъ трусости 14-го декабря 1825-го года и не рискнулъ выйти изъ Зимняго Дворца, хотя Государь со всѣми находился на площади»!!! *).

Не лучше были и его сотрудники. «Это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные,—*соръ нашей арміи*, выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость» **)... да нѣмецкіе вахмистры, искатели счастья внѣ своего фатерланда.

Эти не только невѣжественные, но и просто *безграмотные* люди, зарегистрированные *трусы, соръ арміи*, объявили походъ противъ всего, чѣмъ была сильна Екатерининская армія! Успѣхъ былъ полный, ибо за 4 года и 5 мѣсяцевъ царствованія Павла за «незнанія службы» было уволено со службы: 7 фельдмаршаловъ, 363 генерала и 2156 офицеровъ. И это въ арміи, не достигавшей въ мирное время 300 тысячъ человѣкъ!

— Чему же учили эти господа: Аракчеевы, Канабихи, Штейнверы, Линденеры?

— Плацъ-параду, т. е. стойкѣ, ружейнымъ пріемамъ, поворотамъ, маршировкѣ съ особымъ вытягиваніемъ ноги, требовали безукоризненнаго равненія, точныхъ дистанцій и интерваловъ, дружныхъ и громкихъ отвѣтовъ на привѣтствіе... Всѣ движенія продѣлывались въ тактъ по «эспантону», т. е. по дирижерской палочкѣ. Коротко говоря, занимались *балетомъ* на спеціально выровненныхъ площадкахъ.

— Для чего же все это продѣлывалось, какъ весь этотъ вздоръ могъ замѣнить собою ту полевую и настоящую военную подготовку, которая положительно царила во времена Екатерины?

— Да вѣдь учителя же были, какъ сказано выше, *глубочайшими*

---

*) Н. Морозовъ. «Воспитаніе генерала и офицера, какъ основа побѣдъ и пораженій».

**) Шильдеръ. «Императоръ Александръ I-й».

невѣждами *). Ихъ возвели въ рангъ «учителей» и заставили ихъ «потѣшныя» упражненія примѣнять къ славнымъ боевымъ Екатерининскимъ войскамъ. Они творили волю пославшаго ихъ, а чтобы при этомъ увеличить свое значеніе, свой «raison d'être», они говорили и ввели въ уставъ 1796-го года догматъ, повторяемый, къ сожалѣнію, и въ наше время: «въ военной службѣ все *одинаково* важно», «въ военномъ дѣлѣ нѣтъ мелочей». (Догматъ—очень выгодный для любителей мишуры!).

Съ этого-то времени, отъ этихъ-то господъ и *начался упадокъ военнаго дѣла въ Россіи.*

Екатерининскіе служаки боролись, какъ могли, но ихъ гнали со службы массами, брали въ опалу такихъ людей, какъ Суворовъ, а потомъ—Ермоловъ!

Человѣкъ слабъ, особенно, если требованія свыше идутъ навстрѣчу этимъ слабостямъ. Вмѣсто настоящаго труднаго дѣла и серьезныхъ занятій ему подсунули «плацъ-парадную науку», манежныя кунштюки, ученія на пяточкѣ, заботы о галстухѣ, лацканахъ, обшлагахъ и проч. Сначала боролись, а потомъ и сами вошли во вкусъ и стали добывать лавровъ «на разводахъ» и парадахъ. Кавалерія, конечно, и въ этомъ не отставала отъ пѣхоты. Оно и понятно,—вѣдь по природѣ своей она болѣе ласкаетъ глазъ, даетъ больше матеріала для «картины», внѣшности, оптическаго обмана!..

Училъ конницу нѣмецъ Канабихъ, по профессіи—учитель ариѳметики, а инспекторомъ кавалеріи сталъ другой подобный же нѣмецъ—Линденеръ, «считавшій сотнями людей, коихъ ему удалось погубить» (см. стр. 83 книжки Н. Морозова «Воспитаніе генерала и офицера, какъ основа побѣдъ и пораженій»).

Началась *муштра* на площадяхъ и въ манежахъ, въ казармахъ и на площадкахъ караульныхъ помѣщеній. Уставы наполнились перечисленіемъ «пріемовъ», указаніемъ «мѣстъ чиновъ» въ разныхъ случаяхъ, многочисленными командами, сигналами и правилами ихъ примѣненія.

Всюду потребовался «ритуалъ», темпъ, *однообразіе* въ мелочахъ.

Понадобился и разсадникъ такого «однообразія».

И вотъ въ 1809 году появилась первая учебная кавалерійская часть: «Учебный кавалерійскій эскадронъ».

Каковы были его задачи, видно изъ Высочайшаго указа, въ коемъ

*) Что можетъ быть нелѣпѣе этого?!

задачи эскадрона опредѣлялись такъ: «Приготовлять для кавалерійскихъ полковъ унтеръ-офицеровъ и *музыкантовъ*».

— Чѣмъ занимались въ этомъ эскадронѣ?

— Да тѣмъ же, чѣмъ и во всей арміи, руководимой «гатчинцами»: достаточно сказать, что съ 1809 по 1820 годъ перемѣнили нѣсколько разъ форму одежды! А между тѣмъ сразу эскадрону удалось занять привиллегированное положеніе: уже лѣтомъ 1809 года командиръ эскадрона, полковнить Жандръ, получаетъ именную Высочайшую благодарность.

Несмотря, однако, на «гатчинское» направленіе всей мирной работы конницы, Екатерининской закваски хватило еще до 1814 года; хотя уже въ 1812 году намъ не доставало соотвѣтствующихъ кавалерійскихъ начальниковъ, что можно видѣть подъ Бородинымъ, гдѣ командиръ кавалерійскаго корпуса графъ Уваровъ, выйдя во флангъ французамъ, остановился передъ небольшой рѣчкой и долго не могъ пройти ее, а пройдя за казаками, ровно ничего не сдѣлалъ для своей арміи. Уже тогда было утеряно должное пониманіе конницы, какъ рода оружія, уже тогда стали забывать, что конница сильна подвижностью, быстротою и смѣлостью налета, умѣніемъ одинаково хорошо работать какъ на конѣ, такъ и въ пѣшемъ порядкѣ, независимостью отъ тыла, и что она, какъ и прочіе роды оружія, должна ясно понимать свои задачи и свое назначеніе въ военное время.

Были, конечно, и исключенія; но, во-первыхъ, немногочисленныя, а, во-вторыхъ, въ низахъ арміи,—все партизаны, народившіеся подъ вліяніемъ событій и во время самой войны.

Какъ только кончилась «освободительная» война, и войска возвратились на зимнія квартиры, тотчасъ начались «гатчинскія» упражненія въ манежахъ и на площадкахъ: вытягиваніе ногъ въ каблукъ, сѣдловка, мунштученіе, чистка лошадей и аммуниціи, изученіе сигналовъ, поворотовъ, салютовки, подъѣздовъ «на ординарцы», формъ обмундированія, и проч. въ этомъ родѣ. Съ 1817 года появились на сценѣ: «траверсы» и «ранверсы», усиленный «сборъ» лошади, галопъ на мѣстѣ, «съѣздка смѣнъ». А въ результатѣ—такіе укороченные аллюры, что конница наша, по свидѣтельству полковника Броневскаго, «двигалась такъ медленно, что ее обошла бы и пѣхота». Появился особенный вкусъ къ жирнымъ лошадямъ («огромное брюхо, жолобъ на спинѣ»), къ усиленному «сбору», благодаря которому,—пишетъ тотъ же Броневскій,—«лошади сильно страдали и большая часть ихъ такъ ослабѣвала ногами, что преждевременно приходила въ негодность».

Такъ стояло дѣло въ царствованіе Александра I.

Не лучше было и во времена Николая I.

Хотя на смотру 1830 года подъ Козельцемъ Государь и нашелъ, что аллюры слишкомъ коротки, что драгуны забыли спѣшиваніе, но рядомъ съ этимъ снова было обращено особенное вниманіе на «обмундировку и пригонку аммуниціи», которыя,—говоритъ Броневскій,—«были у насъ очень небрежны»...

Послѣ такой фразы Броневскаго можно только спросить: вѣдь вы же только и занимались, что *пригонкой и чисткой обмундировки и аммуниціи,* почему же даже эта отрасль была у васъ «небрежна?!»

Что же вы тогда дѣлали?—Жили въ своихъ помѣстьяхъ, разъѣзжали по сосѣдямъ, занимались охотой, картами и другими развлеченіями? Не даромъ и полки давали вамъ «на поправку» вашихъ средствъ!

Почтенные плоды «гатчинской закваски» и «аракчеевской» школы! Не потому ли еще и теперь мы любимъ вспоминать «доброе старое время?»

Лично я съ дѣтства слышалъ вздохи сожалѣнія по «старымъ добрымъ временамъ». Я долго не понималъ: почему старики скучаютъ по старымъ порядкамъ. Когда же я узналъ о полкахъ, даваемыхъ «на поправку» или «по протекціи»,—я понялъ—о чемъ грустили эти господа.

Но обратимся къ ихъ оффиціальной дѣятельности и ея результатамъ.

Въ 1826 году сформированъ образцовый кавалерійскій полкъ.

— Для подготовки кавалерійскихъ начальниковъ, способныхъ управлять конницей на поляхъ, понимающихъ ея задачи и умѣющихъ пользоваться ею для выполненія этихъ задачъ?

— Нѣтъ, для «введенія во всей кавалеріи *однообразныхъ* правилъ фронтового образованія, а также *обмундированія*, постройки и пригонки *аммуниціи*, сѣдланія и ковки лошадей *) и для сформированія учителей по всѣмъ предметамъ кавалерійскаго образованія». **)

Понятно, что и вся кавалерія того времени занималась тѣмъ же почтеннымъ дѣломъ: «однообразной пригонкой обмундированія и аммуниціи», вытягиваніемъ ногъ въ каблукъ, «траверсами», «ранверсами» и прочими манежными кунштюками, которые, по словамъ

---

*) Стр. 29 кн. барона Н. А. Дистерло.

**) Послѣдняя фраза, являясь диссонансомъ со всѣмъ тогдашнимъ направленіемъ не имѣетъ значенія. Это только фраза.

Н. А. Дистерло, «достигли въ Образцовомъ полку своихъ *предѣловъ*». Иногда, впрочемъ, конница занималась и маневрами, но эти занятія не составляли диссонанса въ общей картинѣ работы того времени: все дѣлалось для показа, какъ въ театрѣ; маневръ задалбливался заранѣе для смотра, для картины, для дешевыхъ лавровъ!..

До какой степени жалка была въ то время подготовка конницы, явствуетъ изъ весьма наивныхъ строкъ Броневскаго, который самъ является критикомъ тогдашнихъ порядковъ. Броневскій пишетъ:

«На этихъ смотрахъ и предварительно на домашнихъ дивизіонныхъ ученіяхъ замѣтно образовались частные начальники, которые, наконецъ, привыкли разрѣшать безъ грубыхъ ошибокъ затрудненія, прежде неодолимыя, встрѣчавшіяся на маневрахъ».

Спрашивается: какія же это требованія, которыя такъ не давались частнымъ начальникамъ безъ грубыхъ ошибокъ? Въ чемъ именно встрѣчались неодолимыя затрудненія? Какіе начальники образовывались на заранѣе заучиваемыхъ смотрахъ-маневрахъ на гладкихъ, какъ столъ, поляхъ?

Отвѣтъ даетъ исторія.

— Это начальники: Альмы, Черной рѣчки, Балаклавы и Инкермана. Это—требованія аракчеевскихъ учениковъ, фатально тяготѣющія надъ нами все 19-е столѣтіе. Это—тѣ затрудненія, которыя создаются господами «церемоніймейстерами» на плацъ-парадныхъ спектакляхъ, именовавшихся тогда «маршами», «контръ-маршами» и разводами!

Сравните времена Суворова и Румянцева съ только что указанной жалкой эпохой нашей исторіи. Тамъ боевая наука воспринималась легко, а если кто и былъ тугъ на пониманіе, то учитель спокойно и терпѣливо разъяснялъ и поучалъ словами и своимъ личнымъ *доблестнымъ* примѣромъ; здѣсь—палка, шпицрутены, ссылка, аресты и грозные разносы. И все за плацъ-парадную науку!

«Война Турецкая 1828—29 годовъ, Польская 1830—31 г., Венгерская кампанія 1849 года и, наконецъ, Восточная война 1853—56 г. вполнѣ подтвердили тѣ недочеты въ подготовкѣ нашей кавалеріи, которые были указаны выше, а главное—*несостоятельность командная состава до старшихъ ея начальниковъ включительно*». Такъ говоритъ въ своей книжкѣ баронъ Дистерло.

Правда, были и отрадныя исключенія, въ кавказскихъ войскахъ *). Но это не мѣняетъ общаго печальнаго заключенія о состояніи нашей

*) Никогда не увлекавшихся мелочами и формой обмундированія.

конницы въ то время. Къ тому же боевые результаты являются лучшей оцѣнкой тѣхъ мѣропріятій, которыя примѣнялись для обученія и вообще для всей подготовки конницы.

Были тогда разныя учебныя заведенія: кадетскіе корпуса, юнкерскія училища, школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, Образцовый кавалерійскій полкъ, Берейторская школа, дворянскій эскадронъ. Устраивались школы при корпусныхъ и дивизіонныхъ штабахъ. Писались записки о желательныхъ реформахъ. Засѣдали комиссіи для разсмотрѣнія этихъ записокъ... Но дѣло, *военное дѣло*, въ частности—кавалерійское, оставалось въ прежнемъ, болѣе чѣмъ печальномъ положеніи! Почему? Да все потому же: *всюду царила одна внѣшность, мелочи строя, заботы о парадѣ, картинкѣ, втираніи очковъ, увлеченіе «пригонкой обмундированія и аммуниціи»*.

Такъ въ занятіяхъ.

А въ назначеніяхъ на должности: *привиллегіи (особенно въ гвардіи), протекціонизмъ и раздача полковъ «на поправку» раззорившимся людямъ*.

Для характеристики кавалерійскихъ начальниковъ того времени приведу слова графа Никитина, подъ начальствомъ коего было тогда 306 эскадроновъ и 22 батареи, т. е. человѣка, воспитывавшаго *главную массу нашей конницы*! Когда ему дали проектъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью повысить образованіе офицерскаго состава конницы и вообще сдѣлать работу кавалеріи болѣе продуктивной, то онъ отвѣтилъ: «*По отличному состоянію нашей кавалеріи* не только безполезно, но даже принесетъ вредъ отвлеченіе кавалерійскихъ офицеровъ отъ исполненія ихъ прямыхъ обязанностей».

Въ «отличномъ» состояніи находилась конница Балаклавы, Черной Рѣчки, Альмы, Грохова, Остроленки?! Да вѣдь это была конница бездѣятельная, ходившая не болѣе 20 верстъ въ сутки, почти не участвовавшая въ сраженіяхъ! А самый большой, по занимаемой должности, кавалерійскій генералъ даетъ ей аттестацію «отличной»!

Что же нужно сдѣлать, чтобы получить дурную аттестацію? Провалиться на парадѣ, на салютовкѣ, на «подъѣздахъ на ординарцы?»

Вотъ до чего довели увлеченія «пригонкой обмундированія и аммуниціи», мелочами строя и плацъ-парадными картинками!

Обманывали себя и другихъ. Дожили до крымскаго позора...

Грянулъ громъ. Стали искать причинъ пораженія, небывалаго въ лѣтописяхъ исторіи. Пораженія отъ небольшого десанта, заброшеннаго на территорію 80-милліоннаго народа, за 2 тысячи верстъ отъ своей базы!

Нашлись люди, которые опредѣлили эти причины вѣрно и совершенно тождественно тому, что мною подчеркнуто выше.

Выдающійся военный человѣкъ, правда, мало похожій на своихъ современниковъ и коллегъ, графъ *Ридигеръ*, въ запискѣ, представленной имъ Императору Александру II, указывалъ на главнѣйшія причины нашихъ неудачъ: «Излишняя централизація власти, убивающая духъ, умъ и самостоятельность частныхъ начальниковъ, *увлеченіе тонкостями сложнаго устава и парадной стороной дѣла при полномъ забвеніи основныхъ началъ военнаго искусства*» *).

Прочтите еще и еще разъ эти строки. Не слѣдуетъ ли ихъ повторять ежедневно и въ наши дни?

Много можно было бы добавить въ развитіе этихъ правдивыхъ словъ графа Ридигера. Да горько, обидно повторять то, что рѣжетъ глаза своею очевидностью.

Со временъ печальной памяти «гатчинцевъ» гонялись за мелочами, вздоромъ, бутафоріей, плацъ-парадными и манежными картинками; готовили не сознательныхъ бойцовъ, а маникеновъ; покрывали все это фразами: «въ военномъ дѣлѣ нѣтъ мелочей», да выкриками дешеваго свойства: «шапками закидаемъ» и тому подобное. Ну, и получили въ результатѣ: «*полное забвеніе основныхъ началъ военнаго искусства*», какъ пишетъ графъ Ридигеръ, или, говоря словами Потемкина: «Занимая себя такою дрянью, и до сего времени не знаютъ самыхъ важныхъ вещей» **).

— Какіе же мѣры были приняты послѣ того, какъ грянулъ громъ?

— Сократили число полковъ конницы, иначе ихъ назвали, иначе сгруппировали; начались перемѣны въ обмундированіи и аммуниціи; снова принялись за мелочи строя!.. Преобразовали Образцовый кавалерійскій полкъ и вновь поставили ему задачу: «*однообразіе обмундированія и пригонки аммуниціи*», детали кавалерійской техники и затѣмъ еще разъ повторили объ обмундированіи и аммуниціи (см. стр. 55 «Офицерская кавалерійская школа». Историческій очеркъ. Баронъ Н. А. Дистерло).

Какъ видите, читатель, опять то же самое. Опять на первомъ мѣстѣ «обмундированіе и аммуниція», т. е. мелочи, внѣшность, занятія «гатчинскаго» свойства: муштра, разводы, плацъ-парадъ, картинки, очкивтираніе...

Тягостно слѣдить за работой нашей арміи со временъ Аракчеева

*) Стр. 42 книги барона Дистерло.

**) См. № 971 журнала «Развѣдчикъ» за 1909 г., статья г. Россъ.

и его послѣдователей. А каково было переживать результаты всей этой «Аракчеевщины»? *Результаты же сказались во всѣхъ войнахъ, начиная съ 1828—9 года.*

Даже побѣдоносная война 1877 года не является отрадой съ точки зрѣнія военнаго искусства, особенно въ области примѣненія кавалеріи. Достаточно вспомнить имена Крылова, Лошкарева. Кромѣ того, война велась съ ничтожнымъ противникомъ, коего мы давно уже называли «больнымъ человѣкомъ».

Состояніе нашей конницы передъ кампаніей 1877—78 годовъ было далеко не блестящее. Даже генералъ Пузыревскій, давшій весьма снисходительный отзывъ о личномъ составѣ и работѣ кавалеріи того времени, пишетъ, что «этотъ родъ оружія переживалъ въ указанное время одинъ изъ самыхъ печальныхъ фазисовъ своего развитія» (стр. 67 «Истор. офиц. кав. школы» барона Дистерло).

Далѣе, изъ словъ того же авторитетнаго и весьма почтеннаго писателя явствуетъ, что конницѣ нашей недостовало «духа отваги и сознанія боевого могущества на полѣ сраженія», а также и «*соотвѣтствующихъ начальниковъ*».

Послѣ этихъ словъ профессора и георгіевскаго кавалера невольно хочется спросить: когда же, наконецъ, конница, да и вся армія не переживали «*печальнаго фазиса своего развитія?*» Съ 1796 года «гатчинцы» принялись передѣлывать армію, какъ «неготовую»; затѣмъ все 19-е столѣтіе, во всѣхъ войнахъ, она являлась «неготовой», что и подтверждали событія 1828, 30—31, 49, 53—56, 77—78 годовъ и, наконецъ, 1904—5 годовъ. *Что же это за фатальная неготовность?!*..

Съ кампаніи 1877—78 годовъ вернулись побѣдителями. Но все «мыслящее» военное общество чувствовало, что «дѣло неладно», что побѣда надъ «больнымъ человѣкомъ» далась со слишкомъ большимъ трудомъ и неоднократно висѣла на волоскѣ.

Что касается конницы, то ея фонды пали послѣ кампаніи замѣтнымъ образомъ.

— Конница утратила свое значеніе,—стали говорить одни.

— Нѣтъ, «конница» у насъ хороша и можетъ показать еще себя, но у нея *нѣтъ соотвѣтствующихъ начальниковъ!*—кричатъ другіе.

— Вся бѣда въ томъ, что слишкомъ много занимаются манежемъ: поле забыли!—возмущаются третьи.

— Нѣтъ, безъ повода, правильной посадки и «равновѣсія» нельзя разсчитывать на подчиненіе коня и тонкое управленіе, столь необходимое для владѣнія оружіемъ «въ свалкѣ»,—отстаиваютъ свою рутину

поклонники «траверсовъ», «ранверсовъ» и прочихъ манежныхъ упражненій.

— Пика нужна. Нѣтъ—шашка и винтовка. Вся суть въ массовыхъ атакахъ. Нѣтъ—въ спѣшенныхъ дѣйствіяхъ и въ стрѣльбѣ съ коня...

Такъ спорили послѣ войны наши кавалеристы.

Уже одно разнообразіе этихъ взглядовъ указываетъ на полное отсутствіе *единой школы,* единой военной мысли, единной военной доктрины.

Оказалось: что ни человѣкъ—то отдѣльное мнѣніе.

Оно и понятно, если прослѣдить доминирующее направленіе военной работы со временъ Екатерины. Гатчинская закваска неизмѣнно давила армію. «Гатчинцы» требовали внѣшняго блеска, картинъ, дрессировки, плацъ-парада, а дѣло, настоящее военное дѣло, имъ было чуждо и оставалось въ тѣни.

Ими цѣнились: глубоко мирные таланты, административныя способности, умѣніе показать «товаръ лицомъ», причемъ «показъ, конечно, состоялъ въ картинкахъ на гладкомъ и ровномъ плацу; въ красивыхъ, подобранныхъ и съѣзженныхъ «смѣнахъ»; въ выводкахъ конскаго состава, причемъ всѣ чины части какъ бы священнодѣйствовали, сознавая великое значеніе исполняемаго ими акта! Учились сами и учили другихъ, какъ «втирать начальству очки въ глаза» при помощи самыхъ разнообразныхъ мѣропріятій, до явнаго обмана включительно (напримѣръ, вмѣсто новобранцевъ показывали старыхъ солдатъ); придумали даже на этотъ предметъ невинный пріемъ «подкрашиванія» смѣнъ, ремонтовъ, т. е. ставили впереди и въ концѣ лучшихъ лошадей для перваго и послѣдняго впечатлѣнія, а въ серединѣ — похуже, а иногда и просто дрянь; показывали вновь ранѣе забракованныхъ лошадей—но уже *послѣ завтрака начальству*... Чего только ни продѣлывали, чѣмъ только ни занимались войска въ угоду «гатчинскимъ» тенденціямъ, т. е. въ угоду внѣшнему блеску, картинѣ, бутафоріи и плацъ-параду!..

Не занимались они только однимъ: основательнымъ изученіемъ *большихъ* вопросовъ военнаго дѣла. Такъ, напримѣръ, въ конницѣ никогда не былъ рѣшенъ вопросъ объ ея *задачахъ* на войнѣ, о способахъ ихъ исполненія. А вѣдь безъ этого рѣшенія, безъ усвоенія всѣми одной и той же *военной доктрины,* т. е. *основъ, принциповъ* примѣненія каждаго рода оружія, не можетъ быть и правильной подготовки его въ мирное время!

Мнѣ скажутъ, что академически эти вопросы такъ или иначе рѣ-

шались. На это отвѣчу: во-первыхъ, многіе вопросы и теперь остаются неразработанными даже и академически; а, во-вторыхъ, совершенно недостаточно, чтобы большіе военные вопросы были только достояніемъ академіи и литературы; положительно необходимо, чтобы они были *общимъ* достояніемъ и занимали всѣхъ и каждаго въ «первую очередь», прежде всего и больше всего. Но «гатчинское» направленіе увлекало всѣхъ по иному пути: дѣлать карьеру на плацъ-парадѣ, на мелочахъ, на угодливости, на протекціи. Этимъ требованіямъ отвѣчала вся служебная работа, вся обстановка, всѣ помыслы, вся жизнь войскъ.

Реформы, проведенныя подъ вліяніемъ Милютина, Ванновскаго, Скобелева, Драгомирова, Обручева, имѣли спорадическій характеръ: сегодня—одно, завтра—другое. Къ тому же долженъ сказать, что даже Милютину не удалось освободиться отъ «гатчинскихъ» тенденцій: въ его время форма обмундированія и пригонка аммуниціи играли немалую роль, а протекціонизмъ царилъ, конечно, и тогда въ полной мѣрѣ. Въ царствованіе Императора Александра III была сдѣлана попытка поставить злополучный вопросъ о формѣ обмундированія на вѣрный путь: одѣть армію однообразно, уменьшить число отличій и поводовъ къ «суконной» розни въ войскахъ.

Помню, какой вопль поднялся тогда въ гусарскихъ и уланскихъ полкахъ!

Но реформа состоялась и принесла несомнѣнную пользу, уменьшивъ антагонизмъ родовъ оружія и рознь въ частяхъ конницы (Теперь, къ сожалѣнію, все пошло опять назадъ).

Въ министерство Ванновскаго проведены и другія важныя реформы въ арміи. Такъ, напримѣръ, введено новое положеніе объ управленіи хозяйствомъ частей. Положенъ предѣлъ безконтрольному хозяйничанію полковыхъ командировъ. Однако, и эта реформа, какъ и всѣ *частичныя* реформы, не дала всей ожидавшейся отъ нея пользы. Правда, пришлось многимъ сократиться, но это только на первыхъ порахъ, пока не усвоили системы бумажнаго отчета, бумажной отписки. Но тогда явилось другое горе: канцелярія стала важнѣйшимъ органомъ полка; все вниманіе и время строевыхъ чиновъ поглощалось ею... Канцелярія скоро стала заѣдать и тѣ жалкія (плацовыя) упражненія, кои назывались «строевыя занятія»...

— Какое безвыходное положеніе: носъ вытащилъ — хвостъ увязъ; хвостъ вытащилъ — носъ увязъ!

— А все отчего?

— Отъ «аракчеевщины», отъ «гатчинскихъ» привычекъ и наклон-

ностей. Все — внѣшность, все — показное, мишурное, бутафорское; а внутри — ничего нѣтъ: ни знаній дѣла, ни настоящей любви къ Родинѣ, ни сознанія долга передъ нею!.. Одинъ эгоизмъ.

Неудивительно, что въ итогѣ получились: Крымъ и Маньчжурія.

Но обратимся къ реформамъ.

Всѣ и вся говорили: нѣтъ начальниковъ. Однако существенныхъ перемѣнъ въ системѣ ихъ комплектованія произведено не было.

Заботы о начальникахъ въ кавалеріи попрежнему не поднялись выше заботъ объ эскадронномъ командирѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ «Положеніе объ офицерской кавалерійской школѣ 1882 года», измѣненное затѣмъ въ 1887 году. Попрежнему гвардія признавалась школой для высшихъ начальниковъ и почти единственнымъ источникомъ комплектованія ихъ.

Послѣдовавшее затѣмъ установленіе *нормы* на должность командира полка для лицъ разныхъ категорій (гвардія, армія и генеральный штабъ), измѣнило нѣсколько составъ командnаго элемента, но весьма мало, ибо *привилегіи гвардіи* и *протекціонизмъ* доминировали.

Существовали даже двѣ противорѣчивыя статьи закона (теперь ихъ нѣтъ): одна гласила, что армейскій подполковникъ можетъ быть произведенъ въ полковники, если онъ зачисленъ уже *кандидатомъ* на должность командира полка, а другая, что «кандидатами» могутъ быть зачисляемы только *полковники*...

Немудрено, что армейскому офицеру трудно было «проскочить» черезъ такія ворота. А въ результатѣ 60—70 процентовъ высшихъ строевыхъ должностей были заняты гвардіею, причемъ, чѣмъ выше должность, тѣмъ больше процентъ гвардейцевъ. Даже офицеры генеральнаго штаба, офицеры съ высшимъ военнымъ образованіемъ, не имѣли движенія, если не принадлежали къ гвардіи *) (см. статистическія цифры въ № 794—795 журнала «Развѣдчикъ» за 1906 годъ).

Армейскій офицеръ и «армеецъ» генеральнаго штаба подвигались по службѣ весьма медленно. Армейцы до сихъ поръ еще держатъ по 10—12 лѣтъ на должности эскадроннаго командира и постольку же въ штабъ-офицерскихъ чинахъ; люди протекціи и привилегій обгоняютъ ихъ во всѣхъ служебныхъ стадіяхъ.

*) Это сохранилось въ силѣ до послѣднихъ дней. А въ кавалеріи генеральный штабъ такъ отсталъ въ назначеніяхъ, что пѣхотными частями командуютъ болѣе молодые офицеры, чѣмъ кавалерійскими!

Я подчеркиваю, что схаластика въ обученіи, увлеченіе внѣшностью, мелочами, картинками, отсутствіе живого и смѣлаго движенія въ «дѣловомъ» направленіи, *шли всегда рука-объ-руку съ невѣрнымъ правовымъ положеніемъ*.

Тамъ, гдѣ *дѣло* не стоитъ *впереди всего,* тамъ всегда сильны: протекція и незаслуженныя привилегіи.

Протекція и *мелочность* (внѣшность, бутафорія) — родныя сестры и великіе наши бичи!

О нихъ разбивались всѣ благія начинанія.

Послѣ войны 1877—78 г. началось то же, что дѣлалось и раньше: кое-что измѣнили, кое-что добавили, а суть жизни (протекціонизмъ*), а съ нимъ — мелочность и недѣловитость), осталась прежняя. Понятно, что и въ работѣ не было толку, даже тамъ, гдѣ тратили на нее много времени и силъ.

Вооружили всю конницу винтовкой, но на стрѣльбу не обращали должнаго вниманія, а все упражнялись въ «съѣздкѣ смѣнъ», да въ «сколачиваніи» частей на гладкихъ плацахъ; толковали о «подвижности» конницы, на маневрахъ увлекались рейдами, а на смотрахъ гонялись за «жирными тѣлами», попрежнему священнодѣйствовали на выводкахъ, а отъ «травянаго» довольствія, вреднаго для конницы, и до сихъ поръ отдѣлаться не могутъ; ввели тактическія занятія и полевыя поѣздки, но на тактическихъ занятіяхъ отчаянно зѣвали, а на полевыхъ занятіяхъ чертили *съ карты* кроки, сидя въ комнатѣ, и списывали приказанія со «справочныхъ» книжекъ; ввели строгій бумажный учетъ не только хозяйству, но строевымъ занятіямъ, а «негласныя» суммы существовали въ полкахъ при всеобщемъ благосклонномъ попустительствѣ; установили почти единое и простое обмундированіе арміи (при Ванновскомъ), а «формъ» учредили столько, что никто никогда не зналъ, въ чемъ ему надо быть одѣтымъ, а для рѣшенія этого вопроса приходилось прибѣгать къ томамъ «разъясненій» и «дополненій» и къ частнымъ «справочнымъ» изданіямъ; стали заниматься маневрами, пробѣгами и полевой службой, но, не выяснивъ официально задачъ конницы и пріемовъ ихъ исполненія, *блуждали въ маневренной области* и занимались мелочами въ полевой работѣ.

— Что такое конница, зачѣмъ она существуетъ, что должна дѣлать въ военное время, въ какомъ направленіи должна итти ея под-

*) Значеніе этого бича можно бы и не объяснять. Иллюстрировать его можно безчисленными фактами. Главная его арена — назначенія на должности... А въ результатѣ: «нѣтъ соотвѣтствующихъ начальниковъ въ теченіе 100 лѣтъ!

готовка, какимъ путемъ долженъ вырабатываться ея командный элементъ? Все это оставалось открытымъ.

Неудивительно, что, создавъ въ 1889 году офицерскую кавалерійскую школу, никакъ не могли остановиться на томъ: чему же обучать въ ней офицеровъ. Совершенствовать ли военно-научную подготовку, учить ли ѣздѣ, готовить ли инструкторовъ по выѣздкѣ лошади, или по обученію новобранца?

Учить ли кандидатовъ на эскадронъ (старыхъ штабсъ-ротмистровъ), или молодыхъ офицеровъ до чина поручика включительно, или, наконецъ, молодыхъ штабсъ-ротмистровъ?

Съ 1882 года до нашихъ дней положеніе о школѣ перемѣнилось пять разъ. Изъ нихъ три раза оно измѣнялась кореннымъ образомъ, мѣняя какъ бы взглядъ на назначеніе школы.

— Что же это такое, какъ не отсутствіе опредѣленнаго взгляда на дѣло, — отсутствіе опредѣленной потребности, т. е. отсутствіе самаго дѣла?

Вчера что-то дѣлалось: кого-то къ чему-то готовили. Сегодня: довольно науки, не годится; будемъ обучать техникѣ. Завтра: нѣтъ и это не такъ, давайте учить и техникѣ и немного «наукѣ»!..

Жизнь предъявляетъ свои требованія непреклонно. Она требуетъ *дѣловой* работы и за нее только вознаграждаетъ. Она требуетъ, чтобы каждый работникъ понималъ *цѣль* своего труда, чтобы трудъ его былъ бы производителенъ, т. е. полезенъ не только для даннаго лица, а и для всего общества, именуемаго Государствомъ; въ особенности тогда, когда *Государство (общество) оплачиваетъ* этотъ трудъ.

Неисполненіе этого *закона* карается общественными катастрофами.

Тамъ, гдѣ есть *дѣловое* направленіе, гдѣ интересы *общаго* дѣла поставлены во главѣ угла,—тамъ не должно и не можетъ быть хроническихъ колебаній. Колебанія явно доказываютъ наличіе «недѣловой» системы, т. е. такого направленія, когда не люди служатъ дѣлу, а дѣло служитъ для благополучія отдѣльныхъ личностей!..

Съ 1896 года началось въ кавалеріи болѣе правильное, систематическое обученіе.

Обращено вниманіе на ремонтированіе конскаго состава. Удѣлено много заботъ для поднятія всѣхъ отдѣловъ боевой подготовки конницы, обращено вниманіе на конный «спортъ», на тактическія занятія офицеровъ, на маневры; введены «парфорсныя охоты», занятія со старшими кавалерійскими начальниками, поднято такъ-наз. «конно-«саперное дѣло, подвинута впередъ мобилизаціонная готовность кон-

ницы. Словомъ, сдѣлано очень много для усовершенствованія конницы, какъ рода оружія.

Но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что конница, равно и прочіе роды оружія, *вступила вполнѣ на новый путь,* на путь дѣловой работы, и что ей не остается ничего больше, какъ совершенствоваться въ избранномъ направленіи.

Работа идетъ, и ее немало; но общее направленіе ея невѣрно, ненадежно, случайно, перемѣнчиво, да и многаго нехватаетъ еще...

Какимъ причинамъ ни приписывать крымское и маньчжурское пораженіе, все-же приходится повторять за всѣми серьезными критиками: «У насъ не было соотвѣтствующаго командnаго элемента».

Вдумайтесь хорошенько въ это фатальное положеніе. — Спросите себя: почему же такъ? Вѣдь мы постоянно учились чему-то, разбирали военные вопросы, учили войска?..

По-моему, отвѣтъ въ двухъ словахъ: *протекціонизмъ* и *мелочность,* т. е. случайное комплектованіе командnаго состава и отсутствіе *дѣловой школы* для его нарожденія.

На этомъ фонѣ всякая работа будетъ случайна, перемѣнчива, ненадежна; къ тому же существенныя стороны дѣла будутъ всегда въ тѣни, а впереди фигурировать будутъ, а, слѣдовательно, и привлекать къ себѣ силы, время и энергію—вопросы второстепеннаго порядка, внѣшняго свойства. Работа не будетъ на правильномъ пути.

Чтобы работа войскъ была продуктивна, чтобы армія была надежнымъ *кадромъ* вооруженнаго народа, необходимо:

1. Рѣшительно *отказаться отъ протекціонизма и привилегій не вызываемыхъ общими интересами.* Служба каждаго должна быть обезпечена твердыми и незыблимыми правилами, одинаковыми для всѣхъ. Каждый долженъ знать, что надѣяться ему надо на свои «военныя» познанія, «военныя» способности, «военныя» заслуги. Каждый долженъ знать, что обогнать его по службѣ можетъ *только способнѣйшій,* опытнѣйшій, болѣе знающій, а не только «ближе стоящій къ сферамъ» или начавшій службу въ привилегированной части. Каждый долженъ знать, что ему незачѣмъ ѣхать въ Петербургъ хлопотать о себѣ, ибо его интересы соблюдаются тамъ вполнѣ, какъ работника одного и того же общаго дѣла.

Вотъ тогда, только тогда, *массы* съ интересомъ возьмутся за дѣло: вѣдь внѣ его не будетъ «хода». Кромѣ того, массы пріучатся любить

общее дѣло, т. е. ставить интересы Родины *хотя* бы на одну доску со своими *).

А чтобы дѣло не пошло ложнымъ путемъ, чтобы работа не затрачивалась напрасно, необходимо:

2. *Учить войска только тому, что нужно имъ для войны* и притомъ, *главное, ставить на первое*] *мѣсто* и удѣлять ему бо́льшую часть силъ, энергіи и средствъ.

Внѣшняя отдѣлка, мелочь умѣстны только тогда, когда закончено главное, когда есть внутреннее содержаніе.

Вотъ тотъ путь, на которомъ принесутъ пользу и техническія усовершенствованія, и практика въ полѣ, и тактическія занятія, и научныя работы.

Только на этомъ пути трудъ работниковъ *военнаго дѣла* можетъ быть *продуктивенъ* и почетенъ. Только тогда онъ оправдаетъ тѣ колоссальныя жертвы, кои несетъ Россія для содержанія своей арміи.

Только на этомъ пути создастся *школа* «соотвѣтствующихъ» начальниковъ, т. е. такихъ, кои сумѣютъ *подготовить войска своей Родины* и *повести ихъ къ побѣдѣ*, нужной ей, для закрѣпленія трудовъ предшествовавшихъ поколѣній и для увеличенія благосостоянія всѣхъ ея сыновъ.

Я.

---

*) Тогда врядъ ли будутъ случаться дѣла въ родѣ дѣла ген.-маіора Телешева, разсматриваемаго нынѣ въ Новочеркасскомъ Судѣ. А дѣло это — характерное и безконечно печальное. Но не тѣмъ, что были злоупотребленія, а тѣмъ, что явленіе это неединичное и заключаетъ въ себѣ признаки извѣстныхъ порядковъ, тенденцій, привычекъ.

Россія на Дальнемъ Востокѣ.

Заключеніе русско-японскаго соглашенія явилось такимъ факторомъ въ жизни Дальняго Востока, который неизбѣжно внесетъ измѣненіе въ международную обстановку въ Восточной Азіи и заставитъ соперничествующія здѣсь державы пересмотрѣть свое положеніе и взаимныя отношенія.

До послѣдней войны заинтересованными въ дѣлахъ Дальняго Востока державами главнымъ образомъ являлись: Россія, Японія, Великобританія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Германія и Франція; что же касается Китая, то съ его желаніями или совсѣмъ не считались, или считались минимально. Интересы державъ фактически выражались по преимуществу въ извѣстномъ числѣ полученныхъ территоріальныхъ и промышленныхъ концессій.

Послѣднія послужили главнымъ основаніемъ для проектированія такъ-называемыхъ «сферъ вліянія», смыслъ которыхъ заключался въ огражденіи интересовъ соотвѣтствующихъ державъ и въ доставленіи имъ возможности развивать эти интересы безъ постояннаго соревнованія съ другими.

Въ большинствѣ случаевъ «сферы вліянія», не будучи санкціонированы ни договорами, ни опредѣленно выраженнымъ согласіемъ другихъ заинтересованныхъ державъ, не будучи размежеваны, являлись лишь выраженіемъ извѣстныхъ политико-экономическихъ притязаній.

Во многихъ случаяхъ «сферы вліянія» намѣчались съ большимъ избыткомъ противъ дѣйствительной надобности съ одной стороны съ цѣлью образованія запаса для уступокъ при переговорахъ съ конкурентами, съ другой—для созданія затрудненій послѣднимъ.

Особенную жадность въ этомъ направленіи проявили Соединенные Штаты Сѣверной Америки, которые, не удовлетворяясь никакимъ объемомъ «сферъ вліянія», энергично добивались и требовали предоставленія одинаковыхъ правъ повсюду; нѣсколько меньшими аппетитами

отличалась Великобританія, которая, напримѣръ, въ одномъ только Китаѣ включила въ сферу своего вліянія 16 провинцій изъ 18-ти и, кромѣ того, Тибетъ и Маньчжурію.

Другія націи были скромнѣй: Германія ограничивалась долиной Янцзы, Шаньдуномъ и Чжили; Франція—южными провинціями Китая и тремя сѣверными; Японія претендовала на исключительное преобладаніе въ Кореѣ и провинціи Фудзянъ и т. д.

По ходу событій и существу интересовъ нашими главнѣйшими противниками въ Восточной Азіи оказались: Японія, Великобританія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки; эти же державы были политическими противниками Германіи и Франціи; такимъ образомъ, заинтересованныя въ дѣлахъ Восточной Азіи государства разбились на двѣ группы: а) Россія, Германія, Франція и б) Великобританія, Японія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Эта естественная группировка имѣла практическое примѣненіе въ 1895 году, но дальнѣйшаго развитія не получила, хотя удобный случай представлялся въ 1900 году.

Тѣмъ временемъ международная обстановка существенно измѣнилась: сдѣланные Россіей, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія на Дальнемъ Востокѣ, важные шаги, выразившіеся въ занятій Квантуна, оккупаціи Маньчжуріи и въ проложеніи части Сибирской магистрали по китайскимъ владѣніямъ казались настолько современными и обезпеченными, что мы могли разсчитывать на подчиненіе и въ экономическомъ, и даже политическомъ отношеніи не только всей Маньчжуріи, но и части Кореи.

Но политикой «закрытыхъ дверей» мы возбудили глубокую непріязнь державъ второй группы, не говоря уже про Китай, который въ виду нашего хозяйничанья въ области, тѣсно связанной съ исторіей царствующей Маньчжурской династіи, питалъ къ намъ явно враждебныя чувства. Россія вскорѣ оказалась въ положеніи, близкомъ къ изолированному (слабая поддержка Франціи), но въ то же время на настойчивыя приглашенія Японіи столковаться и размежеваться въ сферахъ вліянія, мы отвѣчали неумѣренными требованіями, угрожающими дѣйствіями и, такимъ образомъ, довели дѣло до войны; результаты послѣдней не оправдали нашихъ ожиданій: русскія начинанія были кассированы, на наши обширные планы наложено veto.

Послѣ понесенныхъ неудачъ, подорвавшихъ вооруженныя силы и уронившихъ нашъ престижъ, при смутѣ внутри страны, политическое положеніе Россіи на Дальнемъ Востокѣ въ первые годы послѣ борьбы

оказалось крайне тяжелымъ: ослабленные и матеріально, и нравственно, будучи почти изолированными, мы были вынуждены отказаться временно отъ активной политики, сжаться, быть уступчивыми при переговорахъ съ нашими политическими противниками; исключительно тяжелая обстановка, несомнѣнно, вліяла отрицательно на проявленіе нужной намъ твердости и настойчивости, понуждала насъ, быть-можетъ, къ излишней уступчивости.

Но вскорѣ же оказалось, что временный выходъ Россіи изъ ряда активныхъ державъ произвелъ неожиданный эффектъ въ Европѣ, нарушивъ политическое равновѣсіе: все возрастающая германская мощь заставила прозрѣть и нервно зашевелиться Великобританію. И вотъ, несмотря на то, что взаимныя отношенія этого послѣдняго государства и Россіи издавна сложились весьма опредѣленно, а именно въ видѣ взаимнаго постояннаго соперничества преимущественно на почвѣ политическаго преобладанія, несмотря на то, что Великобританія въ теченіе болѣе полувѣка являлась самымъ коварнымъ, самымъ энергичнымъ, наносившимъ намъ огромный вредъ противникомъ, трактовавшимъ постоянно Россію какъ страну грубой силы и обманчивой политики, натравливавшимъ на насъ кого только оказывалось возможнымъ, вызывавшимъ къ жизни всяческіе враждебные намъ элементы,—вступила въ дружественные съ нами переговоры. Этого рѣзкаго поворота настоятельно потребовала практичная, прозорливая и мудрая англійская политика, когда она убѣдилась, что британскимъ интересамъ грозитъ совершенно реально страшная опасность.

Такъ зародилась и получила осуществленіе идея англо-русскаго соглашенія по азіатскимъ дѣламъ, обусловившаго намъ возможность не ожидать съ тревогою каждаго завтрашняго дня.

Японія, занявшая послѣ войны исключительно выгодное положеніе въ Восточной Азіи, слишкомъ скоро и неосторожно дала почувствовать свое превосходство другимъ державамъ; отсутствіе такта, неспособность уважать чужія права возбудили даже въ средѣ японскихъ союзниковъ живѣйшее опасеніе за мирное теченіе жизни въ Восточной Азіи; политическіе друзья Японіи пожелали оказать извѣстное воздѣйствіе, дабы умѣрить пылъ японскихъ начинаній.

Въ то же время сами японцы, подведя итоги войны, хотя и побѣдоносной, убѣдились, до какой степени трудна, изнурительна и разорительна борьба съ Россіей, какихъ огромныхъ жертвъ и невѣроятныхъ усилій она требуетъ. Даже при условіи, что Россія вела войну на чужой территоріи, за чуждые, непонятные массамъ русскаго на-

рода интересы, далеко не исчерпала всѣхъ рессурсовъ,—Японія вынуждена была принести слѣдующія колоссальныя жертвы: людьми—убито въ бою 47.152 человѣка, умерло отъ ранъ 11.424, отъ болѣзней—21.803, всего—80.379 человѣкъ; ранено 153.673, пропало безъ вѣсти 5.081, получило увѣчья 16.456; всего же, считая убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и болѣзней, раненыхъ, пропавшихъ, увѣчныхъ и тяжко больныхъ, изъ строя выбыло 457.035 человѣкъ; кромѣ того, страна получила 31.088 инвалидовъ.

Общая сумма расходовъ значительно превысила 2 милліарда іенъ (2.157.772.881); для веденія войны пришлось, несмотря на тяжелыя условія, заключить пять внѣшнихъ займовъ, на сумму 1.132 мил. фунтовъ стерлинговъ (изъ нихъ 4 займа гарантированныхъ доходами съ различныхъ правительственныхъ регалій) и пять внутреннихъ—на сумму 480 милл. іенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ война внесла глубокое разстройство въ народное хозяйство страны; отъ великой державы, къ числу которыхъ причисляется Японія, требуются и великіе расходы; до русско-японской войны государственный бюджетъ Японіи ограничивался 250 милл. іенъ, а нынѣ онъ перевалилъ за 650 милл. іенъ; до войны одна японская душа уплачивала въ годъ 5 іенъ государственныхъ налоговъ, а теперь та же душа уплачиваетъ свыше 13 іенъ; но для того, чтобы за счетъ новыхъ видовъ обложенія страны пополнялась безостановочно деньгами столь требовательная государственная касса, необходимо такое же быстрое наростаніе экономическаго благосостоянія народа; однако рѣшительно ничто не даетъ указаній, чтобы Японія въ настоящее время экономически процвѣла въ $2^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ въ 1903—1904 гг.

Насколько страна обременена всякаго вида налогами, видно изъ вычисленій товарища японскаго министра финансовъ, а именно: правительственные и общинные налоги, лежащіе на каждомъ японскомъ обывателѣ, достигаютъ 35% его доходовъ, т. е. превышаютъ $^1/_3$! Вычисленія г. Дайера, спеціально занимавшагося бюджетами семей японскихъ рабочихъ, показываютъ, что въ результатѣ тяжелаго мѣсячнаго труда и самой нищенской жизни убогій бюджетъ въ концѣ мѣсяца сводится съ дефицитомъ въ 1 рубль 16 коп.

Но если всѣ эти колоссальныя жертвы оправдывались важностью тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовала Японія въ минувшей борьбѣ, то теперь, когда Россія ушла за свою границу, не угрожаетъ Японіи и не стоитъ на пути ея естественнаго поступательнаго движенія, — обстановка складывается совершенно иначе.

Эти обстоятельства, а равно и другія, о которыхъ рѣчь впереди, побудили Японію измѣнить свои отношенія къ Россіи, стать возможно уступчивой, искать соглашенія съ нами. Русско-японскія отношенія значительно укрѣпились послѣ заключенія торговаго договора, въ рамки котораго нынѣ укладываются самыя разнообразныя стороны международныхъ отношеній. Косвеннымъ доказательствомъ того, что важнѣйшія японскія пожеланія были въ этомъ договорѣ удовлетворены достаточно, служитъ фактъ пожалованія исключительныхъ наградъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ переговорахъ.

Этотъ договоръ явился первымъ этапомъ въ дальнѣйшемъ упроченіи русско-японскихъ отношеній, нынѣ, какъ извѣстно, вылившихся въ форму особаго соглашенія по дальневосточнымъ дѣламъ.

Останавливаясь на оцѣнкѣ этого акта, необходимо отмѣтить слѣдующее: политическіе интересы Россіи и Японіи, по существу взаимнаго географическаго положенія странъ, далеко не всегда совпадаютъ; соглашенія, заключенныя послѣ войны между нами и японцами, явились для насъ (кромѣ послѣдняго) нѣсколько вынужденными, поэтому японцамъ удалось добиться широкаго удовлетворенія ихъ насущныхъ интересовъ, затѣмъ (что также весьма важно) минувшія пораженія нанесли слишкомъ глубокую рану русскому національному самолюбію, чтобы эту данную можно было бы забыть и игнорировать; кромѣ того, самая культура и міровоззрѣнія японца во многомъ чужды русскому. Поэтому на состоявшееся соглашеніе отнюдь нельзя смотрѣть какъ на какой-то союзъ; нормальныя отношенія возможны только съ сильною Россіей, такъ какъ слабый неизбѣжно явится игрушкой и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ сильнаго. Поэтому, извлекая возможную пользу изъ англо-русскаго и русско-японскаго соглашеній, развязывающихъ намъ руки на завтрашній день, мы, пользуясь временемъ, обязаны проявить самую кипучую дѣятельность для укрѣпленія своего расшатаннаго положенія: иначе горьки будутъ плоды этихъ соглашеній, если грозный кличъ «стройся къ расчету!» вновь застанетъ насъ неготовыми.

Кромѣ приведенныхъ соображеній, есть еще и другія болѣе глубокія причины, заставляющія Японію быть осторожной, до поры до времени сдерживать свои порывы. Такъ какъ эти причины имѣютъ существенное для насъ значеніе, то приходится остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Занятое японцами на материкѣ положеніе требуетъ, конечно, огромныхъ усилій для его закрѣпленія; чтобы проглотить и перева-

рить цѣлую страну съ 12 милліонами населенія, нужно время, нужны средства; расчеты на извлеченіе выгодъ изъ бывшей Кореи, Южнаго Сахалина и Южной Маньчжуріи не лишены, конечно, основанія, но такія выгоды—дѣло будущаго; пока же на всѣ начинанія на материкѣ средства приходится выкладывать изъ собственнаго довольно тощаго кармана; кромѣ того, хищническій и неуравновѣшенный характеръ эксплоатаціи входящихъ въ сферу японскаго вліянія странъ уже нынѣ создалъ нездоровыя отношенія «между стригущими и стригомыми».

Для полученія денежныхъ средствъ японцы задумали захватить въ свои руки большую часть перевозной торговли на Тихомъ и Индійскомъ океанахъ; для осуществленія этой задачи они немедленно по заключеніи мира приступили къ образованію сѣти колоній къ Кореѣ, Маньчжуріи, Китаѣ, Индо-Китаѣ, Сіамѣ, на островахъ Зондскаго архипелага, Индіи, Южной Африкѣ, Чили, Перу, Мексикѣ, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и Британской Колумбіи, намѣреваясь связать эти колоніи своими пароходными линіями и, такимъ образомъ, достигнуть намѣченной цѣли.

На этой почвѣ разыгрались крупныя недоразумѣнія, которыя, въ связи съ особымъ характеромъ дѣятельности японцевъ на материкѣ, понудили даже союзниковъ и друзей быть на-сторожѣ.

Какъ извѣстно, послѣ возобновленія англо-японскаго союзнаго договора, въ 1905 году, правительство Великобританіи, подъ первымъ впечатлѣніемъ этого договора, а также и результатовъ русско-японской войны, отозвало свой линейный флотъ изъ Тихаго океана; но, по мѣрѣ того какъ союзники-японцы, воображали, что они теперь «все могутъ» и неосторожно затрогивали то тѣ, то другіе британскіе интересы, въ самой Англіи раздались голоса, указывающіе на грубую стратегическую ошибку—отозваніе британскаго линейнаго флота и предоставленіе тѣмъ самымъ торжествующей Японіи исключительнаго командованія водами Тихаго океана; по мнѣнію критики, этотъ шагъ, несомнѣнно, рѣзко нарушилъ традиціи морской британской политики, до сихъ поръ ставившей себѣ цѣлью реальную вооруженную защиту своихъ великихъ интересовъ на берегахъ Тихаго океана, которая нынѣ возложена на постороннюю націю; такое поведеніе британскаго правительства уподобляется отказу римскихъ легіоновъ защищать Римъ.

Дѣйствительно, насколько первый англо-японскій договоръ являлся обоюдовыгоднымъ въ смыслѣ общности дѣйствій противъ общаго

врага Россіи, настолько второй оказался икусственнымъ и неестественнымъ, разъ задача, поставленная въ первомъ договорѣ, была достигнута; поэтому дальновидные политики полагаютъ, что послѣдній договоръ легко можетъ въ одинъ прекрасный день обратиться въ пустой звукъ, или, какъ выразился одинъ изъ нихъ, «не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ этотъ документъ не будетъ стоить той бумаги и тѣхъ чернилъ, которыя потрачены на его написаніе».

Первый англо-японскій союзъ, имѣвшій своей конечной цѣлью русско-японскую войну, ослабивъ временно Россію, въ то время усилилъ Японію, являющуюся нынѣ дѣйствительно опаснымъ противникомъ Великобританіи, угрожающимъ ея интересамъ. О размѣрахъ послѣднихъ можно судить хотя бы по цифрѣ торговыхъ оборотовъ съ однимъ только Китаемъ: цѣнность англійскаго ввоза достигаетъ здѣсь 250 мил. ланъ (ланъ по курсу—отъ 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 50 к.), составляя болѣе половины всего иностраннаго импорта въ эту страну!

Между тѣмъ безпристрастное изученіе взаимнаго англо-японскаго положенія показываетъ, что британскіе интересы въ Азіи, на Тихомъ океанѣ, въ Австраліи, а тѣмъ болѣе въ Индіи—нигдѣ не могутъ развиваться параллельно и совмѣстно съ японскими; Японія становится все болѣе угрожающей соперницей Великобританіи въ тѣхъ именно сферахъ, въ которыхъ эта держава привыкла считать себя внѣ конкуренціи и сильнѣе всѣхъ другихъ націй: то, на чемъ зиждется до сихъ поръ міровое существо Великобританіи—торговое мореплаваніе и военный флотъ,—въ Восточной Азіи и Тихомъ океанѣ встрѣчаетъ въ лицѣ союзной Японіи предпріимчиваго соревнователя и дѣятельнаго конкурента.

Торговый флотъ Японіи, захватывающій съ каждымъ годомъ все большее число линій, къ 1 января 1908 года насчитывалъ въ своемъ составѣ свыше 7 тысячъ паровыхъ и парусныхъ судовъ съ водоизмѣщеніемъ около 1,5 мил. тоннъ; свои торговые интересы Японія въ состояніи поддерживать грознымъ военнымъ флотомъ, энергичное и планомѣрное развитіе котораго составляетъ прямую угрозу Великобританіи.

Вотъ почему нѣкоторые британскіе политики утверждаютъ, что англо-японская дружба есть такая же историческая ошибка британскаго правительства, какъ его традиціонная вражда, со времени Крымской кампаніи, ко всякому шагу Россіи въ Европѣ и Азіи.

Вотъ какого рода соображенія, основанныя на реальныхъ данныхъ,

заставляютъ, между прочимъ, Великобританію искать болѣе тѣснаго сближенія съ нами по дѣламъ Восточной Азіи.

Что же касается японо-американскихъ отношеній, то изъ дружественныхъ и почти союзныхъ во время минувшей войны они нынѣ обратились едва не во враждебныя; это обстоятельство также, какъ увидимъ, имѣетъ существенное для насъ значеніе.

Со времени войны съ Испаніей, когда, по выраженію извѣстнаго адмирала Дьюи, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ испанскаго флота въ Манильской бухтѣ была разрушена и китайская стѣна американской изолированности, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки началось особое движеніе, названное «имперіалистическимъ»; сущность его заключается въ слѣдующемъ.

Было время, когда дѣятельность народовъ концентрировалась вокругъ Средиземнаго моря, являвшагося центромъ міровой торговли, богатства и власти; затѣмъ такимъ центромъ сдѣлался Атлантическій океанъ; въ настоящее же время, послѣ заселенія Американскаго материка отъ океана до океана, главная арена дѣятельности человѣчества сосредоточивается на новомъ «Средиземномъ морѣ» народовъ—Тихомъ океанѣ. «Имперіалисты» разсуждаютъ такъ: главнымъ выразителемъ человѣческой дѣятельности служитъ торговля; она, завися отъ количества населенія, направляется, подобно водѣ, туда, гдѣ уровень ниже. На прилегающихъ къ Тихому океану земляхъ проживаетъ не менѣе 500 мил., а если присчитать сюда Индію, то и всѣ 800 милліоновъ, что уже составляетъ болѣе половины всего человѣчества; вокругъ того же океана расположена та новая «Америка», которая еще «не открыта» въ достаточной степени, но заключающая въ себѣ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться самою богатою, самою населенною: это—территоріи Аляски, Канады, Западнаго побережья Штатовъ, Центральной и Южной Америки, Австраліи, Океаніи, Маньчжуріи, Кореи, Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ «имперіалисты» исповѣдуютъ, какъ непреложную истину, извѣстное изреченіе Раллея: «кто владѣетъ океаномъ, тотъ владѣетъ торговлей на немъ, а кто владѣетъ торговлей, тотъ владѣетъ богатствами міра и самимъ міромъ». Эти взгляды, въ связи съ необузданной энергіей американцевъ, съ колоссальнымъ ростомъ ихъ индустріи, настолько глубоко захватили Соединенные Штаты, что оказали существенное вліяніе на измѣненіе торговой политики ихъ и на рѣшеніе выступить конкурентами Европы въ борьбѣ за рынки.

Придвинувшись съ занятіемъ Филиппинъ къ Китаю, Соединенные Штаты смѣло поставили девизомъ своей политики уничтоженіе всякихъ

преградъ, покровительственныхъ концессій и пр., неукоснительно требуя равныхъ правъ и «открытыхъ дверей»; у американцевъ обозначилась своего рода «манія величія»: Тихій океанъ трактовался не иначе, какъ американскимъ моремъ будущаго и даже океанское теченіе, идущее отъ береговъ Америки къ Восточнымъ берегамъ Китая и Японіи и снова возвращающееся къ американскимъ берегамъ, было использовано въ качествѣ аргумента въ пользу стихійной неизбѣжности направленія американской торговли именно по этому кругообороту.

И вотъ, въ періодъ наиболѣе яркаго развитія этихъ идей, мы выступили въ Маньчжуріи со своей политикой «закрытыхъ дверей»; нетрудно представить, какую бурю негодованія, какое бѣшенство вызвала эта мѣра въ Америкѣ; «закрытыя двери» главнымъ образомъ обусловили ту исключительную поддержку, которую оказали Штаты Японіи въ борьбѣ ея съ Россіей.

Но вотъ война кончилась; Россія оттѣснена изъ Маньчжуріи и... каждая пядь земель, омываемыхъ водами Тихаго океана, рисовавшагося въ жадномъ американскомъ воображеніи «американскимъ озеромъ», фактически подпала подъ угрозу торжествующей Японіи.

Такимъ образомъ, не только тихоокеанскія колоніи Штатовъ, но даже ихъ собственное побережье на этомъ океанѣ оказались беззащитными, могущими стать добычей вчерашнихъ друзей. Что же касается политики «открытыхъ дверей», то японцы поняли ее по-своему: тотчасъ послѣ войны они завалили рынки Востока дешевыми произведеніями своей промышленности и въ то же время приняли самое дѣятельное участіе въ бойкотѣ американскихъ товаровъ въ Южномъ Китаѣ; въ японо-американской дружбѣ появилась первая глубокая трещина, которую тогда еле удалось замазать только съ поверхности.

Вслѣдъ затѣмъ американская торговля была быстро вытѣснена изъ Кореи; затѣмъ настала очередь за богатымъ маньчжурскимъ рынкомъ: въ 1905 году американскій ввозъ въ Маньчжурію выразился въ суммѣ 26.500 т. долларовъ, съ тѣхъ поръ картина рѣзко измѣнилась; японцы, установивъ преференціальные тарифы, назначивъ субсидіи и другія льготы для соотечественниковъ, достигли того, что уже въ 1909 году американскій ввозъ былъ пониженъ до 7.500 т. долларовъ; въ дальнѣйшемъ обозначается полный крахъ американской торговли. Легко представить, насколько такія «открытыя двери» нравятся американцамъ и какія чувства вызываютъ у нихъ дѣйствія японцевъ.

Тѣмъ временемъ Японія дала себя почувствовать не только на почвѣ торговой конкуренціи: воспользовавшись пустымъ, школьнымъ инцидентомъ въ Санъ-Франциско,—она проявила исключительную притязательность и принудила американцевъ быть очень уступчивыми; послѣдніе попробовали «припугнуть друга» и двинули въ Тихій океанъ свою армаду; затѣя кончилась крайне неудачно и плачевно для американскаго престижа: не только не запугали, но вынуждены были съ конфузомъ возвратиться вспять...

Такимъ образомъ, чрезмѣрное усиленіе Японіи никоимъ образомъ не можетъ соотвѣтствовать ни политическимъ, ни торговымъ интересамъ Соединенныхъ Штатовъ; вооруженное столкновеніе этихъ державъ на почвѣ политическаго и экономическаго преобладанія въ Тихомъ океанѣ и Восточной Азіи—лишь вопросъ времени: рано или поздно оно неминуемо; эти обстоятельства, повидимому, учитываютъ обѣ стороны и дѣятельно готовятся къ страшному экзамену.

Изложенныя серьезнѣйшія причины побудили обѣ державы, по понятнымъ мотивамъ, искать соглашенія съ Россіей; извѣстное предложеніе Нокса о нейтрализаціи маньчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ, предъявленное въ настойчивой и даже рѣзкой формѣ, но въ то же время крайне неудачное въ смыслѣ пріемлимости его Россіей и Японіей, ускорило ходъ событій, несомнѣнно, поспособствовавъ скорѣйшему сближенію и соглашенію двухъ послѣднихъ державъ.

Когда затрогиваются вопросы на тему русско-китайскихъ отношеній, то обыкновенно въ качествѣ общей характеристики приводится традиціонная двухсотлѣтняя дружба Россіи и Китая. Конечно, если судить по редакціи заключенныхъ этими державами договоровъ, то даже присоединеніе къ намъ Приамурья произошло «по общему согласію, ради большей вѣчной дружбы» двухъ государствъ; отобраніе отъ насъ Кульджи также было облечено въ форму добровльной уступки «дружественной» намъ державѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ мы потерпѣли дипломатическое пораженіе. Но если оставить въ сторонѣ условный языкъ договоровъ, смотрѣть на него какъ на façon de parler, и обратиться къ изученію фактовъ, безъ тенденціознаго ихъ освѣщенія, то окажется, что—двухсотлѣтняя дружба»—лишь красивая иллюзія: былъ слабъ Китай—мы его прижимали, становились мы въ затруднительное положеніе, Китай переходилъ противъ насъ въ наступленіе.

Передъ самой русско-японской войной Китай относился къ намъ, несомнѣнно, враждебно, но насъ боялся; послѣ же войны дѣятельность китайскаго правительства оказалась направленной къ значительному

вреду для насъ: такъ, вслѣдъ за заключеніемъ Портсмутскаго договора для внѣшней торговли были открыты не только значительные города Сѣверной Маньчжуріи, но и рядъ пунктовъ, лежащихъ по русско-китайской границѣ; маньчжурскія власти, по указаніямъ изъ Пекина, энергично принялись приводить въ порядокъ вооруженныя силы этой окраины, многочисленный потокъ китайскихъ колонистовъ былъ искусственно направленъ въ пограничные съ нами районы; началось игнорированіе и оспариваніе правъ, предоставленныхъ по концессіи обществу Китайской Восточной желѣзной дороги; русскія коммерческія предпріятія въ Маньчжуріи и Монголіи подверглись систематическому стѣсненію; китайскій паровой флотъ самовольно появился на Амурѣ; на рѣкѣ Сунгари была самовольно же учреждена китайская таможня; русское пограничное населеніе стѣснено въ пользованіи, за справедливое вознагражденіе, угодьями правыхъ береговъ Аргуни и Амура; китайцы захватили спорные пограничные участки по р. Аргуни и т. д.

Неуступчивое, чуждое доброжелательства, нерѣдко заносчивое и даже дерзкое поведеніе Китая, сопровождаемое открытымъ нежеланіемъ соблюдать существующіе договоры и трактаты, становится за послѣднее время обычнымъ.

Между тѣмъ внутреннее положеніе Китая становится день ото дня тревожнѣе: уже императрица Цзи-си, нынѣ покойная, на одной изъ послѣднихъ аудіенцій, къ великому удивленію сановниковъ, расплакалась, сказавъ, что, въ виду тяжелыхъ дней, переживаемымъ Китаемъ, угрожаемымъ иностранцами извнѣ и раздираемымъ безпорядками внутри, она не знаетъ, что дѣлать, что предпринять для спасенія государства.

Настоящее положеніе еще болѣе безотрадно, такъ какъ ни одна форма правленія въ Китаѣ не благопріятствуетъ развитію въ большей мѣрѣ интригъ, не создаетъ такого соперничества изъ-за власти, какъ регентство, при которомъ внутренній порядокъ страны находится въ постоянной опасности; всевозможныя интриги, ежедневно разыгрывающіяся во дворцѣ, въ домахъ принцевъ, среди сановниковъ, могутъ въ одинъ прекрасный день произвести полный переворотъ въ существующемъ порядкѣ; вмѣсто того, чтобы разсчитывать на помощь, сотрудничество и поддержку окружающихъ его, принцъ-регентъ, наоборотъ, долженъ всячески ихъ опасаться.

Власть сохраняется въ рукахъ при помощи тысячи хитростей и самой осторожной дипломатіи; эта задача является для регента гораздо болѣе важной, болѣе сложной и трудной, чѣмъ управленіе страной;

опасности, угрожающія регенту лично, кажутся дѣломъ большей важности, чѣмъ опасности, угрожающія странѣ; поэтому бо́льшая часть времени уходитъ на заботы о личныхъ дѣлахъ, а не о дѣлахъ имперіи.

Что касается двора и правительства, то они на государственныя дѣла обращаютъ мало вниманія или даже совершенно ими не интересуются; ихъ вниманіе поглощаетъ борьба за власть, кто въ ней одержитъ верхъ, независимо отъ того, какія отъ этого произойдутъ послѣдствія для страны.

Реформы въ большинствѣ проводятся только на бумагѣ, такъ какъ не хватаетъ двухъ необходимѣйшихъ элементовъ — денегъ и людей Въ Китаѣ нѣтъ единства государственной кассы, каждая провинція живетъ тамъ своимъ бюджетомъ, нерѣдко имѣетъ свою монету и лишь выдѣляетъ опредѣленную сумму на содержаніе двора и центральныхъ управленій; безчисленный сонмъ хищныхъ и алчныхъ мандариновъ, тѣсно сплоченныхъ вѣковыми традиціями, цѣпко держится за питающую и обогощающую ихъ систему финансоваго управленія; реорганизація послѣдняго почти равносильна смертному приговору всей прежней администраціи, а поэтому нелегко осуществима. Естественно, что безъ денегъ, — этого жизненнаго нерва какъ преобразовательной, такъ и всякой другой государственной дѣятельности, — никакія реформы не могутъ получить сколько-нибудь широкаго практическаго значенія.

Затѣмъ для успѣха реформъ нужны упорная работа, ясное и трезвое пониманіе задачъ, знаніе условій жизни, а этихъ данныхъ слишкомъ мало можно найти у молодыхъ сторонниковъ прогресса. Старое же поколѣніе мандариновъ, воспитанное въ китайскомъ классическомъ духѣ, совершенно чуждомъ принципамъ европейской цивилизаціи, въ массѣ предано всецѣло старому режиму; эти элементы еще постоятъ за себя, еще не сломлена ихъ сила, еще гордо и вѣско звучитъ ихъ голосъ предъ тро́номъ. Крайній недостатокъ средствъ, недостатокъ людей не только тормазитъ, но можетъ, при дальнѣйшемъ неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, совершенно скомпрометировать все движеніе Китая по пути прогресса.

Къ сказанному надо добавить еще отсутствіе единства взглядовъ, потому что даже такъ-называемый Собственный Китай далеко не однороденъ и издавна дѣлится на сѣверъ и югъ, сильно разнствующіе и по характеру населенія, и по склонности къ воспріятію европейской цивилизаціи: въ то время какъ югъ является очагомъ прогрессивныхъ движеній, сѣверъ далеко не всегда относится сочувственно къ реформамъ: здѣсь найдется еще немало элементовъ, склонныхъ къ безпо-

щадному истребленію «заморскихъ чертей», къ уничтоженію всѣхъ заведенныхъ при ихъ помощи новшествъ; на югѣ политическая мысль работаетъ интенсивно, сѣверъ болѣе поглощенъ повседневными заботами и матеріальными расчетами и т. д. Тяжесть внутренняго положенія осложняется еще борьбой враждебныхъ элементовъ — маньчжуръ-побѣдителей и китайцевъ-побѣжденныхъ; консервативный мандаринатъ въ свою очередь стремится использовать развитую въ теченіе вѣковъ въ характерѣ китайца преданность старымъ обычаямъ и прочность внѣдрившейся въ народныя массы древней культуры.

При такомъ запутанномъ внутреннемъ положеніи становится возможнымъ кризисъ, возможенъ взрывъ въ родѣ возстанія тайпинговъ или движенія большого кулака.

Внѣшняя политика Китая также не отличается удачей; какъ складываются отношенія съ Россіей, уже отмѣчено; что же касается Японіи, то послѣдняя, несомнѣнно, будетъ стремиться проникать все глубже; уже теперь, попутно съ попытками захвата торговли въ Южной Маньчжуріи, обозначаются японскія усилія закрѣпить эту часть за собой и въ политическомъ отношеніи; громко заявляя о неприкосновенности Китайской имперіи, о китайскомъ суверенитетѣ въ Маньчжуріи, японцы дѣйствуютъ совершенно въ противоположномъ духѣ: строятъ стратегическія желѣзныя дороги, совершенно игнорируютъ представителей китайской власти, — словомъ, хозяйничаютъ, какъ у себя дома.

Заключеніе русско-японскаго соглашенія произвело на Китай удручающее впечатлѣніе; онъ принялся за энергичные поиски союзниковъ, и, повидимому, взоры его обращены на крѣпко обиженные тѣми же японцами Соединенные Штаты Сѣверной Америки и отчасти на Германію.

Изъ очерка русско-китайскихъ отношеній и внутренняго состоянія Китая можно сдѣлать слѣдующій общій выводъ: поведеніе по отношенію къ намъ если не враждебно, то во всякомъ случаѣ чуждо доброжелательства и, скорѣе, непріязненно; урегулировать наши отношенія съ китайцами очень трудно и прежде всего потому, что въ сущности неизвѣстно, съ кѣмъ вести переговоры и кто будетъ отвѣчать за неисполненіе принятыхъ Китаемъ на себя обязательствъ.

Итакъ, результаты русско-японской войны во многомъ оказались неожиданными, — и прежде всего въ томъ, что наши вчерашніе враги и политическіе противники пошли на сближеніе и соглашеніе съ Россіей; послѣдняя вовсе не оказалась изолированной, — наоборотъ, она

получила возможность выбора, возможность ставить свои условія и требовать справедливаго удовлетворенія своихъ пожеланій; нашъ голосъ въ дѣлахъ Дальнаго Востока звучитъ вѣско, какъ и подобаетъ голосу великой міровой державы.

При происходящей перегруппировкѣ намъ прежде всего необходимо рѣшить основной вопросъ: признается ли окончательнымъ то положеніе, которое создано Портсмутскимъ договоромъ, или необходимо это положеніе измѣнить?

При этомъ приходится имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: наша дѣятельность въ Восточной Азіи, отчасти изъ-за слабаго знакомства съ существомъ дѣла, отчасти изъ-за излишней страстности, внесенной какъ его защитниками, такъ и его противниками, никогда не встрѣчала особаго сочувствія ни въ обществѣ, ни даже въ правящихъ сферахъ; постигшая Россію неудача могла только усугубить подобное отношеніе; дѣйствительно, въ массѣ къ этой дѣятельности установилось почти враждебное настроеніе; дѣло дошло до того, что значительная часть нашего общества смотритъ на наши дальневосточныя владѣнія подъ тѣмъ же приблизительно угломъ зрѣнія, подъ которымъ смотрѣли въ доброе старое время помѣщики на свои «пустоши» въ какой-нибудь отдаленной, по-тогдашнему, губерніи—Самарской или Саратовской; хозяйство въ этихъ пустошахъ шло неважно, да и значеніе имъ придавалось не Богъ вѣсть какое; эти владѣнія безъ особыхъ сожалѣній не только продавались, но даже и проигрывались; пессимисты безъ обиняковъ говорятъ: «Если нашъ Дальній Востокъ приноситъ одни убытки, если его трудно защищать, такъ пусть онъ будетъ предоставленъ собственной участи; вѣдь эти владѣнія — лишь запасъ для неизвѣстнаго будущаго».

Само собою понятно, что государство не можетъ становится на подобную точку зрѣнія: оно обязано защищать свое достояніе всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами,—иначе оно перестаетъ быть великимъ государствомъ; во всякомъ случаѣ никогда будущая Россія не простила бы современному поколѣнію, численностью въ 150 милліоновъ, располагающему арміей въ мирное время свыше милліона, а въ военное—свыше нѣсколькихъ милліоновъ, съ ежегоднымъ бюджетомъ свыше $2^1/_2$ милліардовъ, если бы мы отказались защищать свое достояніе.

Рѣшеніе не обращать вниманія на благопріятную политическую обстановку, не пользоваться ею и разыгрывать роль только улитки будетъ, конечно, сейчасъ же учтено нашими политическими против-

никами, которые, пользуясь добровольнымъ бездѣйствіемъ одного изъ главныхъ конкурентовъ, несомнѣнно, поспѣшатъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы, преслѣдуя свои интересы, добиться возможно большихъ результатовъ.

Текущими задачами внѣшней политики Россіи въ Восточной Азіи намѣчаются слѣдующія: 1) обезпеченіе за нами исключительнаго преобладанія въ тѣхъ районахъ, которые имѣютъ стратегическую важность въ смыслѣ защиты нашей государственной границы; 2) сохраненіе за Россіей тѣхъ районовъ, которые могли бы послужить въ будущемъ цѣлямъ нашей колонизаціи; 3) обезпеченіе за Россіей преобладающаго вліянія по тѣмъ направленіямъ, по которымъ возможна и вѣроятна постройка рельсовыхъ путей для связи нашей желѣзнодорожной сѣти съ таковой же сѣтью Восточной Азіи; 4) обезпеченіе за Россіей преобладающаго вліянія въ тѣхъ районахъ, которые могутъ питать эти рельсовые пути.

Минувшая война и послѣдующія событія внесли существенныя измѣненія не только въ политическое, но и въ военное положеніе Россіи на Д. Востокѣ.

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на карту, чтобы признать нашу современную границу съ Маньчжуріей крайне неудовлетворительной: вдаваясь клиномъ между Амуромъ и Уссури, онъ ставитъ въ изолированное положеніе Приморскую область; затѣмъ, правый берегъ важнѣйшей рѣки края — Амура на протяженіи почти 1700 верстъ—принадлежитъ не намъ; кратчайшій и удобнѣйшій, связывающій Забайкальскую и Приморскую области, путь (Китайская Восточная дорога) проходитъ по чужой территоріи, причемъ охрана и пользованіе этимъ путемъ ограничены Портсмутскимъ договоромъ; со дня цусимской катастрофы Россія обратилась на Д. Востокѣ исключительно въ державу сухопутную, и если до войны флотъ дѣлилъ оборону съ сухопутными силами, то теперь эта задача ложится всецѣло и исключительно на армію; Японія перебралась на материкъ въ непосредственное сосѣдство съ нами; Китай съ доступной для него энергіей осуществляетъ реорганизацію своихъ вооруженныхъ силъ и т. д.

При современномъ финансовомъ положеніи Россіи мы не въ состояніи на каждомъ изъ своихъ пограничныхъ фронтовъ содержать все то количество вооруженной силы, которое необходимо для защиты даннаго фронта. Отсюда возникаетъ повелительная необходимость передвигать, въ случаѣ надобности, вооруженныя силы изъ центра государства на угрожаемую окраину; поэтому первымъ важнѣйшимъ и

неотложнымъ требованіемъ государственной обороны будетъ созданіе надлежащимъ образомъ сооруженныхъ, оборудованныхъ и защищенныхъ путей сообщенія, которыя дали бы возможность скоро и планомѣрно осуществить эту переброску.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что если бы пропускная способность Сибирской магистрали была съ начала войны такая же, какъ подъ конецъ ея, мы успѣли бы сосредоточить превосходныя силы, которыя дали бы намъ возможность одержать рѣшительный успѣхъ, независимо отъ талантливаго или безталаннаго командованія. Несомнѣнно также, что и дипломатическіе переговоры, предшествовавшіе окончательному разрыву съ Японіей, приняли бы совершенно другой оборотъ.

Неподготовленность связывающаго пути,—а, слѣдовательно, и наша очевидная слабость на той сторонѣ азіатскаго материка,—являлась одной изъ главныхъ причинъ столь рѣшительной политики нашего противника, явно добивавшагося разрыва и стремившагося ускорить послѣдній, чтобы успѣть использовать нашу коренную ошибку и не дать намъ времени на исправленіе ея.

Вотъ какіе взгляды были высказаны захваченнымъ на Ялу, въ первые дни войны, въ плѣнъ маіоромъ японскаго генеральнаго штаба; когда плѣнному былъ предложенъ кѣмъ-то вопросъ: «Какимъ образомъ могла Японія рѣшиться на войну съ Россіей, которая по своимъ рессурсамъ гораздо могущественнѣе?»—маіоръ отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: «Мы знаемъ, что Россія могущественное государство и по своимъ рессурсамъ сильнѣе Японіи, но Россія сильна въ Европѣ, здѣсь же, по сію сторону азіатскаго материка, она слабѣе насъ; конечно, вы можете собрать здѣсь большія силы, превосходящія наши, но только тогда, когда мы достигнемъ нашихъ цѣлей войны». Этимъ отвѣтомъ сказано все.

Такимъ образомъ, суть дѣла заключается не въ томъ, содержать ли на окраинѣ столько-то корпусовъ, а въ переброскѣ, въ случаѣ надобности, черезъ весь азіатскій материкъ цѣлыхъ армій.

Передъ этой задачей всѣ остальные вопросы отступаютъ на второй планъ, въ томъ числѣ и крѣпости.

Послѣднія сами по себѣ дѣла не дѣлаютъ: никакія оборонительныя средства не въ состояніи заставить противника снять осаду,—это можетъ сдѣлать только армія; но, хотя крѣпости и не могутъ замѣнить своевременнаго подвоза въ угрожаемые районы живой силы—арміи, роль ихъ и вообще инженерной подготовки все-таки весьма значительна:

она даетъ возможность выиграть время, даетъ возможность сковывать дѣйствія противника въ одномъ мѣстѣ съ тѣмъ, чтобы обрушиться на него въ другомъ.

Наличная же живая сила должна быть такова, чтобы, опираясь на крѣпости,—быть въ состояніи сдержать первые натиски врага до прибытія подкрѣпленій изъ Европейской Россіи.

Вопросъ объ инженерной подготовкѣ Д. Востока изслѣдованъ фонъ-Шварцемъ *), а потому я не буду на немъ здѣсь останавливаться, равно какъ и на другомъ, весьма важномъ съ точки зрѣнія военнаго положенія вопросѣ о колонизаціи **), и перейду къ очерку силы Японіи и Китая, какъ возможныхъ нашихъ сухопутныхъ противниковъ.

Военная мощь Японіи за періодъ послѣ войны получила значительное развитіе.

Разсчитывая на активную роль въ сложной обстановкѣ Восточной Азіи, Японія по окончаніи борьбы увидѣла, что она не можетъ оставаться при тѣхъ же силахъ, при которыхъ начала войну: теперь уже извѣстно, что вскорѣ же послѣ открытія военныхъ дѣйствій предварительные расчеты японскаго военнаго министерства, даже при дѣятельной и тщательной заблаговременной подготовкѣ, во многомъ оказались невѣрными: закипѣла спѣшная работа по формированію новыхъ частей ***), полетѣли всякаго рода военные заказы за границу и т. д.

Поэтому, неуклонно слѣдуя своему извѣстному афоризму: «послѣ успѣховъ крѣпче завяжи свой шлемъ», японцы въ 1906 году вырабатываютъ новую обширную программу развитія своей арміи.

Въ конечномъ результатѣ составъ постоянной японской арміи увеличился съ 13 дивизій до 19-ти ****), резервныя войска также увеличены вдвое (раньше были бригады, теперь—дивизіи); сообразно съ ростомъ вооруженной силы ежегодный наборъ, по сравненію съ 1903 годомъ, увеличился болѣе чѣмъ вдвое; въ пѣхотѣ введенъ 2-хлѣтній срокъ службы, составъ арміи военнаго времени также, вѣроятно, увеличился болѣе чѣмъ въ два раза; ежегодный выпускъ

*) См. статью «Оборона Дальняго Востока» въ сборникѣ «Помни войну».

**) Послѣднему посвящена особая статья.

***) Пришлось добавочно сформировать $^1/_3$ часть полевыхъ войскъ, имѣвшихся къ началу войны, расширить рамки резервныхъ войскъ и т. д.

****) Не считая нѣкоторыхъ самостоятельныхъ единицъ, какъ-то: отдѣльныя кавалерійскія и артиллерійскія бригады, бригада войскъ сообщеній, тяжелая артиллерія и пр.

офицеровъ возросъ втрое; армія получила новое вооруженіе и снаряженіе; наконецъ, расходы увеличились вдвое. Развивая свои вооруженія, Японія, несомнѣнно, дѣйствовала отчасти подъ опасеніемъ реванша съ нашей стороны; быть-можетъ, этотъ выводъ послѣ испытанныхъ нами неудачъ покажется нѣсколько страннымъ, но это—такъ. Ярче всего это отразилось въ печати: въ любой японской газетѣ, будь она столичная или провинціальная, постоянно трактовались вопросы о Россіи и нашихъ дѣлахъ, каждый нашъ шагъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики неизмѣнно сопровождался самымъ подробнымъ обсужденіемъ.

Оцѣнивая масштабъ современныхъ японскихъ военныхъ начинаній, разсматривая японскую армію какъ «средство» для достиженія опредѣленныхъ цѣлей въ связи съ возможными будущими противниками страны Восходящаго Солнца, приходится сдѣлать заключеніе, что японцы въ данномъ случаѣ примѣняютъ расчеты, которые могутъ быть оправдываемы въ предвидѣніи возможнаго столкновенія только съ арміей Россіи.

Этотъ выводъ необходимо твердо помнить.

Что касается Китая, то печальный опытъ войны 1894—1905 гг. и послѣдующія событія убѣдили даже пекинское правительство въ томъ, что страхъ передъ стихійною силою Китая, которымъ когда-то такъ долго держался послѣдній, разсѣялся безвозвратно, что для поддержанія цѣлости государства нужны настоящая армія и настоящій флотъ.

Подъ давленіемъ обстоятельствъ китайцы принялись за необычную для нихъ энергичную военную дѣятельность: рядъ указовъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе о плачевномъ состояніи войскъ и потребовалъ отъ мѣстныхъ властей безотлагательнаго приведенія ихъ въ порядокъ. Власти, по обыкновенію, не сразу вняли голосу съ престола: потребовалось нѣсколько повтореній, сопровождаемыхъ угрозами строгихъ наказаній и смѣщеній съ должностей, чтобы заставить генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ заняться подвѣдомственными имъ войсками.

Первые шаги, конечно, были трудны: при отсутствіи прочной организаціи, при неимѣніи свѣдующихъ лицъ и денежныхъ средствъ, дѣло свелось къ увольненію отъ службы нѣсколькихъ тысячъ непригодныхъ людей и приведенію въ относительный порядокъ старыхъ частей.

Начальники отрядовъ пользовались почти полной самостоятельностью; каждая часть жила собственными порядками, до которыхъ никому никакого дѣла не было.

Состояніе частей зависѣло всецѣло отъ добросовѣстности ихъ начальниковъ (считались рѣдкими единицами); при неизбѣжныхъ злоупотребленіяхъ наличный составъ никогда не достигалъ штатнаго; въ случаѣ же смотровъ и парадовъ части пополнялись наймомъ, а нерѣдко насильственнымъ сборомъ первыхъ попавшихся подъ-руку кули, никогда не державшихъ въ рукахъ оружія.

Что касается старшихъ военныхъ чиновъ, то, по тогдашнимъ понятіямъ китайцевъ, они служили только для того, чтобы награждать достойныхъ, карать виновныхъ и чтобы получать львиную долю изъ негласныхъ доходовъ отъ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе войскъ; впрочемъ, желающихъ занимать такія должности было мало—частью потому, что военная служба вообще не пользовалась почетомъ, а частью и оттого, что у многихъ осталась въ памяти незавидная участь большинства генераловъ—печальныхъ героевъ японско-китайской войны.

Со вступленіемъ во власть императрицы-регентши, нынѣ покойной, дѣло хотя и пошло нѣсколько успѣшнѣе, однако слабо подготовленныя, плохо дисциплинированныя части, предводимыя въ огромномъ большинствѣ невѣжественными начальниками, не пользовавшимися ни довѣріемъ, ни уваженіемъ своихъ подчиненныхъ, не могли оказать, въ 1900 году, сколько-нибудь упорнаго сопротивленія регулярнымъ войскамъ.

Только съ назначеніемъ чжилійскимъ вице-королемъ извѣстнаго Юнь-ши-кая *) дѣло реорганизаціи пошло быстро впередъ и въ настоящее время достигло нѣкоторыхъ замѣтныхъ результатовъ, а именно: общая численность новой-китайской полевой арміи превышаетъ 250 батальоновъ, 150 батарей и 20 полковъ конницы, разбросанныхъ по всей огромной территоріи имперіи; главная бѣда китайцевъ заключается въ томъ, что ихъ армія комплектуется все еще по вербовочной системѣ, т. е. наемниками; отрицательная сторона системы хорошо опредѣляется китайской же поговоркой: «изъ хорошаго желѣза не дѣлаютъ гвоздей, хорошіе люди не пойдутъ въ солдаты»; помимо дороговизны эта система отрываетъ вербующагося отъ родныхъ мѣстъ, къ которымъ послѣдній, по присущему характеру китаца, сильно привязанъ; несмотря на жестокость грозящихъ наказаній, побѣги,—даже въ мирное время,—часты; съ началомъ же войны или въ предвидѣніи ея желающихъ поступить въ войска можетъ совсѣмъ не оказаться.

*) Въ настоящее время отстраненъ отъ дѣлъ и находится въ мало почетной ссылкѣ.

При существующей системѣ провинціальнаго хозяйства китайская армія не можетъ пріобрѣсти общеимперскаго значенія, потому что она остается прикованной къ провинціямъ, на средства которыхъ создается и живетъ; она почти во всемъ зависитъ отъ усмотрѣнія губернаторовъ, въ огромномъ большинствѣ ровно ничего не понимающихъ въ военномъ дѣлѣ.

Наконецъ, этой арміи недостаетъ образованнаго и отвѣчающаго своему назначенію корпуса офицеровъ: высшими военными начальниками нерѣдко состоятъ лица, абсолютно невѣжественныя въ военномъ дѣлѣ, попавшія на отвѣтственныя должности исключительно по протекціи.

Эта армія имѣетъ разнообразное и частью устарѣлое вооруженіе; при отсутствіи сколько-нибудь развитой отечественной промышленности, китайцамъ крайне трудно завести и поддерживать многочисленныя техническіи средства, безъ которыхъ немыслимо существованіе арміи, отвѣчающей современнымъ условіямъ.

Такимъ образомъ хотя китайская армія и не можетъ быть игнорируема сама по себѣ, хотя она отдѣлалась отъ многихъ старыхъ началъ, казавшихся еще десять лѣтъ назадъ незыблемыми, но ей предстоитъ пройти долгій и тяжелый путь усовершенствованія во всѣхъ областяхъ военнаго дѣла, прежде чѣмъ она достигнетъ уровня европейской организованной вооруженной силы.

Заботясь о прочности положенія на Дальнемъ Востокѣ, мы отнюдь не должны ограничиваться заключеніемъ политическихъ союзовъ или соглашеній, такъ какъ наличіе могущественной японской арміи и нарождающейся силы Китая повелительно требуетъ отъ насъ не забывать главнаго: не покладая рукъ, совершенствовать и усиливать нашу государственную оборону во всѣхъ ея главнѣйшихъ элементахъ (живая сила, инженерная подготовка, связующіе пути, культурное развитіе края).

Изслѣдованія послѣдняго времени нашего экономическаго положенія на Д. Востокѣ привели къ тѣмъ печальнымъ выводамъ, которые напрашивались сами собой какъ неизбѣжное слѣдствіе нашей политики, создававшей въ Маньчжуріи, съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія, тотъ гигантскій костеръ, на которомъ впослѣдствіи погибли десятки тысячъ жизней русскихъ людей и много, много милліоновъ русскихъ денегъ.

Чудовищный насосъ, потянувшій русскій капиталъ въ Китайскую Маньчжурію, сдѣлалъ свое пагубное дѣло: широкіе потоки русскаго золота, обильно оросившіе эту страну, дали ей жизнь, дали богатѣй-

піе заработки массамъ чужого народа, одухотворили чужую территорію и совершенно ее преобразили.

Принесеніе въ жертву жизненныхъ интересовъ русскихъ областей не замедлило вызвать тѣ печальныя послѣдствія въ экономической жизни Приамурскаго края, которыя нынѣ ставятъ эту окраину въ положеніе данника сосѣдней Маньчжуріи.

Не говоря уже о надвигающемся на Приамурье потокѣ китайцевъ, становящемся все шире и глубже, мы вынуждены ввозить продукты первой необходимости: такъ, въ 1907 году мы ввезли изъ Маньчжуріи болѣе $2^1/_2$ мил. пудовъ зерна, $1^1/_3$ мил. пудовъ муки, почти 3 мил. пудовъ жмыховъ, и по мѣрѣ того, какъ будутъ развиваться пути сообщенія въ Сѣверной Маньчжуріи, будетъ увеличиваться и этотъ потокъ. Приамурье уже теперь уплачиваетъ желтому сосѣду за продукты земледѣлія, за лошадей, скотъ, мясо и т. п. свыше 10 милліоновъ рублей ежегодно.

Китай учелъ эту тяжелую экономическую зависимость и началъ на ней спекулировать: установленіемъ вывозной пошлины онъ можетъ вынудить насъ не только переплачивать еще большія суммы, но, фиксируя высокія цѣны на предметы первой необходимости, искусственно, до извѣстной степени, задерживать развитіе края.

Передъ нами, такимъ образомъ, выростаетъ новая задача—задѣлать бреши нашей экономической некультурности, исправить ошибки прошлой, недоброй памяти, экономической политики.

Итакъ, Россія переживаетъ на Дальнемъ Востокѣ интересный моментъ; мѣстные знатоки края *) считаютъ, что Приамурье стоитъ на порогѣ крупныхъ событій и реформъ и что здѣсь начинается новая эпоха русской политики.

Вступленіе Японіи твердою ногою на материкъ Азіи превратило ее изъ заморской страны въ нашу тѣсную, ближайшую и непосредственную сосѣдку; и намъ, русскимъ, необходимо столь же твердо стать въ бассейнѣ Амура по обоимъ берегамъ, или... уступить и готовиться къ позорной сдачѣ позицій, пріобрѣтенныхъ трудами Графа Муравьева-Амурскаго, Невельскаго, орошенныхъ потомъ и кровью русскихъ людей; понятно, что мы обязаны выбрать первый варіантъ, т. е. навсегда сохранить за собой Приамурье и обезпечить за нами первенствующее положеніе въ прилегающихъ пограничныхъ районахъ Сѣверной Маньчжуріи; мы обязаны использовать въ полной мѣрѣ благопріятно сложившееся политическое положеніе тамъ, гдѣ еще вчера

*) К. Куртеевъ.

сотрясалась почва и была возможна катастрофа; мы обязаны укрѣпить окраину и основательно приналечь на внутреннюю работу; намъ необходимо проявить прогрессирующую активность въ подъемѣ, нарощеніи, накопленіи русскихъ силъ и матеріальныхъ средствъ у далекаго восточнаго рубежа; для успѣха дѣла необходима мобилизація силъ, необходимы система и объединеніе мѣропріятій, необходима непоколебимость главнѣйшихъ руководящихъ принциповъ.

Первой подготовительной работой къ широкому пониманію текущихъ и предстоящихъ задачъ да послужатъ труды амурской экспедиціи, работающей въ настоящее время въ краѣ подъ руководствомъ выдающагося знатока его Н. Л. Гондатти; эта экспедиція явилась какъ бы своеобразной сенаторской ревизіей, конечно, не въ смыслѣ открытія злоупотребленій, а въ отношеніи изслѣдованія цѣлесообразности распорядительныхъ и исполнительныхъ дѣйствій органовъ мѣстной администраціи; она заставила многихъ пораскинуть мозгами и поработать.

Можно надѣяться, что, съ возвращеніемъ экспедиціи съ положительными данными въ рукахъ, на русскомъ Д. Востокѣ начнется эпоха разнообразной реформаторской и созидательной дѣятельности,— эпоха, могущая напомнить лучшіе момены временъ перваго устроителя края, покойнаго барона А. Н. Корфа.

Судя по тому, что говорятъ и пишутъ на мѣстахъ, край въ настоящеее время переживаетъ какъ бы предпраздничный моментъ, готовясь принять участіе въ общихъ трудахъ созданія прочнаго оплота русской государственности на берегахъ Тихаго океана.

Что же касается возможныхъ въ будущемъ агрессивныхъ шаговъ Японіи или Китая, то они окажутся для насъ постольку опасными, поскольку мы сами будемъ пассивны, лѣнивы, бездѣятельны...

Тамъ, у далекаго рубежа, на границѣ Стараго и Новаго Свѣта, назрѣваютъ къ разрѣшенію великія историческія проблемы и даже судьбы народовъ; чтобы не остаться позади другихъ, мы должны, не теряя времени, приняться за энергичную работу по укрѣпленію окраины, культурному ея развитію, укрѣпленію тамъ русской государственности, съ непоколебимой вѣрой въ творческія силы русскаго народа, въ лучшее будущее, достойное Великой Россіи.

Болховитиновъ.

Колонизаторы Дальнаго Востока.

Послѣднія крупныя событія на Дальнемъ Востокѣ — русско-японское соглашеніе и аннексія Кореи—снова привлекли сюда вниманіе всѣхъ державъ, заинтересованныхъ здѣсь экономически и политически. Вслѣдствіе особаго характера дальневосточныхъ отношеній, экономическая борьба тамъ тѣсно переплетается съ политической, особенно при условіи, что конкурирующія націи сплошь и рядомъ маскируютъ свои политическія стремленія различными домогательствами экономическаго характера.

Вся эта борьба по существу идетъ изъ-за колоній, такъ какъ и наше Приамурье, и Маньчжурія, Монголія, Корея и пр. представляютъ территоріи, годныя для колонизаціи, — области, которыя каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ стремится закрѣпить за собой, извлечь какъ можно болѣе пользы для себя.

Такимъ образомъ вопросъ о колонизаціи территорій Дальнаго Востока является однимъ изъ центральныхъ, а поэтому заслуживающимъ особаго разсмотрѣнія.

Приамурье, какъ извѣстно, было возвращено Россіи частнымъ починомъ; рѣшеніе этой великой задачи сопровождалось проявленіемъ кипучей энергіи, удивительной стремительности и блеска, но, когда самый фактъ осуществился и пришлось приняться за устроеніе края, — естественно, на первую очередь выдвинулись вопросы: что же это за пріобрѣтеніе, какую можно извлечь изъ него пользу, на что оно пригодно, какія богатства заключаетъ окраина? и т. д. Присоединивъ Приамурье, графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій пустилъ въ ходъ всѣ средства съ цѣлью оживить мертвыя пространства; не были забыты и мѣры по всестороннему изученію края.

Талантливые люди, призванные графомъ къ изслѣдованію только-что присоединенной окраины, окинувъ опытнымъ глазомъ страну,

дали ея описаніе; изучили, насколько было возможно, ея богатства, намѣтили планъ ея развитія; но кипучая энергія графа разбилась о равнодушіе и волокиту петербургскихъ канцелярій; въ числѣ многихъ другихъ и эти работы были надолго заброшены: въ теченіе почти полувѣка стояли одиноко личности почтенныхъ ученыхъ въ тщетномъ ожиданіи, когда ихъ выводы будутъ провѣрены, дополнены, исправлены.

Заброшенность края дошла до того, что онъ самъ какъ бы началъ отваливаться отъ Россіи; что же касается изученія его, то за это дѣло принялись какъ слѣдуетъ только въ настоящемъ году (Амурская экспедиція), послѣ того, какъ цѣлый рядъ дорогихъ и крупныхъ мѣропріятій, напримѣръ, постройка Амурской жел. дороги, былъ рѣшенъ почти съ завязанными глазами.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ положеніи разрѣшеніе вопроса о колонизаціи въ разные періоды, какъ и всякаго другого, сопровождалось неизбѣжными колебаніями, крайностями, а иногда и грубыми ошибками...

Прослѣдимъ вкратцѣ исторію нашей колонизаціи дальневосточной окраины.

Чтобы показать, что мы владѣемъ краемъ, необходимо было тотчасъ же послѣ факта присоединенія его такъ или иначе занять край тѣми колонизаторами, которые были подъ рукой; таковыми оказались: казаки, главнымъ образомъ, затѣмъ безсрочно отпускные солдаты, штрафованные, ссыльные и часть крестьянъ; направляя принудительно первыхъ піонеровъ въ дѣвственный и суровый край, мѣстныя власти заботились не столько объ удобствахъ переселенцевъ, сколько стремились удовлетворить первѣйшія государственныя надобности; связать отдаленные пункты окраины другъ съ другомъ; создать какіе ни на есть этапныя линіи. Для этихъ цѣлей всѣ средства казались пригодными, но потомъ, когда первѣйшія нужды были удовлетворены, — несомнѣнно, нужно было примѣнить другія мѣры, другую систему, нужны были другіе элементы, нужна была частная иниціатива самихъ переселенцевъ.

Нѣтъ надобности доказывать, что разработка и осуществленіе колонизаціонныхъ мѣръ въ пустынномъ краѣ, отстоящемъ отъ центра Россіи на тысячи верстъ, являлись дѣломъ чрезвычайно сложнымъ и труднымъ; направляя переселенцевъ на отдаленнѣйшую окраину, необходимо было обставить операцію возможной предусмотрительностью, а для этого нужно было прежде всего положительное знаніе мѣстныхъ условій. Этого-то и не было до самаго послѣдняго времени.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наша колонизаціонная дѣятельность не была планомѣрной, и самое направленіе ея обусловливалось чисто случайными причинами.

Съ самаго начала колонизація разбилась на два русла: на казачью и крестьянскую.

До 1862 года въ Приамурье принудительно было переселено около 17 тысячъ казаковъ, образовавшихъ линію станицъ и поселковъ отъ границъ Забайкалья до Владивостока; послѣ этого вопросъ о казачьей колонизаціи замираетъ почти до событій 1885 года, когда подъ вліяніемъ угрозы разрыва съ Англіей онъ вновь ставится на очередь, вновь завязывается многолѣтняя, утомительная и безплодная переписка; тѣмъ временемъ Приамурскія казачьи войска были раздѣлены на Амурское и Уссурійское; началась постройка Уссурійской желѣзной дороги; потекли въ край желтые, а вѣдомства все переписывались... Наконецъ, мѣстныя власти, въ 1897 году, рѣшительно потребовали усиленія казачьяго элемента, «дабы тѣмъ создать желѣзную грудь, о которую разбились бы всякія враждебныя попытки желтой азіатской расы»; при этомъ высказывалось пожеланіе получить «трудолюбивые элементы, одинаково пригодные какъ для отпора непріятелю, такъ и для тяжелаго земледѣльческаго труда въ дикихъ, нетронутыхъ культурою мѣстахъ». Военный министръ посмотрѣлъ на это дѣло иначе и полагалъ, что «при переселеніи казаковъ въ Приамурскій край слѣдуетъ стремиться не столько къ устройству тамъ земледѣльческихъ поселеній, сколько къ укрѣпленію на Дальнемъ Востокѣ нашей военной силы».

Такая разноголосица мѣстной и центральной властей, конечно, не могла способствовать успѣху дѣла; уже первые переселенцы изъ европейскихъ казачьихъ войскъ не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ: часть казаковъ отказалась наотрѣзъ селиться на предоставленныхъ имъ мѣстахъ и потребовала, чтобы ихъ отвезли обратно на родину на казенный счетъ; пришлось упиравшихся распредѣлить по поселкамъ силою, зачинщиковъ наказать и въ заключеніе признать, что «переселеніе Донскихъ казаковъ слѣдуетъ прекратить, такъ какъ почвенныя и климатическія условія Приамурскаго края оказались донцамъ не подъ силу».

Такимъ образомъ, съ 1862 по 1894 годъ никакихъ особыхъ мѣръ по усиленію Амурскаго и Уссурійскаго казачьихъ войскъ не предпринималось; въ періодъ же съ 1895 по 1903 годъ было переселено 1170 казачьихъ семействъ изъ Европейской Россіи, на что израсходовано свыше 1200 т. рублей, т. е. переселеніе казачьей семьи, въ

среднемъ, обошлось болѣе тысячи рублей; послѣдняя война прекратила казачье переселеніе; послѣ нея это переселеніе не возобновлялось.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ отмѣтить одно распоряженіе мѣстныхъ властей, имѣвшее большія послѣдствія, породившее массу недоразумѣній и фактически не ликвидировано до сихъ поръ; я имѣю въ виду образованіе генералъ-губернаторомъ Духовскимъ «отвода казачьихъ земель».

Дѣло въ томъ, что при образованіи Амурскаго и Уссурійскаго казачьихъ войскъ имъ не было предоставлено въ законодательномъ порядкѣ опредѣленныхъ территорій, поэтому между казачьими поселеніями мѣстами образовались крестьянскія, создавалась черезполосица, возникли споры; и вотъ генералъ Духовской, «въ цѣляхъ предоставленія казачьимъ войскамъ широкой возможности поправить свое стѣсненное финансовое положеніе», предоставилъ имъ во временное пользованіе раіонъ наиболѣе удобныхъ и доступныхъ для колонизаціи земель площадью, превышавшей 14 мил. десятинъ, куда доступъ крестьянамъ былъ условно воспрещенъ.

Обратимся теперь къ собственно крестьянской колонизаціи.

Нѣтъ надобности останавливаться на общеизвѣстныхъ тяжелыхъ условіяхъ сухопутнаго переселенія на наиболѣе отдаленную окраину Сибири; достаточно сказать, что переселенцы проводили въ пути 2—3 года, а нерѣдко и болѣе, причемъ многіе изъ рѣшившихся первоначально «итти на Амуръ», застревали гдѣ-нибудь въ Сибири, а тѣ, которые добирались до Приамурья, приходили обыкновенно разореннымй и изнуренными; тѣмъ не менѣе притокъ сухопутныхъ колонистовъ никогда не изсякалъ: энергичные и дѣятельные элементы преодолѣвали всѣ затрудненія и были наиболѣе цѣнными колонизаторами дикой окраины.

Одними изъ первыхъ свободныхъ переселенцевъ на Амурѣ явились сектанты; ихъ сюда привлекала главнымъ образомъ религіозная свобода; они дали сильныхъ, состоятельныхъ, хозяйственныхъ и энергичныхъ новоселовъ.

Понятно, что колонизаціонная волна медленнѣе всего докатывалась до наиболѣе отдаленнаго Южно-Уссурійскаго края. Для скорѣйшаго заселенія этого района была принята экстренная мѣра, а именно доставка колонистовъ морскимъ путемъ на казенный счетъ, или, какъ говорилось въ то время, «начали нанимать колонистовъ»; законъ о своекоштномъ переселеніи былъ проведенъ въ 1887 году.

Въ общемъ и это дѣло шло неважно: въ «Запискахъ Приамурскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества» можно

найти стихотвореніе, обрисовывающее, по словамъ одного изъ знатоковъ Приамурья,съ фотографической точностью положеніе эшелоновъ переселенцевъ, прибывавшихъ моремъ во Владивостокъ.

«Была тамъ корь и скарлатина,
Встрѣчался даже дифтеритъ —
Ну, что-жъ? Недѣля карантина
Болѣзни эти прекратитъ,
А въ жизни, смерти — Богъ воленъ.
Ошибки тутъ со всѣхъ сторонъ;
И нашихъ есть средь нихъ немало...
Но насъ нельзя въ томъ упрекать:
Мы не учились заселять.
Но, чтобъ вина на насъ не пала,
Отчетъ начальству мы строчимъ:
Усилимъ тутъ, а тамъ смягчимъ,
И въ общемъ все благополучно.
Народъ болѣлъ — мы ихъ лечили,
Кто умеръ — тѣхъ похоронили;
Процентъ такой-то. Мило, звучно!
Вездѣ видны плоды стараній,
Во всемъ царитъ мораль одна:
Страна почти заселена, —
И ждемъ дальнѣйшихъ предписаній».

Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій численность русскаго населенія Приамурья въ 1901 году опредѣлялась въ 240 т. душъ обоего пола; причемъ наибольшаго благосостоянія достигли амурскіе крестьяне, о которыхъ власти менѣе всего заботились: все содѣйствіе послѣднихъ ограничивалось разрѣшеніемъ осѣдать на облюбованныхъ мѣстахъ и не стѣснять частнаго почина.

Съ открытіемъ движенія по Забайкальской и Китайской Восточной желѣзнымъ дорогамъ, въ 1901—1902 гг. слѣдовало ожидать значительнаго естественнаго притока колонистовъ, но при этомъ оказалось, что послѣдняя дорога, «устранивъ для нашихъ колонистовъ величайшее препятствіе прежнихъ лѣтъ, въ то же время еще въ большей мѣрѣ облегчила наплывъ желтаго элемента».

Послѣднее обстоятельство вызвало тенденцію усилить колонизацію Приамурья искусственно, что, вмѣстѣ съ обозначившейся къ этому времени остротой аграрнаго вопроса въ Европейской Россіи, обусло-

вило задачу: «выселять изъ предѣловъ Россіи малоземельныхъ и заселять окраинные пустыри»; такимъ образомъ, колонизація переплелась съ переселеніемъ.

Русско-японская война прекращаетъ переселеніе; въ 1905 году переселенческое дѣло передается въ другое вѣдомство (Землеустройства и Земледѣлія); въ 1906 году переселенческое движеніе возобновляется.

За 4 года, протекшихъ со времени окончанія русско-японской войны, въ Приамурье было переброшено переселенцевъ свыше 160 тысячъ душъ обоего пола; особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи 1907 годъ, когда число переселенцевъ, прибывшихъ въ Приамурскій край, возросло до небывалыхъ размѣровъ, превысивъ 80 тыс. душъ обоего пола. Такой неожиданный наплывъ, вызванный разрѣшеніемъ переселяться безъ предварительнаго зачисленія душевыхъ долей черезъ ходоковъ, имѣлъ самыя печальныя послѣдствія: участковъ не хватило, начались волненія, голодовка, болѣзни и пр. Въ результатѣ—на слѣдующій же годъ пришлось снова возстановить серію ограниченій.

Къ этому времени обозначилось, что дальнѣйшее развитіе переселенія на свободныя казенныя земли Приамурскаго края будетъ зависѣть отъ предварительнаго осуществленія ряда мѣръ, требующихъ достаточнаго времени для ихъ проведенія и затраты большихъ денежныхъ средствъ (тщательное изученіе почвъ, климата, развитіе путей, осушеніе заболоченныхъ пространствъ и пр.).

«Правительство никого не приглашаетъ на переселеніе», — такъ значится на изданной переселенческимъ управленіемъ справочной книжкѣ для ходоковъ; здѣсь же дается правдивая картина тяжелаго, безпомощнаго, почти безвыходнаго положенія заброшенныхъ въ таежныя мѣстности Приамурья новоселовъ. Отъ послѣднихъ нынѣ требуется сильный, напряженный трудъ и наличіе денегъ — рублей до 500 на каждую семью.

Изъ этого офиціальнаго справочника видно, что главная бѣда выбрасываемыхъ въ тайгу на лѣсные участки измученныхъ, растерянныхъ переселенческихъ массъ заключается въ отсутствіи какого ни на есть жилища а, главное, пашни. Очистка лѣса и корчевка требуютъ до 100 поденщиковъ на десятину, затѣмъ «задернѣлая почва» требуетъ плуга и не менѣе четырехъ лошадей, но гдѣ же видано, чтобы у переселенца было четыре лошади тотчасъ же по прибытіи на участокъ? Чтобы справиться съ этими трудностями, даже для сильныхъ семей, нужны время и средства. Вотъ почему всѣ переселенцы обречены первые годъ-полтора жить на покупномъ хлѣбѣ.

И тутъ же рядомъ лежали и лежатъ неиспользованными огромные запасы казачьихъ земель отвода генерала Духовского; правда, это исключительно ненормальное положеніе, при которомъ ничтожныя по своему численному составу Амурское и Уссурійское войска владѣли огромнымъ фондомъ почти въ 15 мил. десятинъ лучшихъ и наиболѣе доступныхъ земель, принципіально устранено: всѣ сводныя, пригодныя для сельскаго хозяйства земли отвода генерала Духовского нынѣ подлежатъ заселенію въ порядкѣ общихъ правилъ. Но сколько пройдетъ времени на обмежеваніе и выдѣленіе законныхъ казачьихъ надѣловъ, на разрѣшеніе всевозможныхъ треній и пр., сколько утечетъ воды прежде, чѣмъ это принципіальное рѣшеніе будетъ проведено въ жизнь?

Итакъ, въ цѣляхъ удержанія Россіей Приамурья необходимо наивозможно плотнѣе заселить его русскими элементами; въ цѣляхъ же извлеченія доходовъ необходимо возможно раціональнѣе эксплоатировать его богатства. Сказанное — ходячія истины, тѣмъ не менѣе, несмотря на продолжительное обладаніе краемъ, изъ результатовъ не видно, чтобы эти истины лежали въ основѣ нашей окраинной колонизаціонной и экономической политики.

Ничего нельзя возразить противъ планомѣрнаго заселенія окраины, но надо заранѣе признать, что всякія чрезвычайныя мѣры въ этомъ направленіи не только заранѣе осуждены на неудачу, но, по примѣру 1907 года, могутъ окончиться катастрофой; въ край можно двинуть не десятки, а сотни тысячъ, «но нельзя этимъ людямъ воспрепятствовать вслѣдъ затѣмъ немедленно вымирать отъ тифа, цынги и пр. и вмѣстѣ съ тѣмъ производить въ окружающей средѣ глубокія экономическія потрясенія».

Мы насаждали на Сахалинѣ каторжную колонію, а Уссурійскій край съ помощью переселенцевъ, привозимыхъ моремъ изъ Полтавской и Черниговской губерній, пытались преобразовать во вторую Малороссію; въ результатѣ южная половина Сахалина оказалась въ рукахъ японцевъ, сѣверная очищена отъ его подневольныхъ культуртрегеровъ, а въ Уссурійскомъ краѣ переселенные малороссы, не найдя ни своихъ родныхъ степей, ни пышнаго чернозема, ни фруктовыхъ садовъ, ни мягкаго климата, отдали свои земли почти въ фактическое владѣніе желтыхъ.

Въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ, съ различной въ разные періоды энергіей, достойной во всякомъ случаѣ лучшаго примѣненія, съ затратой колоссальныхъ средствъ, мы неизмѣнно насаждали земледѣліе тамъ, гдѣ оно завѣдомо, по причинѣ своеобразныхъ мѣстныхъ

условій, не достигло и не могло достигнуть высокой степени развитія.

Результаты многолѣтней колонизаціи края потому такъ плачевны, что сюда искусственно продвигался изъ Россіи далеко не всегда подходящій культурный и энергичный элементъ. Ни для кого не секретъ, что всѣ эти разнообразныя ссуды, чрезмѣрно льготные проѣзды, даровыя кармежки и прочія блага привлекаютъ сплошь и рядомъ не безземельныхъ, ищущихъ работы, а завѣдомыхъ лѣнтяевъ, развращенныхъ до мозга костей пропоицъ, бывшихъ и дома дармоѣдами, а для окраины составляющихъ тягчайшую обузу. Попробуйте нанять прислугу въ переселенческомъ баракѣ, и вамъ въ лучшемъ случаѣ отвѣтятъ: «намъ это дѣло совсѣмъ неподходящее, насъ должна поить и кормить казна».

Въ общей массѣ переселенцевъ эти отбросы составляютъ слишкомъ видный процентъ, — они-то именно пропиваютъ полученныя всякія «способія» и инвентарь, нищенствуютъ и въ концѣ-концовъ пополняютъ ряды мѣстныхъ хулигановъ.

Всѣ эти ссуды, пособія, изученіе почвъ и т. д. менѣе необходимы, чѣмъ мѣры, которыя напрашиваются сами собой, какъ естественный выводъ изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ офиціальномъ справочникѣ.

Окраина, конечно, очень заинтересована въ томъ, чтобы колонисты возможно быстро становились на ноги, возможно скорѣе переживали неизбѣжный періодъ полунищенского, полуголоднаго существованія, но мѣстныя условія оказываются таковыми, что новоселы не успѣваютъ въ одинъ сельскохозяйственный періодъ распахать и засѣять даже одной десятины, считая и участокъ подъ огородомъ; дальнѣйшее наростаніе хозяйства идетъ убійственно медленно: несмотря на усиленный трудъ, ежегодно удается прибавлять всего лишь около двухъ третей десятины.

На это-то обстоятельство и нужно обратить преимущественное вниманіе, если желаютъ во что бы то ни стало заселять Приамурье земледѣльцами; необходимо приняться за массовую расчистку лѣсовъ и поднятіе таежной цѣлины, — иначе получится переселеніе изъ малоземелья въ малоземелье же.

Пока же громадная волна новоселовъ, которая нахлынула за послѣдніе четыре года на окраину, разбредается по краю и тратитъ свои слабыя силы на неблагодарную и малополезную борьбу.

Колонизаціонное дѣло въ Приамурьѣ уже нынѣ переживаетъ кризисъ: число желающихъ переселиться значительно упало, съ другой стороны, началось обратное переселеніе, особенно послѣ грандіознаго

наводненія настоящаго года, разорившаго многихъ старожиловъ и новоселовъ.

Итакъ, направленіе нашей переселенческой дѣятельности въ Приамурьѣ до сихъ поръ идетъ во многомъ въ темную и не регулируется строго опредѣленной программой, приспособленной къ мѣстнымъ условіямъ, крайне разнообразнымъ для разныхъ районовъ.

Мы стараемся насадить земледѣльческую колонизацію даже на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ горное дѣло, лѣсная и рыбная промышленность естественно должны составить успѣхъ экономической жизни и базисъ ея. Мы почти не обращаемъ вниманія на подборъ колонистовъ и устраиваемъ мѣшанину изъ всѣхъ «племенъ, нарѣчій, состояній», между тѣмъ какъ условія жизни во многихъ районахъ Приамурья требуютъ особаго отбора колонистовъ, которые не только должны бороться съ природой, но нерѣдко отстаивать свое бытіе съ оружіемъ въ рукахъ противъ разной бродячей сволочи и дикихъ звѣрей.

Мы тратимъ огромныя суммы на выдачу всякихъ «способій» и мало обращаемъ вниманія на то, кому эти ссуды выдаются, благодаря чему, вмѣстѣ съ трезвыми работниками, на окраину устремляется немало пьяной и лѣнивой дряни, бродячаго нищаго крестьянства, которое, не будучи въ состояніи самостоятельно осѣсть на землю, окончательно садится на шею казнѣ и за ея счетъ катается съ запада на востокъ и обратно.

Посмотримъ теперь, какъ вопросы колонизаціи разрѣшаются нашими соперниками.

Японія издавна стремилась такъ или иначе размѣстить избытки своего населенія на материкѣ. Быстрый и постоянный приростъ японскаго населенія причиняетъ живѣйшее безпокойство японскимъ соціологамъ. Если этотъ ростъ будетъ продолжаться такъ же и впредь, — говорятъ они, — то страна скоро окажется не въ состояніи прокормить свое населеніе. Въ 1876 году въ Японіи насчитывалось около 34,5 мил. жителей, черезъ 20 лѣтъ, въ 1896 году, было уже 42,7 мил.; наконецъ, въ 1907 году — 51,5 мил.; смертность не превышаетъ 21 на тысячу; приростъ рожденій постоянно увеличивается, достигнувъ 30 на тысячу; число браковъ и плодовитость семей также возрастаетъ, тогда какъ дѣтская смертность все уменьшается. Странѣ становится все труднѣе и труднѣе прокормить возрастающее населеніе, а потому приходится все энергичнѣе искать новыя земли для выселенія избытка.

До минувшей войны японская колонизація областей Дальнаго Востока осуществлялась въ довольно скромныхъ размѣрахъ, но послѣ

войны дѣло пошло гораздо интенсивнѣе: такъ, до 1904 года число японскихъ колонистовъ въ Кореѣ не превышало 15 т. человѣкъ, въ 1906 году ихъ было уже болѣе 60 т., въ 1909 году — болѣе 150 т.

Въ настоящее время дѣло колонизаціи на материкѣ поставлено такъ, что каждая японская семья, продавшая на родинѣ одну треть своей земли, можетъ разсчитывать пріобрѣсти на новомъ мѣстѣ участокъ, по крайней мѣрѣ, въ 5 разъ большій.

Въ то время, какъ старшіе члены семьи, оставаясь на родинѣ, могутъ тамъ продолжать вести хозяйство, младшіе, выселившись на материкъ, трудятся надъ созданіемъ «Новой Японіи».

Главнымъ тормазомъ развитія успѣховъ японской колонизаціи являлся низкій уровень піонеровъ; противъ этихъ послѣднихъ пришлось создать особыя правила, со спеціальною цѣлью карать и изгонять неблагонадежные элементы.

Для упорядоченія японской колонизаціи и планомѣрнаго ея осуществленія недавно создано особое управленіе, вродѣ министерства колоній; кромѣ того, надъ разрѣшеніемъ тѣхъ же задачъ трудится особое Восточно-Азіатское колонизаціонное общество, начавшее свои операціи съ капиталомъ въ 10 мил. іенъ.

Обществу дано право увеличивать капиталъ акціями въ 10 разъ болѣе основного фонда; акціи могутъ быть пріобрѣтаемы лишь японцами и корейцами. Общество завѣдуетъ покупкой, продажей и арендой земельныхъ участковъ для переселенцевъ; оно вербуетъ послѣднихъ и разселяетъ; сдаетъ участки въ аренду, предоставляетъ необходимый строительный матеріалъ и производитъ постройки; выдаетъ переселенцамъ денежныя субсидіи, сѣмена, земледѣльческія орудія, скотъ и т. д.; организуетъ склады для продуктовъ земледѣлія, а равно и сбытъ ихъ.

Общество находится подъ непосредственнымъ контролемъ правительства и приводитъ въ исполненіе директивы, преподанныя свыше; съ разрѣшенія правительства общество можетъ заниматься на материкѣ: а) рыбнымъ промысломъ, б) горнымъ дѣломъ, в) переработкой сырья и т. п.

Правительство имѣетъ право увольнять служащихъ общества и отмѣнять его постановленія.

Политическая подкладка организаціи общества сказалась съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности: районами, выбранными для заселенія въ первую очередь, являются: береговая полоса бывшей Кореи, какъ наиболѣе обезпеченная въ смыслѣ связи съ родиной; полосы по

сторонамъ желѣзнодорожныхъ линій; земли, отобранныя у корейцевъ еще во время войны «подъ военный надобности» и расположенныя преимущественно около крупныхъ городскихъ центровъ, занятыхъ японскими гарнизонами; наконецъ, сѣверо-восточные участки, какъ важные въ стратегическомъ отношеніи. Выдавливаемое напоромъ японской колонизаціонной волны мѣстное корейское населеніе устремляется главнымъ образомъ въ нашъ Южно-Уссурійскій край, непомѣрно увеличивая здѣсь и безъ того высокій процентъ желтыхъ.

Общество, поставивъ основной задачей своей дѣятельности переселеніе возможно большаго числа японцевъ на материкъ, дѣлаетъ однако выборъ между желающими, давая преимущества запаснымъ нижнимъ чинамъ.

У проживающихъ за границей японцевъ существуетъ обыкновеніе создавать особыя общества, на обязанности которыхъ лежитъ забота предоставленія всевозможныхъ удобствъ вновь прибывающимъ соотечественникамъ. Эти общества существуютъ всюду, гдѣ только японцы прочно устроились. Общества имѣютъ свой опредѣленный выработанный уставъ и подчиняются ближайшему представителю японскаго правительства.

Болѣе населенные японцами пункты составляютъ отдѣльныя общества, менѣе населенные примыкаютъ къ большимъ.

Въ составъ такихъ обществъ входятъ всѣ проживающіе въ данномъ мѣстѣ японскіе подданные, какихъ бы они не были профессій; подобныя общества являются настоящими разсадниками японской иммиграціи; вся ихъ организація проникнута присущей японцамъ идеей — жить за границей сплоченно, выручая другъ-друга, поддерживая всячески земляковъ въ трудныя минуты ихъ жизни.

Благодаря этимъ обществамъ, каждый японецъ, прибывающій въ чужую, незнакомую страну не остается заброшеннымъ и отрѣзаннымъ, наоборотъ, онъ съ мѣста попадаетъ въ среду соотечественниковъ и товарищей по профессіи; съ помощью послѣднихъ быстро оріентируется и прочно устраивается.

Едва ли надо доказывать, какое огромное значеніе имѣютъ эти общества въ дѣлѣ заселенія японцами материка. Правительство, стремясь къ широкой и быстрой колонизаціи намѣченныхъ на материкѣ районовъ лучшими элементами своего населенія, въ лицѣ военнообязанныхъ, съ своей стороны провело рядъ мѣръ для поддержанія среди переселенцевъ національныхъ традицій, а именно: во всѣхъ крупныхъ центрахъ учреждены особые клубы съ цѣлью поддержи-

вать національный духъ, устраивать упражненія для запасныхъ, пріохотить къ этимъ упражненіямъ лицъ, не отбывавшихъ воинской повинности, устраивать стрѣлковыя состязанія, изучать мѣстность, добывать и группировать всякаго рода свѣдѣнія.

Съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ токійскаго кабинета сталъ маркизъ Катсура, иниціаторъ и вдохновитель Восточно-колонизаціоннаго общества, потокъ японскихъ эмигрантовъ, направленный на материкъ, значительно увеличился; въ японской печати идутъ уже разговоры о переселеніи на корейскія земли японскихъ массъ, направляя колонистовъ во всѣ уголки страны, затронутые земледѣльческой и промышленной культурой. Во всякомъ случаѣ, на теперешнія японскія поселенія на материкѣ надо смотрѣть какъ на ячейки, какъ на основу японской колонизаціи, долженствующей получить въ недалекомъ будущемъ самое широкое развитіе.

Что касается китайской колонизаціи, то она заслуживаетъ самаго глубокаго изученія; можно имѣть тѣ или иные взгляды относительно начавшагося пробужденія Китая, но относительно стихійной мощи китайскихъ массъ, ихъ жизнеспособности, земледѣльческой, промышленной и торговой конкуренціи установилось вполнѣ опредѣленное мнѣніе, что эти качества китайцевъ гораздо болѣе грозны, чѣмъ ихъ армія и флотъ.

До 1903 года китайская колонизація китайцами Маньчжуріи, развиваясь постепенно, шла естественнымъ путемъ, обусловливаясь большой земельной нуждой въ предѣлахъ собственнаго Китая, но съ этого времени вопросъ получилъ совершенно другую разработку; переселеніе въ значительной степени потеряло естественное свое направленіе, принявъ форму движенія, регулируемаго китайскими властями, по извѣстной программѣ съ политической окраской.

Во время минувшей войны и въ ближайшее послѣ-военное время, по понятнымъ причинамъ, колонизація С. Маньчжуріи китайцами почти прекратилась, но за-то теперь это дѣло получило широкое и опредѣленное развитіе.

Основнымъ положеніемъ въ настоящее время должно считаться самое наименованіе, которое носитъ колонизаціонное дѣло, а именно «мѣръ по укрѣпленію границъ». Этимъ вполнѣ обрисовывается и весь характеръ колонизаціонной политики Китая въ Маньчжуріи.

Вотъ что говорятъ по этому вопросу сами китайцы: «Мы мало думаемъ объ обезпеченіи спокойствія Китая и освобожденія страны отъ иностранцевъ, являющихся главными виновниками смутъ и недораз-

умѣній. Но, чтобы освободиться отъ нихъ, необходимо прежде всего укрѣпить наши границы, потому что, какъ дерево безъ коры должно высохнуть, такъ и государство безъ крѣпкихъ границъ перестанетъ быть державой».

«Не будемъ говорить о прошломъ, полномъ горечи и страданій, не будемъ тревожить незажившія раны, — посмотримъ на теперешнее положеніе: иностранцы жадно захватываютъ земли, торговлю и богатства страны, а поэтому мы должны приложить всѣ усилія, чтобы не выдать нашихъ владѣній. Иностранные подданные — все равно, что заноза, проникнувшая въ тѣло Китая, — поэтому мы никогда не можемъ быть покойными, и, какъ ни больно будетъ, но нужно рѣшиться выдавить эту занозу».

«Въ мѣрахъ охраны, прежде всего нужны войска, а затѣмъ, гдѣ много въ избыткѣ земель, нужно раздать ихъ тѣмъ, у кого недохватъ; сформировать достаточное для охраны границы количество войскъ мы пока не въ состояніи изъ-за недостатка денегъ, а поэтому намъ необходимо, не теряя времени, начать заселеніе границъ хлѣбопашцами».

Въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій колонизируемыхъ районовъ, китайская администрація примѣняетъ и различныя системы колонизаціи.

Нормальная система заключается въ слѣдующемъ.

Каждый желающій пріобрѣсти земельный участокъ можетъ получить его въ любомъ районѣ и любого размѣра, при этомъ дается обязательство: въ теченіе 3-хъ (а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ 6-ти) лѣтъ поднять цѣлину на всемъ пріобрѣтенномъ участкѣ и, такимъ образомъ, подготовить послѣдній для отдачи въ аренду мелкими единицами поселенцамъ; построить на каждомъ арендованномъ участкѣ извѣстное число квадратовъ помѣщенія для будущихъ арендаторовъ; выкопать на каждомъ участкѣ колодецъ; проложить до сосѣдняго помѣстья проселочную дорогу.

За всѣ эти труды правительство предоставляетъ право сдавать участки переселенцамъ, причемъ устанавливается размѣръ платы, взимаемой съ послѣднихъ; въ зависимости отъ характера мѣстности, почвы, географическаго положенія, экономическаго значенія устанавливается срокъ (обыкновенно отъ 10 до 20 лѣтъ), по истеченіи котораго участокъ переходитъ въ полную собственность арендатора.

По истеченіи установленнаго срока пользованія участкомъ, когда будутъ подняты нови, когда осядутъ арендаторы-переселенцы и начнутъ обработку полей, государство приступаетъ къ взиманію по-

шлинъ и налоговъ; это обстоятельство побуждаетъ эксплоататора озаботиться подборкой дѣйствительно дѣятельныхъ и работоспособныхъ поселенцевъ и наиболѣе раціональной организаціей первоначальной помощи новоселамъ.

Въ результатѣ этихъ мѣропріятій земля попадаетъ дѣйствительно въ руки надежныхъ работниковъ, а не дармоѣдовъ, какъ часто бываетъ у насъ, правительство вскорѣ же начинаетъ получать доходъ. Простые переселенцы могутъ пріобрѣсти участки и непосредственно у казны; послѣдняя отнюдь не стѣсняетъ выборомъ района, но лишь беретъ извѣстную плату (допускается разсрочка) за извѣстное число десятинъ, а гдѣ именно эти десятины будутъ выбраны, казнѣ рѣшительно все равно; новосела вмѣстѣ съ тѣмъ обязываютъ разработать участокъ въ теченіе опредѣленнаго срока и не селиться на занятыхъ мѣстахъ.

Наиболѣе оригинальной и отвѣчающей обстановкѣ является система рабочихъ батальоновъ. Сущность ея такова.

Намѣчаются районы, которые признается необходимымъ, по соображеніямъ внутренней или внѣшней политики, заселить китайцами; затѣмъ въ нихъ выбираются мѣста для будущихъ административныхъ центровъ; первыми поселенцами этихъ центровъ являются начальники уѣздовъ со своими управленіями и необходимыми отрядами полицейскихъ или охранныхъ войскъ, которые и размѣщаются всѣ въ чертѣ будущаго города, зачастую въ землянкахъ или въ наскоро сбитыхъ фанзахъ.

Слѣдующимъ этапомъ заселенія новой области является постройка города; къ этому дѣлу привлекаются войска и такъ-называемые «рабочіе батальоны».

Организація послѣднихъ весьма своеобразна и заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ примѣръ весьма послѣдовательной работы китайскихъ властей въ дѣлѣ колонизаціи.

Власти исходятъ изъ слѣдующихъ соображеній: если постройку города производить привозными изъ другихъ областей наемными рабочими, то это будетъ и дорого, и сложно; ожидать наплыва поселенцевъ во вновь открытый для колонизаціи районъ по его отдаленности, неизвѣстности для широкихъ массъ условій въ немъ жизни и земледѣлія нельзя, а потому высылаются агенты или во внутреннія области, или въ уже достаточно густо заселенные китайцами районы Южной Маньчжуріи. Агенты приступаютъ къ вербовкѣ людей въ рабочіе батальоны. Условія — ежемѣсячное опредѣленное жалованіе, продо-

вольствіе и одежда отъ казны; возрастъ нанимаемаго — отъ 20 до 40 лѣтъ; пригодность къ работѣ, отсутствіе физическихъ недостатковъ; непремѣнная принадлежность къ извѣстному сельскому обществу, ручательство общества въ добропорядочности; наличіе на мѣстѣ постояннаго жительства семьи, *желаніе впослѣдствіи переселиться;* контрактъ заключается на три года; по истеченіи этого срока рабочій получаетъ *безплатно* въ томъ районѣ, гдѣ онъ будетъ находиться на службѣ, извѣстный участокъ земли, скотъ и земледѣльческія орудія, или денежное вмѣсто того пособіе и освобожденіе отъ земельныхъ налоговъ на извѣстное число лѣтъ.

Изъ навербованныхъ на такихъ условіяхъ людей формируются отдѣльныя партіи и отправляются на казенный счетъ въ намѣченные районы, гдѣ онѣ сводятся въ болѣе крупныя артели и употребляются для производства работъ.

За время работъ въ избранномъ районѣ рабочій хорошо ознакомится съ мѣстными условіями; плата ему, въ виду обѣщанныхъ впослѣдствіи льготъ, сравнительно невысокая; работы ведутся молодымъ, крѣпкимъ народомъ, организованнымъ въ прочныя артели, на военный образецъ. Въ результатѣ, окончивъ свой срокъ, рабочій получаетъ участокъ земли, ѣдетъ на родину за семьей, привозитъ ее, а часто прихватываетъ и родственниковъ.

Кромѣ этой системы примѣняется еще система военныхъ поселеній, имѣющая назначеніемъ размѣстить на вновь отведенныхъ подъ колонизацію земляхъ нижнихъ чиновъ, увольняемыхъ изъ полевыхъ войскъ въ запасъ.

Цѣль такого поселенія — создать на окраинахъ достаточный запасъ обученныхъ военному дѣлу контингентовъ, которые могли бы въ военное время быть использованными, какъ солдаты.

Навѣянная положеніемъ о нашихъ казачьихъ войскахъ, система эта въ примѣненіи къ Маньчжуріи оказывается неудачной, такъ какъ до сихъ поръ не хватало главнаго — желающихъ селиться; во всякомъ случаѣ достигнутые до сихъ поръ при этой системѣ результаты по сравненію съ принесенными жертвами незначительны.

Нѣсколько лучшіе успѣхи достигнуты системой пограничныхъ карауловъ, заключающейся въ томъ, что для заселенія намѣчаются пункты или на самой границѣ или вблизи ея; размѣръ наряда опредѣляется потребностями пограничной службы при расчетѣ, что одна треть караула находится на постахъ, а двѣ трети занимаются въ это время обработкой полей, сзади линіи кордоновъ, на болѣе удобныхъ

для земледѣльческой культуры мѣстахъ; весь урожай идетъ въ пользу чиновъ караула; личный составъ комплектуется вербовкой желающихъ на условіяхъ, мало чѣмъ отличающихся отъ предъявляемыхъ при вербовкѣ въ войска или въ рабочіе батальоны.

Для «укрѣпленія границъ» колонизація праваго берега р. Амура, на всемъ его протяженіи отъ Усть-Стрѣлки до устья р. Сунгари, является для китайскаго правительства, по словамъ самихъ китайцевъ, дѣломъ первостепенной важности, но при разрѣшеніи этой задачи китайцамъ пришлось столкнуться съ однимъ обстоятельствомъ.

Когда колонизація Сѣверной Маньчжуріи шла нормальнымъ путемъ, поступательное движеніе на сѣверъ велось въ строгой послѣдовательности: каждый шагъ впередъ совершался подъ вліяніемъ подталкиванія, достигшаго значительной плотности населенія.

Стремленіе занять правый берегъ Амура, вызванное политическими соображеніями, являлось скачкомъ черезъ пока еще пустынныя пространства. Прибывшіе на Амуръ поселенцы не чувствовали бы за собой той живой, подталкивающей ихъ массы, которая дѣлаетъ всѣ нормальныя китайскія колонизаціонныя движенія почти стихійными.

Это обстоятельство побудило китайскую администрацію заняться устройствомъ какъ бы этапныхъ колонизаціонныхъ линій, связавшихъ важнѣйшія изъ отдаленныхъ и пока еще очень рѣдкихъ поселеній по Амуру съ плотной китайской массой центральныхъ районовъ Маньчжуріи.

Эти линіи явятся впослѣдствіи торговыми артеріями, выводящими продукты земледѣлія и скотоводства съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развивающейся въ этомъ отношеніи Маньчжуріи на рынки нашего Приамурья, емкость которыхъ съ момента начала постройки Амурской дороги должна значительно возрасти.

Немало помогаетъ китайцамъ незаселенность нашихъ областей Приамурья, а вслѣдствіе этого большой спросъ на рабочія руки и наличіе сравнительно высокихъ заработковъ, причемъ китаецъ, покупая исключительно произведенія своей же страны, пользуясь услугами своихъ соотечественниковъ, почти ничего не даетъ изъ своего заработка пріютившей его странѣ; онъ представляетъ непрерывно дѣйствующій насосъ, выкачивающій наши деньги, которыя и позволяютъ ему быстро, хорошо устроиться на своемъ берегу.

Проведеніемъ Китайской Восточной желѣзной дороги мы возродили къ новой жизни Маньчжурію; постройка Амурской — сулитъ заман-

чивое будущее для той части этой страны, которая призвана обслуживать наше все еще голодное и пустынное Приамурье.

Китайцы захватили въ свои руки торговлю почти во всѣхъ уголкахъ богатаго Уссурійскаго края, имъ принадлежитъ до 80% всѣхъ торговыхъ заведеній; конкуренція съ ними мелкому и среднему русскому коммерсанту становится непосильной, такъ какъ при минимальныхъ жизненныхъ потребностяхъ, при широко развитой взаимной поддержкѣ китаецъ продаетъ товаръ дешевле русскаго; китаецъ иногда торгуетъ въ убытокъ пока не погубитъ русскаго конкурента, а потомъ сразу повышаетъ цѣны.

Начиная торговлю въ большинствѣ случаевъ съ грошей, черезъ 3—4 года китаецъ уже имѣетъ значительный капиталъ и переноситъ свою дѣятельность въ болѣе крупные торговые центры или увозитъ русскія деньги на родину, передавъ дѣло кому-либо изъ своихъ земляковъ.

Подобныя явленія обязываютъ серьезно подумать о нашемъ положеніи вообще и принять мѣры къ огражденію русскихъ государственныхъ интересовъ въ областяхъ Приамурья, которымъ желтая опасность, въ видѣ китайской колонизаціонной волны, несомнѣнно, грозитъ уже въ настоящее время совершенно реально.

Еще передъ русско-японской войной число желтыхъ рабочихъ въ Приморской области превышало число русскихъ рабочихъ въ $1^1/_2$ раза; въ частности первыхъ было болѣе, чѣмъ вторыхъ, во ВладивостокѢ въ 5 разъ, въ ХабаровскѢ и НикольскѢ-Уссурійскомъ въ 4 раза, въ НиколаевскѢ на АмурѢ въ 2—3 раза. Изъ общаго количества промышленныхъ предпріятій въ области 40% принадлежали исключительно желтымъ, и, слѣдовательно, трудъ русскаго въ нихъ не имѣлъ примѣненія; остальныя предпріятія принадлежали русскимъ, и здѣсь русскій рабочій могъ конкурировать съ желтымъ.

По окончаніи войны еще большія волны желтыхъ (главнѣйшимъ образомъ китайцевъ) прилили и распространились по окраинѣ: такъ, въ 1905 году въ двухъ областяхъ Приамурья насчитывалось около 380 тысячъ русскаго населенія и около 60 тысячъ китайскаго и корейскаго (не считая корейцевъ и китайцевъ русско-подданныхъ); желтый элементъ составлялъ, слѣдовательно, около 17% русскаго населенія; въ 1908 году, когда численность русскаго населенія опредѣлилась въ этихъ областяхъ въ количествѣ около 500 тысячъ, число китайцевъ и корейцевъ достигло уже 120 тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ, желтолицые пришельцы составляли уже не 17%, а цѣлыхъ 25% или одну 4-ю часть русскаго населенія!

Но въ эти неутѣшительныя данныя необходимо внести еще существенныя поправки.

Изслѣдованія показываютъ, что только четвертая часть (самое большее) русскаго населенія составляетъ рабочій элементъ, и только съ этимъ количествомъ русскихъ работниковъ можно сравнить количество желтыхъ иностранныхъ подданныхъ, проникшихъ сюда; принявъ наличное русское населеніе Приамурья за 530 тысячъ душъ обоего пола, увидимъ, что русскихъ работниковъ всего имѣлось около 135 тысячъ,—такимъ образомъ, оказывается, что на каждаго русскаго работника уже приходится почти по одному работнику желтой расы.

Къ сказанному необходимо добавить, что желтые имѣютъ большое преимущество въ предпочтеніи труда вслѣдствіе дешевизны проѣзда и жизни въ краѣ; кромѣ постоянно проживающихъ здѣсь желтыхъ, десятки тысячъ ихъ прибываютъ въ край весной, къ сезону работъ, и, съ окончаніемъ рабочей горячки, осенью, отбываютъ на родину; русскій же рабочій не только изъ центральной Россіи, но изъ Западной Сибири не можетъ, по дальности и дороговизнѣ пути, прибывать въ этотъ край періодически.

Далѣе, желтые, работая здѣсь, по существу находятся въ своей климатической зонѣ, въ привычныхъ для нихъ, до извѣстной степени, условіяхъ жизни, тогда какъ русскій рабочій изъ центральной Россіи, прибывая на Дальній Востокъ, попадаетъ въ непривычную для него обстановку, непроизводительно тратитъ время и энергію для приспособленія къ новымъ условіямъ жизни.

Большинство желтыхъ непосредственно попадаетъ въ кругъ своихъ земляковъ или принявшихъ русское подданство, или вообще прочно обосновавшихся въ краѣ, прекрасно приспособившихся къ русскимъ порядкамъ и устроившихся по-домашнему, тогда какъ русскій, прибывшій впервые въ край, блуждаетъ обыкновенно, какъ въ потемкахъ.

Желтые всегда дѣйствуютъ артелями, солидарными между собой, энергично поддерживаютъ другъ-друга, чего, къ сожалѣнію, не наблюдается среди русскихъ рабочихъ.

Обращаясь къ приведеннымъ выше даннымъ, видимъ, что за три года русское населеніе въ областяхъ Приамурья увеличилось на 33%, а желтые — на 100%, — слѣдовательно, желтая эмиграція совершается быстрѣе русской въ три раза!

Мы стараемся усиленно колонизовать русскій Дальній Востокъ, энергично перевозимъ сюда переселенцевъ, которымъ даемъ разно-

образные льготы, тратимъ большія деньги на ихъ устройство, поддерживаемъ мѣстную сельскохозяйственную промышленность, — словомъ, направляемъ всѣ усилія для укрѣпленія въ молодомъ краѣ русскаго труда и русской культуры, и все-же, несмотря на небывалый размахъ переселеній послѣднихъ лѣтъ, желтые обгоняютъ насъ въ дѣлѣ заселенія края.

Въ противовѣсъ нашей, желтые несутъ и насаждаютъ здѣсь свою собственную культуру, т. е. свой примитивный бытъ, полунищенскую, неприхотливую жизнь и восточную антисанитарію, заражающую и отравляющую русскіе города и деревни края.

Русскій Дальній Востокъ, какъ видно, оказался для Китая весьма полезной страной для помѣщенія избытка населенія; русскіе же никакъ не могутъ управиться на своей территоріи, а создаютъ спросъ и потребленіе желтаго труда: чѣмъ болѣе заселяется окраина русскими, тѣмъ надобность въ желтыхъ не уменьшается, а все, повидимому, увеличивается, и увеличивается притомъ не пропорціонально приливу русскихъ, а, какъ мы видимъ, втрое быстрѣе.

Желтые будутъ итти сюда, пока не положатъ этому нашествію предѣлъ, будутъ продавать свой трудъ, высасывать изъ нашей окраины колоссальныя суммы кровныхъ русскихъ денегъ. На смѣну однимъ приходятъ другіе, и такъ совершается этотъ безконечный круговоротъ пришлыхъ людей, чуждыхъ намъ и по духу, и по своимъ стремленіямъ, и по всему прочему, которымъ мы, несмотря на все сказанное, до сихъ поръ гостепріимно открываемъ дверь и любезно приглашаемъ воспользоваться плодами нашей созидательной дѣятельности.

Этотъ быстрый ростъ желтой эмиграціи, которой не предвидится ни конца, ни краю, и есть «мирное завоеваніе насъ» сосѣдями, это и есть та «желтая опасность», о которой надо постоянно напоминать.

Болховитиновъ.

Развитіе и роль подводнаго флота при современныхъ условіяхъ войны.

I.

Закатъ кровавыми лучами освѣщалъ грозную картину морского боя. Рѣзкій холодный вѣтеръ срывалъ верхушки волнъ и бросалъ ихъ въ жавшуюся другъ къ другу массу людей. Палубы миноносца едва хватало, чтобы помѣстить всѣхъ этихъ промокшихъ, израненныхъ несчастныхъ, подобранныхъ изъ воды послѣ гибели броненосца. Кое-гдѣ изъ-подъ кучи тѣлъ ползла густая темная струя крови и смѣшивалась съ потоками воды. Одному бѣдному «ослябскому» матросу, котораго слѣпая судьба спасла невредимо изъ воды, перервало горло осколкомъ у борта «Суворова». Несчастный лежалъ, раскинувшись на спинѣ, и стеклянные голубые глаза его недвижно глядѣли въ далекое высокое небо. Горсть людей на утломъ суденышкѣ среди темнѣющаго моря, вдали отъ родины; ее, быть-можетъ, ежеминутно ждала та же участь...

Но чувство опасности блѣднѣло у этихъ обреченныхъ передъ мрачной картиной, полной понятнымъ всѣмъ трагизмомъ; всѣ, у кого еще теплилась жизнь, жадно всматривались въ морскую даль, и какое невыразимое горе и обида читались въ ихъ глазахъ.

Дневной бой догоралъ. Стройная линія японскихъ броненосцевъ, сверкая на солнцѣ своими красными лучистыми флагами, быстро уходила на сѣверъ. Кормовыя орудія все рѣже и рѣже вспыхивали длинными желтыми огоньками. Пять долгихъ непрерывныхъ часовъ громили они нашу эскадру своими мѣткими страшными снарядами, и теперь добившись своего, уходили на отдыхъ. Но намъ отдыха не было. Только что въ послѣдній моментъ мы одновремен но потеряли два самыхъ сильныхъ броненосца. Въ сторонѣ одиноко яркимъ пламенемъ горѣлъ «Суворовъ». Оставшіеся корабли поворачивали на

югъ, уходя передъ тучей показавшихся отовсюду непріятельскихъ миноносцевъ. Быстро надвигался ночной мракъ и съ нимъ конецъ нашего рѣшающаго поединка съ японскимъ флотомъ.

Никогда не забыть мнѣ этой ужасной картины. Тогда казалось, что это кошмаръ, что это болѣзненный бредъ напряженныхъ нервовъ, что стоитъ встряхнуться, и страшная картина исчезнетъ. Но нѣтъ, больное тѣло мгновенно отзывалось, и было ясно, что это дѣйствительность.

Но неужели всѣ могли такъ заблуждаться, неужели начальники могли съ такимъ легкимъ сердцемъ вести эту армаду на гибель, неужели въ Россіи могли серьезно ждать отъ насъ побѣды, зачѣмъ и кому нужна была эта безполезная жертва, неужели начальники не сознавали слабости и неподготовки эскадры, неужели, наконецъ, они несознавали всей важности предстоящаго боя? Тысячи подобныхъ вопросовъ толпились, не встрѣчая отвѣта. Все происшедшее было такъ огромно, такъ подавляло своею внезапностью, своей роковой безповоротностью.

Признаюсь, такого разгрома, такого подавляющаго преимущества въ силѣ непріятеля я лично не ожидалъ. Я думаю, и вы, читатель, даже наканунѣ боя возлагали большія надежды на насъ, на вторую эскадру, на ея суроваго доблестнаго вождя. Но вамъ простительно было не знать, что мы совсѣмъ не годились воевать, что мы были просто жалки въ сравненіи съ непріятелемъ. Непонятно, какъ личный составъ эскадры и руководители флота въ Россіи этого не сознавали, не знали истиннаго состоянія боевой силы флота... Здѣсь мнѣ кажется, кроется истинная первоначальная причина нашей неудачи, нашей проигранной войны. И здѣсь слѣдуетъ искать причины непрекращающагося и понынѣ хаоса въ морскомъ вѣдомствѣ.

Не будемъ говорить о напрасныхъ жертвахъ, о тысячахъ погибшихъ самой мучительной смертью, горѣвшихъ, тонувшихъ, разорванныхъ на части, заживо погребенныхъ въ опрокинувшихся стальныхъ громадахъ. Личныя страданія ничто въ сравненіи съ потерей и горемъ всей страны. Этотъ бой 14-го мая 1905 года у острова Цусимы рѣшалъ войну. Тамъ мы теряли остатки своей морской силы. Островное государство становилось недоступнымъ для насъ. Мы лишались надежды вернуть Портъ-Артуръ; Владивостокъ, Сахалинъ, Камчатка становились легкой добычей непріятеля; взятіе ихъ было уже вопросомъ времени. Никакія побѣды сухопутныхъ войскъ уже не могли вернуть намъ выигрыша войны. И напрасно утверждаютъ

сторонники продолженія войны, что побѣда подъ конецъ клонилась въ нашу сторону, что у насъ не хватило лишь выдержки. Намъ предстояла только тяжелая финансовая война съ возможностью потерять еще побережье Дальняго Востока, но безъ надежды отнять взятое уже у насъ японцами.

Великая держава должна была склониться передъ мнимымъ ничтожествомъ, внезапно поднявшимъ голову и выросшимъ до величія. Съ той стороны былъ трудъ, знаніе и преданность долгу; съ нашей стороны—эти качества проявлялись далеко не у всѣхъ, а главное, замѣчалось пренебреженіе государственными интересами въ пользу своихъ личныхъ. Эта черта яркою нитью проходитъ въ исторіи послѣдней войны, и въ этомъ недостаткѣ намъ надо мужественно сознаться, чтобы избѣжать вторичныхъ ударовъ. Но вернемся къ горестному факту. Для рѣшающаго боя мы бросили не эскадру, а «сбродъ кораблей», какъ выразился покойный адмиралъ Рожественскій въ одной изъ своихъ телеграммъ съ Мадагаскара.

Среди офицеровъ эскадры мнѣнія о предстоящемъ боѣ были разнообразныя; одни надѣялись на удачу, другіе смотрѣли на будущее менѣе оптимистично; въ общемъ, почти всѣ сходились на одномъ, что вспомогательныя суда: транспорты, часть крейсеровъ будутъ потеряны. Я принадлежалъ къ числу лицъ, ожидавшихъ пораженія, но совершенно искренно былъ убѣжденъ, что результатомъ его будетъ потеря транспортовъ, нѣсколькихъ броненосцевъ, и то скорѣе отъ ночныхъ минныхъ атакъ, но что большая часть эскадры пройдетъ во Владивостокъ. И думаю, что самые мрачные пессимисты не ожидали такого полнаго разгрома. Я бы могъ привести выписки изъ писемъ офицеровъ эскадры до боя, но это слишкомъ далеко вывело бы меня за рамки предстоящей темы. Мнѣ важно возможно ярче подчеркнуть незнакомство профессіоналовъ нашего военно-морского дѣла съ истиннымъ состояніемъ довѣреннаго имъ оружія. Оказалось, что мы не знали своей профессіи, мы были просто моряками, водили корабли по морямъ, устраивали разныя ученія, представительствовали за границей, на смотрахъ блистали чистотой; однимъ только не интересовались—военной, боевой подготовкой. Въ подтвержденіе своего мнѣнія достаточно было бы привести перечень дефектовъ, обнаружившихся въ бою на броненосцѣ «Князь-Суворовъ». Мало того, что эти дефекты существовали въ 1905 году, они продолжаютъ успѣшно существовать и до сихъ поръ на броненосцѣ «Цесаревичъ» однотипномъ съ предыдущимъ. Но всякія доказательства такого свойства

малоубѣдительны, ихъ можно оспаривать и пр. Лучшимъ доказательствомъ является результатъ боя и исходъ войны.

Можетъ ли Россія ожидать, что руководители флота прозрѣли, и что они теперь поведутъ флотъ къ побѣдѣ? Увы, прошло пять лѣтъ послѣ войны; болѣе пятисотъ милліоновъ рублей истрачено на флотъ, а что сдѣлано? Ничего. Не только ничего, а гораздо хуже: проведены и проводятся реформы, въ корнѣ убивающія флотъ. Давно пора обществу болѣе вникнуть въ состояніе флота, потребовать радикальнаго обновленія морскаго министерства; если нужно, домогаться коренного пересмотра военно-морскихъ уставовъ. Стоитъ только немного заинтересоваться литературой морскихъ войнъ, чтобы составить себѣ опредѣленное мнѣніе о флотѣ, о типахъ морскихъ судовъ, о принципахъ веденія войны, о вліяніи морской силы на исходъ разныхъ войнъ. А интересъ этотъ былъ бы чрезвычайно полезенъ для страны, особенно теперь, когда Россія стоитъ передъ новыми колоссальными затратами денегъ на судостроеніе. Тутъ необходимо отказаться отъ авторитетовъ; надо набрать побольше фактовъ изъ военно-морской исторіи, провѣрить выводы изъ нихъ своей собственной здравой логикой, выработать свой личный взглядъ на обновленіе флота. Особенно остерегайтесь попасть подъ вліяніе морскихъ авторитетовъ; помните результаты. Личное знакомство съ военно-морскимъ дѣломъ можетъ даже доставить личное большое нравственное удовлетвореніе. Каждый голосъ, раздавшійся въ защиту истиннаго направленія въ развитіи морской силы, дастъ уже несомнѣнную пользу въ смыслѣ сбереженія громадныхъ капиталовъ, такъ необходимыхъ теперь Россіи, и въ смыслѣ созданія дѣйствительнаго могущества страны и вліянія ея на дѣла другихъ государствъ.

Мнѣ, пережившему ужасъ тсусимскаго боя, униженіе плѣна, мнѣ пришлось много подумать о своихъ ошибкахъ. Горькій опытъ заставилъ меня внимательнѣе вникнуть въ причины нашихъ неудачъ. Разъ подорванная вѣра въ авторитеты замѣнилась желаніемъ серьезно поразобраться, какимъ образомъ наиболѣе цѣлесообразно можно было бы возстановить нашу морскую мощь. Пять лѣтъ послѣ войны я провелъ въ усиленной, непрерывной работѣ и вынесъ нѣкоторые взгляды, основанные на личномъ, трудномъ опытѣ, и этими взглядами я хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями, искренно желая привлечь ихъ на свою сторону ради блага государства. Не дай Богъ намъ еще разъ пережить мрачныя минуты, въ родѣ тѣхъ, какія мы переживали 14 мая 1905 года.

Поэтому-то я охотно согласился на предложеніе выступить съ защитой новаго курса въ военно-морскомъ дѣлѣ, выступить на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя неоспоримы, какъ факты, и изъ которыхъ читатель самъ сдѣлаетъ неизбѣжные выводы.

Съ незапамятныхъ временъ всякое вооруженіе заключало въ себѣ два элемента: нападенія и защиты. Важно было не только поразить врага, но и себя сохранить. Не буду задерживаться на разборѣ перехода отъ желѣзнаго оружія и латъ къ огнестрѣльному. Извѣстно, что латы вскорѣ исчезли за безполезностью. Усиленіе мѣткости и дальности ружейнаго и орудійнаго огня повлекло за собою разсыпные строи, окапываніе, примѣненіе къ мѣстности и защитные цвѣта.

Та же эволюція наблюдалась и на морѣ. Развитіе техники удѣляло всегда большое вниманіе военно-морскому дѣлу. Къ сожалѣнію, на землѣ нравственные принципы почти всегда уступали силѣ; сила являлась главнымъ рычагомъ, обусловливающимъ взаимоотношенія государствъ и сословій въ отдѣльныхъ государствахъ. А такъ какъ оружіе есть главный элементъ силы, то всегда всякій новый шагъ техники впередъ прежде всего примѣнялся къ оружію. Едва подмѣтили свойства пара, какъ явилась идея построить корабль съ паровымъ двигателемъ, могущій ходить противъ вѣтра и, такимъ образомъ, имѣющій громадное преимущество передъ парусными судами, для которыхъ третья часть горизонта была закрыта. Чтобы достигнуть пункта, расположеннаго въ этой части горизонта, парусный корабль долженъ былъ лавировать, т. е. подходить къ цѣли зигзагами, на сколько позволялъ уголъ между направленіемъ вѣтра и діаметральной плоскостью корабля. Первый пароходъ, построенный Фультономъ, былъ демонстрированъ Наполеону въ 1803 году, какъ новое морское оружіе. Спускъ парохода на воду окончился его потопленіемъ, потому что днище корабля не выдержало тяжести машины и котла. Но уже сорокъ лѣтъ спустя всѣ военные флоты начинаютъ строить паровые корабли. И любопытно отмѣтить ту медленность, съ какой новая идея проводилась въ жизнь. Какъ всегда, громадное большинство профессіоналовъ заявило себя противниками новаго оружія. У насъ въ 1836 году построили въ Петербургѣ пароходо-фрегатъ «Богатырь» около 2.500 тоннъ водоизмѣщеніемъ и вооружили его 28 пушками; вооруженіе оказалось слишкомъ тяжелое; да, вѣроятно, были и другіе недостатки. Потому, слѣдующій пароходо-фрегатъ «Камчатка» (14 орудій) уже построили въ Америкѣ черезъ пять лѣтъ въ 1840 году, и только послѣ этихъ опытовъ начали строить у себя въ Балтійскомъ морѣ,

въ 1842 году пароходо-фрегаты уже серіями; вооруженіе этихъ судовъ слабенькое по 4 пушки. Для Чернаго моря заказали въ Англіи тоже въ 1842 году пять пароходо-фрегатовъ съ вооруженіемъ въ 4 или 6 орудій. Одновременно продолжалась постройка большихъ парусныхъ кораблей—74 и 84 пушечныхъ до 1851 года. *Пятнадцать лѣтъ* понадобилось, чтобы наши морскіе авторитеты привыкли къ мысли, что машина можетъ служить двигателемъ наравнѣ съ парусами. Конечно, въ то время гигантскій корабль, весь усѣянный пушками, особенно, когда покрытый парусами, онъ величественно скользилъ по волнамъ, казался неизмѣримо сильнѣе и привлекательнѣе жалкой коптѣлки съ 4 пушками. Но въ 1854 году *) непріятельскія коптѣлки пришли въ Черное море и нашъ чисто-парусный военный флотъ прекратилъ свое существованіе.

Крымская кампанія послужила печальнымъ, но полезнымъ урокомъ для нашего флота. Тогда обнаружилось, что соотношеніе элементовъ нападенія и защиты, соединенныхъ въ военномъ кораблѣ, сильно нарушено въ пользу перваго; оказалось, что корабли не могутъ выдерживать артиллерійскаго огня и надо ихъ защищать бронею. Первый опытъ бомбардировки Кинбурна французскими плавучими броненосными батареями оказался удаченъ. Американцы, не позаботившіеся сразу поставить свой флотъ на новыхъ началахъ, горькимъ опытомъ убѣдились въ необходимости брони на судахъ. Въ 1862 году броненосный фрегатъ южанъ «Merrimack», вооруженный тараномъ и десятью пушками, напалъ на пять деревянныхъ кораблей сѣверянъ, вооруженныхъ 200 орудіями; одного онъ потопилъ, другого заставилъ сдаться, а остальныхъ ожидала та же трагическая участь, если бы не приходъ имъ на помощь новаго броненосца «Monitor».

Казалось бы, чего яснѣе, что броненосный корабль неуязвимъ въ сравненіи съ деревяннымъ, и что деревянные корабли являются не только безполезными, но даже лишними, но вотъ историческій примѣръ показываетъ, что семь лѣтъ деревянные корабли продолжали существовать послѣ Кинбурнскаго опыта и только непосредственное испытаніе, испробованное на собственной шкурѣ, заставило американскихъ флотоводцевъ окончательно разстаться съ негоднымъ оружіемъ.

Надо отдать справедливость нашему флоту: послѣ американской междуусобной войны мы ретиво принялись за постройку броненос-

*) У непріятеля были уже большія суда съ большимъ числомъ орудій, снабженныя паровыми машинами.

ныхъ судовъ. Особенно, когда за это дѣло взялись адмиралы Поповъ и Бутаковъ, талантливѣйшіе русскіе морскіе офицеры, и въ ихъ время русскій флотъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ, особенно, по искусству личнаго состава владѣть своимъ оружіемъ. Построенный тогда броненосецъ «Петръ Великій», имѣлъ полный броневый поясъ, сильнѣйшую артиллерію и прекрасную для того времени скорость хода. Процвѣтанію флота много способствовало и то обстоятельство, что во главѣ его стоялъ выдающійся по уму и образованію великій князь Константинъ Николаевичъ. Съ уходомъ этого дѣятеля началась эпоха упадка флота, приведшая къ печальнымъ результатамъ послѣдней войны.

Въ то время, какъ за границей совершенствовали во всѣхъ отношеніяхъ броненосцы, т. е. дѣлали ихъ возможно больше неуязвимыми и вооруженными; вырабатывали новые образцы орудій, снарядовъ, минъ; производили опыты надъ взрывами снарядовъ, пробиваемостью брони, у насъ эта боевая часть оставалась въ тѣни. Кстати, впервые, мины появились во время американской междуусобной войны и, благодаря прекрасному управленію тогда нашимъ флотомъ, минное дѣло получило у насъ сильное и правильное развитіе, такъ что наши минные катера смогли выполнить свою задачу въ войнѣ съ Турціей. Но затѣмъ минное дѣло тоже подчинилось общей участи; хорошо было поставлено только дѣло обученія минному искусству, а военная сторона страдала. Минныя суда не разрабатывались и, хотя ихъ было построено много, но по водоизмѣщенію и боевымъ качествамъ онѣ представляли еще мало совершенное оружіе.

Броненосное судостроеніе пошло въ кильватеръ иностранному; запаздываніе въ постройкѣ судовъ привело къ тому, что къ моменту японской войны мы оказались на Востокѣ слабѣе японцевъ. Владѣя въ общемъ довольно многочисленнымъ флотомъ, мы не сумѣли вовремя сосредоточить его въ угрожаемомъ мѣстѣ и дали разбить себя по частямъ.

Мнѣ пришлось быть выпущеннымъ изъ морского кадетскаго корпуса въ 1897 году, такъ что я могъ прослѣдить за постройкой у насъ броненоснаго флота въ послѣдней стадіи его развитія. Я видѣлъ эти, можно сказать, потуги въ дѣлѣ созданія морского современнаго оружія. Во время моихъ кадетскихъ плаваній мнѣ приходилось видѣть у стѣнки Кронштадтской гавани цѣлый ассортиментъ достраивающихся броненосцевъ. «Императоръ Александръ II», «Императоръ Николай I», «Гангутъ», «Наваринъ», «Сисой Великій»,—все это были разные корабли:

у одного—одна двѣнадцатидюймовая пушка, у другого—двѣ, у третьяго—четыре; то спереди, то сзади. Вспомогательная мелкая артиллерія была въ большомъ количествѣ; этого добра не жалѣли; патронные погреба были завалены грудами безполезныхъ снарядовъ, о которыхъ тогда еще говорили, что они не могутъ пробить даже обшивки миноносца. Да и распредѣленіе этой артиллеріи на судахъ было странное; точно посыпали сверху горохомъ и тамъ, куда упала горошина, поставили пушку. Чѣмъ руководились, ведя такимъ образомъ постройку флота, трудно сказать; вѣрнѣе всего, что руководители морского вѣдомства опять таки упускали изъ виду боевое назначеніе флота.

Мы, кадеты, проходили парусное воспитаніе; почему-то старые моряки съ парусами связывали всѣ прекрасныя чувства и всѣ лучшія морскія достоинства. Къ сожалѣнію, воспитываясь въ прекрасныхъ чувствахъ, мы не пріобрѣтали полезныхъ свѣдѣній. Только въ 1897 г. на учебномъ суднѣ «Вѣрный» намъ начали преподавать скорострѣльныя пушки Канэ съ ихъ поршневымъ затворомъ, а до тѣхъ поръ мы упражнялись на 4-хъ фунтовыхъ пушкахъ съ клиновымъ затворомъ. Но я прекрасно помню, какъ въ послѣднее гардемаринское плаваніе на томъ же учебномъ суднѣ насъ послали въ двухнедѣльное крейсерство подъ парусами въ Балтійское море. Мы вышли изъ Гельсингфорса при свѣжемъ западномъ вѣтрѣ и послѣ многихъ галсовъ поперекъ Финскаго залива благополучно пришли въ бухту Кашпервикъ у Гогланда вмѣсто того, чтобы выйти въ Балтійское море. Каждый поворотъ оверштагъ мы дѣлали по нѣсколько разъ и, въ результатѣ кончали поворотомъ черезъ фордевиндъ. Эта блестящая лавировка могла только окончательно подорвать у молодыхъ офицеровъ довѣріе къ пользѣ парусовъ на военныхъ судахъ.

На крейсерѣ 1 ранга «Рюрикъ», спущенномъ въ 1892 году, было поставлено громадное фрегатское вооруженіе; надо замѣтить, что это былъ броненосный крейсеръ въ 11,000 тоннъ, съ 18-ти узловымъ ходомъ, который паруса и сдвинуть съ мѣста едва могли; но еще въ 1899 году на Востокѣ я на этомъ крейсерѣ былъ марсовымъ старшиной, а рангоутъ убрали съ него только въ 1900 году. Удивительно, какъ прочно старыя идеи сидятъ въ человѣческихъ мозгахъ, и самая явная очевидность не можетъ ихъ выбить оттуда.

Всѣ вышеперечисленные броненосцы въ боевомъ отношеніи страдали большимъ недостаткомъ: ихъ ватерлинія не была сплошь защищена броней, броневой поясъ защищалъ только середину корабля, оконечности же были закрыты лишь горизонтальной броневой палу-

бой, находящейся внутри корабля и значительно ниже уровня воды (вслѣдствіе перегрузки).

Затѣмъ еще три броненосца, уже однотипныхъ: «Севастополь», «Петропавловскъ» и «Полтава» (спущены въ 1894—1895 гг.) также въ этомъ отношеніи не подвинулись впередъ, а «Пересвѣтъ», «Ослябя» и «Побѣда» (1898—1900 гг.) уже имѣютъ защищенную корму. Наконецъ, только заказанные за-границей броненосцы «Ретвизанъ» и «Цесаревичъ» (1900—1901 гг.) и строящіеся у насъ по типу послѣдняго: «Бородино», «Императоръ Александръ III», «Орелъ», «Князь Суворовъ» и «Слава» (1901—1903 гг.) имѣютъ вполнѣ совершенный броневой поясъ и, вообще, хорошую защиту жизненныхъ частей корабля.

Такимъ образомъ, эволюція броненосца продолжалась у насъ *сорокъ лѣтъ;* первый броненосецъ «Первенецъ» былъ построенъ для насъ въ Англіи въ 1863 году. Срокъ, какъ видите, солидный, но, какъ ни странно, по существу разница между «Первенцемъ» и «Цесаревичемъ» не соотвѣтствуетъ такому большому промежутку времени. Если бы въ 1863 году мы обратили вниманіе на усовершенствованіе броневыхъ плитъ, увеличеніе скорострѣльности орудій и развитіе паровыхъ машинъ и тогда же отказались бы вовсе отъ парусовъ, то «Цесаревичъ» появился бы у насъ лѣтъ на пятнадцать раньше.

Къ этой общей картинѣ слѣдуетъ, однако, прибавить одну частность. Мы должны обратить вниманіе читателей на то, что наше морское министерство, хотя и потратило много времени на развитіе броненоснаго флота и, въ концѣ-концовъ, на первый взглядъ достигло почти предѣла въ дѣлѣ броненоснаго судостроенія, но въ дѣйствительности оно сдѣлало серьезные промахи, ускорившіе гибель судовъ во время боя. Оно совершенно не интересовалось боевыми качествами строившихся судовъ; корабли строились, потому что такіе же строились за-границей; отъ сосѣдей нельзя было отставать по числу закладываемыхъ судовъ,—но о томъ, каковы ихъ боевыя качества, каково ихъ вооруженіе и защита окажутся въ бою, этимъ никто не интересовался и, видимо, объ этомъ никто не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Наше министерство упустило изъ виду одинъ очень важный опытъ въ 1901 году въ англійскомъ флотѣ,—опытъ разстрѣливанія стараго броненосца «Belleisle» новыми фугасными, т.-е. сильно разрывными снарядами, снаряженными лиддитомъ. Поэтому все броневое устройство, казавшееся на нашихъ судахъ такимъ надежнымъ, de facto

оказалось очень несовершеннымъ. У насъ настолько мало слѣдили за иностранцами, что еще въ морской справочной книжкѣ на 1904 годъ нѣтъ и слова про лиддитъ и только въ книжкѣ 1906 года уже послѣ войны приводится описаніе даннаго опыта.

Точно также прозѣвали у насъ усилившуюся дальнобойность новыхъ нарѣзныхъ орудій. Поэтому у насъ съ одной стороны суда не были защищены отъ сильнаго фугаснаго огня, съ другой стороны наши орудія не были снабжены испытанными оптическими прицѣлами для стрѣльбы на дальнія дистанціи. На «Суворовѣ» новые оптическіе прицѣлы въ первыя же минуты боя сдвинулись съ мѣстъ отъ сотрясенія, а у башень были такія большія амбразуры, что черезъ нихъ влетала масса мелкихъ осколковъ отъ фугасныхъ снарядовъ и портила устройство для подачи снарядовъ и другіе механизмы въ башняхъ; черезъ два часа боя всѣ орудія средняго и крупнаго калибра были выведены изъ строя.

Подобное же отношеніе къ чисто военнымъ свойствамъ вооруженія нашихъ кораблей осталось и до нынѣ; поэтому, всякому безпристрастному человѣку, слѣдящему и интересующемуся развитіемъ родного флота позволено будетъ усомниться въ возможности успѣшныхъ дѣйствій въ бою нашихъ строящихся теперь морскихъ левіафановъ, если даже они и будутъ когда-либо плавать.

1905 годъ я отмѣтилъ, какъ конечный срокъ развитія броненосца. Къ этому времени слѣдуетъ отнести постройку въ Англіи громаднаго броненосца «Drednought» и постройку тамъ же первыхъ подводныхъ лодокъ, типа «С», представляющихъ уже собою вполнѣ разработанный и пригодный для боевыхъ цѣлей типъ морского оружія. Повидимому, наше морское министерство не успѣло еще выйти изъ состоянія растерянности послѣ неудачной войны, въ которой мы лишились почти всего броненоснаго флота, а то мы могли бы начать возрожденіе своей морской мощи на новыхъ, самыхъ цѣлесообразныхъ началахъ. Собственно говоря, «Drednought» не есть послѣднее слово въ дѣлѣ развитія броненосца; это только первый образецъ громаднаго броненоснаго корабля, почти несокрушимаго для артиллеріи. Его усовершенствовали съ тѣхъ поръ во многихъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи управленія механизмами, устройства трюмной системы и увеличенія скорости хода. Появился даже особый типъ броненосца-крейсера въ 30 узловъ хода, каковымъ является спущенный въ этомъ году англійскій крейсеръ «Lion». Но я думаю, что это со стороны Англіи только политика съ цѣлью увлечь другія державы на

путь постройки дорогихъ кораблей, чтобы успѣть выиграть время и успѣть незамѣтно построить большой по численности подводный флотъ, способный защитить страну отъ вторженія непріятеля. А можетъ быть, это послѣдняя яркая вспышка борьбы англійскихъ моряковъ, сторонниковъ надводнаго броненоснаго флота съ подводниками. Эта борьба существуетъ во флотахъ всѣхъ государствъ; только въ Англіи, напримѣръ, она протекаетъ путемъ созданія чудесъ техники съ одной и съ другой стороны и тщательнаго испытанія ихъ на маневрахъ и всевозможными военными опытами. Судя по нѣкоторымъ данныхъ, едва проскользнувшимъ въ англійской морской печати, послѣдніе маневры англійскаго флота въ этомъ году почти рѣшили эту борьбу. Жаль, что глубокая тайна, окружающая морское дѣло въ Англіи, не позволяетъ сообщить ничего опредѣленнаго по этому интересному дѣлу. Во всякомъ случаѣ, постройка подобныхъ «Drednought'у» судовъ теперь уже не имѣетъ для морской войны реальнаго значенія. Можетъ быть, техника позволитъ построить броненосцы въ 50,000 тоннъ съ пушками 20-ти дюймоваго калибра; все равно, во время войны они будутъ потоплены рано или поздно.

Дѣло въ томъ, что появившееся во время американской междуусобной войны новое оружіе нападенія—мина, получило возможность примѣненія его съ дѣйствительнымъ успѣхомъ *). Въ серединѣ семи десятыхъ годовъ появилась самодвижущаяся мина Уайтхеда-Луписа, которая, затѣмъ, постепенно совершенствовалась. Мина по своему дѣйствію чрезвычайно опасна для желѣзныхъ кораблей, она идетъ подъ водой, поражаетъ подводную часть корабля и, вслѣдствіе большой сопротивляемости окружающей среды, воды, производитъ страшно разрушительное дѣйствіе на днище корабля. Конечно, чѣмъ ниже поверхности воды попадаетъ мина, тѣмъ дѣйствіе ея сильнѣе. Пробоины отъ мины захватываютъ большую поверхность въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ футъ съ рваными краями и съ длинными трещинами; взрывъ ея производитъ сотрясеніе, ослабляющее связи корабля, и для желѣзныхъ кораблей взрывъ мины почти всегда влечетъ за собою гибель судна. Въ послѣднюю войну бывали рѣдкіе случаи, когда корабль отъ одной мины не тонулъ, но это зависѣло отъ исключительныхъ причинъ: или мина попадала близко отъ поверхности воды

*). Есть также неподвижныя мины загражденія, которыя ставятся на якоряхъ, находятся въ нѣсколькихъ футахъ подъ поверхностью воды и взрываются отъ удара (есть мины, взрывающіяся по желанію посредствомъ замыканія электрическаго тока; онѣ снабжены свѣтью проводовъ).

или въ самую оконечность судна. Былъ, правда и такой случай: въ японскій пароходъ «Садомару» попало двѣ мины, и онъ, по японскимъ источникамъ, не затонулъ. Но тутъ дѣло обстояло особенно оригинально. Съ крейсера «Рюрикъ» выпустили одну мину въ пароходъ, которая попала въ бортъ по серединѣ и взорвалась. Пароходъ началъ сильно крениться и тонуть, тогда крейсеръ обошелъ его съ другой стороны и выпустилъ вторую мину. Вторая мина попала какъ разъ посерединѣ съ противоположнаго борта и пароходъ выпрямился. Правда, что его положеніе было критическое, но, благодаря тихой погодѣ, онъ успѣлъ продержаться на водѣ до прихода въ портъ. Такіе чудесные случаи спасенія судовъ чрезвычайно рѣдки и обыкновенно, суда, получившія минную пробоину, тонутъ. Между тѣмъ, въ тотъ же корабль можетъ попасть сотня снарядовъ даже крупнаго калибра и еще вопросъ, насколько сильно онъ пострадаетъ. Съ увѣренностью можно сказать, что броненосецъ типа «Drednought» не пострадаетъ отъ сотни 12-ти дюймовыхъ снарядовъ, полученныхъ въ боевой обстановкѣ, но отъ попаданія трехъ минъ онъ безусловно утонетъ, а отъ попаданія одной—будетъ выведенъ изъ строя. Ясно потому, что мина гораздо страшнѣе артиллерійскаго снаряда, и немудрено, что во время войны при одной мысли о присутствіи вблизи подводныхъ лодокъ на судахъ бывала паника.

Однако, мина обладаетъ большими недостатками, ограничивающими возможность примѣненія ея на войнѣ. Мина имѣетъ малую скорость, около 35 узловъ, что даже не можетъ итти въ сравненіе со скоростью полета снаряда, и дальность ея дѣйствія ограничена 20 кабельтами, причемъ на этой предѣльной дистанціи ея скорость падаетъ вдвое. Очевидно, что при такихъ условіяхъ прицѣльная стрѣльба минами возможна была съ разстояній въ 4—5 кабельтововъ (1 каб.=100 мор. саж.=600 фут.=0,1 мор. мили) и то требовала большого искусства и практики отъ личнаго состава.

Для того, чтобы примѣнить мину въ бою, надо было подойти на 5 каб. При современномъ развитіи артиллеріи это очень тяжело даже для броненосныхъ судовъ; съ другой стороны, является рискъ потерять свой корабль отъ непріятельской мины. Въ виду этихъ соображеній появился особый типъ минныхъ судовъ; миноноски, которыя затѣмъ эволюціонировали въ миноносцы, контръ-миноносцы и минные крейсера. Эти суда должны были обладать большою скоростью, которая замѣняла имъ другую защиту и должны были стоить дешево, чтобы ихъ гибель не являлась большой потерей. Совершенно безза-

щитные, жестоко страдавшіе отъ попаданія даже одиночныхъ снарядовъ, миноносцы днемъ не могли и мечтать объ успѣхѣ нападенія. При такихъ условіяхъ даже ночныя минныя атаки имѣли сомнительный успѣхъ. Какъ извѣстно, только первая внезапная ночная атака японскихъ миноносцевъ на портъ-артурскую эскадру и послѣднія атаки на одинокій броненосецъ «Севастополь» были довольно успѣшны. Война— это не кабинетныя умствованія, и въ бою человѣческія нервы, оказывается, имѣютъ предѣльную крѣпость. Даже японскіе моряки не подходили достаточно близко для успѣшнаго выстрѣла.

Я знаю примѣры и дневной атаки миноносцевъ. Въ тсусимскомъ бою нашъ отрядъ миноносцевъ подъ командой капитана 2-го ранга Шамова попытался атаковать непріятельскіе броненосные крейсера, но попытка эта со смертью Шамова кончилась ничѣмъ. Въ $4^1/_2$ дня четыре японскихъ контръ-миноносца подошли къ «Суворову» на разстояніе около пяти кабельтововъ, когда съ «Суворова» дѣйствовало только одно 3-хъ дюймовое орудіе съ кормы и, все-таки, ни одна мина не попала.

Считаясь съ такой уязвимостью падводныхъ миноносцевъ, многіе занимались вопросомъ о такихъ судахъ, на которыхъ можно было бы безопасно подходить на разстояніе миннаго выстрѣла, и такъ какъ подобными судами естественно являлись подводныя лодки, то ждали только рѣшающаго слова техники, чтобы идею воплотить въ жизнь.

Въ настоящее время развитіе подводныхъ лодокъ достигло такой степени, что о нихъ нельзя уже говорить, какъ объ оружіи «будущаго». Это есть уже оружіе «настоящаго», и тѣ державы, которыхъ могущество основано только на морской силѣ, благосостояніе—на морской торговлѣ, должны дрожать за каждый годъ своего существованія. Значеніе подводныхъ лодокъ возросло за послѣднее время особенно въ виду значительнаго успѣха, достигнутаго въ самодвижущихся минахъ. Въ нихъ начали грѣть воздухъ, приводящій мину въ движеніе, и, такимъ образомъ, увеличили и дальность стрѣльбы и скорость мины. Съ новыми минами дальность вѣрнаго миннаго выстрѣла, пожалуй, увеличилась до 10—15 каб.

Въ этой первой части моей статьи я только слегка коснулся и очертилъ эволюцію морского оружія, не вдаваясь въ серьезный анализъ, который бы завелъ меня слишкомъ далеко за предѣлы настоящаго труда. Надѣюсь, что читатель легко схватитъ главное мое положеніе, что морское оружіе постоянно эволюціонируетъ и эволюціонируетъ, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ техники и что вся-

кая держава, имѣющая значительныя береговыя пространства, *должна имѣть морское оружіе самаго послѣдняго типа.* Съ другой стороны, рядомъ мелкихъ фактовъ я старался показать, что почти вездѣ, а въ нашемъ флотѣ особенно замѣчалась *склонность задерживать техническое развитіе оружія и очень часто до тѣхъ поръ, пока самая настоятельная очевидность не заставляла тронуться впередъ.* Какъ я попытаюсь ниже доказать, *подводное плаваніе* въ нашемъ флотѣ не избѣгло той же печальной участи. *Это новое оружіе задерживается въ своемъ развитіи теперь почти такъ же, какъ въ свое время задерживали развитіе парового и броненоснаго флотовъ.* И болѣе чѣмъ вѣроятно, что у насъ схватятся за подводное плаваніе уже тогда, когда оно въ свою очередь будетъ уступать мѣсто воздушному флоту.

II.

По странному совпаденію, какъ бы для того, чтобы облегчить сравненіе, въ Россіи приступили къ созданію подводнаго флота одновременно съ Англіей въ 1900 году. Я не буду останавливаться на разныхъ опытахъ съ подводными лодками, имѣвшихъ мѣсто у насъ и за границей въ разное время, когда техника не давала еще возможности смотрѣть на подводную лодку, какъ на механизмъ, достаточно безопасный въ обращеніи и опасный, какъ оружіе. Вскользь упомяну только, что отсутствіе подходящаго двигателя дѣлало лодки почти неподвижными, во всякомъ случаѣ очень малаго радіуса дѣйствій, а отсутствіе самодвижущихся минъ затрудняло для лодокъ всякія враждебныя дѣйствія по отношенію къ непріятельскимъ кораблямъ. Въ случаѣ успѣшной атаки лодка гибла вмѣстѣ съ врагомъ; примѣромъ можетъ служить атака въ 1864 году подводной лодкой «David» корвета «Housatonic». Интересующіеся начальными фазами развитія подводнаго плаванія, вообще, могутъ обратиться къ очень интереснымъ сочиненіямъ: «The Story of the Submarine» полковника C. Field, «Les Sous-marins à travers les siècles»; лейтенанта M. Delpeuch. Кромѣ того, въ сочиненіяхъ: «The Evolution of the Submarine Boat, Mine and Torpedo» капитана 2 ранга Sueter и «Submarine Warfare» H. Fyfe, *) читатель почерпнетъ интересныя данныя объ успѣхахъ въ этой области, сдѣланныхъ за границей, а также узнаетъ, насколько серьезное значеніе придается этому новому оружію заграничными спеціалистами.

*) „Submarines of the World's Navies", Charles W. Domville-Fife.

Я ограничусь тѣмъ общимъ указаніемъ, что изобрѣтеніе самодвижущейся мины побудило многихъ изобрѣтателей взяться серьезно за конструированіе лодокъ, но только появленіе электрическихъ аккумуляторовъ въ началѣ девяностыхъ годовъ дало возможность построить первую подводную лодку, которая была уже пригодна, какъ оружье. Въ 1887 году была спущена во Франціи электрическая подводная лодка «Goubet», построенная инженеромъ M. Goubet, которая и явилась родоначальницей французскаго подводнаго флота. Но такъ какъ всякому извѣстны свойства аккумуляторовъ, сравнительная кратковременность ихъ дѣйствія и необходимость зарядки ихъ отъ посторонняго источника энергіи, то всякому станетъ яснымъ, что лодка чисто электрическая обладаетъ большими недостатками. Она можетъ двигаться всего нѣсколько часовъ и затѣмъ ей приходится прибѣгать къ помощи какого-нибудь корабля или береговой станціи, чтобы получить токъ для зарядки вновь своихъ аккумуляторовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, аккумуляторы громоздки и неэкономичны въ смыслѣ своей удѣльной мощности, если можно такъ выразиться, т.-е. въ количествѣ работы, приходящейся на единицу вѣса въ единицу времени. Были попытки примѣнить паровыя машины на лодкахъ Норденфельдта, построенныхъ для турецкаго флота, но эти лодки уже очевидно, не могли ходить подъ водой болѣе двухъ—трехъ часовъ, такъ какъ для сжиганія топлива нуженъ былъ воздухъ, котораго подъ водой невозможно было достать; слѣдовательно, приходилось накапливать паръ и воздухъ заранѣе; при этомъ во время нахожденія лодки подъ водой въ ней такъ высоко подымалась температура, что эти лодки для дѣйствительной службы оказались непригодны. Электрическія лодки строили во Франціи, гдѣ новое оружіе нашло многихъ приверженцевъ среди руководящихъ морскихъ офицеровъ. Другія державы выжидали, присматриваясь къ подводному судостроенію во Франціи и къ частнымъ попыткамъ изобрѣтателей подводныхъ лодокъ въ другихъ странахъ, особенно, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ съ 1875 года работалъ надъ созданіемъ подводной лодки очень талантливый изобрѣтатель М. Голландъ. За неимѣніемъ подходящаго двигателя, ему пришлось ограничиться разработкой корпуса лодки и всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ остойчивостью и переходомъ лодки изъ надводнаго въ подводное положеніе.

Когда въ послѣднихъ годахъ минувшаго вѣка появились на рынкѣ тепловые двигатели, то этимъ самымъ былъ, наконецъ, рѣшенъ вопросъ подводнаго плаванія въ положительную сторону, и 1899 годъ слѣ-

дуетъ считать началомъ развитія современныхъ подводныхъ лодокъ.

Любопытно, какъ въ дѣлѣ развитія подводнаго плаванія сказываются характерныя національныя черты отдѣльныхъ государствъ. Это настолько легко можно отмѣтить, что я при обзорѣ развитія современныхъ лодокъ по государствамъ сдѣлаю это попутно.

Родоначальницей современной подводной лодки слѣдуетъ считать лодку «Голландъ», девятую по счету опытную лодку М. Голланда, снабженную бензиномоторомъ системы Отто-Дейцъ, которую американское правительство приняло послѣ серіи экспериментовъ. Морское министерство Соединенныхъ Штатовъ держалось такой системы: оно поставило извѣстныя техническія и тактическія условія, считая, что подводныя лодки, обладающія такими качествами, явятся дѣйствительно серьезнымъ морскимъ оружіемъ, и затѣмъ спокойно выжидало предложеній. 4-го октября 1888 года адмиралтейство Соединенныхъ Штатовъ опубликовало программу, въ которой въ главныхъ чертахъ было сказано слѣдующее:

«Всякая *) подводная лодка, предложенная американскому правительству, должна быть въ состояніи:

1°. Плавать на поверхности, какъ обыкновенный корабль.

2°. Плавать, почти скрытая на поверхности, но имѣя возможность наблюдать горизонтъ.

3°. Плавать подъ водой, безъ возможности тамъ видѣть.

Подводная лодка должна имѣть скорость: 15 узловъ на поверхности, 12 узловъ почти погруженная, 8 узловъ совсѣмъ погруженная.

Подводная лодка должна быть въ состояніи: плавая на поверхности, исчезнуть подъ водой менѣе, чѣмъ въ 30 секундъ. Вопросъ объ остойчивости на мѣстѣ и на ходу долженъ быть разрѣшенъ.

Подводная лодка должна быть въ состояніи пройти полнымъ ходомъ 30 часовъ надъ водой и два часа подъ водой, и двигатели должны функціонировать также хорошо на поверхности, какъ и подъ водой.

Корпусъ долженъ быть настолько крѣпокъ, чтобы выдерживать вѣсъ столба воды въ 50 метровъ (25 саж.). Наконецъ, подводная лодка должна быть въ состояніи выбросить съ возможнѣйшей точностью въ движущійся корабль зарядъ взрывчатаго вещества не менѣе 50 килограммовъ (около 3 п.).

Кромѣ того, конечно, изобрѣтатели должны внести всѣ возможныя

*) Delpeuch, „Les Sous-marins“, стр. 233.

усовершенствованія для безопасности, обитаемости, вентиляціи и т. п. и изыскать зрительный аппаратъ наиболѣе подходящій, чтобы изъ лодки, хотя и погруженной, можно было видѣть предметъ на поверхности».

Какъ видите, программа—безусловно дѣлающая честь американскимъ морякамъ. Въ ней нѣтъ ничего лишняго, и есть все, что нужно съ точки зрѣнія технической и боевой. Особеннаго вниманія заслуживаютъ пункты о быстротѣ погруженія, остойчивости и радіусахъ дѣйствія. Они свидѣтельствуютъ, насколько правильна была оцѣнка американцами идеи подводной лодки съ боевой точки зрѣнія. Но, съ другой стороны, самая система участія правительства въ развитіи оружія имѣетъ серьезный недостатокъ. Вся финансовая тяжесть предпріятія взваливается на частное лицо, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не имѣющее достаточныхъ средствъ и свѣдѣній, особенно по части военно-морской отрасли. М. Голландъ съ 1875 г. бился надъ постройкой лодки до 1885 года безуспѣшно; вѣроятно, изъ-за отсутствія надежнаго двигателя. Съ появленіемъ аккумуляторовъ, Голландъ опять принялся за постройку лодки и въ 1897 году спустилъ на воду лодку «Plunger». Чтобы удовлетворить требованіямъ адмиралтейства, надо было озаботиться насчетъ надводнаго двигателя. Пришлось обратиться къ паровой машинѣ, и тутъ встрѣтились затрудненія: высокая температура внутри лодки, [изъ-за этого замедленіе погруженія, большой вѣсъ. Поэтому, когда въ 1899 году поставили бензиномоторъ Отто-Дейцъ на новую лодку «Holland», то результаты испытаній оказались настолько высокими по сравненію со всѣмъ, что до тѣхъ поръ достигалось подводными лодками, что американское адмиралтейство приняло эту лодку въ казну и заказало серію такихъ-же, несмотря на недостиженіе условій программы. Объ этихъ испытаніяхъ P. Hichborn, главный корабельный инженеръ американскаго флота, говоритъ слѣдующее (въ іюнѣ 1900 года):

*) «*Теоретическій радіусъ дѣйствій на поверхности посредствомъ теплового двигателя: 150 миль.* Удовлетворителенъ для малаго корабля и, вѣроятно, также точенъ, какъ и радіусы дѣйствій, приписываемые военнымъ кораблямъ всего міра.

Скорость на поверхности: 10 узловъ (значительно ниже, какъ видно, 15 обѣщанныхъ узловъ).—Недостаточна, но такъ какъ бо́льшая скорость не можетъ быть достигнута безъ увеличенія длины лодки, что вле-

*) Delpeuch. „Les Sous-marins“, стр. 245.

четъ, въ свою очередь, трудность управленія въ горизонтальной плоскости, то допустима. Есть, впрочемъ, другая причина, чтобы этой скоростью удовлетвориться: это то, что пробѣгъ на поверхности совершается, отправляясь на мѣсто дѣйствія и находясь внѣ досягаемости орудійнаго огня.

Скорость, когда лодка погружена: 7 узловъ для радіуса дѣйствій въ 50 миль, 10 узловъ или еще больше въ ущербъ радіуса дѣйствій.—Недостаточна; но не настолько, чтобы не быть удовлетворительной (formidable), когда придется дѣйствовать, выходя съ рейда противъ кораблей, находящихся въ морѣ.

Контроль и управленіе въ горизонтальной плоскости.—Очень удовлетворительны, когда лодка идетъ на поверхности, потому что тогда она находится въ условіяхъ одинаковыхъ съ любымъ надводн. кораблемъ. Они не таковы, когда лодка подъ водой, потому что корабль, на который правятъ, невидимъ.

Пріемлемы тѣмъ не менѣе, потому что всякое заранѣе назначенное направленіе можетъ быть удерживаемо, подобно любому кораблю, въ туманѣ или темной ночью и такимъ же образомъ, т.-е. посредствомъ компаса; пріемлемы еще потому, что быстрота, съ какою совершается подъемъ и погруженіе, позволяетъ рулевому исправлять курсъ на пересѣчку непріятелю, идущему съ моря и приближающемуся къ берегу.

Контроль и управленіе въ вертикальной плоскости.—Вполнѣ удовлетворительны, такъ какъ лодка можетъ быть удерживаема *съ точностью до нѣсколькихъ дюймовъ на любой глубинѣ* на ходу, и такъ какъ нѣсколькихъ секундъ достаточно, чтобы привести ее на поверхность, или погрузить въ воду, верхушкой рубки оставаясь надъ водой.

Вентиляція.—Вполнѣ обезпечена, такъ какъ необходимость сохранять атмосферное давленіе внутри лодки дѣлаетъ вентиляцію необходимой, а запаса сжатаго воздуха хватаетъ на нѣсколько дней, если его не расходовать на другія надобности.

Обитаемость.—Недостаточна по причинѣ ограниченнаго помѣщенія. Тѣмъ не менѣе пріемлема, потому что лодка все-же можетъ быть обитаема нѣсколько дней подъ-рядъ, а команда, въ случаѣ службы въ качествѣ береговой охраны, можетъ имѣть сухое и теплое помѣщеніе, не страдая однако отъ жары, какъ это имѣетъ мѣсто въ кочегаркахъ большинства кораблей.

Вооруженіе.—Удовлетворительно, потому что состоитъ изъ самодвижущихся минъ, которыя могутъ быть, въ условіяхъ стрѣльбы,

выстрѣленными съ такой же точностью, если не большей, чѣмъ съ судовъ другихъ типовъ.

Защита.—Превосходная, такъ какъ ни артиллерія, ни самодвижущаяся мина не могутъ ее поразить, когда она идетъ подъ водой въ атаку, и такъ какъ шансъ попасть орудійнымъ снарядомъ, когда она поднимаетъ рубку на нѣсколько дюймовъ надъ водой и на нѣсколько секундъ, сводится къ минимуму.

Мореходныя качества.—Прекрасныя, такъ какъ волненіе, какъ бы велико оно ни было, не могло бы нанести ей вредъ, когда она на уровнѣ воды, готовая къ погруженію, а на ходу она всегда можетъ привести себя въ такое положеніе на время непогоды.

Двигатель на поверхности.—Удовлетворителенъ, потому что такіе же обслуживаютъ множество малыхъ шлюпокъ, снабженныхъ тепловыми двигателями.

Двигатель въ погруженномъ состояніи.—Недостаточный, такъ какъ это—тяжелая и стѣснительная батарея аккумуляторовъ. Пріемлемый однако, потому что это—лучшій для этой цѣли источникъ силы и котораго энергія можетъ быть легче всего возобновлена, заряжая батарею посредствомъ проводовъ извнѣ, если лодка на днѣ, или своимъ тепловымъ двигателемъ на поверхности, если запасъ топлива не исчерпанъ.

По моему мнѣнію,—заканчиваетъ Hichborn,—алгебраическая сумма положительныхъ и отрицательныхъ качествъ, представляемыхъ выдающимися и характерными чертами подводной лодки типа Голландъ, въ значительной мѣрѣ положительна; *но, кажется, нѣтъ никакихъ средствъ увеличить ее въ теченіе ближайшихъ нѣсколькихъ лѣтъ*».

Я лично незнакомъ съ подлиннымъ источникомъ, откуда взята вышеприведенная выдержка, и не знаю, насколько г-нъ Hichborn знакомъ съ военно-морскимъ дѣломъ. Мнѣ кажется, что въ его замѣткахъ отражается скорѣе взглядъ инженера-техника; но во всякомъ случаѣ, видно, что лодка «holland» произвела настолько выгодное во всѣхъ отношеніяхъ впечатлѣніе, что ее рѣшено было пріобрѣсти въ казну, а также въ 1901 году было заложено еще шесть такихъ же лодокъ (120 тоннъ водоизмѣщенія), плавающихъ донынѣ. Затѣмъ, до 1905 года не закладывали новыхъ лодокъ. Вѣроятно, въ Америкѣ, продолжая придерживаться прежней системы, выжидали, пока современная техника не создастъ двигателей, которые бы дали подводнымъ лодкамъ требуемые программой скорости и радіусы дѣйствій, а до тѣхъ поръ считали оружье это мало дѣйствительнымъ. Впрочемъ,

въ 1905 году заложили три лодки: «Viper», «Cuttlefish» и «Tarentula» въ 170 т. и «Octopus» въ 275 т. Послѣдняя лодка испытывалась въ 1907 году и первая дала требуемую программой 1888 года подводную скорость въ 10 узловъ въ теченіе двухъ часовъ. Надводная скорость однако не превысила 12 узловъ. Въ мореходномъ отношеніи большая лодка оказалась тоже много ушедшей впередъ, и поэтому съ 1907 года подводное судостроеніе въ Соединенныхъ Штатахъ идетъ уже быстрымъ темпомъ. Лодки строятся серіями уже испытаннаго типа «Голландъ» и только попутно заказаны одна лодка типа Lake и двѣ—типа Laurenti (итальянскія), для испытанія этихъ новыхъ типовъ.

Изъ нихъ теперь начинаютъ службу: «Stingray», «Tarpon», «Bonita», «Snapper» *) (239/274 т.) и «Narwhal», «Grauling», «Salmon» (278/340 т.); а шесть лодокъ серіи «Carp» (400/530 т.) строятся, также неготовы еще: «Tuna» и «Thrasher» (Laurenti) (около 500 т.) и «Seal» (Lake) (около 500 т.)

Г-нъ Lake тоже одинъ изъ первыхъ американскихъ изобрѣтателей подводныхъ лодокъ, но его лодки по идеѣ уступаютъ другимъ типамъ лодокъ, отличаясь медленностью погруженія; вообще детали устройства и выполненіе работъ по постройкѣ лодокъ этого типа носятъ кустарный характеръ; поэтому я на немъ останавливаться не буду.

Насколько американскія лодки являются надежными судами, примѣромъ можетъ служить переходъ лодки «Salmon» въ іюлѣ этого года изъ порта Квинсэй (штатъ Массачузетсъ) на Бермудскіе острова въ портъ Гамильтонъ и обратно *безъ конвоира*. Разстояніе около 1500 миль было пройдено со среднею скоростью $9^1/_2$ узловъ.

Во Франціи подводное плаваніе велось почти исключительно на средства и трудами морского министерства, т. е. прямо противоположно той системѣ, которой держалось американское адмиралтейство. Лодка «Goubet» была очень мала (менѣе 2 тоннъ водоизмѣщенія) и могла служить только для опытовъ на закрытыхъ рейдахъ, чтобы доказать возможность подводнаго плаванія. Построенная частнымъ лицомъ, она не была окружена той тайной, какой любятъ окружить казенные люди то дѣло, которое имъ по разнымъ причинамъ непріятно, подъ предлогомъ военнаго секрета. Лодку «Goubet» посѣтило множество лицъ самыхъ разныхъ профессій и положеній; опыты съ нею производи-

*) Первое число относится къ надводному положенію, второе—къ подводному.

лись въ присутствіи представителей прессы, большого стеченія публики; благодаря этому идея подводнаго флота для защиты береговъ Франціи быстро распространилась въ обществѣ и пріобрѣла себѣ многихъ горячихъ и вліятельныхъ сторонниковъ. По счастливому стеченію обстоятельствъ, морской министръ адмиралъ Aube оказался однимъ изъ нихъ. Несмотря на сильную оппозицію въ самомъ министерствѣ, онъ твердо поддержалъ инженеровъ, занявшихся постройкой большой лодки. Первая лодка, построенная на правительственныхъ верфяхъ во Франціи, была «Gymnote», построенная по чертежамъ инженера G. Zédé, директора военнаго судостроенія. Она была заложена въ 1887 году и спущена въ 1888 г. Это была большая, сравнительно съ «Goubet», лодка (29 т. водоизмѣщеніемъ), чисто электрическая.

Въ 1890 году новый морской министръ г. Barbey поручилъ инженеру Romazotti, сотруднику г. Zédé, построить лодку, вооруженную самодвижущимися минами. Въ 1893 г. эта лодка (въ 130 тоннъ) была спущена и названа «Gustave Zédé»—въ честь покойнаго изобрѣтателя, погибшаго въ 1891 г. во время лабораторныхъ изысканій отъ взрыва пороха. Еще новый морской министръ, г. Lockroy, желая поощрить усердіе изобрѣтателей, объявилъ въ 1896 году конкурсъ на представленіе проекта подводнаго миноносца, а также на разныя изобрѣтенія, могущія способствовать развитію подводнаго плаванія, какъ-то: двигатели, перископы и пр. Назначены были разныя награды и медали, а еще новый морской министръ, адмиралъ Besnard, допустилъ участвовать въ конкурсѣ и морскихъ офицеровъ.

*) «Адмиралтейство представило минимальныя условія:

скорость: 12 узловъ;

проходимое пространство полностью: 100 миль 8-узловымъ ходомъ;

проходимое пространство подъ водой: 10 миль 8-узловымъ ходомъ;

Двѣ самодвижущіяся мины, готовыя къ выстрѣлу.

Водоизмѣщеніе лодки максимумъ 200 тоннъ.

Каждый отдѣльный пунктъ развивался программой детально».

Увы,—несмотря на талантливость отдѣльныхъ инженеровъ и офицеровъ французскаго флота, видно, что вся машина министерства работала тяжело, если сравнить французскую программу 1896 года съ американской 1888 г. Почему-то введено ограниченіе водоизмѣщенія, хотя, казалось бы, обитаемость подводныхъ лодокъ, связанная съ боль-

*) Delpeuch. «Les Sous-marins», стр. 273.

шимъ водоизмѣщеніемъ, является однимъ изъ главнѣйшихъ боевыхъ качествъ лодокъ. Затѣмъ, ограниченные радіусы дѣйствія при малой скорости видимо обнаруживаютъ, что составители программы страдали навязчивой идеей, что другихъ двигателей для лодокъ, кромѣ аккумуляторовъ, быть не можетъ.

Къ сожалѣнію, во Франціи, вѣроятно, такъ же какъ и у насъ, дѣятельность морского министерства нѣсколько расходилась съ дѣятельностью флота. Благодаря поражающе частой смѣнѣ министровъ, министерство жило особою жизнью, полной чисто береговыхъ интересовъ, и не успѣвало въ полной мѣрѣ проникнуться заботами флота. Штатскіе министры не могли давать компетентнаго критеріума въ вопросахъ, требовавшихъ чисто военной, боевой точки зрѣнія. Поэтому подводное плаваніе во Франціи сразу же захромало; образовавшаяся съ самаго начала группа сторонниковъ чисто-электрическихъ лодокъ, такъ-называемыхъ «sous-marins», предшествовала новой школѣ сторонниковъ лодокъ съ двумя двигателями для надводнаго и подводнаго хода отдѣльно, такъ-называемыхъ «submersibles». Несмотря на очевидное преимущество послѣднихъ, споръ этотъ задержалъ подводное судостроеніе во Франціи на нѣсколько лѣтъ; опять яркій примѣръ консервативности человѣческаго ума. Въ 1897 году были заложены: «Morse» (электрическая) инж. Romazotti и «Narval» съ паровой машиной для подводнаго хода по чертежамъ инж. Laubeuf; спущена въ 1899 году. Эта послѣдняя представляетъ совсѣмъ особый типъ лодки по способу затопленія, и за послѣднее время этотъ типъ лодокъ, снабженный частью тепловыми двигателями Дизеля и частью паровыми машинами для надводнаго хода и аккумуляторами для *подводнаго*, пріобрѣлъ во французскомъ флотѣ права гражданства. Но много времени было потеряно напрасно на борьбу, пока путемъ самыхъ наглядныхъ, недопускающихъ никакихъ сомнѣній, сравнительныхъ опытовъ не было доказано преимущество послѣдняго типа лодокъ. Пока еще опыты не были произведены, пресса стояла на сторонѣ «sous-marins»; газета «Matin» открыла подписку на постройку подводныхъ лодокъ, которыя были заложены въ 1899 году и спущены въ 1900 году: «Français» и «Algérien» (146 тоннъ). Кромѣ нихъ, министерство заказало еще четыре электрическихъ лодки въ 1899 году: «Lutin», «Farfadet», «Gnôme» и «Korrigan» (185/202 тоннъ, 8,5% пловучести), которыя были спущены въ 1901 и 1902 годахъ. Вліяніе перемѣннаго министерства сказалось здѣсь такимъ образомъ: въ 1898 и 1899 годахъ морскимъ министромъ опять сталъ г. Lockroy и заложилъ на собранныя под-

пиской деньги упомянутые выше два «sous-marins», но въ то же время, сочувствуя болѣе раціональной идеѣ лодки „Narval“, помѣстилъ въ бюджетъ восемь «submersibles». Его преемникъ г. Lanessan (1899—1902) оставилъ то же число лодокъ къ постройкѣ, четыре изъ нихъ приказавъ построить электрическими; въ результатѣ и были заказаны въ 1899 г. 4 лодки типа «Lutin», а въ 1900 г.—4 лодки типа «Narval», но болѣе усовершенствованныя: «Sirène», «Silure», «Triton» и «Espadon» (157/213 т., 27% пловучести); спущены онѣ были въ 1901 и 1902 гг. Затѣмъ онъ приказалъ начать постройку двадцати маленькихъ лодокъ для обороны портовъ и рейдовъ въ 73/77 т. водоизмѣщенія типа «Naïade»; эти лодки, строго говоря, должны быть причислены къ классу «submersibles», потому что на нихъ поставлены бензино-моторы Panhard-Levassor для зарядки аккумуляторовъ и для хода надъ водой. Но партія сторонниковъ «sous-marins» (лодки типа «Naïade» построены по чертежамъ инж. Romazotti), видя полную очевидность пользы особаго двигателя для надводнаго хода, приняла подъ свою защиту новое опредѣленіе «sous-marin», какъ лодки, хотя и снабженной двумя двигателями, но отличающейся отъ «submersible» лишь малымъ запасомъ пловучести. Поэтому эти лодки были во Франціи зачислены въ классъ «sous-marins». Мнѣ лично кажется, что партія инженера Romazotti, Bertin и др., какъ піонеровъ дѣла подводнаго плаванія во Франціи, стоящихъ близко къ управленію министерствомъ въ центральныхъ береговыхъ учрежденіяхъ, просто не хотѣла выпустить изъ рукъ постройки лодокъ и вела борьбу съ инженеромъ Laubeuf, который представилъ болѣе удачный проектъ лодки, но почему-либо не подошелъ къ руководящей партіи; такъ что инженеру Laubeuf пришлось выдерживать борьбу только за свой собственный проектъ подводной лодки. Въ борьбѣ этой, вѣроятно, благодаря поддержкѣ флота (флотскимъ офицерамъ, очевидно, пріятнѣе плавать на болѣе удачномъ кораблѣ) онъ вышелъ побѣдителемъ, и, какъ будетъ видно дальше, почти весь французскій подводный флотъ состоитъ изъ лодокъ его типа; но, несмотря на всю геніальность идеи его лодки, въ деталяхъ выполненія должны быть промахи, потому что его лодки въ 400 тоннъ уступаютъ въ смыслѣ скорости и радіуса дѣйствій англійскимъ лодкамъ въ 320 тоннъ. Я полагаю, что причина этого заключается въ тяжести и объемѣ надводныхъ двигателей, отнимающихъ много вѣса и мѣста отъ водоизмѣщенія лодки [1]), и въ тяжести кор-

[1]) Я сдѣлалъ это замѣчаніе попутно, чтобы меня не причислили къ числу лицъ, сочувствующихъ заказу лодокъ во Франціи. Франція сама еще не остано-

пуса лодки. Какъ видно, различіе между типами «sous-marin» и «submersible» скорѣе схоластическаго характера и теперь во французскомъ флотѣ оно офиціально оставлено: всѣ лодки называются «sous-marins».

Лодки типа «Naïade» были построены въ видѣ опыта для береговой защиты, но, въ виду своей малой обитаемости, врядъ ли будутъ въ состояніи принести пользу во время войны, развѣ только случайно. Видимо, въ постройкѣ ихъ заинтересовано было больше министерство, а не подводные офицеры, которые не могли бы одобрить подобнаго проекта.

Кромѣ того, тѣмъ же министромъ заказаны въ 1901—1902 гг. три различныхъ лодки: «X» (164/179 т., бензино-моторы Panhard и аккумуляторы) (проектъ инж. Romazotti), «Y» (213/221 т., тотъ же керосино-моторъ Дизеля для надводнаго и подводнаго ходовъ) (проектъ, одобренный инж. Bertin) и «Z» (204/220 т., керосино-моторъ Дизеля и аккумуляторы) (проектъ инж. Maugas; его же типъ «Lutin»). Изъ нихъ единственная плавала «X», и, хотя никакихъ преимуществъ въ смыслѣ типа она не выказала, интересно отмѣтить, что, благодаря своему командиру лейтенанту Garnier, она постоянно отличалась во время учебныхъ атакъ и стрѣльбъ минами. Лодка «Y» вычеркнута теперь изъ списковъ флота, какъ неудачная, а «Z», кажется, до сихъ поръ находится въ періодѣ испытаній изъ-за неудачъ со своими моторами.

Передъ своей смѣной г. Lanessan хотѣлъ заказать еще серію лодокъ улучшеннаго типа «Sirène» (инж. Laubeuf), въ виду обозначившагося ихъ успѣха; но преемникъ его г. Pelletan ограничилъ ихъ число двумя, которыя были заложены въ 1902 году и спущены въ 1903; однако моторы Дизеля поспѣли для нихъ только къ 1908 г., и лодки дѣйствовали до тѣхъ поръ, какъ чисто электрическія. «Aigrette» и «Cigogne» (177/252 т.) оказались очень удачными въ смыслѣ мореходныхъ качествъ и быстроты погруженія; это выяснилось на состязательныхъ испытаніяхъ «Aigrette» и «Z» въ 1905 году, дѣйствовавшихъ, какъ чисто электрическія лодки, за отсутствіемъ надводныхъ двигателей.

Управленіе г. Pelletan отличалось медленностью постройки лодокъ.

вилась окончательно на типѣ лодокъ и въ настоящее время приступаетъ къ сравнительнымъ испытаніямъ лодокъ 4 системъ большого водоизмѣщенія. Заказывать тамъ лодки стараго типа болѣе чѣмъ неосмотрительно.

Въ 1903 году была заложена лодка *) «Oméga» (304/400 т., тепловыэ двигатели для надв. и подв. ходовъ) (правительственные чертежи) и шесть лодокъ типа «Émeraude» (397/426 т., Дизеля и аккумуляторы) (инж. Maugas); изъ нихъ «Oméga» была спущена въ 1905 году, но, потомъ, на ней поставили паровую машину и аккумуляторы и начали испытанія только въ 1908 году. Остальныя были спущены только въ 1906—1908 году.

Въ 1904 г. подъ давленіемъ измѣнившагося общественнаго мнѣнія были заказаны еще двѣ лодки Laubeuf'a: «Circé» и «Calypso» (350/440 т.; Дизеля и аккумуляторы); онѣ были спущены въ 1907 году и начали службу только въ 1908 году. На нихъ впервые удались керосиномоторы Дизеля, заказанные на заводѣ въ Аугсбургѣ. Въ заключеніе г-нъ Pelletan попытался осуществить идею крошечныхъ лодокъ въ 45/47 тоннъ, такъ-называемыхъ «Guêpes», которыя можно было бы перевозить на транспортахъ, и заказалъ ихъ 10 штукъ.

Такимъ образомъ, французскій флотъ, первый выступившій на поприще подводнаго плаванія еще въ 1887 году, имѣлъ въ 1905 г. только десять лодокъ**), могущихъ служить какъ дѣйствительное оружіе, и то многія изъ нихъ были небезопасны въ обращеніи вслѣдствіе конструктивныхъ недостатковъ.

Къ счастью для французскаго флота, въ 1905 г. вступилъ въ управленіе министерствомъ г. Томсонъ. Онъ прекратилъ постройку «Guêpes», поторопилъ окончаніе строившихся лодокъ и далъ сразу большую программу постройки лодокъ Laubeuf'a большого водоизмѣщенія: въ 1905 году заказано 18 лодокъ типа «Pluviôse» (400/550 т., аккумуляторы и паровыя машины); въ 1906 — еще 16 такихъ же лодокъ и въ 1907 году — еще 10 улучшенныхъ. Послѣднія 26 снабжаются Дизелями, какъ надводными двигателями. Установка паровыхъ машинъ на первыхъ 18 объясняется тѣмъ, что во Франціи, вслѣдствіе неудачъ съ первыми Дизелями, потеряли въ нихъ вѣру.

Однако, несмотря на эти распоряженія, изъ первой серіи въ 1910 году готово только двѣнадцать, а остальныя еще неизвѣстно когда будутъ построены. Построенными лодками во Франціи довольны; ихъ ходъ надъ водой — 12,5 узла, а подъ водой — около 8; радіусъ дѣйствія надъ водой — около тысячи миль. Но такъ какъ по сравненію съ англійскими лодками онѣ въ этихъ данныхъ отстали, то во Франціи

*) Теперь переименована въ «Argonaute».

**) «Algérien», «Français», 4 лодки типа «Sirène», 4 лодки типа «Farfadet» или «Lutin».

предположено было произвести опыты съ лодками большого водоизмѣщенія, и въ 1906 г. было приказано начать постройку лодокъ «Amiral Bourgeois» (555—735 т.), «Archimède» (577—810 т.), «Mariotte» (530—625 т.) и «Charles Brun» (355—450 т.), это — проекты разныхъ инженеровъ; ихъ начали строить только въ 1908 году, а теперь испытывалась только одна «Archimède», давшая на поверхности 15,2 узла, а подъ водой — около 10; радіусъ дѣйствія — около 2.500 миль. «Archimède» совсѣмъ недавно сдѣлала около 1050 миль непрерывнаго хода надъ водой: первые трое сутокъ 10-узловымъ ходомъ, а четвертые сутки—14-узловымъ.

Схема французскаго подводнаго судостроенія даетъ намъ наглядный примѣръ, какъ вредно отзывается на состояніи военно-морской силы государства засиліе береговыхъ центральныхъ учрежденій надъ строевымъ флотомъ и частая смѣна хозяевъ и руководителей.

Въ Англіи развитіе подводнаго флота шло по особой схемѣ настолько умно и цѣлесообразно, что нельзя не преклониться передъ англійскими моряками. Мнѣ лично кажется, что въ Англіи невозможны неспособные руководители или недобросовѣстные хозяева. Этотъ свободный народъ, рядомъ столѣтій воспитанный въ чувствахъ законности, патріотизма и уваженія къ личности другого, не потерпѣлъ бы присутствія на отвѣтственномъ посту человѣка недостойнаго. Подобное явленіе немыслимо; оно оскорбило бы лучшія чувства каждаго англичанина. Единодушіе общественнаго мнѣнія и прессы въ такихъ случаяхъ въ Англіи прямо поразительно. Всякаго, хоть сколько-нибудь знакомаго съ Англіей и бывшаго тамъ, мои строки не удивятъ; стоитъ на нѣсколько дней пріѣхать въ Англію, чтобы почувствовать окружающую атмосферу дѣловитости, профессіональной честности, аккуратности, взаимопомощи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовательности другъ къ другу. Англичане руководствуются двумя великими принципами: «сперва — государство, потомъ — общество, потомъ — семья и, наконецъ, личное я», и: «одинъ — за всѣхъ, всѣ — за одного». Этимъ объясняется ихъ міровое владычество, ихъ побѣдное шествіе во главѣ науки и культуры.

Съ какой стороны вы ни взглянете на отношеніе англійскаго флота къ подводному плаванію, вы можете только удивляться энергіи и здравому смыслу, проявленному въ дѣлѣ развитія этого новаго оружія. Англія всегда отрицательно относилась къ идеѣ подводнаго плаванія и имѣла на то свои причины. Онѣ ярко выражены въ одной фразѣ одного изъ величайшихъ государственныхъ людей Англіи, можно безъ

преувеличенія сказать, спасшаго Англію въ борьбѣ съ Наполеономъ Великимъ, адмирала Джервиса, лорда Сентъ-Винцентъ, сказавшаго, что это — родъ оружія, которое ненужно для тѣхъ, кто владѣетъ морями, но которое, если окажется удачнымъ, можетъ лишить ихъ этого владѣнія. Слова эти были имъ сказаны еще въ 1805 году по поводу изобрѣтенія Фультономъ подводной лодки и почти на сто лѣтъ отсрочили введеніе этого оружія. Сто лѣтъ Англія только слѣдила внимательно за всѣми попытками построить подводную лодку въ другихъ государствахъ и, когда замѣтила, что, по техническимъ даннымъ, подводное плаваніе перестало быть игрушкой, то взялась сама за это дѣло съ необычайной энергіей и умомъ. При введеніи этого оружія не обошлось, конечно, безъ треній. Когда въ 1899 и 1900 гг. въ Англіи обратили вниманіе на подводное плаваніе во французскомъ флотѣ, то, благодаря общности интересовъ, объ успѣхахъ французскихъ лодокъ заговорили въ печати, въ обществѣ и въ парламентѣ. Первый лордъ адмиралтейства Виконтъ Гошенъ заявилъ тогда въ палатѣ общинъ въ 1900 году, что адмиралтейство тщательно слѣдитъ за дѣломъ подводнаго плаванія, что подводныя лодки, вѣроятно, смогутъ быть оборонительнымъ оружіемъ, естественно пригоднымъ для державъ болѣе слабыхъ, но что для борьбы съ лодками надо изыскивать иныя мѣры, чѣмъ постройка тѣхъ же лодокъ, потому что лодки, очевидно, не могутъ бороться другъ съ другомъ.

Многіе члены палаты были другого мнѣнія; особенно энергично выступалъ г-нъ Arnold Forster, который, между прочимъ, произнесъ историческія слова *): «Адмиралтейство не собирается предпринять что-либо относительно подводныхъ лодокъ, потому что это—оружіе только слабѣйшихъ державъ. Однако, если эти суда будутъ осуществлены практически, то держава, владѣющая ими, перестанетъ быть слабой и сдѣлается дѣйствительно могущественной. Болѣе чѣмъ всякая другая страна, мы должны бояться нападенія подводныхъ лодокъ».

Словомъ, послѣ недолгихъ треній, партія подводниковъ одолѣла, и адмиралтейство взялось за постройку лодокъ для англійскаго флота. Замѣчательно, что въ Англіи были прекрасныя свѣдѣнія о всѣхъ существующихъ уже въ то время лодкахъ, и англійское адмиралтейство выбрало тотъ типъ, который лучше всего осуществлялъ главное боевое требованіе: быстроту перехода изъ надводнаго въ подводное положеніе, а именно типъ лодокъ Голланда. Американской компаніи ло-

*) Sueter. „The Evolution of the Submarine Boat, Mine and Torpedo, стр. 137.

докъ Голланда было заказано пять лодокъ типа, подобно вышеописанному американскому, въ 120 т. водоизмѣщенія. Уже 2-го ноября 1901 года лодка № 1 была спущена и приступила къ испытаніямъ съ американской командой подъ руководствомъ капитана Cable, опытнаго инженера, руководившаго постройкой американскихъ лодокъ. На пріемныхъ испытаніяхъ англичане требовали только, чтобы лодка аккуратно погружалась и ходила подъ водой; все остальное считалось второстепеннымъ, а стрѣльбы минами даже вовсе не производилось. Пріемныя испытанія производились въ чрезвычайно суровой обстановкѣ въ бурномъ Ирландскомъ морѣ зимою, такъ что лодкѣ приходилось иногда, возвращаясь, пробиваться черезъ ледъ. Испытанія продолжались до лѣта 1902 года, и американцы были отпущены домой. Завѣдываніе подводнымъ плаваніемъ было поручено одному морскому офицеру, капитану 1 ранга Bacon, который повелъ дѣло вполнѣ согласно съ требованіями военно-морского искусства.

Въ 1902 году были закончены всѣ пять лодокъ: «№№ 1, 2, 3, 4 и 5». Хорошо произведенныя испытанія дали цѣнный матеріалъ; оказалось, что всѣ водяныя систерны, входящія въ крѣпкій корпусъ, должны быть укрѣплены такъ, чтобы выдерживать предѣльное давленіе воды. Поэтому на англійскихъ лодкахъ съ самаго начала была исключена возможность несчастныхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, бывшаго съ лодкой «Lutin» въ 1906 году, гдѣ подъ забортный клапанъ попалъ камень, и внѣшнее давленіе воды на глубинѣ передалось на стѣнки систерны и раздавило ее внутрь лодки. Затѣмъ, англичане сразу увидѣли, что водоизмѣщеніе надо увеличить, ради улучшенія мореходныхъ качествъ, обитаемости и другихъ данныхъ, скорости, радіуса дѣйствій и пр. Насколько быстро у нихъ шло дѣло, видно изъ того, что въ томъ же 1902 году была уже спущена лодка A_1 въ 180 тоннъ водоизмѣщенія (въ погруженномъ состояніи) (англійскія лодки имѣютъ плавучесть около 10%), а въ апрѣлѣ 1903 года—лодка A_2 въ 200 тоннъ. Номерныя лодки имѣли скорость надводную 8—8,5 узловъ, подводную—6—7 узловъ, а лодка A_1: надводную—11 узловъ, подводную—7,5.

Въ 1903 году были еще спущены A_3 и A_4, и заложены девять лодокъ A_5—$_{13}$; въ 1904 году онѣ уже всѣ спущены. Бензино-моторы типа Wolseley давали имъ надводную скорость 12—13 узловъ; аккумуляторы—до 8,5 узловъ. Въ томъ же 1903 году была уже заложена лодка B_1 въ 313 т., скорость $\frac{13}{10}$ узловъ (надв. и подв.); въ 1905 году

спущены на воду одиннадцать лодокъ B_1—$_{11}$; въ 1906—1907 гг.—одиннадцать лодокъ C_1—$_{11}$ (313 т.; $\frac{14}{10}$ узл., двухъ-винтовыя); въ 1907—1908 гг.—семь лодокъ C_{12}—$_{18}$ (313 т.; $\frac{13}{?}$ узловъ, вѣроятно, другіе моторы, чѣмъ на прежнихъ); въ 1908—1909 и 1910 гг.—двадцать лодокъ C_{19}—$_{38}$ (321 т.; $\frac{13}{?}$ узловъ) и двѣ: $Д_1$ и $Д_2$ (600 т.; $\frac{16}{12}$ узловъ); на стапелѣ $Д_3$—$_{16}$ и еще неизвѣстное число, потому что лодки строятся непрерывно, и стапеля не пустуютъ. Лодки спускаются со стапеля въ готовомъ видѣ. Неправда ли, какая стройная система? Между прочимъ, капитанъ 1 ранга Васоп, кажется, въ 1904 году получилъ высшее назначеніе, и его смѣнилъ капитанъ 1 ранга Lees; замѣчательно, что въ Англіи перемѣна руководителя почти не отражается на веденіи дѣла. Правда, что тамъ строго проводится принципъ: единство власти—единство отвѣтственности. Въ заключеніе можно сказать, что англійскій флотъ состоитъ теперь изъ 62 лодокъ (номерныя не считаются, A_1—взорвалась, C_{11}—утонула), вполнѣ боевыхъ; эти лодки непрерывно плаваютъ, участвуютъ въ маневрахъ, стрѣляютъ минами, и блестяще тренированному личному составу нетрудно будетъ въ нужную минуту стать на одну высоту съ ихъ славными предками временъ Нельсона.

Къ большому сожалѣнію, придется сказать нѣсколько словъ и о нашемъ подводномъ флотѣ. У насъ замѣчается также большое расхожденіе въ интересахъ морского министерства и строевого флота (эпитетъ «строевой» полезно прибавлять, такъ какъ у насъ есть и «береговой» составъ флота). Это явленіе осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что высшіе чины морского министерства, занимая подолгу береговыя мѣста, теряютъ связь съ флотомъ, и постепенно интересы центральныхъ береговыхъ учрежденій министерства имъ становятся дороже. Вліяніе этихъ причинъ легко прослѣдить при разсмотрѣніи нашего подводнаго судостроительства.

Одновременно съ Англіей и у насъ въ 1900 году рѣшено было приступить къ постройкѣ подводныхъ лодокъ. Съ этой цѣлью въ концѣ 1900 года назначена была комиссія изъ трехъ лицъ: лейтенанта М. Беклемишева (теперь капитана 1-го ранга), инженеръ-механника Горюнова (теперь полковника) и корабельнаго инженера И. Бубнова (теперь полковника), и ей поручено было вести это дѣло. Инженеромъ Бубновымъ были разработаны чертежи лодки, въ маѣ мѣсяцѣ 1901 года представлены на утвержденіе морского техническаго комитета; въ основу проекта были положены: *прочность и простота устройства при*

значительной силѣ двигателей и водоизмѣщеніи около 113 тонъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ было дано распоряженіе о постройкѣ лодки на Балтійскомъ заводѣ и начата разработка детальныхъ чертежей. Административныя функціи взялъ на себя лейтенантъ Беклемишевъ. Онъ же лѣтомъ 1901 года уѣзжалъ въ Америку присутствовать на испытаніяхъ лодки Голланда.

Осенью того же года начались переговоры о заказахъ составныхъ частей лодки; вообще дѣло шло обычнымъ у насъ порядкомъ. Къ большому сожалѣнію, тогда пришлось уйти одному изъ членовъ комиссіи—инженеру Горюнову, знатоку своего дѣла, высказывавшемуся за моторы Дизеля, т. е. за тепловые моторы, работающіе тяжелыми углеводородами съ воспламененіемъ вслѣдствіе сжатія, а инженеръ Бубновъ, видимо, былъ занятъ исключительно разработкой проекта корпуса лодки, такъ что вопросъ о моторахъ для строящейся лодки получилъ неудовлетворительное направленіе. Въ 1902 году лейтенантъ Беклемишевъ ѣздилъ за границу осматривать моторы, но ни одного легкаго типа моторовъ болѣе 140 силъ мощностью не нашелъ. Почему не были взяты моторы Отто-Дейцъ въ 160 силъ, какіе въ то время ставились на американскихъ лодкахъ, или Wolsley'я—на англійскихъ лодкахъ,—это мнѣ неизвѣстно. Заказаны были бензино-моторы системы Даймлера, давшіе неважные результаты, и потомъ на другихъ лодкахъ нашего типа ставили бензино-моторы Панара, тоже неважные.

Въ 1903 году въ іюнѣ первая наша лодка «Дельфинъ» была спущена на воду и на испытаніяхъ дала надводную скорость 8,5 узла подъ моторами и около 8-ми—подъ аккумуляторами; подводный ходъ—6—7 узловъ; постройка лодки обошлась въ 388 тысячъ рублей. (Стоимость лодокъ Голланда въ 120 т. въ Англіи 35.000 ф. ст., въ Америкѣ—34.000 ф. стерл.).

Осенью 1901 года компанія Голланда предлагала намъ построить свои лодки, но предложеніе это было отклонено, о чемъ можно только пожалѣть. Очевидно, что разработка своего типа неизбѣжно должна была занять нѣсколько лѣтъ, и пока не слѣдовало пренебрегать уже готовымъ оружіемъ, которое намъ такъ кстати было бы въ 1904 году на Дальнемъ Востокѣ.

Но—«громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится»; въ 1904 году вспыхнула война, и тогда морское министерство начало заказывать лодки, гдѣ только могло, но уже по основательно дорогимъ цѣнамъ. Когда инженеръ Бубновъ просилъ осенью 1903 года разрѣшить ему строить болѣе разработанную лодку въ 140 тоннъ (14 узловъ надъ водой), то нарядъ на постройку былъ данъ только 2 января 1904

года, а въ февралѣ мѣсяцѣ *) уже наряды посылались: Балтійскому заводу—на постройку 4 лодокъ типа Бубнова и Невскому заводу—на постройку 5 лодокъ типа Голландъ въ 120 тоннъ (уже по 400.000 руб.); въ апрѣлѣ мѣсяцѣ—заводу Круппа въ Германіи на три лодки типа д'Эквиллея около 200 тоннъ по 1.200.000 марокъ, въ Америкѣ пріобрѣтена лодка «Fulton» («Сомъ») за 500.000 р. (типа Голландъ въ 100 т.) и «Protector» («Осетръ») (типа Lake въ 150 т.) и заказано еще пять лодокъ типа Lake въ 150 т., скор. надъ водой 7—8 узл., подъ водой—4—5 узл.; всѣ семь лодокъ стоили четыре милліона рублей. По сравненію съ англійскими лодками типа «В», уже существовавшими тогда, это все былъ хламъ, но подъ давленіемъ обстоятельствъ уже не разбирали и не провѣряли. Всѣ эти лодки, за исключеніемъ крупповскихъ, спѣшно строили, испытывали и посылали по желѣзной дорогѣ во Владивостокъ. Еще одна лодка типа Бубнова была заказана на народныя пожертвованія. Въ іюлѣ и августѣ 1904 года на Балтійскомъ заводѣ были спущены лодки «Касатка», «Фельдмаршалъ графъ Шереметевъ», «Макрель», «Скатъ», «Налимъ» и «Окунь». Быстрота постройки дѣйствительно замѣчательная, дѣлающая честь тогдашней администраціи завода и инженеру Бубнову. Это показываетъ, что у насъ могутъ дѣлать дѣло, если дѣло поручается настоящимъ людямъ и имъ не мѣшаютъ работать. Всѣ эти лодки и «Дельфинъ», за исключеніемъ «Окуня» и «Макрели», были въ ноябрѣ мѣсяцѣ отправлены на Востокъ. Туда же въ 1904 году ушли лодки «Сомъ» и «Форель» (модель крупповскихъ лодокъ).

По отправленіи на Востокъ вышеозначенныхъ лодокъ капитанъ 2 ранга Беклемишевъ оставилъ за собой общее наблюденіе и въ частности за лодками Балтійскаго завода «Макрель» и «Окунь»; офиціально онъ занималъ постъ командира подводной лодки «Макрель» до 1906 года. Лейтенанту Гаддъ 2-му, нынѣ капитану 2 ранга, было поручено наблюденіе за постройкой лодокъ «Лека», а лейтенанту Ризничу, небезызвѣстному у насъ дѣятелю по подводному плаванію,—наблюденіе за постройкой лодокъ Голланда на Невскомъ заводѣ.

Изъ лодокъ Голланда «Щука» была въ августѣ 1905 года отправлена на Востокъ, а «Бѣлуга», «Пескарь» и «Лосось» готовы въ 1905 году и «Стерлядь»—въ 1906 г. Кромѣ того, Невскій заводъ на свой рискъ построилъ еще одну такую же лодку—«Судакъ», которая была принята въ казну въ 1909 году. «Лосось» и «Судакъ» находятся теперь въ Черномъ морѣ.

*) Война вспыхнула 26-го января 1904 года.

Лодки Лека строились въ Либавѣ; онѣ почему-то находились подъ особымъ покровительствомъ министерства, и Леку разрѣшено было представить къ испытаніямъ только двѣ лодки; остальныя считались такъ же хорошими, какъ испытываемыя. Поэтому постройка этихъ лодокъ велась изъ рукъ вонъ плохо; команда, бывшая на постройкѣ, разсказывала, что во время дождя текъ корпусъ, который долженъ былъ выдерживать 150 фут. погруженія. Допускались самыя невѣроятныя нарушенія техническихъ правилъ. Данныя испытаній двухъ лодокъ «Осетръ» и «Сигъ» были очень малы касательно скорости; время погруженія было около 15—20 минутъ (У лодокъ Голланда и англійскихъ—3 минуты). Дѣло дошло до того, что одинъ изъ командировъ лодокъ, лейтенантъ Панютинъ, не выдержалъ и подробнымъ рапортомъ донесъ обо всемъ непосредственно командиру порта Императора Александра III. Лейтенантъ Панютинъ, конечно, пострадалъ потомъ, но комиссія, назначенная для разслѣдованія, подтвердила небрежность постройки. Это было весною 1905 года. Изъ этихъ лодокъ только одинъ «Сигъ» былъ оставленъ въ Балтійскомъ морѣ, остальныя пять: «Осетръ», «Кефаль», «Бычекъ», «Плотва» и «Палтусъ» отправлены были во Владивостокъ въ 1905 году.

Во Владивостокѣ лодки не смогли принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, хотя многія изъ нихъ уже ходили на погруженія, по невѣроятной причинѣ, объясненіемъ которой можетъ послужить телеграмма владивостокскаго коменданта генерала Казбека въ Петербургъ, что, въ виду появленія передъ крѣпостью непріятельскихъ крейсеровъ, онъ приказалъ подводнымъ лодкамъ выйти и атаковать непріятеля, но оказалось, что *нѣтъ минъ*,—и выходъ лодокъ былъ отставленъ *).

22 апрѣля 1905 года послѣдовало нѣкоторое измѣненіе въ завѣдываніи подводнымъ плаваніемъ. Завѣдующимъ подводнымъ плаваніемъ назначенъ былъ контръ-адмиралъ Щенсновичъ, его помощникомъ—капитанъ 2 ранга Беклемишевъ, а имъ въ помощь—лейтенантъ Гаддъ 2, инженеръ-механикъ Карповъ и корабельный инженеръ Гавриловъ. Это важное назначеніе состоялось въ видѣ простого предписанія главнаго морского штаба на имя адмирала Щенсновича.

1 апрѣля того же года успѣли провести заказъ Леку четырехъ лодокъ въ 400 тоннъ, съ надводнымъ ходомъ въ 15 узловъ и подводнымъ—6—7 узловъ и радіусомъ дѣйствій *около* 3.500 миль; контрактъ

*) Не было исправныхъ минъ.

былъ, вопреки закона, заключенъ безъ участія юрисъ-консульта. Подводный ходъ въ 7 узловъ, когда англичане строили лодки съ 10-тиузловымъ подводнымъ ходомъ,—это какъ-будто мало. Впрочемъ, все предпріятіе оказалось подозрительнымъ; радіусъ дѣйствія оказался не свыше 1.000 миль, бензиномоторы White и Middletone'a устарѣвшей системы; постройка велась такъ скверно и долго, что лодки до сихъ поръ не приняты въ казну, и если есть слабая надежда получить ихъ въ этомъ или въ будущемъ году, то только потому, что министерство рѣшилось на героическую мѣру въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года отнять ихъ у американцевъ и передать въ достройку командирамъ лодокъ. Лодки пришлось почти цѣликомъ перебрать, и теперь, если смѣнить у нихъ моторы, онѣ смогутъ оказаться удовлетворительными въ обращеніи *).

Въ 1906 году были заказаны Балтійскому заводу по чертежамъ инженера Бубнова лодка «Минога», около 110 тоннъ, и лодка «Акула», около 400 тоннъ водоизмѣщенія. «Минога» принята въ казну въ концѣ 1909 года, а «Акула» теперь находится въ періодѣ испытаній. Въ настоящее время скорости ихъ очень малы: надводная—около 10 узловъ, подводная—около 6 узл. (надводные двигатели—Дизеля, подводные—аккумуляторы). Но инженеръ Бубновъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и талантливѣйшихъ нашихъ инженеровъ, ожидаетъ отъ новаго проекта лодки скоростей, не уступающихъ послѣднимъ заграничнымъ типамъ лодокъ. Двѣ новыя лодки его проекта предполагалось начать строить въ этомъ году, но, кажется, деньги, ассигнованныя на постройку, ушли по другому назначенію. Двѣ лодки заказа 1904 года «Макрель» и «Окунь» послѣ безконечной постройки только въ 1909 году были отправлены для плаванія въ Либаву.

Лодки типа д'Эквиллея «Карпъ», «Карась» и «Камбала» были сданы заводомъ «Германія» въ Килѣ осенью 1907 года и въ 1908 году были переведены въ Черное море. «Камбала», какъ извѣстно, погибла отъ столкновенія съ броненосцемъ «Ростиславъ». Эти лодки являются прототипомъ германскихъ лодокъ «U» и, какъ первый образецъ, страдаютъ, конечно, многими недостатками; скорость ихъ: надводная—около 10,5 узловъ, подводная—около 8,5 узловъ.

---

*) Лодки «Кайманъ», «Аллигаторъ», и «Крокодилъ», достроенные командирами, осенью этого года перешли изъ Кронштадта въ Ревель и въ настоящее время тамъ плаваютъ. Четвертая лодка «Драконъ», единственная оставленная для достройки американской фирмѣ, до сихъ поръ не готова и переведена въ Петербургъ на зимовку.

Для проекта 1904 года эти данныя прекрасны, и, надо думать, строящіяся теперь въ Германіи лодки этого типа въ 450 тоннъ очень хороши. Къ концу этого года въ Германіи должно быть закончено постройкой 12 лодокъ. Инженеръ д'Эквиллей работалъ раньше во Франціи по подводному судостроенію, и его типъ лодокъ является дериваціей типа лодокъ «Laubeuf'a».

Вотъ и все наше подводное судостроеніе, если не считать заложеннаго еще въ НиколаевѢ подводнаго миннаго заградителя системы Налетова. Данныя этой лодки считаются секретными и не подлежатъ оглашенію. Главное отличіе этой лодки—запасъ минъ загражденія, которыя лодка можетъ ставить на подводномъ ходу. Однако, судя по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о лодкѢ г-на Налетова ничего положительнаго пока сказать нельзя. Еще есть одна опытная лодка въ 100 т. системы инженера Джевецкаго—«Почтовый», въ которой бензиномоторъ служитъ однимъ двигателемъ для надводнаго и подводнаго хода.

Все наше подводное судостроеніе выражается такой схемой:

	Балтійск. море.		Черное море.		Тихій океанъ.	
	Годъ.	Число.	Годъ.	Число.	Годъ.	Число.
Лодки меньше 200 тоннъ:	1905	3	1907	1	1905	13
	1906	1	1908	4	—	—
	1908	3	—	—	—	—
	1909	1	—	—	—	—
Лодки больше 200 тоннъ:	1910	5	—	—	—	—

Такъ какъ маленькія лодки, благодаря своей необитаемости и слабымъ мореходнымъ качествамъ, представляютъ весьма сомнительное оружіе, а большія лодки до сего дня еще не приняты въ казну, то къ десятилѢтнему юбилею нашего подводнаго плаванія можно только констатировать грустный фактъ, что подводныхъ лодокъ, какъ оружія, у насъ нѢтъ.

Подводное плаваніе пользуется сочувствіемъ въ русскомъ обществѢ; идея его настолько ясна и представляетъ настолько очевидныя выгоды, что русское общественное мнѢніе, на основаніи простого здраваго смысла, стояло за подводный флотъ. Единственное, что могло останавливать, это—неувѢренность въ возможности практическаго осуществленія подводнаго плаванія, и, слыша постоянные упреки многихъ авторитетовъ морского вѢдомства по адресу подводныхъ лодокъ, общество могло поколебаться въ своихъ симпатіяхъ. Застой и неуспѢхи

нашего подводнаго плаванія могли еще болѣе подорвать вѣру въ него и заставить считать его еще невышедшимъ изъ области мечтаній. Находя дѣло это чрезвычайно важнымъ, я считаю себя обязаннымъ поглубже вникнуть въ организацію нашего подводнаго плаванія, чтобы показать, что причины видимаго застоя легко устранимы и что онѣ являются лишь слѣдствіемъ общаго неустройства въ министерствѣ.

Съ 1905 года во главѣ нашего подводнаго плаванія сталъ извѣстный по защитѣ Портъ-Артура контръ-адмиралъ Э. Н. Щенсновичъ, человѣкъ выдающейся энергіи и глубоко преданный флоту. Если въ его взглядахъ на развитіе подводнаго плаванія и были серьезныя уклоненія отъ правильнаго пути, то это вызывалось лишь еще недостаточнымъ практическимъ знакомствомъ съ подводными лодками, и, вѣроятно, впослѣдствіи его взгляды измѣнились бы. Уважаемый адмиралъ, напримѣръ, былъ сторонникомъ лодокъ исключительно малаго тоннажа и малой осадки: взглядъ теперь уже оставленный почти вездѣ. Во всякомъ случаѣ, считаю долгомъ отдать справедливость заботамъ адмирала о личномъ составѣ подводнаго плаванія, чтобы привлечь къ этой трудной и опасной службѣ «лучшихъ людей», по его выраженію, и о подготовкѣ личнаго состава къ службѣ, требующей спеціальныхъ техническихъ знаній и практическаго обученія.

Въ Либавѣ были сосредоточены лодки, могущія плавать, и изъ нихъ сформированъ учебный отрядъ подводнаго плаванія. Принципъ обученія, поддерживаемый адмираломъ, былъ глубоко вѣренъ. Офицеры, пройдя самый необходимый теоретическій курсъ, должны были главнымъ образомъ практиковаться въ исполненіи сначала обязанностей нижнихъ чиновъ—спеціалистовъ: машинистовъ, минеровъ, минныхъ машинистовъ и, наконецъ, обязанностей командира лодки по управленію погруженіемъ. Пройдя по всѣмъ типамъ лодокъ, офицеръ обнаруживалъ свои качества и, въ случаѣ успѣха, пріобрѣталъ знанія, дающія ему необходимый авторитетъ въ глазахъ подчиненныхъ и позволяющія ему увѣренно владѣть лодкой.

Къ сожалѣнію, адмиралъ пробылъ только два года во главѣ подводнаго плаванія, а управленіе всѣмъ подводнымъ плаваніемъ перешло,—какъ это ни странно,—къ главному инспектору миннаго дѣла. Это—одна изъ должностей морского техническаго комитета,—учрежденія, вѣдающаго по закону только технической стороной военно-морского дѣла; однако въ данномъ случаѣ приходилось вѣдать и строевой частью, и учебной, и личнымъ составомъ подводнаго плаванія. Такое странное административное распоряженіе прошло въ 1907 году

тоже не въ видѣ закона *), а частнымъ предписаніемъ высшаго морскаго начальства на имя главнаго инспектора миннаго дѣла. Занимавшій тогда эту должность контръ-адмиралъ Лощинскій самъ признавался, что въ подводномъ плаваніи онъ ничего не знаетъ, и считалъ новыя обязанности непріятной для себя обузой; въ помощь ему оставался капитанъ 1 ранга М. Беклемишевъ, который именемъ главнаго инспектора миннаго дѣла фактически велъ все дѣло подводнаго плаванія. При техническомъ комитетѣ создался какъ-то само собой отдѣлъ подводнаго плаванія, куда направлялись всѣ проекты лодокъ, всѣ свѣдѣнія изъ разныхъ отрядовъ лодокъ, оттуда исходили всѣ назначенія, тамъ составлялись новыя законоположенія по подводному плаванію. Это учрежденіе не было легализовано никакимъ опубликованнымъ законоположеніемъ; между тѣмъ, оно существовало, питалось и управляло всѣмъ подводнымъ плаваніемъ въ Россіи. Не имѣя штатовъ, это учрежденіе выдавало себѣ жалованіе неизвѣстно изъ какихъ суммъ; могущество его было таково, что лица, пользовавшіяся его расположеніемъ, могли считать себя внѣ обычныхъ для всѣхъ прочихъ злокозненностей судьбы, et vice versa. Личный составъ этого учрежденія если и занималъ штатныя должности, то во всякомъ случаѣ ничего общаго съ подводнымъ флотомъ не имѣющія. Самъ капитанъ 1 ранга Беклемишевъ числился официально преподавателемъ миннаго офицерскаго класса (см. списокъ лицамъ, состоящимъ въ морскомъ вѣдомствѣ, часть I, 1910 года). Поэтому личный составъ тамъ никакой юридической отвѣтственности за дѣятельность по подводному плаванію нести не могъ.

Казалось бы, условія были самыя лучшія для того, чтобы можно было работать въ смыслѣ развитія подводнаго флота. Полная власть и никакой отвѣтственности—лучшихъ условій не придумать. А между тѣмъ дѣло не шло несмотря на безспорныя способности лицъ, работавшихъ въ отдѣлѣ подводного плаванія. Я лично являюсь принципіальнымъ врагомъ морского техническаго комитета; люди, уходящіе туда, съ теченіемъ времени теряютъ связь съ насущными интересами флота, отвыкаютъ отъ суровой морской службы, теряютъ компетентность въ практикѣ своего дѣла, въ результатѣ, несмотря на большія способности отдѣльныхъ лицъ, не приносятъ той пользы,

*) Въ 1909 году только вышелъ приказъ по морскому вѣдомству, передающій техническую часть подводнаго плаванія въ вѣдѣніе главнаго инспектора миннаго дѣла, но тѣмъ не менѣе при назначеніяхъ личнаго состава главный морской штабъ продолжалъ запрашивать отдѣлъ подводнаго плаванія.

какой отъ нихъ можно было бы требовать. Если ужъ такъ необходимыми считаются центральныя техническія учрежденія, то, пожалуй, полезно было бы организовать ихъ въ составѣ плавающаго флота, подъ непосредственнымъ руководствомъ начальниковъ дѣйствующихъ флотовъ, единственно отвѣтственныхъ за военныя дѣйствія По принципу: хозяину—деньги, средства и власть, за то съ него и отвѣтъ.

Послѣ ухода адмирала Щенсновича въ управленіе учебнымъ отрядомъ вступилъ капитанъ 1 ранга Левицкій, извѣстный своею дѣятельностью по завѣдыванію подводными лодками во Владивостокѣ. Имѣя нѣкоторый опытъ въ завѣдываніи лодками, капитанъ 1 ранга Левицкій повелъ съ такимъ же успѣхомъ дѣло обученія личнаго состава подводнаго плаванія. Однако, не буду касаться дѣятельности учебнаго отряда по подготовкѣ подводниковъ, такъ какъ его дѣятельность уже отходитъ въ область прошедшаго. Скажу только, что, вообще, учебный отрядъ, неизбѣжно подчинившій весь личный составъ подводнаго плаванія извѣстнымъ нормамъ техническихъ и практическихъ знаній и выдвигающій новыя силы, вызвалъ по нѣкоторымъ причинамъ враждебное отношеніе къ себѣ центральныхъ учрежденій; въ результатѣ, несмотря на явный вредъ этой мѣры, учебный отрядъ былъ лишенъ почти всѣхъ своихъ лодокъ *), и теперь предполагается его присоединить къ учебно-минному отряду. Такимъ образомъ, практическія занятія, въ которыхъ собственно и заключалась сущность обученія подводному дѣлу, сведены до минимума и ограничены лишь четырьмя лѣтними мѣсяцами. Подготовка слушателей предполагается на боевыхъ отрядахъ, но такъ какъ врядъ ли командиры будутъ охотно подпускать ученическія руки къ обращенію съ механизмами на лодкахъ, обязанныхъ быть въ высшей степени совершенства по готовности къ бою, а, съ другой стороны, офицеръ, собственноручно не управляющій механизмами, врядъ ли будетъ достаточно хорошо подготовленъ къ обязанностямъ подводнаго офицера, то такую подготовку слѣдуетъ считать нецѣлесообразной.

Точно также составленіе боевыхъ отрядовъ изъ маленькихъ лодокъ, не имѣющихъ серьезнаго боевого значенія, есть по меньшей мѣрѣ самообманъ. Эти лодки, даже для обученія уже малопригодны; и самой лучшей мѣрой морскаго вѣдомства было бы уни-

*) Въ послѣднее время всѣ лодки Балтійскаго моря сведены въ особый отрядъ подводныхъ лодокъ Балтійскаго моря и подчинены капитану 1 ранга Левицкому. Это послѣднее назначеніе, вѣроятно, вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній между нашими подводными офицерами.

чтожить всѣ лодки малаго тоннажа, а въ учебный отрядъ передать пять большихъ лодокъ, кончающихся постройкой въ этомъ году, и не считать ихъ тоже боевыми; выражаясь технически, считать при стратегическихъ разсужденіяхъ на время войны ихъ боевой коэффиціентъ равнымъ нулю. Тогда, по крайней мѣрѣ, морское министерство чистосердечно поставило бы общество въ извѣстность, что намъ необходимо энергично создавать на новыхъ началахъ подводный флотъ, такъ какъ у насъ подводныхъ лодокъ нѣтъ, и Россія была бы избавлена отъ лишнихъ разочарованій въ случаѣ войны.

Эти пять большихъ лодокъ: 4—типа «Кайманъ» и одна—«Акула»,—представляютъ собою образцы старые, 1905 и 1906 года; первыя снабжены вдобавокъ бензино-моторами, что на большихъ лодкахъ является уже очень опаснымъ. Неизбѣжное испареніе бензина изъ подающихъ помпочекъ при продолжительномъ ходѣ подъ водой (подводный радіусъ дѣйствій этихъ лодокъ очень большой, благодаря хорошимъ аккумуляторамъ), можетъ достичь уже опасныхъ предѣловъ, а искры при дѣйствіи электро-моторовъ бываютъ всегда. «Акула» была бы полезна въ учебномъ отрядѣ для изученія лодокъ типа Бубнова, которыя, надо надѣяться, будутъ, наконецъ, у насъ заведены.

По корпусу своему, по расположенію систернъ, которыми погашается пловучесть, лодки раздѣляются на типы. Главныхъ типовъ существуетъ три: Голланда, Лебефа и Бубнова. Всѣ остальныя современныя лодки являются лишь видоизмѣненіемъ этихъ главныхъ типовъ. Такъ, англійскія лодки—видоизмѣненіе типа Голланда, итальянскія и германскія—Лебефа. Идея Голланда заключается въ томъ, что главная водяная систерна занимаетъ нижнюю часть лодки, причемъ ея центръ тяжести приходится на одной вертикали съ центромъ тяжести всей лодки. Наполненіе ея минутное, причемъ дифферента (наклоненіе продольной оси) не имѣется, и остойчивость улучшается. Размѣры ея таковы, что ее можно смѣло наполнять, открывая во всю кинстоны и не опасаясь, что лодка пойдетъ ключемъ ко дну.

Всѣ перемѣнные грузы, какъ-то: запасы, мины, топливо, часть команды и т. п.,—предусмотрѣны другой систерной, которая тоже расположена симметрично относительно центра тяжести лодки и, при наполненіи, тоже не мѣняетъ дифферента, имѣющаго большое значеніе при ходѣ лодки подъ водой. Кромѣ того, есть еще систерна (такъ-называемая средняя), для быстраго продуванія ея воздухомъ на любой глубинѣ на случай потери пловучести или желанія быстро осмотрѣться; есть систерны, микрометрически наполняющіяся для

удержанія лодки въ равновѣсіи на любой глубинѣ *), есть цистерны для пріема воды изъ миннаго аппарата послѣ выстрѣла, что даетъ возможность зарядить аппаратъ подъ водой, есть дифферентныя цистерны для измѣненія дифферента въ зависимости отъ передвиженія перемѣнныхъ грузовъ. Эти маневренныя цистерны имѣются на всѣхъ современныхъ лодкахъ; главное различіе заключается въ расположеніи цистернъ, исполняющихъ первыя двѣ функціи.

Внимательный читатель, вѣроятно, уже уяснилъ себѣ методъ погруженія. Сперва наполняется главная и средняя (эта послѣдняя всегда наполняется сначала, чтобы сразу имѣть подъ рукою нѣкоторый запасъ пловучести; на англійскихъ лодкахъ ея объемъ равенъ объему боевой рубки). На нашихъ лодкахъ типа Голланда главная и вспомогательная цистерны разсчитаны только на 15 фунтовъ давленія и, поэтому, продуваться воздухомъ могутъ на поверхности; на глубинѣ эта манипуляція требуетъ особыхъ предосторожностей. Обыкновенно вода изъ нихъ выкачивается помпами. (Какъ видно, у насъ руководители подводнаго плаванія еще въ 1908 году не замѣчали того, что англичане замѣтили сразу при испытаніяхъ первой лодки на семь лѣтъ раньше) **). Съ наполненіемъ главной и средней цистернъ лодка садится почти по верхнюю палубу. Затѣмъ, командиръ наполняетъ внимательно вспомогательную цистерну (такъ у насъ называютъ цистерну, погашающую перемѣнные грузы), пока не останется около 5 пудовъ пловучести на 120 тоннъ водоизмѣщенія, что замѣчается по уровню воды. Первые опыты погруженія, особенно на волнѣ, часто кончаются тѣмъ, что лодка идетъ на дно; поэтому первоначальное обученіе офицеровъ погруженію производится на мелкихъ мѣстахъ. Съ наполненными вышеописаннымъ порядкомъ цистернами лодка находится въ боевомъ положеніи. Теперь стоитъ только дать ходъ, поставить горизонтальные рули на погруженіе внизъ, и лодка нырнетъ въ воду. Подъ водой она можетъ итти на любой глубинѣ до предѣльной въ зависимости отъ крѣпости корпуса, пока она имѣетъ ходъ и рули положены книзу. Точность управленія подъ водой на новыхъ лодкахъ до нѣсколькихъ дюймовъ. Если застопорить ходъ, то лодка съ остановкой движенія всплываетъ, какъ поплавокъ. Потеря пловучести на ходу подъ водой, вслѣдствіе течи корпуса, влечетъ въ большинствѣ случаевъ посадку лодки на дно, почему надо быть очень осторожнымъ

*) Обыкновенно, корпуса лодокъ разсчитываются для глубинъ отъ ста до трехсотъ фут.

**) Подводная лодка «Судакъ» имѣетъ слабыя цистерны.

на горизонтальныхъ рулях, на которыхъ чувствуется измѣненіе пловучести.

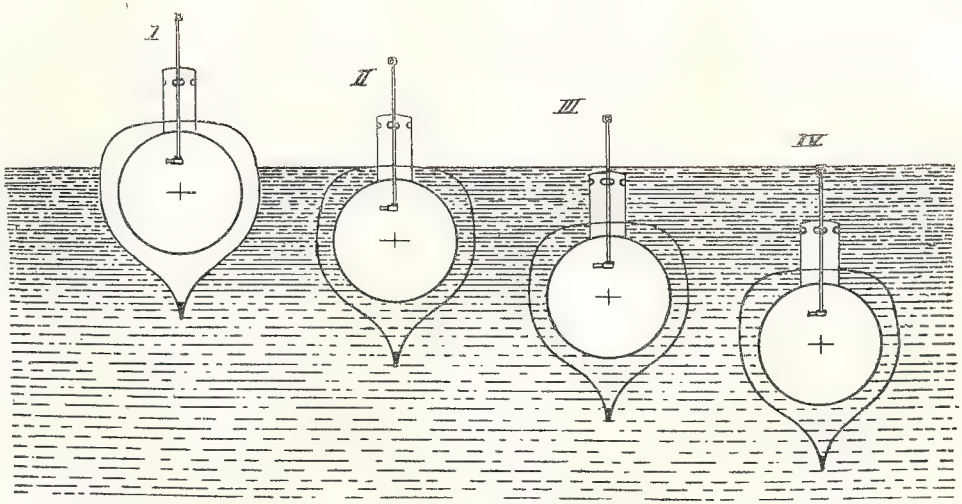
На лодкахъ Голланда первоначальное приведеніе лодки въ боевое положеніе занимаетъ время отъ 3 до 4 минутъ; время здѣсь необходимо только для наполненія систернъ; командиру нечего заботиться объ исправленіи дифферента, кромѣ того, расположеніе систернъ по днищу лодки является предохранительной мѣрой на случай ударовъ о дно. Понятно, что, погрузившись разъ, уже вторично можно не прибѣгать, къ медленному, сравнительно, наполненію вспомогательной систерны; при всплываніи достаточно выкачать воду только изъ главной систерны,—и, значитъ, при вторичномъ погруженіи надо затратить на ея наполненіе всего около $1^1/_2$ минутъ. Это важно, если лодка находится уже въ районѣ возможной встрѣчи съ непріятелемъ. Прибавленіе пловучести въ видѣ расхода топлива, провизіи, прѣсной воды можно погасить добавочнымъ наполненіемъ вспомогательной систерны, если у нея есть указатель, или одной изъ дифферентныхъ систернъ, смотря по расположенію грузовъ.

Однимъ изъ недостатковъ этого типа является массивность крѣпкаго корпуса, въ который включены всѣ систерны, топливо, который вообще охватываетъ цѣликомъ всю лодку. Впрочемъ, на англійскихъ лодкахъ послѣдняго типа сдѣланы въ этомъ отношеніи существенныя измѣненія.

Инженеръ Лебефъ въ своемъ проектѣ попытался ограничить размѣры и вѣсъ крѣпкаго корпуса, выводя главныя систерны за его предѣлы. Такъ какъ эти систерны наполняются вполнѣ, то онѣ не нуждаются въ изоляціи отъ внѣшней воды: наружное давленіе съ внутреннимъ, черезъ открытые кинстоны, взаимно уничтожается. Вспомогательныя систерны, какъ не вполнѣ наливающіяся, находятся внутри крѣпкаго корпуса. Видъ лодки «Narval» въ поперечномъ разрѣзѣ, какъ на чертежѣ.

На лодкахъ д'Эквиллея, устройство въ принципѣ такое же, но тамъ внѣ крѣпкаго корпуса выведены тоже систерны для топлива, керосина, который замѣщается забортной водой по мѣрѣ расходованія. Наконецъ, лодки нашего инженера Бубнова характерны тѣмъ, что главная пловучесть выводится на нихъ затопленіемъ двухъ большихъ систернъ, расположенныхъ на оконечностяхъ. Этимъ достигается самое большое уменьшеніе вѣса крѣпкаго корпуса*). (Наружный лебефовскій корпусъ, хотя и легкій, все-же

*) Это свѣдѣніе сообщено мнѣ уважаемымъ Иваномъ Григорьевичемъ.



Подводная лодка «Narval» въ четырехъ послѣдовательныхъ фазахъ погруженія.

требуетъ многихъ крѣпленій и связей съ внутреннимъ и, въ итогѣ, по подсчетамъ, оказывается тяжелѣе). На первыхъ лодкахъ, вслѣдствіе большого разноса систернъ, замѣчались большія продольныя колебанія при погруженіи и на подводномъ ходу; въ настоящее время на «Миногѣ» и «Акулѣ» этихъ неудобствъ не существуетъ, благодаря нѣкоторымъ спеціальнымъ мѣрамъ, принятымъ на основаніи опытовъ съ первыми лодками.

Такимъ образомъ въ Россіи есть инженеры, которые по талантливости могутъ вести порученное имъ дѣло блестяще впереди другихъ государствъ. За послѣднее время очень талантливые проекты лодокъ представлялъ на конкурсы корабельный инженеръ и инженеръ-технологъ Л. М. Мацѣевичъ; онъ кончилъ учебный отрядъ подводнаго плаванія наравнѣ съ другими офицерами и пріобрѣлъ, поэтому, серьезныя практическія свѣдѣнія, столь важныя въ дѣлѣ подводнаго плаванія. Но его проекты не встрѣтили одобренія со стороны Морского Министерства.

Этому почтенному инженеру ничего не оставалось, какъ перейти въ другую область, гдѣ его знанія и трудъ нашли лучшее примѣненіе. Онъ посвятилъ себя дѣлу воздухоплаванія, и намъ оставалось только ждать блестящихъ результатовъ его дѣятельности. Но злой рокъ разрушилъ наши надежды. Словами трудно выразить то потрясеніе и горе, какое я испыталъ при внезапномъ извѣстіи о его ужасной смерти. Въ немъ русскіе воздушный и подводный флоты потеряли не только испытаннаго практика, но и вдумчиваго талантливаго инженера, одно участье котораго въ дѣлѣ обезпечивало его дальнѣйшій успѣхъ.

Будучи сторонникомъ отечественнаго судостроенія и считая, что намъ необходимо строить лодки Бубнова, чтобы дать имъ возможность догнать англійскія лодки по скорости ходовъ путемъ систематическаго развитія, я долженъ все-же высказаться за необходимость пріобрѣсти или заказать въ Англіи серію лодокъ типа «Д», которыя, судя по нѣкоторымъ проскользнувшимъ въ печати даннымъ, представляютъ прекрасный типъ лодокъ, совмѣщающій всѣ достоинства остальныхъ типовъ. Надо постараться, чтобы Англія намъ продала ихъ, потому что положеніе нашего флота теперь по истинѣ ужасно. Мы находимся въ положеніи человѣка, которому угрожаетъ нападеніе; естественно, онъ бросится покупать револьверъ уже испытанной системы, чѣмъ довѣритъ себя новому патенту, хотя бы прекрасно гарантированному на бумагѣ.

Кромѣ того, нелишне сказать здѣсь нѣсколько словъ о положеніи личнаго состава подводнаго плаванія. Непонятно, почему въ министерствѣ служба въ подводномъ плаваніи не въ почетѣ. Она, несмотря на нѣкоторыя законоположенія, проходитъ внѣ всякихъ правилъ, подводныя лодки раздѣлены на ранги, сенатскими указами разъяснены права командировъ лодокъ и приравнены къ правамъ командировъ судовъ надводныхъ, но Главный Морской Штабъ совершенно не считается съ какими-либо правилами по отношенію личнаго состава подводнаго плаванія. Назначеніе командировъ лодокъ проходитъ внѣ обычнаго порядка старшинства; назначенія ведутся по представленіямъ или «Отдѣла Подводнаго Плаванія», или Начальника учебнаго отряда подводнаго плаванія, который за послѣднее время получилъ вліяніе на дѣла подводнаго плаванія благодаря поддержкѣ Начальника дѣйствующаго флота въ Балтійскомъ морѣ. Бываютъ назначенія—прямо поразительныя по обходу всякихъ законовъ. Такъ, напримѣръ, на освободившуюся вакансію командира одной изъ большихъ лодокъ 2-го ранга, которой по закону долженъ командовать капитанъ 2-го ранга, былъ назначенъ одинъ офицеръ по адмиралтейству, не прошедшій курса морского корпуса; при этомъ онъ былъ переименованъ въ лейтенанты. Положимъ, что, въ данномъ случаѣ, это—энергичный офицеръ, котораго дѣятельность можетъ быть полезна для флота; подобныхъ офицеровъ надо привлекать и поощрять по службѣ. Но вѣдь надо знать чувство мѣры. Подобное назначеніе можетъ дать поводъ думать, что нѣтъ морскихъ офицеровъ въ подводномъ плаваніи, достойныхъ занять должность командира подводной лодки 2-го ранга, и приходится прибѣгать къ такимъ экстреннымъ, исключительнымъ мѣрамъ. Но это невѣрно,—въ подводномъ плаваніи много морскихъ офицеровъ, очень свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ, очень преданныхъ идеѣ подводнаго плаванія, которые подобными вышеописанному назначенію незаслуженно обходятся. Руководители подводнаго плаванія пытаются также провести принципъ старшинства офицеровъ по подводному плаванію; такая система вызываетъ назначенія почтенныхъ капитановъ 2-го ранга, кончающихъ учебный отрядъ подводнаго плаванія помощниками къ молодымъ лейтенантамъ, которые имѣли случай годомъ-двумя раньше поступить въ подводное плаваніе. Въ результатѣ замѣчается боязнь морскихъ офицеровъ рисковать своей служебной карьерой, поступая въ подводное плаваніе, и какъ-разъ въ настоящее время наблюдается массовый уходъ офицеровъ въ надводный флотъ,—или совсѣмъ изъ флота,—несмотря на самое полное и искреннее же-

ланіе остаться въ подводномъ плаваніи. Вообще я не знаю офицера, который, поплававъ на лодкахъ, не становился бы сторонникомъ подводнаго плаванія.

Съ другой стороны, необезпеченность офицеровъ отъ риска, естественно связаннаго со службой на лодкахъ, тоже даетъ себя чувствовать. Единственное преимущество службы заключается въ нѣсколько повышенномъ денежномъ содержаніи для младшихъ должностей. (Командиры лодокъ 2-го ранга уже совершенно уравнены относительно надводнаго флота). Какъ-разъ это преимущество является очень малоцѣннымъ. Молодежь мало цѣнитъ презрѣнный металлъ, онъ у нея уходитъ такъ же скоро, какъ и приходитъ, — ее привлекаетъ опасность службы и несомнѣнная, самая очевидная для всякаго, кто хоть разъ погрузился на лодкѣ, мощь этого оружія.

У насъ до сихъ поръ не провели положенія объ увеличеніи пенсіи, о сокращенномъ срокѣ ея выслуги, объ обезпеченіи служащихъ и ихъ семействъ на случай гибели или увѣчій. Не страшно рисковать своею жизнью, но если нѣтъ своихъ денегъ, то поневолѣ думается объ участи семьи. А подводное плаваніе по своимъ свойствамъ требуетъ отъ личнаго состава главнымъ образомъ двухъ качествъ: знанія и отваги.

О нижнихъ чинахъ можно сказать въ общихъ чертахъ то же: никакого порядка въ назначеніяхъ, въ подготовкѣ къ службѣ, въ прохожденіи службы; постоянный некомплектъ на лодкахъ. Въ бытность мою еще въ учебномъ отрядѣ подводнаго плаванія командиры лодокъ выработали схему организаціи учебнаго отряда; тогда онъ еще переживалъ начальный фазисъ своего существованія. Между прочимъ, тамъ было выработано правило, что, въ виду сокращеннаго срока службы нижнихъ чиновъ въ флотѣ, для предварительной практики и прохожденія краткаго спеціальнаго курса въ учебный отрядъ подводнаго плаванія должны приниматься нижніе чины-спеціалисты, *окончившіе* уже курсъ въ соотвѣтственныхъ учебныхъ отрядахъ, и то преимущественно унтеръ-офицерскаго званія. Въ отвѣтъ на это, — повидимому, вполнѣ логичное постановленіе, — въ учебный отрядъ приняли нѣсколько сотъ новобранцевъ, едва обученныхъ грамотѣ, и изъ нихъ отрядъ своими скудными средствами вырабатывалъ спеціалистовъ-минеровъ, мотористовъ, рулевыхъ, минныхъ машинистовъ. Нетрудно догадаться, какіе блестящіе получились спеціалисты. Главнымъ мотивомъ, выставленнымъ противъ учебнаго отряда его противниками, было неумѣніе приготовить нижнихъ чиновъ для пополненія кадровъ боевыхъ отрядовъ.

Подобная организація подводнаго плаванія, — такого серьезнаго современнаго оружія, — никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ достоинству русскаго флота и не способствуетъ его силѣ; къ сожалѣнію, она связана такъ прочно съ общей организаціей всего морского министерства, что безъ общихъ реформъ невозможно и въ подводномъ плаваніи ждать улучшенія. Затѣмъ, отношеніе къ личному составу оставляетъ желать много лучшаго. Бываютъ положенія, оставляющія невольную горечь у офицеровъ и командъ подводныхъ лодокъ. Когда погибла со всѣмъ экипажемъ французская лодка «Lutin», морской министръ г-нъ Томсонъ прибылъ на крейсерѣ къ мѣсту катастрофы; въ Бизертѣ онъ посѣтилъ семьи погибшихъ моряковъ и выразилъ имъ сочувствіе отъ своего имени и отъ имени правительства. На слѣдующій день онъ на однотипной съ «Lutin» подводной лодкѣ «Korrigan» прошелъ къ мѣсту гибели, гдѣ стояла прибывшая для оказанія помощи англійская эскадра, погрузился и въ теченіе часа ходилъ на лодкѣ подъ водой вблизи погибшаго ея товарища. Напомню, что это былъ штатскій человѣкъ, котораго ничто не обязывало къ проявленію подобнаго героизма, кромѣ чувства достоинства своего высокаго поста и желанія оказать нравственную поддержку личному составу подводныхъ лодокъ. Послѣднія почести погибшимъ были отданы съ особой торжественностью, съ участіемъ карфагенскаго архіепископа.

У насъ у всѣхъ еще свѣжа въ памяти катастрофа съ лодкой «Камбала» и извѣстны всѣ ея детали, но, навѣрно, мало кто знаетъ, что ко дню похоронъ ея жертвъ черноморская эскадра ушла на эволюціи, и похоронный обрядъ прошелъ очень скромно. Конечно, это — мелочи, но мелочи характерныя.

Меня могутъ упрекнуть въ томъ, что я о всемъ вышеизложенномъ сообщаю въ печати, въ органѣ, предназначенномъ для всеобщаго свѣдѣнія, и я заранѣе отвѣчаю на это тѣмъ, что я прежде всего считаю каждаго россійскаго обывателя имѣющимъ право интересоваться состояніемъ вооруженной силы государства, и ни въ коемъ случаѣ не смѣю ставить выше него любого англичанина, свободно разсуждающаго о мѣрахъ къ безопасности родной страны. У насъ не хватаетъ только взаимной поддержки; слишкомъ ужъ въѣлось правило: «всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ».

Съ другой стороны, съ 1906 года, какъ только я поступилъ въ учебный отрядъ подводнаго плаванія, и въ бытность мою командиромъ подводныхъ лодокъ «Сигъ» и «Крокодилъ», я все время подавалъ докладныя записки по начальству и разнымъ вліятельнымъ лицамъ въ

морскомъ министерствѣ о необходимости организовать наше подводное плаваніе на болѣе раціональныхъ основахъ, считая, что я имѣлъ на это право по своему боевому опыту и по опыту въ подводномъ плаваніи, тѣмъ болѣе, что высшее морское образованіе давало мнѣ возможность болѣе обстоятельно и правильно освѣщать возбуждаемые вопросы. Къ сожалѣнію, успѣха не было. Такимъ образомъ, и съ этой стороны я считаю себя вполнѣ правымъ подѣлиться съ большой публикой своими взглядами, будучи убѣжденъ, что среди нихъ найдутся люди, интересующіеся защитой государства и которые смогутъ посодѣйствовать родному дѣлу.

Кромѣ того, я старался въ своемъ изложеніи быть по возможности объективнымъ и не касаться личностей, хотя долженъ признать, что въ каждомъ дѣлѣ личности играютъ рѣшающую роль. Мною руководитъ исключительно желаніе помочь дѣлу, потому что это дѣло ведется неудовлетворительно.

Въ этой части своей статьи я старался познакомить читателя съ подводнымъ судостроеніемъ за послѣднее время. Теперь я перейду къ послѣдней части, гдѣ попытаюсь показать стратегическое и тактическое значеніе лодокъ въ современной войнѣ.

III *).

Военная терминологія неизвѣстна большому обществу. Во многихъ случаяхъ даже авторитеты военнаго дѣла не пришли къ полному согласію. Поэтому, я поясню главные термины и сообщу свой личный взглядъ на принципы войны. Стратегія занимается изслѣдованіемъ войны во всей ея совокупности, а тактика — изслѣдованіемъ отдѣль-

*) Все, что я пишу въ этой части, есть результатъ моей личной работы и размышленій, и я при этомъ не пользовался никакими свѣдѣніями изъ центральныхъ учрежденій Морского Министерства. Тѣ детали тактическаго характера, оглашеніе которыхъ можетъ быть опасно государству, мною опущены. О нѣкоторыхъ главныхъ стратегическихъ положеніяхъ мною читались сообщенія въ морскихъ кружкахъ своевременно, а о болѣе опасныхъ и срочныхъ положеніяхъ я докладывалъ даже въ Главный Штабъ словесно. Поэтому, все что з д ѣ с ь написано, не можетъ быть секретнымъ въ настоящее время. Напротивъ того, такъ какъ Морское Министерство имѣетъ свои другіе планы стратегической защиты побережій, то я считаю своимъ долгомъ просить читателя обратить свое особенное вниманіе на этотъ отдѣлъ, потому что малѣйшая проволочка въ принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ можетъ поставить государство въ опасное положеніе на случай войны.

ныхъ сраженій или боевыхъ эпизодовъ. Въ основу всякаго военнаго дѣйствія положены *три главныхъ принципа: согласованность дѣйствій, внезапность, сосредоточеніе силъ.* Любое сраженіе, если разобрать на основаніи этихъ принциповъ, будетъ примѣромъ, что полководецъ или адмиралъ, не пожелавшій съ ними считаться, бывалъ разбитъ. Къ чему ходить даже за военными примѣрами,—достаточно разсмотрѣть любое частное дѣло или споръ. Вездѣ, гдѣ только соприкасаются двѣ, или больше, человѣческія воли, тамъ эти принципы примѣнимы.

Затѣмъ, слово «силы» требуетъ также нѣкотораго развитія. Понятіе «силы» охватываетъ двѣ отрасли: личный составъ и матеріальную часть.

Если вамъ, читатель, придетъ желаніе проштудировать какое-нибудь описаніе войны, то весьма любопытно разсматривать весь ходъ военныхъ событій, какъ бы съ высоты птичьяго полета, съ точки зрѣнія трехъ вышеупомянутыхъ главныхъ военныхъ принциповъ, и заранѣе составить себѣ понятіе о силахъ воюющихъ сторонъ, о матеріальной части, т. е. о качествахъ оружія, количествѣ и расположеніи его, средствахъ сообщенія, количествѣ войскъ, состояніи финансовъ,—и о личномъ составѣ, т.-е. о степени подготовки сражающихся къ владѣнію оружіемъ, о духовныхъ ихъ качествахъ, о способностяхъ вождей, о настроеніи войскъ и населенія страны и т. п. Обыкновенно, въ большинствѣ произведеній эти самыя важныя черты опускаются, и поэтому читателю необходимо сперва составить себѣ нѣкоторое мнѣніе à priori и затѣмъ исправлять его уже на основаніи фактовъ, встрѣчающихся въ описаніи. Чрезвычайно важно отнестись къ исправленію безпристрастно, не руководствуясь личными симпатіями и антипатіями. Тогда можно прійти къ очень любопытнымъ выводамъ, совершенно новымъ и неожиданнымъ.

Въ виду того, что моя тема касается только оружія, то вліяніе личнаго состава въ предстоящихъ разсужденіяхъ будетъ исключено, предполагая, что личный составъ во всѣхъ отношеніяхъ тождественъ у противниковъ.

Всякое государство, пріобрѣтая или заводя себѣ оружіе, обыкновенно имѣетъ опредѣленную цѣль, для достиженія которой это оружіе можетъ послужить. По крайней мѣрѣ такъ должно быть. Отдѣльныя лица, любители оружія, могутъ тратить большія деньги, если таковыя есть, на пріобрѣтеніе себѣ коллекцій стариннаго и новѣйшаго оружія для украшенія комнатъ или просто для коллекціи. Но государство не имѣетъ возможности тратить деньги на безполезное оружіе. Государ-

ственныя деньги добываются трудомъ рабочаго народонаселенія, и ихъ обыкновенно едва хватаетъ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ общегосударственныхъ потребностей, какъ на охрану народнаго здоровья, на народное просвѣщеніе, на пути сообщенія, на поддержаніе общественнаго порядка, на суды и т. п. Къ Россіи особенно подходитъ это положеніе, потому что ея бюджетъ обремененъ ежегодной уплатой процентовъ по внѣшнимъ займамъ до 450 милліоновъ, а состояніе народнаго здоровья, просвѣщенія, общественнаго порядка, путей сообщенія не можетъ считаться блестящимъ и безусловно требуетъ бо́льшихъ суммъ, чѣмъ тѣ, которыми Россія нормально располагаетъ. Поэтому Россія, которая, конечно, должна обладать солидными вооруженными силами для обезпеченія государственной безопасности, должна однако тщательно соразмѣрять количество своихъ вооруженныхъ силъ съ дѣйствительной потребностью. Дѣйствительная потребность обусловливается исключительно политикой государства. Разумная политика сводитъ эту потребность къ минимуму; неразумная можетъ поставить государство въ невозможность выйти безъ потерь изъ создавшагося положенія. Не существуетъ такой державы, которая могла бы одна бороться со всѣмъ остальнымъ міромъ. Не говоря уже про сравнительную слабость силъ, есть множество нитей, связывающихъ одну державу съ другой и ставящихъ ихъ въ самую разнообразную зависимость другъ отъ друга. Обратившись къ Россіи, мы видимъ, что она во многихъ отношеніяхъ связана съ другими державами: съ одной — денежными отношеніями, съ другой — промышленными, съ третьей — историческими традиціями; съ одной — Россія всегда дружила, съ другой — воевала, съ третьей — только-что кончила воевать, съ четвертой — все время готовится воевать; съ одной — она связана общими интересами, съ другой — соперничаетъ и т. д. Словомъ, комбинацій можетъ быть безчисленное количество, и отъ правительства зависитъ переходить отъ одной комбинаціи къ другой наивыгоднѣйшимъ для государства путемъ.

Возьмемъ, для примѣра, ближайшую возможную политическую комбинацію. На Ближнемъ Востокѣ положеніе очень неопредѣленно. Хотя наши интересы тамъ носятъ абстрактный характеръ, но никто не можетъ поручиться, что мы не будемъ вовлечены въ войну, въ коей естественными нашими противниками явятся тройственный союзъ, Турція и Румынія; слѣдуетъ считать вѣроятнымъ, что Италія выйдетъ изъ союза въ данномъ случаѣ, и ея мѣсто займетъ Швеція. Мнѣ приходилось нерѣдко слышать мнѣніе, что Швеція одна никогда про-

тивъ насъ не выступитъ, но въ случаѣ войны нашей съ Германіей она одновременно объявляетъ намъ войну. Боже сохрани, чтобы я лично раздѣлялъ это мнѣніе, но разъ предположеніе высказывается и имѣетъ логичное основаніе, то съ нимъ слѣдуетъ считаться. Итакъ, допустимъ, что мы стоимъ лицомъ къ лицу съ вышеозначенными противниками. Не слѣдуетъ забывать, что въ прошломъ году мы были близки къ войнѣ съ тройственнымъ союзомъ.

Ни для кого не можетъ быть сомнѣнія, что положеніе наше будетъ чрезвычайно трудное и что исходъ войны будетъ зависѣть почти всецѣло отъ дѣйствій нашихъ сухопутныхъ армій. Но такъ какъ на войнѣ слѣдуетъ соблюдать принципъ согласованности дѣйствій и сосредоточенія силъ, то какую роль мы могли бы предоставить флоту? Лучшее правило—считать дѣйствія противника наиболѣе опасными для насъ; тогда, если онъ сдѣлаетъ отступленіе отъ предположеннаго плана, мы уже будемъ въ выгодномъ положеніи.

Разсмотримъ сперва дѣйствія на Балтійскомъ морѣ. Рекомендую читателю пріобрѣсти морскія карты нашихъ морей. Ихъ можно купить въ Главномъ Гидрографическомъ Управленіи (въ зданіи главнаго адмиралтейства). Онѣ легко уяснятъ предстоящія соображенія.

Какія морскія операціи Германіи и Швеціи могутъ быть намъ опасны въ Балтійскомъ морѣ? Прежде всего, въ смыслѣ опасности, захватъ Петербурга, столицы и главной военной базы всей арміи (всѣ важнѣйшіе военные заводы сосредоточены въ окрестностяхъ Петербурга); затѣмъ—высадка десантныхъ войскъ для содѣйствія операціямъ главныхъ армій.

Какимъ образомъ нашъ флотъ могъ бы парировать подобныя операціи?

Очевидно, блокадой непріятельскихъ портовъ. Но для этого надо имѣть соотвѣтствующей силы флотъ. По мнѣнію моряковъ старой школы, надо было бы имѣть флотъ, одинаковый по составу съ непріятельскимъ, но сильнѣе его минимумъ на 10%. Считая силы *) германскаго флота къ серединѣ 1910 года: 7 брaненосцевъ типа «Dreadnought», 15 броненосцевъ постройки послѣ 1900 года, 9 броненосцевъ старшаго возраста, 8 броненосцевъ береговой обороны, 3 первоклассныхъ броненосныхъ крейсера, вооруженныхъ орудіями самаго крупнаго калибра, 7 броненосныхъ крейсеровъ, 34 крейсера, 103 эскадрен-

*) «Nauticus»—1910 годъ (единственный почти вполнѣ точный морской справочникъ).

ныхъ миноносца и 12 подводныхъ лодокъ, а шведскаго флота—въ 12 броненосцевъ береговой обороны, 1 крейсеръ, 12 эскадренныхъ миноносцевъ и 2 подводныхъ лодки, намъ бы слѣдовало имѣть 22 броненосца типа «Drednought» (считая даже по два и по три обыкновенныхъ броненосца на одинъ «Drednought», и по четыре броненосца береговой обороны), 4 первоклассныхъ броненосныхъ крейсера, 8 бронированныхъ крейсеровъ, 38 крейсеровъ, 125 эскадренныхъ миноносцевъ, 20 подводныхъ лодокъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ здѣсь 4 броненосца постройки послѣ 1900 года, 2 броненосца береговой обороны, 1 первоклассный броненосный крейсеръ, 5 броненосныхъ крейсеровъ, 4 крейсера 58 эскадренныхъ миноносцевъ и 13 подводныхъ лодокъ. Всѣ эти суда сравнительно много хуже германскихъ, особенно миноносцы и подводныя лодки. Поэтому, чтобы превзойти флотъ противниковъ, намъ надо построить кораблей на сумму около 1100 милліоновъ рублей, и сразу въ минимальный срокъ, потому что въ Германіи въ будущемъ году уже будетъ спущено еще 6 броненосцевъ типа «Drednought», 2 первоклассныхъ крейсера, 4 крейсера, 15 миноносцевъ и 12 подводныхъ лодокъ. Кромѣ того, вышенамѣченный планъ можетъ быть произведенъ при наличіи хорошо оборудованныхъ базъ, куда флотъ могъ бы зайти для пополненія запасовъ или починокъ, послѣ того, какъ одержалъ первый успѣхъ, благодаря внезапному нападенію. Единственно оборудованныя базы для флота у насъ Кронштадтъ и Либава, но Либава разоружена, а Кронштадтъ черезчуръ удаленъ отъ мѣста операціи. Чтобы уйти въ Кронштадтъ, флотъ долженъ будетъ разбросаться для защиты подходовъ, что является уже опаснымъ, или если уйдетъ цѣликомъ, то имѣетъ много шансовъ быть тамъ запертымъ минными заграждеіями. Достаточно взглянуть на карту и замѣтить, что мѣстныя условія Финскаго залива особенно этому благопріятствуютъ. *Намъ необходимо укрѣпить и вновь вооружить Либаву,* какъ ближайшій къ непріятелю стратегическій пунктъ, изъ котораго, вдобавокъ, можно дѣйствовать на пути сообщенія непріятеля въ случаѣ его операцій въ Финскомъ заливѣ, и оборудовать новый опорный пунктъ у входа въ Финскій заливъ, стратегическій ключъ къ Финскому заливу; онъ будетъ содѣйствовать операціямъ противъ шведскаго флота и воообще въ шхерахъ, а также служить промежуточнымъ пунктомъ между Либавой и Кронштадтомъ. На это надо затратить по меньшей мѣрѣ около ста милліоновъ.

Въ Черномъ морѣ сравненіе силъ намъ даетъ такую картину.

Австрійскій флотъ за послѣднее время сильно возросъ, и тамъ имѣется 6 новыхъ броненосцевъ, 6 болѣе старыхъ и слабыхъ, 3 броненосныхъ крейсера, 6 крейсеровъ, 19 эскадренныхъ миноносцевъ, 7 подводныхъ лодокъ; Турція имѣетъ 2 крейсера, 13 эскадренныхъ миноносцевъ.

Мы имѣемъ въ Черномъ морѣ: 3 новыхъ броненосца, 5 устарѣвшихъ, 2 броненосныхъ крейсера, 17 эскадренныхъ миноносцевъ, 4 подводныхъ лодки. Значитъ, мы должны построить: 2 «Drednought», 2 первоклассныхъ крейсера, 18 эскадренныхъ миноносцевъ, 4 подводныхъ лодки,—слѣдовательно, затратить около 160 милліоновъ, не считая усиленія береговыхъ средствъ защиты Чернаго моря, на что, вѣроятно, понадобится милліоновъ десять.

Въ результатѣ этого самаго примитивнаго подсчета силъ видно, что намъ не обойтись единовременнымъ отпускомъ на флотъ колоссальной суммы денегъ—1370 милліоновъ рублей. Теперь я задамъ вопросы: дадутъ ли намъ такую сумму, можемъ ли въ нѣсколько мѣсяцевъ соорудить такой флотъ, гдѣ мы возьмемъ для него личный составъ, успѣемъ ли его выучить управленію флотомъ? Положительнаго отвѣта на эти вопросы дать нельзя. Защитники большого судостроенія скажутъ, что теперь это, конечно, невозможно, но лѣтъ черезъ десять, при свойственномъ намъ умѣніи и энергіи, мы непремѣнно будемъ имѣть такой флотъ. Дайте только денегъ, а ужъ все будетъ...

Жаль только, что всѣ эти десять лѣтъ мы будемъ въ положеніи, совершенно къ намъ не подходящемъ. Наконецъ, будетъ ли черезъ десять лѣтъ обѣщаемый флотъ? Не смѣю спорить съ авторитетами, а предоставлю читателю самому въ этомъ вопросѣ разобраться; для облегченія приведу только сравнительную таблицу денегъ, израсходованныхъ въ Россіи, Германіи и Японіи за время съ 1901 по 1910 г. въ милліонахъ рублей *).

	Россія.	Японія.	Германія.
	около		
1901	92	43	90
1902	100	35	94
1903	113	35	98
1904	112	20	95

*) «Nauticus», стр. 508.

	Россія. около		Японія.		Германія.
1905	116		23		106
1906	103		60		113
1907	87	+576	70	+365	134
1908	87		69		155
1909	91		70		186
1910	92		73		200

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Японіи за время съ 1905 г. до сихъ поръ построили 2 броненосца типа «Dreadnought», 2 новыхъ броненосца, 4 первоклассныхъ бронированныхъ крейсера, 1 крейсеръ, 35 эскадренныхъ миноносцевъ и 9 подводныхъ лодокъ, а также перестроили всѣ поднятыя въ Портъ-Артурѣ и взятыя у насъ суда.

Мнѣ могутъ возразить, что нападеніе на непріятельскіе берега неосуществимо, что мы не пойдемъ на это; наконецъ, что, защищаясь у своихъ береговъ, можетъ потребоваться гораздо меньше силъ. Съ первыми двумя пунктами я бы согласился, но съ послѣднимъ нѣтъ. Для надводнаго современнаго флота меньшинство равносильно пораженію; какъ то было въ войнѣ 1904—5 гг., такъ и въ разбираемомъ случаѣ при меньшинствѣ судовъ нашъ флотъ будетъ сидѣть въ портахъ и принесетъ столько же пользы, какъ если бы его совсѣмъ не было. Такъ, можетъ-быть, цѣлесообразнѣе его совсѣмъ не строить, чѣмъ любоваться четырьмя кораблями, очень красивыми и большими, съ тремя громадными пушками въ каждой башнѣ, съ мачтами въ видѣ Эйфелевыхъ башень, но съ которыми нельзя будетъ идти въ бой. Вѣдь не въ величинѣ сила, а въ силѣ. Нельзя говорить, что великой державѣ нужны большіе броненосцы; это—софизмъ черезчуръ наивнаго свойства. Флотъ, это—не комнатное украшеніе въ квартирѣ богатыхъ людей.

Посмотримъ, что могли бы мы сдѣлать, если бы у насъ въ Балтійскомъ морѣ было пятьдесятъ подводныхъ лодокъ типа «D», пятьдесятъ минныхъ крейсеровъ типа «Swift» (1850 т., 36 узловъ, 4—102 м/м. орудія) и четыре быстроходныхъ минныхъ заградителя (около 4000 т., 27 узловъ, 6—6-дюймовыхъ орудій). Стоила бы эта сила даже при нашей дорогой постройкѣ около 160 милліоновъ, т. е. ровно столько стоятъ намъ заложенные въ Петербургѣ 4 броненосца типа «Dreadnought». Укрѣпить Либаву и Ганге я все равно считаю необходимымъ, потому что вся эта сила, сосредоточенная въ Кронштадтѣ,

можетъ быть заперта непріятелемъ. Внезапность нападенія можетъ всегда оказаться на сторонѣ противника, и достаточно взглянуть на карту Финскаго залива, чтобы видѣть, какъ удобно въ немъ блокировать флотъ съ помощью минныхъ заграждeній и подводныхъ лодокъ. Кромѣ того, дѣйствовать изъ Кронштадта на пути сообщенія непріятеля, желающаго, напримѣръ, высаживать войска въ Либавѣ, Виндавѣ и Ригѣ, чтобы воспользоваться желѣзными дорогами Либаво-Роменской, Московско-Виндаво-Рыбинской и Риго-Орловской для обхвата нашихъ армій —чрезвычайно затруднительно вслѣдствіе отдаленности базы и длины путей сообщенія. Укрѣпленная Либава, кромѣ близости къ непріятелю, имѣетъ еще ту выгоду, что находится на путяхъ сообщенія непріятеля, желающаго оперировать сѣвернѣе. А Ганге—не замерзающій портъ—служилъ бы промежуточнымъ пунктомъ между Либавой и Кронштадтомъ, охранялъ бы наши линіи сообщенія отъ воздѣйствія шведскаго флота и защищалъ бы шхеры отъ занятія шведскимъ флотомъ, владѣющимъ спеціально для этого приспособленными и подготовленными минными плотами, батареями и прочими вспомогательными судами (въ томъ числѣ мелко-сидящими броненосцами, около 15 футовъ). Кстати, долженъ сказать, что въ этомъ году видѣлъ ломку камня въ Ганге-бю (командующая высота надъ всѣмъ мысомъ); можетъ-быть, это—случайно, но нашему военному министерству не мѣшаетъ на это обратить вниманіе, потому что съ уничтоженіемъ этой высоты становится очень трудно и дорого укрѣпить Ганге. Безъ Либавы и Ганге, какъ крѣпостей, Кронштадтъ и Петербургъ находятся въ опасномъ положеніи, особенно благодаря устройству теперь новыхъ укрѣпленій. Объ этомъ здѣсь я распространяться не могу, но въ случаѣ надобности могъ бы легко доказать это спеціалистамъ. Проектъ укрѣпленія Ревеля*) не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, такъ какъ оставляетъ шхеры открытыми. Гельсингфорсъ, какъ крѣпость, устарѣлъ, и рейды его замерзаютъ. Всѣ эти стратегическія разсужденія легко разъясняются при взглядѣ на карту.

Итакъ, предположивъ, что мы укрѣпили Либаву, Ганге и построили вышеозначенныя суда,—посмотримъ, можетъ ли непріятель произвести операціи для захвата Петербурга. Нѣтъ,—потому что, прорвавшись въ Финскій заливъ, непріятель имѣлъ бы сзади себя весь нашъ минный флотъ и, въ теченіе осады кронштадтскихъ укрѣпленій подвергался бы атакамъ и лишенъ былъ бы подвоза матеріаловъ и боевыхъ припасовъ. Для каждаго военнаго это очевидно, а для лицъ,

*) Ревельскій рейдъ и гавани тоже замерзаютъ.

не занимавшихся раньше военнымъ дѣломъ, нетрудно будетъ понять, измѣривъ разстоянія между различными береговыми пунктами и продѣлавъ приближенные маневры.

Во-вторыхъ, можетъ ли непріятель произвести высадку войскъ на балтійскомъ побережьѣ для облегченія развертыванія своихъ армій въ обхватъ Привислинскаго края? Ясно тоже, что все побережье находится подъ ударами миннаго флота, находящагося въ Либавѣ и Ганге. Случайная, внезапная высадка, конечно, возможна, но, затѣмъ, высаженныя войска оказываются изолированными. *Ясно, что нашъ успѣхъ во всѣхъ этихъ операціяхъ при наличіи у насъ флота, сильнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ непріятельскій, былъ бы очевиденъ,* такъ что стратегическое положеніе въ Балтійскомъ морѣ я считаю достаточно освѣщеннымъ въ этой небольшой статьѣ. Мнѣ останется только доказать, что и *съ однимъ только минннымъ флотомъ успѣхъ нашъ обезпеченъ.* Это я покажу ниже въ тактическомъ разборѣ.

Пока перейдемъ къ стратегическому положенію въ Черномъ морѣ; тамъ военныя дѣйствія будутъ развертываться на Кавказѣ и на юго-западѣ. Роль нашего флота сведется къ блокадѣ Босфора и, впослѣдствіи, при успѣшныхъ сухопутныхъ военныхъ операціяхъ, къ содѣйствію взятія Константинополя и захвату Босфора и Дарданеллъ. Для блокады Босфора я считалъ бы достаточнымъ имѣть двадцать эскадренныхъ миноносцевъ типа «Swift», двадцать подводныхъ лодокъ и два минныхъ заградителя; всего на сумму около 65 милліоновъ рублей. Въ Черномъ морѣ необходима только одна база—Севастополь или Николаевъ (подходы къ Николаеву могутъ быть легко заминированы—въ виду географіи моря). Но для захвата Константинополя полезна помощь броненосцевъ; подъ защитой блокирующихъ судовъ и миннаго загражденія, поставленнаго у Босфора, броненосцы, не боясь непріятельскихъ подводныхъ лодокъ, могли бы бомбардировкой укрѣпленій помочь атакѣ сухопутныхъ войскъ. Вполнѣ достаточно для этой цѣли было бы воспользоваться уже имѣющимися тамъ броненосцами, только защитивъ ихъ дополнительно отъ навѣсныхъ выстрѣловъ, а если можно, то перевести туда и броненосцы Балтійскаго моря *).

*) Долженъ оговориться, что тактическимъ разборомъ возможныхъ военныхъ дѣйствій въ Черномъ морѣ я не занимался и въ черноморскомъ флотѣ не служилъ. Поэтому обязанъ высказать, что подступы къ Константинополю могутъ и не потребовать помощи броненосцевъ для ихъ захвата, а просто перевозки тяжелыхъ орудій изъ Севастополя для установки на берегу.

Такимъ образомъ, вся морская подготовка къ войнѣ съ тройственнымъ союзомъ стоила бы намъ единовременно около 325 милліоновъ, но уже безъ дальнѣйшихъ крупныхъ расходовъ. Правда, что постройку судовъ и крѣпостей надо бы было вести съ необычайной энергіей, что вполнѣ возможно, если дѣло дается въ руки честныхъ, умныхъ и преданныхъ своему дѣлу людей. Положительныхъ примѣровъ у насъ хотя немного, но тѣ, которые есть, ярко характеризуютъ блестящія способности славянскаго племени. Всякій изъ насъ, кто имѣлъ дѣло съ командой, могъ убѣдиться, какой богатый матеріалъ представляютъ наши нижніе чины при разумномъ съ ними обращеніи. Но также—какъ быстро можно ихъ развратить до крайнихъ предѣловъ!

Объ одномъ только надо предупредить: не слѣдуетъ увлекаться отечественнымъ производствомъ оружія. Покровительство ему, конечно, необходимо; но главнымъ должна быть быстрота изготовленія. Тѣмъ болѣе, что отечественное производство во многихъ случаяхъ оказывается весьма сомнительнаго русскаго происхожденія. Подводное плаваніе, напримѣръ, находится въ зависимости отъ слѣдующихъ фирмъ: моторы—Нобель, аккумуляторы—Тюдоръ или Дюфлонъ, электрическая часть—Сименсъ и Гальске, Шуккертъ, Тильмансъ, Вольта; арматура—Лангензипенъ, Ауфъ, Бауэръ, Фениксъ, Розенкранцъ и т. п., мины—Лесснеръ, перископы—Шпанъ, и все въ этомъ родѣ. Повѣрьте, что разницы большой не будетъ, если мы всю лодку закажемъ прямо въ Англіи или въ Германіи; надо только, чтобы контрактъ не былъ первоапрѣльскій. Самое трудное, это—наборъ личнаго состава; для миноносцевъ онъ уже подготовленъ начальникомъ дѣйствующаго флота въ Балтійскомъ морѣ вице-адмираломъ фонъ-Эссеномъ (жаль только, что они мало стрѣляютъ минами); а для подводнаго плаванія, если даже не уничтожать учебный отрядъ подводнаго плаванія, то невозможно такъ скоро приготовить, особенно при существующемъ отношеніи къ подводному плаванію главнаго морского штаба и другихъ центральныхъ учрежденій морскаго министерства. Пришлось бы, пожалуй, пригласить на гастроли англійскихъ офицеровъ, какъ-то было сто-двѣсти лѣтъ тому назадъ. Въ этомъ отношеніи морское министерство не проявляло серьезныхъ заботъ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія, а за это время можно было бы завести опытный личный составъ. Во всякомъ случаѣ, корабли сразу всѣ не будутъ выстроены; дай Богъ, чтобы хоть по двадцать лодокъ въ годъ; для первой серіи можно будетъ использовать личный составъ существующихъ устарѣвшихъ подводныхъ лодокъ.

Стратегическій обзоръ Балтійскаго и Чернаго морей закончу еще разъ напоминаніемъ, что главная роль въ войнѣ съ нашими западными сосѣдями принадлежитъ арміи; всѣ средства прежде всего должны быть отпущены на содержаніе, подготовку и снабженіе арміи. Роль флота является вспомогательной, почему и возможно ограничиться здѣсь только укрѣпленіемъ трехъ пунктовъ и созданіемъ небольшого сравнительно количества минныхъ судовъ. Принципомъ при опредѣленіи количества эскадренныхъ миноносцевъ я ставилъ необходимость имѣть быстроходный надводный минный флотъ сильнѣе непріятельскаго.

Теперь остается перейти къ стратегическому разбору нашего положенія на Дальнемъ Востокѣ. Я полагаю, что одновременно бороться на Западѣ и на Востокѣ мы не можемъ. Надо, слѣдовательно, предположить, въ случаѣ войны съ Китаемъ и Японіей, что съ западнаго фронта намъ можно будетъ отозвать войска. Не смѣю утверждать, но мнѣ кажется, что армія, подготовленная для войны съ тройственнымъ союзомъ, справится и съ восточнымъ непріятелемъ. Поэтому, съ Китаемъ войны я разбирать не буду, а только съ Японіей. Въ послѣднемъ случаѣ, рѣшающая роль принадлежитъ флоту. Японія—островная держава; во время военныхъ дѣйствій на материкѣ, ея флотъ будетъ содѣйствовать подвозу войскъ и боевыхъ запасовъ; въ случаѣ пораженія японскихъ армій онъ будетъ защищать свое отечество отъ нашего десанта. Чтобы прервать японскимъ арміямъ сообщеніе съ метрополіей и затѣмъ перенести военныя дѣйствія въ Японію, надо, чтобы нашъ флотъ былъ сильнѣе японскаго. Современное положеніе наше на Дальнемъ Востокѣ таково, что мы являемся условно данниками Японіи. Отдохнувъ послѣ войны и собравшись съ силами и съ деньгами, Японія держитъ въ рукахъ судьбу Востока. Наши окраины даны въ пользованіе японской промышленности, потому что этимъ мы обезпечиваемъ хорошія отношенія съ Японіей, съ которой борьба намъ теперь не подъ силу. Но будетъ ли то же, если въ Балтійскомъ морѣ будетъ уже построенъ минный флотъ, подобно выше указанному? Правда, мы не можемъ воспользоваться первымъ военнымъ принципомъ—внезапностью, но, все равно, большое разстояніе отъ Владивостока до японскихъ береговъ, свыше 600 миль, безъ промежуточныхъ опорныхъ пунктовъ, дѣлаетъ внезапный набѣгъ на Японію сомнительнымъ. Я считалъ бы вполнѣ допустимымъ только укрѣпить Владивостокъ и сдѣлать тамъ хорошую базу для миннаго флота. Съ большимъ гарнизономъ онъ продержался бы полгода до прихода туда

миннаго и подводнаго флота изъ Балтики, а тогда шансы войны сразу бы измѣнились. Сильный минный флотъ сразу прервалъ бы пути сообщенія Японіи съ материкомъ и способствовалъ бы перевозкѣ десантныхъ армій въ Японію. Впрочемъ, однѣ только крейсерскія операціи миннаго флота у береговъ Японіи, направленныя противъ ея морской торговли, заставили бы Японію прекратить войну. Я указываю на возможность ограничиться Балтійскимъ флотомъ только въ видахъ экономіи и невозможности сразу построить семьдесятъ минныхъ крейсеровъ и семьдесятъ лодокъ, даже только для Балтійскаго и Чернаго морей. Между тѣмъ нельзя разбрасываться, и стратегическую программу необходимо выполнять точно, и въ минимальный срокъ. Но современемъ, когда Балтійскій и Черноморскій флоты будутъ готовы, то свободные кредиты полезно обратить на созданіе во Владивостокѣ самостоятельнаго миннаго флота, имѣя въ виду возможность борьбы съ Японіей, съ которой, между прочимъ, намъ на много лѣтъ не о чемъ спорить. Японія обезпечила себѣ свой ростъ пріобрѣтеніемъ Кореи, а намъ Сибири за глаза хватитъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Выгоды предлагаемаго мною плана созданія нашей морской силы несомнѣнны; сберегается до милліарда денегъ. Надо только показать, что минный флотъ дѣйствительно имѣетъ силу.

Поэтому, перейду къ тактическому разбору всѣхъ возможныхъ дѣйствій миннаго флота во время вышеуказанныхъ стратегическихъ операцій. Представляются слѣдующіе случаи: 1) блокада непріятельскаго укрѣпленнаго порта съ находящейся тамъ эскадрой; 2) бой въ открытомъ морѣ; 3) защита своихъ портовъ; 4) атака десантныхъ судовъ, находящихся подъ защитой флота, и 5) крейсерскія операціи.

1) [1]) Дана задача (директива) начальнику 1-й минной бригады «организовать блокаду Данцига и Фришгафа, предполагая тамъ десять крейсеровъ типа «Ariadne», 24 эскадренныхъ миноносца и 4 подводныхъ лодки. Объявленіе войны считается 4 марта, въ полночь. Въ случаѣ подхода непріятельскихъ силъ съ запада—дѣйствовать по усмотрѣнію».

Въ распоряженіи начальника бригады 12 минныхъ крейсеровъ, 12 лодокъ, одинъ минный заградитель. Данныя судовъ: минный крейсеръ, углубленіе (возможно меньшее) 9 фут., 32 узла, 4—125

---

[1]) Беру вымышленныя названія и несуществующее расположеніе непріятельскихъ судовъ только для примѣра.

m/m. орудія, 2 минныхъ аппарата, легкая броневая защита жизненныхъ частей отъ 6″ снарядовъ, радіусъ дѣйствія 3.000 миль, подводная лодка [1])—16 узл. надъ водой, 12 подъ водой, радіусъ дѣйствій надъ водой—3.000 миль, подъ водой—полнымъ ходомъ—$2^1/_2$ ч., экономическимъ—100 миль; семь минныхъ аппаратовъ: погруженіе—3 минуты; минный заградитель—27 узловъ; радіусъ дѣйствій—1.500 миль; 6—6″ орудій; броневая защита отъ 6″ снарядовъ; запасъ минъ загражденія—5.00 штукъ (онъ же транспортъ—мастерская для лодокъ).

Отъ Либавы до Данцига—150 миль, 10 часовъ хода. Бригада выходитъ изъ Либавы въ 1 ч. дня 3-го марта, проходитъ внѣ вида Мемеля, и около 11 ч. ночи подходитъ къ Данцигу и Пиллау; минные крейсера у Пиллау ставятъ мины загражденія своего запаса, оставляя промежутки для прохода подводныхъ лодокъ; у Данцига ставитъ минный заградитель мины съ такими же промежутками; баръ рѣки долженъ быть тщательно заминированъ. Затѣмъ четыре миноносца и четыре лодки остаются у Пиллау, а восемь отправляются къ устью Вислы. Минный заградитель къ утру уже можетъ быть обратно въ Либавѣ. Лодки съ разсвѣтомъ занимаютъ позицію внутри миннаго загражденія, проходя туда по створамъ береговыхъ предметовъ подъ водой и становятся на подводные якоря. Утромъ разыгрывается попытка непріятеля выйти, протралить минное загражденіе. Наши минные крейсера обстрѣливаютъ тралящій караванъ, а, при желаніи непріятеля отразить ихъ болѣе сильнымъ огнемъ большихъ крейсеровъ, эти послѣдніе являются добычей лодокъ. Попытки траленія по необходимости должны быть производимы по ночамъ, и, вѣроятно, онѣ въ концѣ-концовъ увѣнчаются успѣхомъ, если непріятелю удастся провести черезъ минное загражденіе свои подводныя лодки, которыя могутъ отбросить наши минные крейсера. Во избѣжаніе прохожденія ночью мелкими судами и тралящимъ караваномъ по минному загражденію надо ставить особыя мины малаго образца,—надводныя, которыхъ типъ не выработанъ.

Описанный способъ дѣйствій обезпечиваетъ намъ важный первый успѣхъ, подобно тому, какъ японцы обезпечили себѣ первый успѣхъ ночной атакой нашей портъ-артурской эскадры. На первый взглядъ, казалось бы, легко осуществить такой планъ нападенія. Но я лично здѣсь разсуждалъ умозрительно. Подобныя комбинаціи могутъ измѣниться подъ вліяніемъ множества непредвидѣнныхъ факторовъ. Практически мнѣ представляется задача нападенія на непріятель-

[1]) Такія лодки, напр., типа Д, существуютъ въ Англіи, только съ тремя минными аппаратами, такъ какъ англичане аппаратовъ Джевецкаго не ставятъ.

скія берега болѣе сложной, трудной и требующей геніальнаго замысла. Мнѣ представляется походъ на Данцигъ нѣсколько иначе. При одновременномъ нападеніи на Киль, Штеттинъ, Данцигъ, Мемель, Карлскрону, непріятель можетъ быть заранѣе освѣдомленъ о выходѣ нашихъ судовъ, особенно если выходъ ихъ будетъ произведенъ одновременно. Слѣдовательно, разсуждая, какъ начальникъ бригады, я могу ожидать встрѣтить въ морѣ даже далеко отъ берега германскія развѣдочныя суда или развѣдочные аэропланы и, затѣмъ, могу быть внезапно атакованъ ихъ подводными лодками, расположившимися на моемъ курсѣ. При этомъ я могу потерять нѣсколько минныхъ крейсеровъ и лодокъ, которыя обыкновенно на походѣ идутъ въ надводномъ положеніи. Необходимо поэтому изыскать средства замѣтить лодки во-время, когда тѣ еще надъ водой. Здѣсь выступаетъ новое развѣдочное средство: аэропланы, которые при своей быстротѣ (до 60—70 верстъ въ часъ—около 50 узловъ) могли бы въ три часа пролетѣть до Данцига и сообщить, все ли безопасно. Если непріятельскія лодки будутъ замѣчены на позиціи въ надводномъ положеніи, то нашимъ лодкамъ прійдется итти однѣмъ безъ минныхъ крейсеровъ, чтобы не возбудить подозрѣній и подъ водой. Какъ видно, современныя военныя дѣйствія безъ развѣдочныхъ средствъ становятся чрезвычайно трудными.

Затѣмъ, подойдя къ непріятельскому берегу, отрядъ можетъ уже самъ попасть на поставленное заранѣе непріятелемъ минное загражденіе. Въ особенности будетъ худо, если ихъ мины будутъ взорваны [1]) по желанію, когда нашъ отрядъ уже весь войдетъ въ минное поле. Слѣдовательно, надо имѣть приспособленія для опредѣленія присутствія минъ загражденія. Такія приспособленія у насъ не вырабатываются. Въ нихъ увидятъ надобность только во время войны послѣ потери нѣсколькихъ судовъ [2]).

Передъ миннымъ загражденіемъ могутъ встрѣтиться подводныя лодки; словомъ, трудность обстановки несомнѣнна. Но это еще не значитъ, что нападеніе невозможно, и я не сомнѣваюсь, что у насъ

---

1) Эти мины съ замыканіемъ тока еще не взрываются, а становятся только опасными на случай удара.

2) Такое приспособленіе мною придумано; но, вслѣдствіе крайней простоты устройства, я о немъ и не заикался никому. Стоитъ дать малѣйшій намекъ, и это устройство будетъ всѣмъ извѣстно, будетъ всячески критиковаться, и въ результатѣ во время войны оно будетъ поставлено на непріятельскихъ судахъ, а у насъ его не будетъ.

есть офицеры, которые въ состояніи выполнить подобную задачу. Правда, здѣсь нужны особыя дарованія, стальные нервы, смѣлость, зоркость, рѣшимость, тренировка, знаніе дѣла, осторожность, самостоятельность, умѣніе стрѣлять минами, а всѣ эти качества, за исключеніемъ осторожности, сильно не въ фаворѣ въ нашемъ морскомъ министерствѣ. Военныя дѣйствія съ подводными лодками подобны охотѣ на тигра; охотникъ долженъ обладать тѣми же качествами, и если онъ при этомъ съ пятидесяти шаговъ не попадаетъ пулей въ бутылку, то ему нечего и ходить на тигра.

Даже послѣ такого краткаго разбора дѣйствій, я думаю, становится очевиднымъ, до какой степени обстановка дѣлается проще, когда намъ извѣстно, что у непріятеля нѣтъ подводныхъ лодокъ, если мы въ морѣ встрѣчаемъ, напр., броненосную эскадру въ сопровожденіи миноносцевъ, крейсеровъ. Опасности уже нѣтъ никакой, нѣтъ невидимаго и, поэтому, страшнаго врага. Все сводится къ тому, чтобы раньше времени не замѣтили и не ушли. Потомъ, когда лодки дорвались до броненосцевъ, то эскадрѣ уже не такъ легко уйти; надо подымать сигналы, перестраиваться, выбирать направленіе; вѣрнѣе всего, что получится стадо, которое будетъ улепетывать, куда кто сможетъ послѣ гибели двухъ-трехъ броненосцевъ. Пусть это будетъ съ иностранцами, у которыхъ такъ много броненосцевъ, но дабудетъ избавленъ отъ подобныхъ испытаній нашъ флотъ, которому все время усердно броненосцы навязываются.

Что лодка можетъ свободно появиться среди эскадры, не будучи замѣчена охранными судами, показываетъ множество примѣровъ изъ практики нашего и иностранныхъ флотовъ. Во время послѣднихъ французскихъ маневровъ Средиземнаго флота, эскадра изъ 6 броненосцевъ, имѣя по бокамъ завѣсы изъ контръ-миноносцевъ, 17-тиузловымъ ходомъ форсировала проливъ Бонифачіо. Впереди зигзагами шло еще нѣсколько миноносцевъ. Проливъ защищался двумя 400-тонными лодками. Для подводныхъ лодокъ условія были хуже боевыхъ, потому что въ бою вы жертвуете жизнью ради военнаго успѣха, а въ данномъ случаѣ доблестные французскіе моряки рисковали жизнью и судами, чтобы только *доказать* мощь оружія, служить которому они себя посвятили. Результатъ настолько интересенъ, что стоитъ привести цѣликомъ выдержку изъ статьи*) Брута.

«Представляется даже страннымъ, какъ могла быть поста-

*) «Новое Время» 30 іюля 1910 г.

влена такая задача въ мирное время, и, повидимому, здѣсь весь расчетъ сводился просто къ тому, чтобы ни одна лодка даже и подумать не осмѣлилась вынырнуть на поверхность моря вблизи мчащейся эскадры и тѣмъ самымъ доказала свою полную непригодность. Это былъ вызовъ, брошенный подводникамъ ихъ противниками, партизанами броненоснаго флота, разсчитанный на отсутствіе такого смѣльчака, который бы его принялъ. Но этотъ расчетъ оказался невѣрнымъ. Проливъ Бонифачіо оберегался двумя submersibles, обѣ онѣ бросились въ атаку, и одна изъ нихъ, «Papin», *вынырнула на поверхность между линіями миноносцевъ и броненосцевъ, вблизи предпослѣдняго изъ броненосцевъ — „La Vérité“, имѣя минный аппаратъ, направленный прямо на него.* Этотъ броненосецъ признанъ взорваннымъ, но весьма вѣроятно, что въ дѣйствительномъ бою лодка успѣла бы разрядить и второй свой минный аппаратъ по концевому броненосцу «Justice», шедшему слѣдомъ за «La Vérité».»

«Волосы стали у меня дыбомъ на головѣ при видѣ вынырнувшей лодки, — разсказываетъ адмиралъ, принципіальный до этого противникъ подводнаго флота, — ничего подобнаго я себѣ не могъ даже вообразить, и теперь вполнѣ понимаю, что броненосцы уже не единственные господа моря».

«Два государства поняли съ самаго перваго момента появленія подводныхъ лодокъ ихъ громадное значеніе, и только они одни обладаютъ теперь громадными и вполнѣ организованными подводными флотами, это — Франція и Англія».

«Всѣ остальные крупные флоты далеко уступаютъ имъ въ развитіи этой новой силы, а мы и въ этомъ отношеніи стоимъ сзади всѣхъ. Промечтавъ пять лѣтъ послѣ войны о созданіи наичудовищнѣйшихъ броненосцевъ для какихъ-то активныхъ предпріятій по части «владѣнія морями» (на меньшее ни одинъ изъ нашихъ стратеговъ ни за что несогласенъ — такъ и въ академіи всѣхъ обучаютъ), — мы до сихъ поръ не создали ни наступательной, ни оборонительной силы, и нигдѣ не сознаешь съ такою силою ужаса этого положенія, какъ за границею, среди торжествующихъ чужихъ».

Грустно, очень грустно читать эти строки. Однако, не считайте ихъ за упрекъ нашимъ подводникамъ. Наша молодежь работаетъ не хуже своихъ товарищей-французовъ. И у насъ на маневрахъ подводныя лодки творили чудеса, но только это замалчивалось или искажалось. Но надо признаться, что условія работы ужасны; плавать приходится на подводныхъ лодкахъ, которыя только изъ снисхожденія можно на-

звать подводными лодками. Вотъ уже четыре года, какъ совсѣмъ прекратили ихъ постройку. Офицерство почти сплошь покидаетъ подводное плаваніе. Нужны быстрыя, рѣшительныя мѣры и твердая поддержка общества. Можетъ-быть, съ передачей подводнаго плаванія въ военное министерство и съ назначеніемъ въ главѣ его честнаго и умнаго генерала можно еще спасти это важное дѣло отъ полнаго разложенія.

Перейду теперь къ тактическимъ дѣйствіямъ отдѣльной лодки.

Современные перископы снабжаются подзорными трубами; слѣдовательно, лодка слѣдитъ за появленіемъ на горизонтѣ дыма, рангоута и уже готовится къ атакѣ, выясняя курсъ и скорость показавшагося корабля или эскадры, къ чему есть разные спеціальные пріемы. Она въ это время такъ мало возвышается надъ водой и такъ выкрашена подъ цвѣтъ воды, что замѣчаютъ ее въ надводномъ положеніи съ разстоянія лишь пяти-четырехъ миль, и то въ исключительныхъ, благопріятныхъ условіяхъ освѣщенія и погоды. При небольшомъ волненіи и пасмурной погодѣ это разстояніе сокращается до двухъ миль. Лодку же, идущую подъ перископомъ, невозможно увидать невооруженнымъ глазомъ дальше пяти кабельтововъ (500 шестифутовыхъ саженъ). Глазъ человѣческій рѣдко видитъ точки, удаленныя другъ отъ друга на уголъ въ 30″; обыкновенно этотъ уголъ колеблется между $^1/_2{}'$ и 1′; если уголъ меньше, то точки уже сливаются въ одну. Перископы обыкновенно бываютъ 5-дюймоваго діаметра; слѣдовательно, считая даже уголъ зрѣнія человѣческаго глаза въ 30″ (въ переводѣ на линейную мѣру—$^1/_{7200}$), то 5-дюймовая трубка теряется на разстояніи 5 каб., если она окрашена подъ цвѣтъ окружающаго пространства. Продѣлайте сами этотъ опытъ. Въ бинокль увидѣть перископъ можно дальше, но это уже маловѣроятно, такъ какъ биноклей мало, и поле зрѣнія ихъ ничтожно. Если удалось замѣтить лодку даже въ пяти каб., то пока доложатъ, передадутъ комендорамъ, откроютъ огонь, — проходитъ минимумъ минута, за которую лодка подходитъ уже на три кабельтова при 12-узловой скорости. Съ трехъ кабельтововъ слѣдуетъ считать обезпеченнымъ попаданіе миной даже въ корабль, движущійся съ 15-узловой скоростью, а это—нормальная скорость кораблей, идущихъ эскадреннымъ строемъ. Французскія лодки непрерывно практикуются въ стрѣльбѣ минами со сминающимися (учебными) зарядными отдѣленіями по движущимся судамъ *). На призовой стрѣльбѣ броненосецъ идетъ со скоростью около 12 узловъ, мѣняя все время

*) „Le Moniteur de la flotte“ — 1909.

курсъ и удерживая разстояніе отъ лодокъ отъ 5 до 10 каб., такъ что лодкамъ представляется уже трудная задача. Однако въ 1909 году двѣ флотиліи выбили сто процентовъ попаданій, а общій былъ 75%.

Практика въ стрѣльбѣ пріучаетъ глазъ и помогаетъ овладѣть практически прекрасными вспомогательными таблицами стрѣльбы, составленными нашими офицерами. Къ сожалѣнію, стрѣльбы минами въ дѣйствующихъ флотахъ у насъ поставлены недостаточно серьезно. Почему-то экономятъ въ сминающихся зарядныхъ отдѣленіяхъ, а также возлагаютъ судебную отвѣтственность за утопленіе мины, а мины какъ-разъ обладаютъ малой плавучестью и требуютъ особенно тщательнаго ухода и вывѣрки, что на большихъ лодкахъ при большомъ числѣ минъ съ ограниченнымъ комплектомъ минныхъ машинистовъ чрезвычайно трудно. Устройство спеціальныхъ пристрѣлочныхъ минныхъ станцій при минныхъ отрядахъ не считается нужнымъ у насъ, потому что это — чисто боевое требованіе, и его у насъ просто не понимаютъ въ береговыхъ учрежденіяхъ. Такъ же точно намъ пора уже всюду ввести новыя мины съ подогрѣваніемъ воздуха *).

Въ бытность мою командиромъ подводной лодки «Сигъ» мнѣ пришлось пройти курсъ стрѣльбы минами осенью 1907 года, и я вынесъ впечатлѣніе, что съ разстоянія двухъ кабельтововъ можно попасть миной навѣрнѣка въ корабль, идущій 12 узловъ. Стрѣльба съ 5 кабельтововъ и дальше требуетъ уже очень методичнаго обученія и большой практики (конечно, при стрѣльбѣ старыми минами).

Мнѣ пришлось сдѣлать около двадцати примѣрныхъ атакъ на разныя суда при разныхъ условіяхъ погоды, и никогда не случалось, чтобы меня замѣчали на разстояніи большемъ одного—двухъ кабельтововъ. Въ зависимости отъ погоды приходилось перископъ или держать совсѣмъ подъ водой, поднимая изрѣдка лодку, чтобы осмотрѣться, или держать его у подошвы волны, слѣдя только за дымомъ или за

*) Обязанъ оговорить, что современная тактика стрѣльбы минами у насъ прекрасно разработана капитаномъ 1 ранга П. П. Муравьевымъ, нынѣ начальникомъ учебно-миннаго отряда, гдѣ стрѣльба минами поставлена очень широко. Странное явленіе: отъ учебныхъ отрядовъ, гдѣ собственно некогда заниматься систематической практикой въ стрѣльбѣ, гдѣ съ трудомъ справляются съ технической подготовкой офицеровъ и нижнихъ чиновъ, требуютъ именно практики въ стрѣльбѣ; а на боевыхъ отрядахъ, въ дѣйствующемъ флотѣ, которымъ на войнѣ прійдется стрѣлять, тамъ личный составъ сильно отстаетъ отъ практики, и они рады бы упражняться, но стѣснены средствами и условіями.

мачтами атакуемаго корабля въ промежуткахъ между волнами. На современныхъ лодкахъ атака производится много удобнѣе: перископы ставятся подъемные, такъ что не надо управлять лодкой, а достаточно ее держать на одномъ уровнѣ, и только для оріентировки выдвигать на нѣсколько секундъ перископъ. *Всѣ эти данныя показываютъ, что на подводной лодкѣ командиръ можетъ опасаться только того, что непріятель вдругъ повернетъ и станетъ уходить,—тогда догнать его невозможно.*

Есть, впрочемъ, единственное средство открыть лодки: имѣть при эскадрѣ аэропланы, которые бы непрерывно летали и наблюдали за поверхностью моря; на небольшой глубинѣ при солнечномъ освѣщеніи можно замѣтить силуэтъ лодки. Оповѣщенная во-время эскадра можетъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Но уже при малѣйшей ряби море становится непроницаемымъ; другими словами, лодки и въ данномъ случаѣ будутъ надежно скрыты.

Противъ лодокъ средства пока нѣтъ; англичане и французы пробовали взрывать метательныя и обыкновенныя мины въ непосредственной близости лодки, но это средство годится только, если мина взорвалась совсѣмъ близко отъ лодки, футахъ въ 10—15 *); дальше она уже не дѣйствуетъ: сила взрыва обратно пропорціональна кубу разстоянія. Затѣмъ, надо лодку еще своевременно увидѣть, въ противномъ случаѣ миноносецъ самъ пострадаетъ отъ выпущенной въ него съ лодки мины. Наконецъ, подводныя лодки ходятъ въ сопровожденіи минныхъ крейсеровъ, которые будутъ отгонять миноносцы и аэропланы; большихъ судовъ этимъ крейсерамъ бояться нечего, потому что большія суда, преслѣдуя ихъ, рискуютъ попасть подъ мины съ лодокъ, а на рискъ потерять нѣсколько милліоновъ рублей сразу съ придачей нѣсколькихъ сотъ людей мало кто пойдетъ въ дѣйствительно боевой обстановкѣ. Стрѣльба снарядами опасна для лодокъ только съ очень большихъ дистанцій, когда траекторія снаряда составляетъ большой уголъ съ поверхностью моря. Подводная лодка тогда не видна. На близкихъ же разстояніяхъ всѣ снаряды рикошетируютъ; остается лишь слабый шансъ попасть въ перископъ, но на большихъ лодкахъ перископовъ бываетъ два или три.

Оказывается, подводныя лодки должны бояться только непріятельскихъ

*) По мнѣнію кап. 2 ранга Sueter'a, мина опасна, если она взрывается непосредственно у борта лодки. „The Evolution of the Submarine Boat", стр. 347. Взрывъ въ разстояніи 25 саж. настоящаго заряднаго отдѣленія (6 пудовъ пироксилина) не отражается также на снаряженной минѣ, находящейся въ минномъ аппаратѣ лодки.

подводныхъ лодокъ и минныхъ заграждений, отъ которыхъ не гарантированъ ни одинъ корабль.

Я взялъ сперва такой сложный случай блокады непріятельскаго порта, потому что въ немъ пришлось освѣтить много новыхъ точекъ зрѣній, а также потому, что вмѣстѣ съ нимъ попутно разсмотрѣлись второй и третій пункты, на которыхъ я, поэтому, и не буду останавливаться, а перейду прямо къ четвертому.

Защита своихъ портовъ самая благодарная и удобная задача для миннаго флота. Тутъ онъ находится подъ защитой береговыхъ орудій, недоступныхъ для непріятельскихъ подводныхъ лодокъ, и можетъ производить атаки на непріятельскія суда, проходить минныя заграждения, пользоваться для развѣдокъ своими воздушными кораблями, — въ самыхъ благопріятныхъ и безопасныхъ условіяхъ.

Наконецъ, надо сказать нѣсколько словъ о крейсерскихъ операціяхъ. Подводная лодка—самое подходящее оружіе для прекращенія морской торговли. Стоитъ только непріятельскимъ подводнымъ лодкамъ появиться, напр., въ устьяхъ Темзы, чтобы изъ Лондона не осмѣлился выйти ни одинъ купеческій пароходъ. Разбрасывать весь военный флотъ для защиты всѣхъ важныхъ торговыхъ портовъ немыслимо,— и разореніе страны обезпечено.

Не знаю, насколько я успѣлъ убѣдить читателя въ могуществѣ подводныхъ лодокъ. Мнѣ, какъ спеціалисту дѣла, это кажется несомнѣннымъ. Но дѣйствовать внушеніемъ я бы не хотѣлъ. И потому могу рекомендовать довольно интересный способъ провѣрить разныя тактическія положенія путемъ военно-морской игры.

Возьмите нѣкоторое число судовъ, опредѣлите ихъ данныя, задайтесь a priori нѣкоторымъ процентомъ попаданій изъ орудій и минныхъ аппаратовъ для разныхъ дистанцій, нѣкоторыми шансами усмотрѣть корабль или подводную лодку или перископъ. Придайте этому наиболѣе вѣроятный характеръ; шансы учитывайте выбрасываніемъ костей; движеніе кораблей наносите на бумагѣ въ извѣстномъ масштабѣ; движеніе подводныхъ лодокъ можно наносить на кальку, накладываемую при обнаруженіи ихъ на общую карту. Эта интересная для молодежи игра дастъ массу цѣнныхъ взглядовъ на защиту страны посредствомъ военно-морской силы. Въ военно-морскихъ учебныхъ заведеніяхъ иностранныхъ государствъ эта игра поставлена очень серьезно и носитъ научный характеръ. Къ сожалѣнію, у насъ этимъ не занимаются ни въ морскомъ корпусѣ, ни въ академіи, ни въ морскомъ генеральномъ штабѣ, и поэтому во флотѣ до сихъ поръ нѣтъ выработанныхъ

общихъ взглядовъ на возсозданіе нашего морского могущества въ правильномъ направленіи. При серьезной постановкѣ военно-морская тактическая игра является очень сложной, кропотливой работой, требующей громадныхъ практическихъ знаній во всѣхъ отрасляхъ военно-морского дѣла. Но, повторяю, нѣкоторые общіе правильные взгляды можно вынести и изъ любительскихъ занятій этой игрой.

Въ заключеніе своей статьи хочу сказать еще нѣсколько словъ о возможной въ будущемъ эволюціи подводныхъ лодокъ. Современная лодка страдаетъ сравнительной тихоходностью и громоздкостью, т. е. все внутри занято разнообразными механизмами; двойные двигатели отнимаютъ много мѣста и тѣмъ лишаютъ возможности увеличить ходъ, не увеличивая размѣровъ лодки. Увеличеніе размѣровъ вызываетъ увеличеніе силы двигателей, и такъ въ круговую. Многіе изобрѣтатели задумывались надъ примѣненіемъ теплового двигателя для надводнаго и подводнаго хода (бензиномоторъ на подводной лодкѣ «Почтовый» Джевецкаго); но необходимость большаго запаса сжатаго воздуха при подводномъ ходѣ сильно затрудняетъ практическое рѣшеніе этого вопроса. Приходится ждать, пока инженеры не изобрѣтутъ теплового двигателя, работающаго взрывами пороха или другихъ ему подобныхъ веществъ. Этотъ двигатель пригоденъ для подводнаго хода тоже, потому что въ самомъ порохѣ заключены всѣ элементы, необходимые для взрыва. Имѣя только одинъ двигатель, лодка сразу пріобрѣтаетъ массу преимуществъ: радіусъ дѣйствія подъ водой увеличивается почти до величины надводнаго радіуса дѣйствій; поэтому лодка въ военное время можетъ все время ходить подъ перископомъ, чѣмъ уменьшается ея видимость и шансъ быть внезапно атакованной непріятельской подводной лодкой; скорость хода подъ водой также приближается къ надводной (разница составляетъ отъ $10^0/_0$ до $20^0/_0$, смотря по величинѣ надстроекъ и формѣ надводной части лодки); лодка облегчается на $^1/_6$—$^1/_7$ своего вѣса благодаря исключенію батареи аккумуляторовъ; этимъ выгадывается помѣщеніе для команды, запасовъ, минъ и пр.; наконецъ, увеличивается еще скорость погруженія, такъ какъ не надо переходить съ одного двигателя на другой.

Затѣмъ, современныя лодки страдаютъ своей беззащитностью, когда онѣ надъ водой; единственное ихъ оружіе—пулеметы—годятся только для защиты отъ современныхъ легкихъ аэроплановъ и отъ шлюпокъ. Верхняя часть ихъ корпуса нуждается въ легкой броневой защитѣ, которую, можетъ-быть, и удастся ввести за счетъ вѣса батареи аккумуляторовъ при переходѣ къ пороховымъ двигателямъ.

Въ еще болѣе отдаленномъ будущемъ, — лѣтъ черезъ двадцать-тридцать *), — подводныя лодки отчасти уступятъ свое первенствующее мѣсто большимъ бронированнымъ летательнымъ машинамъ съ нѣсколькими легкими, мощными и безшумными моторами, для которыхъ будетъ открытъ полный просторъ дѣйствій и на морѣ, и на сушѣ, надъ отрядами подводныхъ лодокъ, крейсирующихъ вдали отъ береговъ подъ водой, надъ эскадрами миноносцевъ и лодокъ, стоящими въ гаваняхъ, надъ батареями приморскихъ крѣпостей, надъ окопами залегшихъ армій, надъ столицами государствъ. Пока люди существуютъ, пока есть между ними умные и глупые, сильные и слабые, злые и добрые,—до тѣхъ поръ не прекратится борьба за существованіе, требующая въ острыхъ случаяхъ взаимнаго истребленія. Орудія истребленія не прекратятъ своего бытія и всегда будутъ рѣшать судьбы людей, народовъ и племенъ. «Имѣяй уши слышать»—да слышитъ и помнитъ, что «продленіе времени смерти безвозвратной подобно».

Н. Л. Кржижановскій.

*) А, можетъ быть, и много раньше.